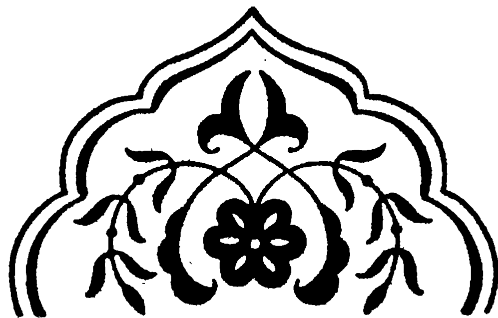
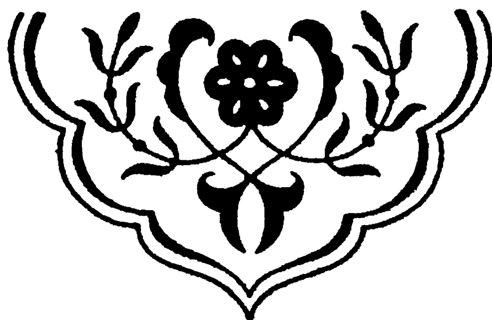


С.С. АГАШИРИНОВА

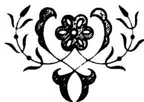
Материальная культура лезгин XIX - начало XX в.



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Дагестанский филиал
Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

С. С. АГАШИРИНОВА

Материальная культура лезгин XIX-начало XX в.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва, 1978

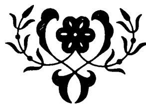
Монография посвящена формированию материальной культуры лезгин в XIX — нач. XX в., в ней показываются традиционные формы земледелия, животноводства, изготовление изделий домашнего производства (изделия из дерева, кожи, металла и т. д., изготовление ковров, сукон, узорное вязание, плетение, керамика), типы горных поселений, жилищ, их архитектурные особенности, национальная одежда (мужская, женская, детская), украшения. Издание богато иллюстрировано и красочно оформлено.

Ответственный редактор

Г. А. СЕРГЕЕВА

А $\frac{10602-317}{042(02)-78}$ БЗ—98—7—77

Введение



Глубокое и всестороннее исследование культурного наследия народов нашей многонациональной страны является актуальной задачей советской этнографической науки. К числу наиболее важных практических проблем, разрабатываемых отечественной этнографией, следует отнести изучение материальной культуры. Именно материальная культура есть одно из проявлений состояния экономики, культуры и общественного сознания народа на всех этапах его истории. Материальная культура дает ценнейшие сведения для решения многих важных вопросов, связанных с этнической историей народов. В условиях социалистической действительности открывается возможность для выработки конкретных путей дальнейшего сближения социалистических наций и народов и преодоления исторических различий в развитии их хозяйства и быта. Наконец, поскольку материальная культура любого народа имеет свои индивидуальные специфические особенности, яркие черты самобытности, обусловленные этническими и природно-географическими факторами, ее исследование помогает выявить тот вклад, который внес каждый из народов в сокровищницу общечеловеческой культуры.

Настоящая книга — первая попытка монографического исследования материальной культуры лезгин, одного из наиболее значительных в численном отношении коренных народов Дагестана.

Лезгины (самоназвание «лезги», мн. число «лезгияр») заселяют юг Дагестана и север Азербайджана. В пределах Дагестанской АССР они живут в Курахском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском, Ахтынском, частично в Рутульском и Хивском районах; в Азербайджанской ССР — на территории Кусарского, Кубинского, Худатского, Куткашенского и Кунахкентского районов. В Кусарском районе лезгинское население является преобладающим. Лезгины проживают в 56 селениях из 63, азербайджанцы в 7 (Хурал, Суваджал, Юхари-Легер, Балакусар, Асанкала, Бедиркала, Легер-Кишлак). В Кубинском районе лезгинскими селениями являются Кымыль, Куснет, Кашреш (смешанно с азербайджанцами) и

Дигах. В Худатском районе лезгины проживают в селениях Кух-оба, Календар-оба, Карат-оба, Узден-оба, Торпах-керпи, Тагир-оба, Керим-оба, Орта-оба, Хан-оба, Укур-оба, Леджет, Дустаир-оба, Зухул-оба, Селим-оба, Якуб-оба, Ясаб-оба, Мурух-оба, Бала-кусар, а также смешаны с азербайджанцами в населенных пунктах Кулар, Ширшановка, Тел и Махмудкент. Отдельные лезгинские селения имеются также в Куткашенском и Кунахкентском районах.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. определила численность лезгин в количестве 134 536 человек, из которых 40 709 проживало на территории Азербайджана [1]. Однако, поскольку, по данным этой же переписи, в Азербайджане оказалось 21 600 человек, говоривших на кюринском (лезгинском) языке [2], можно предполагать, что последняя цифра более точно отражает действительную численность лезгин в этом регионе. Вероятно, здесь имело место недостаточно четкое понимание населением термина «народность» (часто трактовавшегося как «подданство» или же «нахождение в той или другой республике»). Сказалась, видимо, и недостаточная квалификация регистраторов.

Во всяком случае, материалами учета национального состава Азербайджана за 1931 г. в республике было зафиксировано 79 306 человек лезгин [3].

Данными Всесоюзной переписи населения 1970 г. численность лезгин устанавливается в 323,8 тыс. человек, в том числе 162,7 тыс. в Дагестане и 137,3 тыс. в Азербайджанской ССР. Таким образом, по сравнению с 1926 г. численность лезгин увеличилась более чем на 189 тыс. человек.

Современный лезгинский язык является одним из литературных языков Дагестана. Он относится к так называемой лезгинской группе восточногорской ветви кавказских языков [4]. В эту группу входят: собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, хиналугский, крызский, будухский и удинский языки. Лезгинский язык имеет шесть основных диалектов: гюнейский, ахтынский, докузпаринский, яркинский, курахский и кубинский, причем границы распространения этих диалектов соответствуют как естественногеографическому делению, так и бывшему политико-административному делению края. Районы, населенные лезгинами, граничат на западе с рутульскими землями, на севере — с агульскими, на юге — с азербайджанскими, на востоке примыкают к Каспийскому морю.

Сложность этнических судеб лезгинского народа, специфика географического расселения лезгин, через территорию которых на различных этапах их истории прокатывались волны иноземных завоевателей, в результате чего отдельные части лезгин на долгие десятилетия становились оторванными друг от друга политически и экономически,— все эти факторы не могли не оказать существенного влияния на формирование типа их хозяйства, многих черт материальной культуры и общественного устройства.

Завоевание арабами Дагестана в VII—VIII вв. сопровождалось насильственным обращением лезгин в ислам.

К XVI—XVII вв. относится возникновение на территории расселения лезгин отдельных политических образований (Ахтыпаринское, Докузпаринское, Алтыпаринское общества).

В конце XVI—XVII в. лезгинам пришлось бороться против персидской и османской агрессии. О зверствах персидского шаха Надира в XVIII в. рассказывают многочисленные предания лезгин.

В политическом отношении в XVIII в. на территории южного Дагестана наряду с феодальными владениями были союзы сельских обществ, устроенных не по кровнородственному, а по территориальному принципу, (Алты-пара, Докуз-пара, Ахты-пара, Рутул, Агул, Кошкан, Курах Рича)

Такому политическому дроблению немало способствовало и природное разделение территории лезгин на три фактически не связанных друг с другом части. Одна из них, населенная кюринцами,— Кюра — была открыта для нападения извне. Именно здесь в первую очередь закреплялись захватчики, проникавшие в Кюру с юга через Дербентский проход. Кюринцы долгое время не имели собственной центральной власти, подчиняясь в отдельные периоды кубинским, казикумухским или дербентским ханам.

Кубинские лезгины входили в состав Кубинского ханства, но это владение не было чисто лезгинским, и по своему составу лезгины не являлись в нем преобладающей по численности народностью.

Ахтынцы, хотя и составляли самостоятельные «вольные» общества, также не были политически объединены.

Таким образом, в течение почти всей своей многовековой истории лезгины не имели единого государственного образования, которое могло бы играть роль организующего центра формирования лезгинского народа.

Лишь в начале XIX в. в долине р. Курах-чая и низовьях р. Самура было образовано самостоятельное Кюринское ханство с центром в селении Курах.

В 1806 г. Кубинское ханство вошло в состав России, а в 1812 г. его примеру последовало Кюринское ханство. Тогда же добровольно приняли русское подданство и верхнесамурские «вольные» общества лезгин: Ахты-пара, Алты-пара, Докуз-пара и Рутульско-лезгинское общество (Рутульское).

По новому административному устройству лезгины Кубинского ханства вошли в состав Кубинского уезда Бакинской губернии, а лезгины Кюринского ханства и Самурских «вольных» обществ в Кюринский и Самурский округа Дагестанской области.

В округах, на которые был разделен Дагестан, царское правительство ввело «военно-народное управление». Всей областью и округами управляли офицеры царской армии, в чьих руках были сосредоточены как гражданские, так и военные дела. Сельская администрация избиралась местным населением, но утверждалась начальниками округов и была полностью им подчинена. Гражданские дела в значительной мере регулировались нормами обычного права и шариата.

В своей колониальной политике царизм до 60-х годов XIX в. опирался на существовавшие в Дагестане феодальные порядки. Было сохранено ханско-бекское управление. Феодалы продолжали управлять «на ханских правах» и лишь формально были ограничены в правах на смертную казнь и увечащие наказания. Ханы и беки, опираясь на царские войска, жестоко угнетали трудящихся Дагестана и деспотически расправлялись с ними. Сильнее всего страдало от колониальной политики царизма население Кюринского ханства, где впервые и началось движение крестьян против царизма. Но здесь это движение не могло достаточно успешно развиваться. Этому препятствовали размещение в Кюринском ханстве русских войск и принимаемые царской администрацией меры.

Присоединение же Дагестана к России имело прогрессивное значение. Избавившись от постоянной угрозы иноземных нашествий, лезгинский народ получил возможность для дальнейшего развития своей экономической жизни. Под влиянием русского капитализма хозяйство лезгин в течение второй половины XIX в. преобразовалось в товарное. В. И. Ленин, подчеркивая прогрессивность капитализма и вместе с тем постоянно разоблачая буржуазных апологетов капитализма, в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» писал: «Признание прогрессивности этой роли (роли капитализма.— *С. А.*) вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима» [5].

Присоединение к России оказало большое влияние и на культурное развитие лезгин.

Положительно оценивая результаты присоединения лезгинских территорий к России, необходимо помнить слова Ф. Энгельса, высказанные им в письме к Карлу Марксу (1851 г.): «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [6].

Не следует забывать также положение В. И. Ленина о существовании двух культур в каждой национальной культуре. Если политика усиления национального гнета на окраинах империи отвечала интересам господствующих классов, то представители передовой русской интеллигенции внесли большой вклад в дело сближения трудящихся масс России с национальными меньшинствами окраин, в том числе и с лезгинами.

Основная цель настоящей монографии — дать возможно полное и всестороннее описание материальной культуры дагестанских и азербайджанских лезгин XIX — начала XX в., выявить основные элементы, характеризующие их самобытность и многовековое культурное взаимо-

влияние, которое существовало и существует, несмотря на их давнее территориальное разделение. Кроме того, автор стремился провести анализ материальной культуры лезгин — народа, формировавшегося в процессе взаимодействия различных этнографических групп, живущих в Дагестане и Азербайджане, что позволило выделить в ней элементы общности, явившиеся результатом историко-культурного взаимовлияния соседних территориально и этнически родственных народов. Наконец, исследование изменений, происшедших в хозяйстве, поселениях и жилище, в одежде и пище лезгинского народа, дает возможность глубже понять взаимосвязь и взаимовлияние культур братских народов нашей страны, а также то благотворное влияние, которое оказала на их развитие передовая русская культура.

В книге рассматриваются главные компоненты материальной культуры — хозяйство, домашнее производство и ремесло, поселение, жилище (и общественные формы быта, связанные с поселением и жилищем), одежда и пища. Наряду с описанием указанных элементов материальной культуры лезгин в XIX — начале XX в. автор пытается также выявить истоки имевших место в прошлом и существующих ныне культурных явлений, бытовых форм и условий жизни.

Литература о лезгинах, особенно дореволюционная, весьма незначительная, специальных монографических работ по этнографии не только лезгин, но и остальных народов Дагестана, не имеется. Есть древнейшие известия о народах Дагестана (в том числе и лезгин) у античных и арабских авторов: например, Геродот, Страбон, Плиний Старший и другие упоминают о «гелах» и «леках» как о народах, живущих на востоке Кавказа. В грузинских летописях под «леками» подразумевали всех горцев Дагестана, в том числе лезгин. Арабские авторы IX — X вв. сообщают о существовании в Южном Дагестане «царства лакзов».

Термин «лезгин» в его нынешнем значении очень поздний. Еще в XIX в. лезгинами называли всех горцев нагорного Дагестана. В кавказоведческой литературе до настоящего времени этнонимы «леки», «гелы», «лакзы» и т. д. не получили определенного объяснения. Под такими же названиями лезгины фигурируют и в более ранних армянских, грузинских, азербайджанских и персидских источниках, а также в кавказских хрониках («Дербенд-наме», «Ахты-наме», «Тарихи-Дагестан», «Гюлистан-Ирам», «Асари-Дагестан» и др.) эпохи средневековья [7].

Наиболее ранние историко-этнографические сведения о хозяйстве, поселениях, жилищах, одежде, кустарных промыслах, пище лезгин в русской литературе относятся к последним десятилетиям XVIII в. (работы И. Г. Гербера, Л. И. Тихонова, Ф. Ф. Симоновича, И. Т. Дренякина, П. Г. Буткова и др.).

Так, И. Г. Гербер, которого М. О. Косвен назвал первым этнографом Дагестана, довольно четко указывает границы лезгинских провинций и уездов (Алтыпара уезд, Мискиндж уезд и др.) и наряду с сжатым этнографическим описанием перечисляет крупнейшие селения и укрепления лезгин [8]. Он же сообщает разнообразные сведения об их хозяйстве и образе

жизни. О лезгинах Алтыпаринского уезда И. Г. Гербер пишет, например, что они «питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе, который оные меняют скотиною в Кубе... Оные употребляют оружие огненное, добрые сабли и много панцеров, люди смелые и огня не боязливые» [9].

Любопытные сведения о поселениях, их географическом расположении, строительных материалах народов Южного Дагестана конца XVIII в. сообщает участник персидского похода Ф. Ф. Симонович. Так, говоря об Ахтынском владении, он указывает, что «оное управляется народом, состоя под наследным начальником, и разделяется на три округа, заключающие в себе до 30 деревень, как-то: 1-е, Ахтыпара. В нем Ахты главное владение. Место лежит по обеим сторонам реки Ахтычая, соединяющейся тут с рекою Рутулчай, посредством моста чрез Ахтычай имеет сие место взаимное сообщение; в нем 600 дворов. 2-е, Докуспара. В нем уездное место Мискинджи, лежит на правом берегу Самура, имеет дворов до 250. 3-е, Алтыпара. Во оном уездное место Келегуре, на правом берегу Самура, дворов до 150» [10]. Не менее ценны данные Ф. Симоновича о хозяйстве и занятиях лезгин. «...Достаточествуя скотоводством,— пишет он,— промышляют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями» [11]. И далее: «...мужчины вырабатывают овчинные мехи и другие кожи. Все сии рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги» [12].

Полезные этнографические материалы о кубинских лезгинах мы находим у И. Т. Дренякина. В «Описании Ширвана» (1796 г.) довольно четко определяются границы Кубинской провинции, содержатся краткие данные о занятиях, торговле, ремесле жителей этого края. Он пишет: «Из Кубы в Баку доставляют товары на арбах, а больше караванами на именованных скотах; отчасти пшеницу, ячмень, мариону, посредственные ковры, разные суконные шали» [13].

Ряд сведений об управлении, занятиях, числе жителей и количестве дворов в крупных селениях, о торговле и т. д. имеется в сочинениях П. Г. Буткова, который, в частности, пишет: «Торговлю жители производят по большей частью с соседними владениями, и особливо с Шемахинским и Бакинским, шелком сырцом, медом и воском, скотом и хлебом... Из шерсти овец и хлопчатой бумаги, с успехом здесь разведенной, делают на домашние употребления и на продажу сукна, ковры и бумажные материи» [14]. Интересные данные о лезгинах содержатся в трудах исследователей первой половины XIX в. Дебу [15], Зассе [16], Ю. Клапрота [17], Н. Гакстгаузена [18], И. И. Стебницкого [19] и др. Ими сделаны этнографические заметки о хозяйстве, занятиях, численности, промыслах лезгин и других народов Дагестана.

Особенно ценные сведения по этнографии лезгин, относящиеся к этому периоду, можно обнаружить в описаниях народов Южного Дагестана, составленных М. А. Коцебу, Ф. А. Шнитниковым, К. К. Краббе, Ф. И. Гене, А. Ф. Десимоном и др.

Так, Ф. А. Шнитников дает подробное описание лезгинских селений Кубинской провинции в 1832 г., в частности, он пишет: жители Кубинской провинции живут в магалах... и «ведут жизнь оседлую, занимаясь по местному положению и произведению земли хлебопашеством, скотоводством и рукоделием...» [20]. Материалы, живописующие быт лезгин селений Докуспары и Ахты, мы находим у К. К. Краббе. «Селение Мискинджи (состоящее из 350 семейств),— пишет он,— принадлежит к магалу Докузпаринскому, имеющему 10 деревень, населенных примерно 960 семействами. Общество Ахты заключает в себе 15 деревень и до 1500 жителей, в самом селении Ахты до 800 семейств...» [21].

Не менее ценные сведения о поселениях Самурского округа содержат наблюдения А. Ф. Десимона, участника военных действий в Дагестане, который в 1839 г. состоял при Самурском отряде. Он пишет: «Многолюднейшие селения горных обществ лежат по правому берегу Самура. Главное из этих селений Ахты весьма многолюдно и расположено в живописной долине при слиянии речки Ахтачая с Самуром» [22].

Другой автор, Ф. И. Гене, дает яркое описание горного аула: «Дагестанцы,— пишет он,— живут большими селениями, тесно построенными, и большею частию для жительства выбирают гребни гор при соединении двух речек, обмывающих подошвы оных, располагая дома свои по обе стороны гребня амфитеатром, так что каждый верхний дом обстреливает нижний» [23].

В годы Кавказской войны и после нее подавляющее большинство среди авторов этнографических описаний составляли офицеры и чиновники. С. Броневский, Н. П. Калюбакин, К. Ф. Сталь, М. И. Венюков писали о народах северо-западного Кавказа; В. И. Голенищев-Кутузов, О. И. Константинов, П. К. Услар и др. — о народах Дагестана, в том числе и о лезгинах. Эта официальная этнографическая литература о народах Кавказа завершается капитальной и как бы полуофициальной сводкой-трудом генерала Н. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» (первый том его «История войны и владычества русских на Кавказе», 1871 г.). После окончания Кавказской войны довольно обильные материалы о народах Кавказа появляются в таких официальных изданиях, как «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ, 1868—1881 гг.), «Сборник сведений о Кавказе» (ССК, 1871—1885 гг.) и сменившем его многотомном «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881—1929) — 46 томов [24].

На страницах этих сборников печаталось немало статей, где содержались этнографические сведения о лезгинах. В числе их авторов можно назвать А. И. (фон) Плотто [25], П. К. Услара [26], Л. Загурского [27], Леонидзе и Султанова [28], Д. Бабаева [29], Г. Ксаверия [30], А. М. Дирра [31] и др. Вместе с тем мы считаем необходимым отметить, что большинство этих сведений носило слишком общий характер и весьма бегло касалось вопросов материальной культуры лезгин.

С самого начала появления русских описаний горских народов Кавказа особое внимание в них уделялось общественному строю. Общественные формы и отношения народов Дагестана гораздо больше привлекали иссле-

дователей, чем их материальная культура и быт. Немало сведений об общественном строе народов Дагестана (в том числе и лезгин) содержится в фундаментальном труде С. М. Броневского [32].

Но особенно расширяется и углубляется исследование этого вопроса в кавказоведческой литературе в 60-е годы XIX в. В эти годы о дагестанском тухуме писали А. В. Комаров, П. С. Петухов, А. Ф. Пасербский и др.

Так, П. С. Петухов, офицер-артиллерист, в 60-х годах помощник начальника Кайтаго-Табасаранского округа, приводя общие данные о народах Южного Дагестана — занятиях, ремеслах, торговле, жилище, одежде, пище, положении женщины, религии и т. д., упоминает и о тухумах. Он пишет: «Уздены делятся на роды (тохум). Личная численность составляет силу рода и его значение в селении, поэтому родство помнится и считается до отдаленнейших колен. Каждый род составляет как бы отдельное общество, он связан своими интересами и взаимной защитой» [33].

Интересные этнографические сведения, касающиеся лезгин Закатальского округа, приводит А. Ф. Пасербский. Особенно ценны его наблюдения о лезгинском тухуме. «Тохумы, — пишет он, — по своему внутреннему устройству очень напоминают собой греческие филы времен Писистрата. Каждый тохум — они сохранились и поныне — составляет как бы одну общую семью-братство из лиц не только родственных между собой, но и посторонних, имеющих одни общие интересы. Сила и влияние тохума зависели от числа его членов. Теперь при русском управлении тохум имеет мало значения: влияние его распространяется только на ход тяжебных споров и на другие домашние дела. Но в то время, когда лезгины пользовались самоуправлением, влияние тохумов имело и политическое значение, каждый тохум, как греческая фила, обязан был выставлять определенное число воинов» [34].

Немало статей, в том числе и вышеупомянутых П. С. Петухова и А. Ф. Пасербского о быте и культуре народов Дагестана было помещено в газете «Кавказ», издававшейся в Тифлисе с 1846 по 1917 г. включительно. На ее страницах в 70-е годы XIX в. напечатаны и статьи С. Зелинского, также посвященные лезгинам [35].

Несмотря на то что эти материалы имеют в основном нарративный характер, во многих из них зафиксирован ушедший быт и отдельные специфические детали материальной культуры лезгин. Написаны они в легкой литературной манере и поэтому сыграли определенную роль в привлечении внимания русской интеллигенции к изучению быта и нравов народов Дагестана.

Значительным этапом в истории этнографической науки Дагестана, как и в этнографическом кавказоведении в целом, явились 80-е годы XIX в. В этот период значительный вклад в дагестанскую этнографию внесли своими трудами Д. Н. Анучин [36], Ф. И. Леонтович [37], М. М. Ковалевский [38] и др. Сведения по этнографии лезгин мы находим также у Л. П. Загурского [39], Г. Н. Казбека [40], О. В. Марграфа [41], Д. З. Бакрадзе [42] и ряда западноевропейских ученых: А. Беккера [43], Г. Радде [44], Б. Дорна [45], Й. Клапрота [46–47], Р. Эркерта [48], В. Минорски [49] и др.

Ценные материалы о лезгинах содержатся и в трудах исследователей 1900-х годов: П. Ф. Свидерского [50], Р. Вишина [51], К. Ф. Гана [52], К. М. Курдова [53], П. П. Надеждина [54], Н. И. Кузнецова [55] и др.

Из перечисленных авторов наибольшее значение для познания культуры и социальных отношений лезгин, как и других народов Дагестана, имели работы Д. Н. Анучина, Д. З. Бакрадзе, О. Марграфа, М. М. Ковалевского. К трудам М. М. Ковалевского неоднократно обращался К. Маркс, высоко ценивший его как исследователя общественного быта Кавказа.

Замечательной чертой в истории этнографического изучения Дагестана является творческое содружество русской и дагестанской интеллигенции, которое началось с середины XIX в. Наряду с русскими исследователями в эту работу включаются представители коренных народностей: Д. Бабаев, А. М. Алиханов-Аварский, а позже, с начала 1900-х годов, Д. Б. Бутаев, С. И. Габиев, Б. Далгат и др. В то же время, как справедливо отмечает М. О. Косвен [56], относительно наиболее исследованной в дореволюционное время оказалась для Дагестана этнография аварцев, кумыков, лакцев и горских евреев, а наименее изученными остались даргинцы и народы лезгинской группы, о которых сведения носили слишком общий характер и недостаточно освещали богатейшую и самобытную материальную и духовную культуру.

После Великой Октябрьской социалистической революции началось планомерное этнографическое изучение условий материального производства, общественного строя, культурно-бытового уклада лезгин и всех остальных народов Дагестана на основе марксистско-ленинской идеологии.

Историю этнографического изучения народов Дагестана за годы Советской власти можно разделить на ряд хронологических периодов [57].

Первый этап охватывает период с 1920 по 1945 г. Эти годы можно назвать годами формирования и становления этнографии Дагестана. Одной из важнейших задач, вставших перед молодой Советской Республикой с первых же дней ее существования, была ликвидация хозяйственной, политической и культурной отсталости окраинных народов, оказание им реальной помощи в их первых шагах со стороны Советского государства, продвижении по пути социального, экономического и культурного прогресса. Для этого требовалось не только знание их современного состояния, но и исторического прошлого, экономических особенностей, культурно-бытовых традиций и т. п. Поэтому наиболее характерной особенностью этнографических работ данного периода была их тесная связь с практическими задачами и потребностями советского строительства в Дагестане.

В 20-е годы Дагестан посетило несколько этнографических экспедиций, в которых принимали участие известные русские ученые Г. Ф. Чурсин [58], Е. М. Шиллинг [59], А. А. Миллер [60], А. С. Башкиров [61], Д. Фибих [62], И. Акулов [63], А. Калинин [64] и др. Они собрали обширный материал краеведческого и этнографического характера по разным районам Дагестана, в том числе и по лезгинским районам, который был частично опубликован, а частично отложился в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Необходимость комплексного планомерного изучения Дагестана повлекла организацию в 1924 г. первого научно-исследовательского Института истории, языка и литературы, а вскоре и музея краеведения в г. Махачкале.

В первые годы существования Института его исследовательская работа в основном ограничивалась сбором и публикацией отдельных документальных материалов [65].

Позднее ученые приступают к проблемному изучению этнографии народов Дагестана, и в первую очередь их кустарных промыслов, ремесел и искусства. В 30-е годы в Дагестане работают Е. М. Шиллинг [66], А. С. Башкиров [67], В. Тройницкая [68] и др.

В книгах и статьях Е. М. Шиллинга («Балхарские женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар», «Ковроткачество Дагестана», «Орнаментальное искусство Дагестана» и др.) описаны прославленные кустарные ремесла кубачинцев, балхарцев, ковроткачество лезгин. Работы А. Башкирова («Резьба по камню и дереву в Дагестане», «Искусство Дагестана», «Резные камни» и др.) были посвящены прикладному искусству.

Однако этнографическое изучение колхозного крестьянства в те годы в Дагестане не проводилось.

Новый этап в изучении этнографии Дагестана наступает с середины 40-х годов, именно с того времени, когда Институт этнографии АН СССР при участии Академии архитектуры и Московского университета стал проводить специальные экспедиции, целью которых был сбор этнографического материала по отдельным народностям и изолированным группам населения Дагестана.

Этнографическими работами в Южном Дагестане руководила Л. Б. Панек [69], она опубликовала ряд работ по материальной культуре лезгинской группы народов.

В 1950-е годы развитие исторической науки выдвинуло перед дагестанской этнографией ряд новых проблем, важнейшей из которых следует считать планомерное изучение общественного быта и материальной культуры всех народов республики. Как пишет С. Ш. Гаджиева, «это был новый этап, когда исследования начали проводиться планомерно, систематически, в более широких масштабах и более углубленно, с участием большого числа ученых, в том числе молодых специалистов» [70].

Большой вклад в разработку этих проблем внесли сотрудники Дагестанской экспедиции, организованной Институтом этнографии АН СССР под руководством кавказоведа Л. И. Лаврова. В составе экспедиции работали квалифицированные этнографы-специалисты: З. А. Никольская, И. А. Алиев, С. Ш. Гаджиева, М. М. Ихилов, Б. А. Калоев и др.

Результатом работы экспедиции явился сборник статей «Народы Дагестана» [71], где дано научно-популярное описание культуры и быта всех народов Дагестана, в том числе и лезгин.

Кроме того, участниками экспедиции и другими авторами, занимающимися этнографией Дагестана, в 1950-е годы был опубликован ряд работ, посвященных отдельным вопросам материальной, духовной культуры и

общественному быту народов республики. Это работы Х.-М. О. Хашаева[72], Л. И. Лаврова[73], З. А. Никольской[74], С. Ш. Гаджиевой[75], М. М. Ихилова[76], Б. А. Калоева[77], А. И. Алиева[78], Г. А. Сергеевой[79], С. С. Агашириновой[80], Д. Габиева[81], Э. В. Кильчевской[82] и др.

Особенно хотелось бы выделить в этой связи статью Л. Б. Панек, где впервые дается характеристика типологии лезгинского жилого дома[83].

Важное значение для изучения поселений и жилищ лезгин и других народов Южного Дагестана имеют труды С. О. Хан-Магомедова, где эти вопросы освещаются с позиций исследования традиционной архитектуры и зодчества[84].

Значительным вкладом в этнографическую науку явились труды доктора исторических наук Р. М. Магомедова по проблемам общественного строя и этногенеза народов Дагестана[85]. Р. М. Магомедов в работе «К вопросу о семейной общине в Дагестане» впервые в советской исторической науке дал анализ структуры и показал место тухума в общественном устройстве горских народов Дагестана. В этой работе и особенно в последующей большой монографии «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.» автор опроверг концепции М. Ковалевского и его последователей, считавших дагестанский тухум родом. Наряду с Р. М. Магомедовым разработкой вопроса о социальной сущности дагестанского тухума занимались также М. О. Косвен, Л. И. Лавров, Х.-М. О. Хашаев, С. Ш. Гаджиева, Х. Х. Рамазанов и др.

Особенно следует отметить значение для дагестанской этнографии трудов профессора М. О. Косвена. Глубоки научные исследования М. О. Косвена «Этнография и история Кавказа», «Семейная община и патронимия», «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», «История, география и этнография Дагестана» и др.[86] Эти работы и по сей день являются важными для разработки теоретических проблем кавказоведения.

С начала 1960-х годов начинается четвертый этап в изучении этнографии народов Дагестана.

В этот период наряду с изучением социалистических преобразований в сельском хозяйстве, национальных и этнических процессов, общественного быта и материальной культуры перед дагестанской этнографией, как и перед советской этнографической наукой в целом, выдвигается ряд кардинально новых проблем. Это прежде всего исследование быта рабочего класса Дагестана и проблема изучения хозяйства и материальной культуры народов республики с целью составления историко-этнографического атласа. Следует особенно подчеркнуть, что важнейшей чертой данного этапа является стационарное последовательное этнографическое обследование народов Дагестана, как в плане монографического изучения их материальной и духовной культуры, так и социалистического переустройства их быта и культуры.

В этот период этнографами сектора археологии и этнографии издано несколько крупных работ. С. Ш. Гаджиева завершила большую монографию, посвященную кумыкам[87].

«Гамам Дере»:
а — долина р. Ахты-Чая;

С целью разработки новых проблем Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР начиная с 1960 г. организована постоянно действующая этнографическая экспедиция в составе двух отрядов. Результатом экспедиции явилось издание двух больших монографий: «Материальная культура даргинцев» и «Материальная культура аварцев», подготовленных группой этнографов под руководством С. Ш. Гаджиевой [88].

В том же 1967 г. вышла в свет монография Г. А. Сергеевой «Арчинцы» [89], первое в советской этнографической науке исследование, специально посвященное арчинцам, одному из самых небольших в численном отношении народов Советского Дагестана, и книга С. Х. Асиятилова, в которой проводится историко-этнографическое исследование хозяйства аварцев XIX — первой половины XX в.[90] В ней подробно освещены вопросы развития земледелия, садоводства, животноводства, кустарно-художественных промыслов и ремесел в дореволюционное и советское время.

Особо следует отметить монографию М. М. Ихилова «Народности лезгинской группы» (Махачкала, 1967), представляющую собой первую по-

б — ущелье Ахты-Чая

пытку осветить лезгинскую группу народностей в сравнительно-этнографическом плане. Автор монографии стремится проследить пути формирования и развития всех народностей лезгинской группы и осветить коренные преобразования в их быте и культуре, происшедшие за годы Советской власти.

Ценным вкладом в кавказоведческую литературу явился фундаментальный труд Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» [91], содержащий ряд важных сведений по истории и этнографии лезгин.

В 1960-е годы значительная работа по этнографии проводилась Дагестанским государственным университетом, где был создан на общественных началах этнографический музей народов Дагестана.

В 70-е годы вышли монографии А. Г. Булатовой по лакцам, С. Ш. Гаджиевой по материальной культуре ногайцев и ряд этнографических сборников [92].

В настоящее время ученые сектора этнографии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР совместно с учеными сектора народов Кавказа ИЭ АН

СССР и других научных учреждений страны проводят плодотворную исследовательскую работу по важнейшим проблемам исторической и современной этнографии Дагестана и Северного Кавказа.

Сделанный выше обзор литературы позволяет составить определенное представление о том, в каком состоянии находятся изучение традиционной культуры и общественных форм быта отдельных народов Дагестана, достижения и проблемы, имеющиеся в этом научном направлении.

К сожалению, в области лезгинской этнографии на сегодняшний день многие проблемы пока еще не исследованы.

Имея в виду скудость специальной литературы по изучаемому вопросу, автор старался по возможности шире использовать документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Азербайджанской ССР, в Центральном государственном архиве Дагестанской АССР, а также материалы из рукописного фонда ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

Но основным источником для написания настоящей работы послужил полевой материал, собранный автором во время экспедиций и командировок в лезгинские районы Дагестана и Азербайджана. Автором были обследованы и детально изучены почти все, в том числе и самые высокогорные селения, расположенные на лезгинской территории. Все рабочие чертежи, фото (большинство), зарисовки, схемы и прочие иллюстративные материалы были выполнены непосредственно автором. Основным методом полевой этнографической работы было стационарное изучение быта и культуры лезгин путем опроса, непосредственного наблюдения и фиксации вещественных материалов.

Опрос населения строился как в форме бесед с отдельными информаторами, так и в форме групповых бесед. Особенно эффективные результаты достигались с помощью групповых бесед, так как при такой форме полевой работы информаторы, дополняя и уточняя друг друга, давали наиболее емкие и точные ответы на поставленные вопросы.

В своей полевой практике автор также часто пользовался методом уточнения и проверки тех или иных фактов, сообщаемых письменными или архивными источниками, через воспоминания старожилов. Особенно хорошие результаты достигались в этом аспекте в тех случаях, когда возникала необходимость выяснения генеалогических корней отдельных фамилий или тухумов, дат основания селений и т. п.

В работе с информаторами автору существенно помогло знание обычаев, нравов, традиций, быта и культуры родного народа.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность всем товарищам, оказывавшим ему содействие в получении различных сведений по этнографии и истории лезгин, в особенности, своим постоянным информаторам: М. Ибрагимову и А. Агалиеву (с. Мака), П. Гаджиевой и М. Насруллаеву (с. Курах), М. Алискерову (с. Мискинджи), Г. Парванаевой (с. Кара-Кюре), Р. Махмудову (с. Муджух), М. Ализову (с. Зрых), А. Надыр-Адиеву, К. Мустафаеву, З. Мустафаеву, Г. Мухралиеву, Х. Мухралиеву (с. Юхари-Тахирджал), А. Селимову (с. Судур), М. Багирову

(с. Аджахур), М. Бабаханову, Г. Исаеву (с. Хазрин), Б. Аслановой (с. Кусары) и другим.

Неоценимую помощь в сборе материалов для данной книги оказал автору отец Агаширинов Седредин, в течение многих лет бывший ее главным информатором и постоянным спутником в научных командировках и экспедициях.

Ему с глубокой благодарностью и признательностью посвящает автор свою книгу.

[1] Всесоюзная перепись населения, т. V. М., 1928, с. 342.
[2] *Гасанов-Алкадарский А. И.* Горцы Северного Кавказа и Дагестана в отражении переписей населения 1897 и 1926 гг., с. 9. (Рукопись любезно предоставлена нам его сыном Гасаном).
[3] Там же.
[4] *Мейланова У. А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964, с. 3.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 241.
[7] См.: *Магомедов Р. М.* Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии.— УЗ ДГУ, 1961, т. VI; Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России.— СМОМПК, 1897, вып. 22; *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; *Он же.* Происхождение племен, населявших нынешние закавказские провинции.— Кавказ, 1848, № 1; *Страбон,* География в 17-ти кн. Л., 1964, кн. IV, гл. XI; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.—Л., 1959; *Баладзори.* Книга завоевания стран. Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927; История Егише Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1853; *Моисей Каганкатваци.* История агван. Пер. с арм. К. Патканова. СПб., 1861; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963; Отрывки из путешествия Эвлия Челеби (РФ ИИЯЛ, д. 1157); *Алкадари Г. Э.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1929; и др.
[8] *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728.— ИГЭД, с. 77, 79, 81, 87, 95, 105, 107.
[9] Там же, с. 77.
[10] *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796.— ИГЭД, с. 150.
[11] Там же, с. 139.
[12] Там же, с. 139.
[13] *Дренякин И. Т.* Описание Ширвана. 1796.— ИГЭД, с. 171.
[14] *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796.— ИГЭД, с. 204.
[15] *Дебу.* О кавказской линии и присоединенной к ней черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о соседствующих горских народах, собранные с 1816 по 1827 гг. СПб., 1829.
[16] *Засс.* Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. СПб., 1805.
[17] *Klaproth.* Geographish-historische Beschreibung des Östlichen Kaukasis. Weimar, 1814; *Idem.* Beschreibung der Russischen Zwischeilung dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814.
[18] *Гаксктгаузен Н.* Закавказский край. СПб., 1857.
[19] *Стебницкий И. И.* Статистическая таблица Кавказского края на 1858—1860 гг.— ЗКОРГО, 1862, кн. V.
[20] *Шнитников Ф. А.* Описание Кубинской провинции, 1832.— ИГЭД, с. 329, 331.
[21] *Краббе К. К.* Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. 1835.— ИГЭД, с. 335.
[22] *Десимон А. Ф.* Исторические сведения о Самурском округе. 1839.—ИГЭД, с. 363.
[23] *Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане. 1835—36 гг.— ИГЭД, с. 346.

24 См.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, 1955, 1958, 1962, т. I, II, III.

25 [фон] *Плотто А. И.* Природа и люди Закатальского округа.— ССКГ, 1870, вып. IV.

26 *Услар П. К.* О распространении грамматики между горцами.— ССКГ, 1869, вып. III; *Он же.* Характеристические особенности кавказских языков.— ССКГ, 1876, вып. IX; *Он же.* Этнография Кавказа. Тифлис, 1887.

27 *Загурский Л.* Поездки Г. Беккера по Южному Дагестану.— ССКГ, 1876, вып. XVII.

28 *Леонидзе, Султанов.* Кюринские тексты.— СМОМПК, 1892, вып. XIV.

29 *Бабаев Д.* Селение Ахты Самурского округа Даг. обл.— СМОМПК, 1893, вып. XVII.

30 *Ксаверий Г.* Описание Черкессии, 1724.— СМОМПК, 1893, вып. XVII.

31 *Дирр А. М.* Современные названия кавказских племен.— СМОМПК, 1909, вып. 40.

32 См.: *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II. М., 1829.

33 *Петухов П. С.* Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане).— Кавказ, 1867, № 7, 8, 12, 13, 15, 16.

34 *Пасербский А. Ф.* Закатальский округ.— Кавказ, 1864, № 48, 59, 61.

35 *Зелинский С.* Свадьба у лезгин и обычай имаджи.— Кавказ, 1873, № 43; *Он же.* Кусары.— Кавказ, 1877, № 245, 247; *Он же.* Урочище Кусары.— Кавказ, 1870, № 34.

36 *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестане летом 1882 года, совершенной при содействии РГО.— Изв. РГО, СПб., 1884, т. XX, вып. 4; *Он же.* Сообщение о поездке в Дагестан. Древности.— Труды Московского археологического общества, 1883, т. IX, вып. 2, 3.

37 *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев, т. I—II. М., 1882—1883.

38 *Ковалевский М. М.* Родовое устройство Дагестана.— Юридический вестник, 1883, № 2; *Он же.* Закон и обычай на Кавказе, т. I, II. М., 1890; *Он же.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.

39 *Загурский Л. П.* Этнологическая классификация кавказских народов.— КК на 1888 год.

40 *Казбек Г. Н.* Военно-статистическое описание Терской области, ч. I—II. Тифлис, 1888.

41 *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

42 *Бакрадзе Д. З.* Заметки о Закатальском округе.— ЗКОРГО, 1890, XIV, 1.

43 *Becker A.* Reise nach Baku, Lenkoran, Derbent, Madschalis, Kasumkent. Acty.— Bulletin de la Societe des naturelistes de Moscou, 1873, N 2, s. 229—246; *Idem.* Reise nach den Schneebergen des Südlichen Daghestans.— Bulletin de la Societe imperiale deŝ naturalistes de Moscou, 1874, N 2 (в статье «Путешествие к снежным вершинам Дагестана» содержатся этнографические сведения о лезгинах); *Idem.* Reise nach dem Magi Dagh, Sualbus Dagh und Basardjusi.— Bulletin de la Societe des naturalistes de Moscou, 1875, N 2 (в статье «Путешествие к Маги Дагу, Шалбуз Дагу и Базар-Дюзи» содержатся этнографические сведения об ахтынцах, рутульцах и др. Много извлечений из этой и других работ А. Беккера содержатся в статье Л. З. Поездки А. Беккера по Южному Дагестану.— ССКГ, 1876, вып. IX, с. 30—51); *Idem.* Reise nach Krassanawadsk und Daghestan.— Bulletin de la Societe des naturalistes de Moscou, 1878, N 1 (в статье «Путешествие в Красноводск и Дагестан» имеются этнографические заметки о Южном Дагестане); *Idem.* Travel and ascents in the Basardjusi district, Daghestan — proceedings of the Royal Geographical society, 1891, N 6 (в статье «Путешествие и восхождение в районе Базар-Дюзи» содержится этнографическое описание аула Куруш).

44 *Radde G.* Aus den Daghestanischen Hochalpen von Schahdegh zum Dulty und logos.— Erinnerngesheft zu Petermanns Geogr. Mittheil, 1887, N 85, S. 64. (отчет за лето 1885 г., в нем содержится описание Шаг-Дага и Базар-Дюзи, а также аула Куруш).

45 *Dorn B.* Caspia über die Einfalle der allten Russen in Tabaristan, nebst, Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den ânliegenden Ländern ausgeführte Unternenmungen Mit 2 bith. katen, und 8 Holzsenhnitten memoires de

la cad de spt, 1875, VII, Serie XXIII, N 1; II+XXVII+424 S. (В книге содержится много сведений о Дагестане и его народах).

46–47 *Klaproth J.* Beschreibung der Russischen Pravinzen zwischen dem Kaspichen und schawarzen Meere. Berlin, 1814.

48 *Erkert R.* Kopfmessungen Kaukasischen Völker.— Archiv für Antropologie, 1891, Bd. XVIII—XIX; *Idem.* Der Kaukasis und seine Völker. Leipzig, 1887.

49 *Minorsky V.* A history of Sharvan and Darband in the 10th—11th centures. Cambridge, 1959.

50 *Свидерский П. Ф.* В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903.

51 *Вишин Р.* Производство ковров на Кавказе и в Закавказском краю.— ЖР, 1903.

52 *Ган К. Ф.* Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 года.— Изв. КОРГО, 1903, XVI, № 4; «Кавказ», (1903, № 83—84).

53 *Курдов К. М.* К антропологии лезгин, кюринцы.— Русский антропологический журнал, 1901, № 3—4.

54 *Надеждин П. П.* Кавказский край.— Природа и люди. 3-е изд. Тула, 1901.

55 *Кузнецов Н. И.* В дебрях Дагестана. СПб., 1913.

56 *Косвен М. О.* Материалы по истории изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, 1962, т. III, с. 271.

57 См.: *Агаширинова С. С.* Этнография Дагестана за годы Советской власти.— Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений ДГУ, Махачкала, 1970, вып. 2.

58 *Чурсин Г. Ф.* Этнография Кавказа. Современное состояние и задачи.— Южный восток. М., 1926, кн. XV; *Он же.* Культ железа у кавказских народов.— Изв. Института кавказоведения, Тифлис, 1927, вып. VI; *Он же.* Свадебные обычаи аваров, 1928; *Он же.* Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана. Тифлис, 1928; *Он же.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929; Авары. Этнографический очерк. (РФ ИИЯЛ, д. 1570); и др.

59 *Шиллинг Е. М.* Дагестанские кустари. М., 1926.

60 *Миллер А. А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана.— В кн.: Материалы по этнографии, Л., 1926, т. IV, вып. 1.

61 *Башкиров А. С.* Средневековый памятник дагестанского аула Кола-Корейш.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, М., 1926, вып. 1; *Он же.* Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 1928, вып. 4; *Он же.* Деревянные двери дагестанского аула Кола-Корейш.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 1928, вып. 2.

62 *Фибих Д.* Страна гор. М.— Л., 1928.

63 *Акулов И.* Кюринский округ.— Красный Дагестан, 1922, № 77; 1927, № 51.

64 *Калинин А.* В дебрях Кавказа (по Дагестану). М., 1917.

65 *Хашаев Х.-М. О.* Наука и культура Дагестана за 40 лет.— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII.

66 *Шиллинг Е. М.* Балхарские женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар. Пятигорск, 1936; *Он же.* Ковроткачество Дагестана.— СЭ, 1936, № 4—5; *Он же.* Орнаментальное искусство Дагестана.— Творчество народов СССР, 1937.

67 *Башкиров А. С.* Искусство Дагестана, резные камни. М., 1931; *Он же.* Резьба по камню и дереву в Дагестане.— В кн.: Художественная культура Советского Востока. М., 1931.

68 *Тройницкая В.* История ковроткачества в Дагестане. Ковры и вышивки.— РФ ИИЯЛ, д. 1589.

69 *Панек Л. Б.* Работа Южного отряда дагестанской экспедиции.— КСИЭ, 1948, вып. IV; *Она же.* Пища лезгин.— РФ ИИЯЛ, ф. 33, оп. 3, д. 2.

70 *Гаджиева С. Ш.* Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти.— СЭ, 1973, № 6.

71 Народы Дагестана. М., 1955.

[72] *Хашаев Х.-М. О.* Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954; *Он же.* К вопросу о тухумах в сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в.— УЗ ИИЯЛ, 1956, т. I.

[73] *Лавров Л. И.* О причинах многоязычия в Дагестане.— СЭ, 1951, № 2; *Он же.* Формы жилища у народов Северного Кавказа до середины XVIII в. (исторический очерк).— СЭ, 1951, № 4; *Он же.* Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг.— КСИЭ, 1953, вып. XIX; *Он же.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции.— СМАЭ, 1957, т. 4, XVIII; *Он же.* Ответ С. Габиеву.— СЭ, 1958, № 2; *Он же.* Рутульцы в прошлом и настоящем.— КЭС, 1962, вып. III; и др.

[74] *Никольская З. А.* Этнографическое описание даргинского колхоза «Красный партизан».— СЭ, 1950, № 2; *Она же.* Работа Цахурского отряда Дагестанской экспедиции 1952 г.— КСИЭ, 1953, вып. XIX; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Горные пахотные орудия террасовых полей Дагестана.— СЭ, 1952, № 4; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Женская одежда аварцев.— КСИЭ, 1953, вып. XVIII.

[75] *Гаджиева С. Ш.* К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков.— КСИЭ, 1952, вып. XIV; *Она же.* Народное жилище каякентских кумыков.— СЭ, 1953, № 1; *Она же.* Национальная одежда каякентских кумыков.— КСИЭ, 1953, вып. 19; *Она же.* О семейных отношениях кумыков в XIX в.— УЗ ИИЯЛ, 1958, т. 4; *Она же.* Очерк истории и этнографии дагестанских теркемейцев в XIX в.— Уч. зап. Даг. жен. пед. ин-та. Махачкала, 1958, т. 2; *Она же.* Каякентские кумыки.— КЭС, 1958, II; *Она же.* Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960; *Гаджиева С. Ш., Эльдарова Р. А.* Октябрьская революция и раскрепощение женщины-горянки.— Уч. зап. Даг. жен. пед. ин-та, т. 1, Махачкала, 1958; и др.

[76] *Ихилов М. М.* Большая семья и патронимия у горских евреев.— СЭ, 1950, № 1; *Он же.* Кубинские лезгины.— УЗ ИИЯЛ, 1957, вып. 2.

[77] *Калоев Б. А.* Поселение и жилище агулов.— КСИЭ, 1955, вып. XXIII; *Он же.* Агулы.— КЭС, III, 1962; *Он же.* Из истории замледельческих отношений агулов в XIX — начале XX вв.— КСИЭ, 1954, вып. XX.

[78] *Алиев А. И.* Социалистические преобразования культуры и быта даргинцев Сергокалинского района ДАССР. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1952; *Он же.* Брак и свадебные обряды даргинцев.— СЭ, 1953, № 4.

[79] *Сергеева Г. А.* Женщина Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции и в Советский период. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1953; *Она же.* Брак и свадьба у народов Дагестана в XIX в.— КСИЭ, 1959, вып. XXXII; *Она же.* Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 г.— СЭ, 1960, № 5.

[80] *Агаширинова С. С.* Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX вв.— УЗ ИИЯЛ, 1958, т. 4; *Она же.* Поселения лезгин.— УЗ ИИЯЛ, 1959, т. 6.

[81] *Габиев Д.* Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам).— УЗ ИИЯЛ, 1958, т. 4.

[82] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

[83] *Панек Л. Б.* Жилище лезгин.— Материалы по этнографии Грузии, Тбилиси, 1957, т. IX.

[84] *Хан-Магомедов С. О.* Народное жилище Южного Дагестана.— СЭ, 1951, № 1; *Хан-Магомедов С. О., Любимова Г. Н.* Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956; *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество. М., 1969; *Он же.* Архитектура цахуров.— Архитектурное наследство, М., 1961, № 13; *Он же.* Жилище табасаранцев.— СЭ, 1951, № 4.

[85] *Магомедов Р. М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане.— Труды 2 научной сессии Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1949; *Он же.* Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии.— УЗ ДГУ, 1960, т. VI; *Он же.* Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII — начале XX в. Махачкала, 1957; *Он же.* Происхождение названия Лезгинистан.— УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1960; *Он же.* Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960 и др.

[86] *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961; *Он же.* Семейная община

и патронимия. М., 1963; *Он же.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, ч. 1. М., 1955; ч. 2, М., 1958; ч. 3. М., 1962.

87 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М, 1961.

88 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; *Ихилов М. М., Агаширинова С. С., Исламмагомедов А., Агларов М.* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

89 *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М., 1967.

90 *Асиятилов С. Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

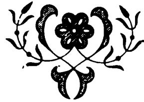
91 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., ч. 1. М., 1966; *Он же.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XIX вв., ч. 2. М., 1968.

92 *Булатова А. Г.* Лакцы (XIX—XX вв.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976; Дагестанский этнографический сборник, Махачкала, 1974, вып. 1. Агулы. Махачкала, 1975.

Глава первая

Хозяйство

Земледелие. Животноводство.
Подсобные отрасли хозяйства.
Дополнительные источники дохода



Территория, населенная лезгинами, делится на три природно-географические зоны.

1. Зона приморской низменности или равнинная. Включает часть Прикаспийской низменности (долины рек Самура и Гюльгер-чая) и охватывает восточную часть Магарамкентского и Кусарского районов, а также лезгинские селения Худатского района Азербайджана. Климат жаркий. Здесь (особенно в дельте Самура) растут густые высокоствольные леса.

2. Предгорная зона. Расположена в пределах от 1000 до 2200 м над уровнем моря (верхние и нижние предгорья) и охватывает Сулейман-Стальский район, часть Магарамкентского, Кусарского и Ахтынского районов. Местность гористая, хребты из меловых известняков и песчаников.

Климат нижних предгорий теплый и сухой. Лесов мало, преобладают кустарники. Климат верхних предгорий влажный и прохладный, здесь сосредоточены основные массивы лесов (бук, граб, дуб, клен, ясень, липа и др.). На границе горной зоны и зоны верхних предгорий поднимаются хребты, задерживающие влагу ветров, дующих со стороны Каспийского моря.

3. Высокогорная зона. Расположена выше 2000 м над уровнем моря и охватывает хребты, сложенные из непрочных глинистых сланцев с прослойками и выходами крепких песчаников. Эта зона включает Курахский, часть Ахтынского и Кусарского районов. Долины рек широкие, а склоны гор не слишком обрывистые. Климат здесь более холодный и сухой, чем в предгорье. Лесов почти нет, поскольку сюда доходят ветры уже потерявшие влагу. Склоны гор иногда бывают покрыты кустарником и скудным травяным покровом, часто же лишены всякой растительности, ибо потоки дождевых вод сносят со склонов почвенный покров... А. Берже в статье «Прикаспийский край» писал следующее: «Мало найдется стран суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана. Она вся состоит из громадных возвышенных плоскостей...; горы скалисты и обнажены, растительность

встречается только на дне ущелий; большая часть плоских вершин лишь на короткое время покрывается зеленью, доставляющей скудный корм многочисленным стадам горцев» [1].

Часть территории этой зоны расположена в высокогорных районах (свыше 4000 м над уровнем моря). В высокогорных местах, на склонах Главного и Бокового хребтов, климат холодный, наиболее влажный. Леса здесь уже не растут, зато в этих местах раскинулись прекрасные альпийские луга — «эйлаги», используемые в качестве летних пастбищ.

Крупные реки Лезгинистана — Самур и Гюльгер-чай, в которые впадает множество мелких горных речек, имеющих быстрое течение и меняющих свой уровень в зависимости от количества осадков.

Разнообразие естественно-географических и климатических условий края наложило определенный отпечаток на хозяйственно-культурные типы и многие стороны материальной культуры лезгин.

Природные условия территории, населяемой лезгинами, способствовали развитию многих отраслей хозяйства: земледелия, садоводства, шелководства, пчеловодства и т. п.

В связи с крайним разнообразием рельефа и климата Лезгинистана на его территории сложились три основные хозяйственные зоны, соответствующие природным: земледельческая, скотоводческо-земледельческая и скотоводческая. На островах вершин высокогорной зоны находятся просторные летние пастбищные луга — эйлаги, роскошная альпийская растительность которых служит прекрасным кормом для скота. Эта зона не имеет настоящих поселений, лишь на время трех летних месяцев чабаны пригоняют сюда мелкий рогатый скот, а также лошадей. Эйлаги в основном расположены на крутых горных склонах, и на них могут взбираться только овцы и козы. Поэтому такие пастбища для крупнорогатого скота недоступны. Этим и объясняется преимущественное развитие в прошлом у лезгин горной зоны овцеводства в качестве главного хозяйственного занятия.

Благоприятные почвенно-климатические условия предгорной зоны (наличие множества речных долин, плоских склонов, горных черноземов и т. д.) издавна способствовали развитию здесь земледелия и скотоводства, которые гармонично существовали в хозяйстве лезгин, взаимно дополняя друг друга.

Земледелие

Земледелие было древнейшим занятием народов Дагестана. Первые зачатки земледелия относятся к концу неолита, а в энеолитическую эпоху и в эпоху бронзы эта отрасль получает свое дальнейшее развитие. Как считают археологи, пашенное земледелие в Дагестане возникло уже в III тысячелетии до н. э., о чем свидетельствуют, в частности, находки злаков в Гильярском поселении (на территории лезгин), где в раздавленном сосуде были обнаружены обуглившиеся зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя и даже льна [2].

Инвентарь и орудия труда энеолитических поселений лезгин (Мамраш, Гильяр, Мугерган, Магарамкент), представленные кремневыми вкладышами от серпов, каменными ладьеобразными зернотерками, пестами, топорами с желобчатым перехватом, костяными прополками и т. п. [3], говорят об устойчивости оседлого быта жителей этих поселений и земледельческой направленности их хозяйства.

Эпоха бронзы и раннего железа показывает дальнейшее усовершенствование земледельческо-скотоводческого типа хозяйства. Об этом в особенности свидетельствуют каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши серпов, каменные мотыги, отпечатки зерен на обломках керамики, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э., а также остатки так называемой каякентско-хорочоевской культуры, датируемой началом I тысячелетия до н. э., обнаруженные во многих частях Дагестана [4].

В горных районах Дагестана земледелие имело столь же древние корни, как и в предгорной зоне. Это подтверждается, например, наличием высокоразвитых аграрных культов (таких, как культ «выхода первого плуга», распространенный в горах у всех народов Дагестана), широким бытованием у лезгин поговорок, пословиц, связанных с земледелием, старым сельскохозяйственным календарем и т. п.

Однако в горных районах издавна резко ощущался земельный голод. Лезгинское население горной части Дагестана использовало все сколько-нибудь пригодные участки земли. Обрабатывали склоны, прилегавшие к горным уступам, курганчики, даже каменистые скаты, и путем натаскивания плодородной земли, а затем и удобрения этих участков, создавали в горах террасовое земледелие.

Террасы также являются одним из свидетельств значительной древности земледелия в горной части Дагестана. М. З. Османов предположительно относит возникновение террас в Дагестане к железному веку. «Подлинный расцвет террасового земледелия приходится на эпоху существования родственных соседствующих поселков, т. е. на I тысячелетие н. э. С этого времени и вплоть до XVI в., когда в основном завершается перераспределение географического разделения труда (связанное с образованием устойчивых политических объединений, территориальных поселений и установлением постоянных обменных связей), террасовое земледелие развивалось по восходящей линии как в отношении освоения всех новых площадей, так и в отношении конструктивных изменений и улучшений» [5].

В данной работе автор не ставит своей целью дать собственную классификацию лезгинского террасового земледелия, а принимает классификацию М. З. Османова и М. Агларова, разработанную на аварском и даргинском материале [6]. Сложность и трудоемкость ведения террасового земледелия являлись серьезным препятствием для его широкого развития. Поэтому, как правильно замечает М. З. Османов, «с XVI в., когда с окончанием нашествий кочевников ведущим земледельческим районом становится плоскость и нижнее предгорье, террасовое земледелие начинает идти на убыль...» [7].

Значительные изменения в хозяйственной деятельности населения Дагестана прослеживаются даже намного раньше — в XI—XV вв., когда «в горных районах Дагестана значительно усиливается животноводческое направление. Равнинные и предгорные районы специализируются на производстве зерна. В горных районах, в связи с акцентированием внимания на развитии животноводства, в частности товарного... пашенное земледелие отступает на задний план» [8].

Этими же причинами в значительной степени объясняется и неравномерное развитие земледелия в различных лезгинских округах в XIX в.

Основными хлебными районами у дагестанских лезгин считался Гюнейский участок Кюринского округа, у азербайджанских — Гильский и Хазринский участки Кубинского уезда. Обилие пашен, хорошие природные климатические условия плоскости и предгорья давали их жителям возможность производить хлеб не только для себя, но и для продажи населению горных районов, о чем еще в 20-е годы XVIII в. писал И. Г. Гербер [9]. В частном владении отдельных дворов находилось: поливных пахотных земель — 1820 десятин, неполивных — 5120 десятин, сенокосов — 4100 десятин, всего около 17 тыс. десятин [10].

Острая нехватка пахотных земель в этом округе видна и из извлеченных нами архивных данных. Так, в 1897 г. площадь земель, годных для сельского хозяйства, здесь составляла: в частном владении — 15 554 десятины пахотной, в том числе покосной и пастбищной, земли, 102 десятины садов, 100 десятин леса. На один дым в Самурском округе приходилось всех земель — пахотной, покосной и пастбищной — более 17 десятин. Поскольку значительная часть этих земель отходила под пастбища, пахотная земля каждого дыма в среднем составляла около одной десятины [11]. По данным Х.-М. О. Хашаева, на середину XIX в. на один двор полезной площади приходилось: в Докузпаринском наибстве 1/8 десятины, в Ахтынском — 2/3 десятины. В целом в Самурском округе около 20% хозяйств совершенно не имели земли [12].

Естественно, что при таком малоземелье население Самурского округа не имело возможности сеять хлеб в нужном количестве и обеспечить свое существование продуктами земледелия, которые получали жители этого округа на своих мизерных участках.

Более обеспечены землей по сравнению с горными районами были хозяйства Кюринского округа и Кусарского участка Кубинского уезда (где жили азербайджанские лезгины).

В Кюринском округе в 1900 г. земля распределялась следующим образом: казенные земли под лесами — 6330 десятин; земли, находившиеся в частном владении: пахотные земли, покосы, пастбища — 61 588 десятин; сады — 600 десятин; леса — 22 десятины; земли, находившиеся в общественном владении: пахотные и покосные — 260 десятин; пастбища — 8912 десятин; леса — 26 000 десятин; вакфа (мечетские земли) — 560 десятин. В среднем на каждый дым приходилось пахотной земли частного владения — 4,2 десятины, а земли общественного владения — 2,3 десятины [13].

По данным 1888 г., в Кусарском участке Кубинского уезда количество всех земель составляло 143 543 десятины. Из них в пользовании казенных крестьян было 84 333 десятины земли, т. е. 58,8% всей земли, а в пользовании казны и частных владельцев — 57 856 десятин, т. е. 40,3% всей земли. Остальная часть земли (более 0,9%) находилась у крестьян на владельческих землях [14].

Земли, которыми пользовались казенные крестьяне (84 332,5 десятины) состояли из: усадебных — 1030,5 десятины, садовых — 840 десятин, пахотных — 43 482 десятины; из них: поливных 19 404 десятины, неполивных — 24 078 десятин, покосов — 11 489 десятин, пастбищ и неудобных земель — 2749 десятин.

В Кусарском участке насчитывалось 5470 дымов, следовательно, средний размер надела в десятинах на каждый дым составлял — 15,43; из них: садовой — 0,15; пахотной — 7,96, пастбищной и неудобной — 7,32 [15].

Таким образом, если в Самурском округе участок пахотной земли каждого дыма в среднем не превышал одной десятины, то в Кусарском участке средний размер надела пахотной земли на каждый дым достигал 7,96 десятин земли. При сравнении наделов становится ясным, почему самурские лезгины называли кубинских лезгин «фаун чувалар» («хлебные мешки») [16].

Ф. И. Гене в своих сведениях о горном Дагестане в 1835/36 г. сообщает, что «жители нижнего Дагестана прилежнее, нежели верхнего, занимаются более хозяйством, особенно хлебопашеством... Жители низменных мест на лето выгоняют стада в горы, а зато снабжают жителей оных хлебом и другими произведениями... В верхнем Дагестане домашней птицы, исключая кур, никакой нет, а на верховьях Самура и тех очень мало, потому что нуждаются в хлебе» [17].

Поскольку лезгины Самурского округа жили по соседству с кубинскими лезгинами, они, как указано выше, тоже были основными поставщиками хлеба. Как свидетельствует полевой материал, между семьями Ахтынского и Кусарского районов существовали условные соглашения («договора»), на основании которых продукты животноводства в натуральном виде обменивались на хлеб. Так, в конце XIX в. на один пуд сыра обменивали 4—5 пудов пшеницы, одного барана (на живой вес) на 6—8 пудов зерна и т. д.[18] Такой обмен происходил в основном между кунацкими семьями. Следует заметить, что у лезгин чем сильнее была развита взаимная помощь, взаимовыручка друг друга продуктами земледелия и животноводства, тем крепче становились узы дружеских отношений между кунаками. Думается, что традиции натурального обмена нашли отражение и в сложении столь распространенного не только у лезгин, но и в целом у народов Кавказа, обычая гостеприимства.

Пахотные участки в горах ценились очень высоко. Их редко продавали, обычно они передавались по наследству, так как земля была основным источником существования. Цены были высокими. Например, по данным на 1886 г., в нагорной полосе области ценность земли, годной для садов и распашки, доходила до 1200 руб. за десятину [19].

В XIX в. лучшие земли находились в руках беков, духовенства, сельских старейшин и у других зажиточных семей. Крестьянам принадлежали малоплодородные земли[20]. Большинство пахотных земель (по данным о землепользовании, в 1888 г. в Кусарском участке Кубинского уезда из общего количества земель этого участка — 143 543 десятины — 57 856 десятин, т. е. более 40%) находилось исключительно в пользовании крупных владельцев[21].

Имелись и абсолютно безземельные крестьяне, которые арендовали землю. Таких крестьян опять-таки было больше в горных районах. Размер арендной платы зависел не столько от доходности земли, сколько от степени нужды в ней крестьян. Задавленные непомерными налогами и податями, безземельные крестьяне вынуждены были соглашаться на любые кабальные условия аренды, лишь бы прокормить себя и свою семью. Кроме того, батраков держали беки, муллы и другие богачи.

Тяжелое положение лезгинского крестьянства нашло выражение в многочисленных поговорках, пословицах и песнях народа. Вот некоторые из поговорок: «Гешиндан гъил», «Мекьидан кьулак» — «Руки голодного согревают пазуху разутого человека» (в смысле: нуждающийся человек помогает нуждающемуся); «Кесиб тикдай гешила кЬан теирла, тухда адаз лугьда: тIуьна — тIуна вичин руфун ял жезвач гьа!?» — «Когда голодный не может одолеть подъем, то сытый ему говорит: «Он настолько объелся, что не может тащить свой живот» (в смысле: сытый голодного не разумеет); «БалкIандал алайда, ламралайдакий хабар кьадач» — «Кто верхом на лошади, не разумеет того, кто верхом на осле»; «Ламрайайдан чка кьур я, балкаландал алайдан чка къул я» — «Кто на лошади, его место у очага, кто на осле, его место под навесом» (в смысле: гостя на лошади встречай с большим почетом, чем гостя на осле) и др.[22]

Во второй половине XIX в. (1872 г.) многие селения Кубинского уезда, куда входили и селения азербайджанских лезгин, состояли под управлением беков. С каждого крестьянского дыма бек получал ежегодно 1/10 часть урожая. Кроме того, каждая семья была обязана 6 дней в году отработать на расчистке канав, проведенных от чалтыка (рисовое поле), очистить три рубы чалтыка (риса) и доставить его беку. Бек, как управляющий деревней, следил за исправным взносом следуемой хану подати, за сохранностью ханских посевов, наблюдал за порядком в управляемой им деревне, разбирал незначительные споры между жителями.

Повинность, которую крестьяне платили беку, составляла часть ханской подати. С передачей селений в управление бекам ханы оставляли за собой право на подать, т. е. 1 руба[23] пшеницы и 1×2 рубы ячменя. Бекам предоставлялось право получать в свою пользу 1/10 и 1/20 часть урожая (пшеницы и ячменя), а некоторые селения сверх указанной повинности платили беку и всю ту подать, которая следовала с них в ханскую казну[24].

Таким образом, феодальные формы эксплуатации крестьян и после присоединения Кубинского ханства к России оставались тяжелыми. «В 70—80 годах XVIII века,— пишет Х. Х. Рамазанов,— Кюринская

плоскость находилась под властью Фаталы — хана Кубинского, который захватывал земли крестьян и облагал их тяжелыми податями и повинностями. Хан рассматривал себя как верховного владетеля земель, передавал отдельные селения в управление бекам с правом собирания доходов с жителей»[25].

В еще более худших условиях находились крестьяне Дагестана. После присоединения в 1813 г. дагестанских ханств к Российской империи царское правительство для успешного проведения колонизаторской политики стремилось сохранить неприкосновенными сложившиеся в ханствах экономические отношения. Установленные ханами феодальные формы эксплуатации крестьян были признаны и утверждены царским правительством.

Хотя порядок землевладения почти во всех районах Дагестана был одинаковым, но наиболее тяжелые формы крепостнической эксплуатации испытывали крестьяне южных районов Прикаспийской части Дагестана (где частично жили и лезгины) — Кайтаготабасаранского, Кюринского, Самурского округов, а также население Темирханшуринского, Казикумухского и Аварского округов Северного Дагестана.

Основным показателем, определяющим размеры трудовых повинностей и податей, являлась не величина участка земли или урожая, а рабочая сила. На «иждивении крестьянского населения находились муталимы — учащиеся при мечети, собиравшие каждый четверг подаяние и топливо, и муллы, получавшие за толкование шариата и даваемые советы плату натурой — определенное количество сушеной баранины и зерна»[26].

Таким образом, и при царизме ханы и беки пользовались неограниченными правами, крестьяне же по-прежнему находились в полной зависимости от них.

Крестьяне имели в своем пользовании ничтожные наделы земли. Увеличение площади происходило путем корчевания и последующей обработки участков, занятых лесом, кустарником и камышом. Нередко крестьяне из-за отсутствия сельскохозяйственных орудий и тягловой силы были вынуждены сдавать свои земельные участки в аренду.

Недостаток рабочей силы, а главным образом сельскохозяйственных орудий труда (в особенности плоскостных тяжелых плугов), скота и т. п., вынуждал несколько хозяйств объединяться в супрягу — «амадагар» для обработки земли и сбора урожая сообща. Полученный доход делили соответственно вносимому каждым хозяйством паю в виде сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Прежде всего в супряги объединялись родственники одного тухума или же соседи.

Подобный порядок ведения полевых работ силами нескольких хозяйств в XIX и начале XX в. у лезгин носил, если так можно выразиться, дуалистический характер. С одной стороны, поскольку в этот союз чаще всего вступали родственники, он генетически связан, по нашему мнению, с эпохой разложения родового строя, с другой стороны, в него объединялись и соседи, в чем проявлялась уже несомненно традиция сложившейся соседской общины.

В XIX в. супряга существовала и у других народов Кавказа, например, у даргинцев — «цахIна» [27], азербайджанцев — «орталыг» и т. д. Г. Гулиев пишет, что «существовавшая в Кубинском уезде форма товарищества называлась «орталыг» ... Здесь не только обрабатывали землю, но выполняли и другие сельскохозяйственные работы. Расходы по обработке земли несли все участники в соответствии с числом рабочего скота. Владелец котана получал долю, равную доле владельца буйвола. Урожай, полученный от совместно обработанной земли, распределялся между членами товарищества, соответственно принадлежащему им скоту» [28].

Условия членства и распределения доходов в супрягах у азербайджанцев весьма схожи с лезгинскими, так как азербайджанские лезгины, живя длительное время на территории бывшего Кубинского уезда, возможно заимствовали кое-какие традиции у азербайджанцев. Не исключено, однако, что здесь мог иметь место и обратный процесс, так как в других уездах Азербайджана супряги создавались на основании иных установок.

В земледельческих работах принимали участие мужчины, женщины и подростки. Пахота, сев, полив, косьба, уход за скотом и упряжью, скирдование, молотьба и т. д. были делом мужчин. Словом, мужские занятия выполнялись с помощью скота, что нельзя не расценивать как определенный архаизм, корни которого восходят к эпохе первого крупного разделения общественного труда, когда все работы, связанные со скотоводством, выполнялись только мужчинами, а труд женщины ограничивался домашними и хозяйственными делами.

Сельскохозяйственные работы выполнялись при помощи мотыги и делались исключительно женщинами. Женщины также помогали во время сбора урожая, молотьбы, уборки сена и т. п.

Обработка земли для крестьян была тяжелым трудом и требовала немалых усилий. Прежде чем начать пахоту, землю тщательно удобряли. В этом процессе принимали участие все взрослые члены семьи. Существовали различные способы удобрять землю. Навоз — «кьук» вывозили в поле на санях в специальных деревянных плетеных больших корзинах — «кутIвал» и рассыпали по полю. В качестве удобрений использовали и золу — «руьхъ», которую собирали в особые кучи зимой после топки кизяками в домашних очагах, или полученную следующим образом: собирали в одну кучу хворост, солому, зерно, навоз и пр. Для удобрения полей специально на пашню пускали скот, особенно овец и коз, и не только на день, но и иногда на всю ночь под наблюдением пастуха. Этот способ обработки поля назывался у лезгин «мал ацукьрун», что в дословном переводе означает «посадить скот». Скот «сажали» на удобных пашнях, а крутые, пологие места удобрялись навозом.

Земля вспахивалась горским плугом. Тягловой силой служила обычно пара быков. Глубина пахоты колебалась от 6 до 12 см. Поскольку деревянная соха — «туьрез» не переворачивала пласт, а только разрезала его, участок приходилось перепахивать несколько раз. При этом направление вспашки менялось, и, таким образом, земля оказывалась вспаханной вдоль и поперек. В среднем вспахивали за день не более шестой части гектара.

С конца XIX — начала XX в. стали применять тяжелый сложный плуг — «куьтен».

В этот период в сельском хозяйстве лезгин используются русские косы, выписываемые из Ростова-на-Дону, Баку, Дербента и других городов. Весь остальной сельскохозяйственный инвентарь (сохи, лемеха, серпы, мотыги) изготовлялся местными мастерами.

В куьтен обычно впрягали три-четыре пары быков или буйволов. Число пар рабочего скота, впрягаемого в плуг, зависело от плотности почвы, топографии местности и других факторов.

В горах наряду с сохой широкое распространение имели мотыги — «кьуцI»; ими пользовались там, где нельзя было применять соху, а также при садоводческих и огороднических работах. Для разрыхления земли применялись также и кирки — «керки», не заводского, а местного производства, размерами намного меньше, чем заводские. Специальных борон, как и у других народов Дагестана, у лезгин не было. Боронование выполняли деревянной беззубой бороной «геар» или просто волокли по земле связки хвороста. Для посева чаще всего употребляли зерна из урожая предыдущего года. Сеяли и бороновали преимущественно перед наступлением периода дождей.

Из зерновых культур наибольшее распространение у лезгин получили пшеница (причем плоскостной сорт «сарубугъда» считался лучшим), ячмень, просо, овес, кукуруза и рис. Перечисленные культуры возделывались почти на всей территории Лезгинистана, за исключением риса, который культивировался лишь в районе Прикаспийской низменности, где благодаря обилию речных долин имелось достаточное количество воды.

Особенно большое развитие получило рисоводство (под названием «сарочинского пшена») в Кубинской провинции. «В 1830—1832 гг., —пишет Х. Х. Рамазанов, — валовый сбор риса в Кубинской низменности составил 19 600 пудов, а в 1845 г. — 93 750 пудов. По данным 1845 года, в Кубинской провинции было посеяно проса 600 четвертей и получен урожай 12 000 четвертей; из Кубинской провинции излишки хлеба вывозились в горные районы Дагестана и в Азербайджан. В 1845 г. из собранных 20 000 четвертей пшеницы было продано 6400 четвертей, из 20 000 четвертей ячменя было продано 4000, из 15 000 четвертей риса — 10 000» [29].

Севообороты у лезгинских крестьян были двухпольными, редко трехпольными. При паровой системе с двухпольным севооборотом поле делилось на две равные части: одна оставалась в залеже и служила пастбищем для скота, а другая — отводилась под хлебные злаки. На следующий год поле, бывшее в залеже, засевалось, а бывшее под посевом отводилось под залежь, в последующий год проходила обратная смена. Подобное чередование соблюдалось из года в год. Эта система была вызвана интересами поддержания плодородия почвы, урожайности полей. Крестьяне понимали это и строго соблюдали деление своих посевов на две части, засевая каждую из них попеременно. Разумеется, главной при-

чиной был недостаток пастбищных угодий, и отсюда принудительный общесельский севооборот по урочищам. Реже применяли лезгины трехпольный севооборот, когда земельный участок делился на три части. На одной части сначала сеяли кукурузу или просо, затем озимую пшеницу и завершали посевом проса или ярового ячменя. На следующий год переходили ко второму, затем к третьему участкам и снова через два года возвращались к первому и т. д.

В некоторых селениях высокогорной части из-за недостатка пахотной земли применялся однопольный севооборот, при котором из года в год сажали одну и ту же культуру (в этом случае сажали только яровые культуры, а на зиму участок целиком оставляли под пар), что сильно истощало поля.

В период созревания урожая особенно ухаживали за колосовыми, производили два или три раза прополку — «эчІуьн», поливные земли несколько раз поливали. Сроки уборки урожая зависели от сроков созревания хлебов, которые на плоскости наступали раньше, чем в горах.

Убирали хлеб при помощи железных серпов — «баскІум» как местного производства, так и покупных. Серп имел пилообразное, сильно изогнутое лезвие с острым концом и деревянную ручку. Хлеб подрезали у самого корня и связывали вязками из скрученной соломы — «чІикь» в снопы — «цуьл». Снопы одновременно подвозили к току, где укладывали в скирды — «марк», а оставшиеся на поле — в копны — «хара». Скирдам обычно придавали круглую форму, снопы укладывались колосьями внутрь, чтобы уменьшить потери зерна при осыпании и лучше сохранить его в случае непогоды.

Молотьба велась на специальном вычищенном и утрамбованном току — «харман», «рат» особыми молотильными досками — «ругунар», имеющими распространение не только в Дагестане, но и по всему Кавказу и Передней Азии. Делались они из твердых пород дерева в форме полоза, длиной в 120—150 см, шириной в 40—50 см и толщиной 5—9 см, с нижней стороны полоза вкладывались твердые кремневые камушки. На середине переднего суженного конца делали утолщение с отверстием, через которое пропускали кожаный ремень, соединяющий молотильную доску с ярмом пары быков или лошадей.

Развязанные снопы расстилали на току так, чтобы они образовали круг. Молотьбу проводили молотильными досками. В тех случаях, когда она велась с помощью волов, кто-либо из мужчин становился на доску и погонял вола по кругу снопов. При молотьбе солому переворачивали несколько раз деревянными вилами — «кьуьк». Эту операцию называли «кьукь ягЪун». Когда солома уже не держалась на вилах, ее переворачивали деревянной лопатой — «йирф». Этот конечный этап молотьбы назывался «йирф ягъун». Операцию «йирф ягъун» проделывали три-четыре раза, т. е. до тех пор, пока не оставалось необмолоченных колосьев.

После завершения молотьбы зерно с мякиной собирали в кучу и веяли его путем подбрасывания сначала вилами (деревянными и железными), затем деревянными лопатами. При этом мякина отделялась и отно-

силась ветром в сторону, а зерна падали тут же. Провеянное зерно для окончательной очистки пропускалось, кроме того, через решето — «саф». Очищенное зерно в мешках относили домой и хранили в особых зернохранилищах («катI», «канду», «закат» и т. п.). Мякину тщательно собирали при помощи больших метелок — «верхин кул» в огромные мешки — «харал» или большие корзины — «кутIвал» и отвозили в специальные сараи — «муьхц». Мякина служила кормом для крупного рогатого скота, лошадей и ослов.

Мололи зерно на ручных и водяных мельницах. Территория лезгин богата водопадами и бурными речками, что позволяло без труда подобрать место для сооружения невысокой плотины. Водяная мельница лезгин мало чем отличалась от аналогичных мельниц общекавказского типа. Поток водопада заключали в длинный деревянный желоб. Вода падала отвесно и приводила в движение горизонтальное колесо, от которого шла вверх ось, вращающая жернов. Над жерновом устраивался резервуар, из него по специальному устройству зерно подавалось к жернову. Такая мельница в течение суток при безостановочной работе молола 400—500 кг зерна.

На ручных мельницах (они имелись почти в каждом хозяйстве) мололи из пшеницы крупу — «чIахар» и толокно — «сав». Ручная мельница состояла из двух плоских камней-жерновов. В нижнем жернове имелось отверстие, в котором была укреплена деревянная ось. В верхнем жернове в центре тоже имелось отверстие, через него проходила ось нижнего жернова. У края верхнего жернова делалось еще второе отверстие, куда вставлялась деревянная ручка, посредством которой крутили жернов и мололи зерно.

Отсутствие правильных севооборотов, чрезвычайно примитивные способы обработки земли, незначительное использование удобрений и пр. приводили к крайне низким урожаям. Так, например, средняя урожайность в Кубинском уезде в 1912 г. составляла: пшеницы — 40—45, ячменя — 60—70 пудов с одной десятины [30].

До революции крестьяне сортность зерновых культур улучшали сами, примитивным способом, отбирали на семена среднюю часть колосьев.

В условиях жаркого климата, недостаточного количества осадков и гибельных для урожая восточных суховеев Лезгинистан не мог обходиться без искусственного орошения. Возможности орошения равнинной зоны, изрезанной множеством рек, в значительной мере не могли быть использованы, так как не было средств для создания искусственных оросительных систем.

Из общего числа пахотной земли (1888 г.) — 43 482 десятины — в Кусарском участке Кубинского уезда только на 1904 десятинах велось поливное земледелие [31].

В Кюринском округе (1909 г.) длина оросительных каналов составляла 170 верст, а площадь орошаемых земель — 12 611 десятин. В Самурском округе длина оросительных каналов равнялась 70 верстам, а площадь орошаемых земель — 4100 десятинам [32].

Судьба посева на неорошаемых полях полностью зависела от погоды. Не удивительно поэтому, что одним из наиболее распространенных обрядов среди лезгин, как и среди других народов этой группы, был обряд «вызывания» дождя — «пешапай».

«Пешапай» — лезгинское слово. «Пеш» — значит лист, «апай» — свекор. В целом слово переводится: «лиственный свекор»[33].

Обряд совершался так. В поле из села собиралась большая группа людей 30—40 человек, из них 5—10 взрослых мужчин и женщин (в некоторых селениях только мужчины), остальные подростки. Одного из присутствующих наряжали в костюм пешапая, изготовлявшийся из связанных между собой больших зеленых листьев травы. На голову пешапая надевали железный таз.

Сопровождаемый толпой людей пешапай ходил по дворам. Хозяйки сначала обливали пешапая водой, а затем давали ему «дары» — яйца, деньги, хлеб, сыр, мед. При этом все присутствующие на обрядовой церемонии произносили следующее:

Ай пешапай, пешапай!	Ай пешапай, пешапай!
Пешапай диз яд кIанда!	Пешапай, вода необходима!
Марфар, цифер инихъди!	Дожди, облака в нашу сторону!
Ракъар варцар анихъди!	Солнце. месяц от нас![34]

После того как обход домов был закончен, вся группа отправлялась на священный «пир». Здесь все снова хором просили у бога дождя, затем поровну делили продукты, деньги, все что сумели собрать — бо́льшую и лучшую долю при этом отдавали пешапаю, так как обычно его выбирали из числа наиболее бедных, нуждающихся людей или сирот.

В тех случаях, когда шли проливные дожди, устраивали обряд солнца — «гуьнуь». Слово это не переводится, но не исключено, что оно имеет нечто общее со словом «куьнуь» — пчелиная сапетка, а возможно, некогда обозначало какое-то божество и уж, во всяком случае, несомненно связано с солярным культом. В переводе с азербайджанского языка слово «гуьз» обозначает «свет», «глаз».

При исполнении этого обряда также собиралась группа людей, но в этом случае «они наряжали гуьнуь» (деревянную куклу, иногда несколько). Гуьнуь облачали в платьице из красной или желтой материи, на голову надевали красный платочек, на шею — бусы. Гуьнуь держала обычно женщина, которая ходила по дворам, распевая следующие слова:

А гуьнуь, гуьнуь гуьн герек!	Эй гуьнуь, гуьнуь, нам гуьнуь надо!
Чи гуьнуьидиз рагъ герек!	Нашей пчелиной сапетке солнце надо!
Марфар, цифер анихъди,	Солнце, месяцы в нашу сторону,
Ракъар, варцар инихъди!	Дожди, облака от нас!

Как мы уже говорили, слова «пашапай» и «гуьнуь», возможно, в отдаленном прошлом звучали как имена божеств, от милости которых якобы зависели дождь и солнце. «Сам факт, — пишет А. Г. Трофимова,— что

пешапая в большинстве случаев раздевали догола, а потом уже окутывали ветвями и что участвовало в церемонии только мужское население (в далеком прошлом мужчины, позднее — юноши и мальчики), указывает на связь дождя с мужской производящей силой в первобытном религиозном сознании»[35]. То, что голову — гуьнуь обязательно повязывали красным платком А. Г. Трофимова правильно связывает с солнцем, которое в древнейших религиозных представлениях всегда ассоциируется с красным цветом[36].

Подобных магических приемов у лезгин прежде существовало немало, и все они, естественно, были вызваны к жизни бессилием человека перед силами природы. «Слабость всегда спасалась верой в чудеса»[37].

В завершение краткого очерка лезгинского земледелия нам хотелось бы еще раз подчеркнуть следующие наиболее существенные моменты:

1) хотя лезгинское земледелие как на равнине, так и в горах имеет древнее происхождение и традиции, судьбы его сложились по-разному;

2) если на равнинах и в предгорных районах земледелие со временем становится ведущей отраслью местного хозяйства, то в горах его роль постепенно сходит на нет, уступая первенство в качестве ведущей товарной отрасли отгонному животноводству;

3) но даже на равнинах, где земледелие оставалось важнейшим хозяйственным направлением, его интенсивное развитие сдерживалось низкой технической оснащенностью, мелкоземельем, слабой культурой посевов, эксплуатацией крестьянского труда и другими факторами, характерными для экономики дореволюционного Дагестана.

Животноводство

Наряду с земледелием важной отраслью хозяйства лезгин было скотоводство. Комплекс домашней утвари и посуды, прослеживаемый на протяжении десятков столетий (специальные гончарная и кожаная посуда для хранения сыра, мяса, творога, сыворотки и других продуктов), изображение бараньей головы над дверьми, магические приемы жертвоприношения скота, особенности планировки жилища и хозяйственных построек и т. п. свидетельствуют о древности и важной роли животноводства (в особенности овцеводства в горах) в экономике и хозяйстве лезгин.

Об этом же свидетельствуют и археологические данные. Археологи относят начало скотоводства в Дагестане к эпохе мезолита[38]. В более поздних по времени материалах из Макинского могильника, обнаруженного на территории б. селения Мака Докузпаринского района и датируемого эпохой раннего железа, широко представлены кости как мелкого, так и крупного рогатого скота[39].

Занятие скотоводством на всех этапах истории лезгин давало населению мясо и молоко, материал для одежды и обуви, сырье для ремесел, и этим всегда определялась ведущая хозяйственная значимость данной отрасли.

Жители приморской и предгорной зон разводили главным образом крупный рогатый скот (коров, буйволов). Население горных и высокогорных районов содержало преимущественно мелкий рогатый скот (овец, коз), а крупный рогатый скот (молочный и рабочий) — в очень ограниченных размерах. Кроме того, в горах и на плоскости держали лошадей для верховой езды, а также молотьбы и перевозки вьюков на летние и зимние пастбища.

Для перевозки тяжестей в горах использовали лошадей, ослов и мулов. Неприхотливые к корму, эти животные отличались выносливостью, хорошо ходили по горам с грузами в 100 кг (ослы) и даже 200 кг (мулы). Неудивительно, что стоимость хорошего осла в конце XIX в. на местном рынке равнялась стоимости коровы или же 6—8 овец. В качестве тягловой силы использовались также быки и буйволы, однако последние только на равнине, так как горные климатические условия и рельеф местности не способствовали разведению буйволов.

В XVIII—XIX вв. в предгорной зоне скотоводство и земледелие развивались параллельно, являясь основными отраслями хозяйства местных жителей. В горных же районах, и в особенности в высокогорных, скотоводство являлось главной отраслью хозяйства.

В горных районах Лезгинистана имелись прекрасные летние пастбища — «эйлаги», пригодные для овцеводства, но не было зимних пастбищ, в силу чего у лезгин выработалась отгонная система животноводства. Летние пастбища (альпийские луга) были расположены высоко в горах, а приаульные пастбища недалеко от села. Летом в самое жаркое время года весь мелкий и большинство крупного рогатого скота (за исключением рабочего и некоторого количества молочного скота) содержали на айлагах.

Скотовладельцы (особенно те, у кого было много скота) с семьями отправлялись на эйлаги на все лето. Там пасли скот, заготовляли впрок сыр, масло, творог и т. п. Жили в сезонных жилищах — «пуна», а скот держали под открытым небом.

С начала осени, когда наступали холода, скот выпасали на приаульных пастбищах, а на зиму его перегоняли на зимние пастбища, которые были расположены за десятки и сотни километров на арендованной у феодалов равнине Дагестана и Азербайджана.

В описании Кубинской провинции 1832 г. Ф. А. Шнитников отмечал, что «жители вольных народов в осеннее и зимнее время, т. е. с ноября по 1 мая, отправляют для пастьбы своих баранов, составляющих главную их промышленность, в следующие провинции: торжальцы (жители селения Юхари-Тахирджал.— *С. А.*) — в Кубинскую, мискинджинцы — в Кубинскую и Дербентскую, алтыпаринцы — в Шекинскую, Кубинскую и Табасарань, ахтынцы — в Дербентскую, Шекинскую и Табасарань»[40]. Перегоняли на зимовку в основном мелкий рогатый скот и лошадей, а крупный рогатый скот (быки, коровы, телята) оставался на зиму в селении в основном на стойловом содержании, т. е. выпас иногда в хорошую погоду в поле сочетался с кормлением сеном.

Отгонная система животноводства была сопряжена с рядом трудностей. Приходилось заготовлять корма (на случай суровой зимы), строить кошары для овец. Далеко не все крестьяне могли самостоятельно нести все расходы, связанные с отгонным животноводством. «В период окота, стрижки и дойки,— писал Х. О. Хашаев,— надо было иметь на зимовке большое число людей. Поскольку каждый, кто имел 50—200 овец, не мог самостоятельно нести все расходы, связанные с арендой зимних пастбищ и проведением зимовки, несколько хозяйств (обычно 10—15) составляли «кош» и все расходы распределяли между собой пропорционально количеству овец» [41].

Трудности были связаны с падежом и потерей упитанности скота во время перегонов, а также с холодными зимами, когда снег не сходил с пастбищ и скот начинал погибать от бескормицы. К этому добавлялось, как справедливо пишет Х. Х. Рамазанов, и то обстоятельство, что «горцам приходилось с оружием в руках охранять скот, так как в условиях феодальных междоусобиц и неурядиц, набегов насильственный захват и увод скота был обыденным явлением» [42]. Особенно тяжело приходилось бедным хозяйствам, так как зимними пастбищами полностью распоряжались крупные овцеводы, а бедняки (да и многие середняки) вынуждены были на кабальных условиях перегонять скот в коше у богача. Постепенно малообеспеченный хозяин оказывался в полной кабале у богатого овцевода и фактически становился чабаном его стад.

«Индивидуальному же мелкому крестьянскому хозяйству разведение овец было не под силу, так как хозяйствование с ними предполагало далекие кочевки из-за отсутствия кормов вблизи аула» [43],— отмечает П. В. Погорельский.

Концентрация поголовья овец и коз в руках богатых хозяев в Дагестане, как указывает Х. О. Хашаев, усилилась во второй половине XIX в. [44], и в особенности к концу этого столетия. С приобретением зимних пастбищ крупные овцеводы все больше и больше ставят мелкие овцеводческие хозяйства в зависимое положение.

В конце XIX — начале XX в. животноводство (в первую очередь овцеводство) было развито у населения бывшего Самурского округа и в Курахском наибстве Кюринского округа. Среди азербайджанских лезгин животноводством занимались только жители некоторых высокогорных селений: Юхари — Тахирджал, Судур, Дустаир и др. В целом же у азербайджанских лезгин по сравнению с дагестанскими лезгинами эта отрасль была развита слабо. Кубинские лезгины продукты животноводства в основном приобретали у жителей Самурского округа.

В 1897 г. число домашнего скота в Самурском округе составляло: лошадей —5602, ослов —2650, мулов —157, быков и коров —11 416, буйволов и буйволиц — 148, овец — 308 393, коз — 37 245 голов, а всего — 365 611 голов [45]. В Кюринском округе (в 1900 г.) имелось: лошадей — 4859, ослов — 545, быков и коров — 31 938, буйволов и буйволиц — 7725, коз — 3976, овец — 13 850 голов, а всего — 187 633 головы [46].

В 1907 г. в этих двух округах (Самурском и Кюринском) насчитыва-

лось 400 тыс. голов, от которых было получено 60 тыс. пудов шерсти. В отдельных селениях Самурского округа овец и коз было: в Куруше — 90 тыс., в Ихреке — 30 тыс., в Рутуле — 22,5 тыс., в Смугуле и Шиназе — 20 тыс., в Фийе — 155 тыс. голов [47].

Подавляющее большинство скота, зарегистрированного в перечисленных селениях, находилось в руках нескольких очень богатых овцеводов, скупивших как зимние, так и летние пастбища. Остальные же односельчане в основной своей массе вынуждены были идти работать у них чабанами.

У азербайджанских лезгин овцеводство было развито, как подчеркивалось выше, только в высокогорных селениях. В 1888 г. в Кусарском участке Кубинского уезда число скота составляло: мелкого (рогатого) — 62 328, крупного (рогатого) —20 855, лошадей — 4032 головы [48].

Приведенные цифры в достаточной степени убедительно свидетельствуют о том, что в конце XIX— начале XX в. овцеводство в горных районах Лезгинистана по сравнению с равнинными районами значительно преобладало. Продукция горного производства имела товарный выход, в результате чего эта отрасль приносила владельцам крупных овечьих отар большие доходы.

В то же время в горных районах, где крупный рогатый скот находился на стойловом содержании, большую трудность представляла заготовка кормов на зиму. Луговых площадей, пригодных для косьбы косами, было мало, иногда даже приходилось траву, росшую на покатых склонах, косить серпами и вручную в вязанках спускать на тропинки.

Сенокосы лезгин в XIX в. в основном находились в частном владении крестьянских семей. Общественных сенокосов не было.

Сено косили исключительно мужчины, а убирали женщины. При сенокосе употребляли косы «дергес». Скошенное рядами — «маргъв» — сено два-три дня сушили, затем собирали при помощи грабель — «цуьруьгъуьл» и деревянных и железных вил. Собранное сено складывали в стога — «кIунтIар». Если сенокос располагался не очень далеко от села, сено привозили и складывали в сарае — «муьхц». В том случае, когда сенокос находился далеко от селения, сено складывали в большие скирды — «мъарк» с четырехугольным основанием и пирамидальным верхом. Высота такого скирда достигала 5—6 м при длине 10—12 м и ширине 5—6 м. Скирды до зимы оставались на месте покоса, их перевозили на санях в сараи зимой в свободное от других работ время.

Уход за скотом в основном считался женским делом, но и мужчины в нем принимали участие: зимой перегоняли скот на водопой, иногда кормили и т. д. С наступлением весны крупный рогатый скот находился под присмотром общественных пастухов. Их нанимали для каждого стада отдельно с общего согласия жителей всего села.

Из волов и бычков составляли отдельное стадо, которое с весны до поздней осени находилось на пастбищных угодьях и почти не возвращалось на ночь в аул. Из молочного скота также составляли особое стадо. Утром после дойки пастух выгонял его на присельские пастбища, а вечером

пригонял обратно (коров горской породы доили два раза в день — утром и вечером).

В большинстве горных селений присельские пастбища были расположены далеко от селения, и ежедневный перегон молочного скота на пастбище и обратно в аул довольно отрицательно сказывался на его продуктивности. Поэтому обычно скот перегоняли на все лето на высокогорные пастбища и держали там до осени.

Коров доили только женщины, доение коров мужчинами не было принято. Но на летних пастбищах (ятагах) овец доили только мужчины, а женщины помогали им лишь при переработке молока на сыр, творог и пр.

Телят также собирали в отдельное стадо. Для них редко нанимали пастуха. Обычно каждое хозяйство соответственно числу имевшихся телят по очереди выделяло специального человека, который отгонял стадо на ближние присельские пастбища и вечером пригонял его обратно в селение.

Во многих лезгинских селениях прежде существовал обычай кормить пастуха, выпасавшего коров. После дойки коров кто-либо из хозяев по очереди приглашал пастуха к себе. Обычно пастух знал, чья очередь, и, пригнав вечером стадо в аул, шел в этот дом. Здесь его ожидал вкусный сытный ужин, а когда пастух уходил, на завтрак в его сумку — «чанта» клалось обычно 3 чурека, сливочное масло, сыр и национальная халва «исида». Помимо ежедневного кормления пастуха, члены сельского общества (джамаата) платили ему определенную сумму (зерном или деньгами) в зависимости от числа молочного скота в стаде.

Этот лезгинский обычай имеет весьма древнее происхождение. По-видимому, в нем нашли отражение традиции той далекой эпохи, когда содержание общественных пастухов являлось обязанностью членов определенного родового поселения. С возникновением соседской общины этот обычай несколько трансформировался и в пережиточной форме дожил до наших дней.

Подводя итог всему вышеизложенному относительно лезгинского животноводства, мы еще раз хотим подчеркнуть, что, будучи столь же древним по своему происхождению хозяйственным занятием, как и земледелие, эта отрасль (опять-таки наряду с земледелием) на протяжении всего исторического пути развития лезгин составляла основу их хозяйства, а в высокогорных районах была ведущей.

Уместно также подчеркнуть, что в традициях, связанных со способами содержания скота, хозяйственного его использования, разведения тех или иных пород скота, лезгины имели немало общего с другими народами Кавказа.

Многовековой опыт совмещения занятий земледелием с интенсивным развитием животноводства нашел непосредственное отражение в народном лезгинском сельскохозяйственном календаре [49].

По этому календарю хозяйственный год у лезгин делился на четыре сезона: зима — «кьуд», весна — «гатфар», лето — «гад» и осень — «зул». Каждый из сезонов в свою очередь подразделялся на более мелкие периоды.

Датой наступления зимы «кьуд», т. е. началом нового года, считалось 22 декабря. Период с 22 декабря по 21 января называли «кьуд»; с 22 января по 20 февраля — «чиш»; с 21 февраля по 6 марта — «хиб»; с 7 марта по 21 марта — «кьуьгъвер». 22 марта считалось днем наступления весны — «гатфар». Период с 22 марта по 5 апреля назывался «яр»; с 6 апреля до полудня 12 апреля — «алкъварар»; с полудня 12 апреля по 20 апреля — «элхен-гелхен»; с 21 апреля по 5 мая — «турукIун»; с 6 мая по 20 мая — «гатфарин цIиг»; с 21 мая по 5 июня— «чIим»; с 6 июня по 21 июня — «ракъар».

На этом весна заканчивалась, и с 22 июня начиналось лето — «гад», которое делилось на следующие периоды:
с 22 июня по 21 июля — «гад»; с 22 июля по 21 августа — «чатун цIиг»; с 22 августа по 5 сентября — «гатун кьуьгъвер»; с 6 сентября по 21 сентября — «гатун яр»; с 21 сентября лето кончалось, а 22 сентября начиналась осень «зул», которая делилась всего на два периода: с 22 сентября по 5 октября — «зулун къар»; с 6 октября по 21 декабря — «рагъ элкъведай йикъар», а с 22 декабря снова наступала зима [50].

Какие же сельскохозяйственные работы совершали в эти периоды года? В дни «кьуьда» в основном занимались работами по дому и определяли, даст или нет приплод крупный рогатый скот. Кроме того, считалось, что если сразу, с 22 декабря, начнется шум в ульях, то меда в предстоящем году будет много, если же шума не будет, то год для пчеловодства окажется неудачным.

С 21 января по 5 февраля с наступлением периода «хъуьтIун цIиг» начинался окот крупного и мелкого рогатого скота. Это время было особенно ответственным для скотоводов. В указанный период для содержания скота требовалось больше всего сена, ибо в этот и следующие месяцы зимы были самыми холодными и особенно суровыми в горах. Существовала пословица: «ХъуьтIуьн цIикIи гатун цIкIихъ галазъ пягьс ийда», что означало: «Холодное время зимы «хъутIуьн цIиг» всегда спорит (соревнуется) с самым жарким периодом лета «гатIун цIиг». Лезгины считали, что если скот переживет «хъуьтIун цIиг», можно считать, что он благополучно сохранится до весны.

Следующий этап холодного периода зимы — «чиш» (с 22 января по 20 февраля) особенно не отличался от предыдущего. Он был последним ответственным временем для скотоводов, это нашло отражение в пословице: «Чиш акъатна кьуд акъатна», что в переводе означает: «Чиш прошел, значит зима прошла».

С наступлением периода «хиб» (с 21 февраля по 6 марта) начинали готовить к весне сельскохозяйственный инвентарь, изготовляли новые орудия труда. Этот период считался наиболее подходящим для удобрения полей. И, наконец, в это время каждый хозяин готовил зерно для весеннего посева.

Кроме того, наступление периода «хиб» отмечали праздником «хидир небн». С окончанием этого периода связана следующая пословица: «хиб, акъатна, хупI акъатна», т. е. «хиб прошел, прекрасно, что прошел».

С наступлением последнего этапа зимы — «кьуьгъвер» (с 7 марта по 21 марта) земледельцы начинали пахать участки, освободившиеся от снега. Поэтому и само название этого периода — «кьуьгъвер» в переводе с лезгинского означает «вспашка». Кроме того, в середине марта, когда начинает уже немного теплеть, женщины приступали к натягиванию основы больших ковров «сумахов», которые из-за их величины ткали обычно на веранде или в другой свободной комнате. Вообще у лезгин считалось, что сумах, если его основа была натянута во время кьуьгъвер, принесет счастье и урожай. Поскольку в указанный период женщины были свободны от сельскохозяйственных работ и было достаточно тепло, это время считалось наиболее подходящим для изготовления сумахов.

Кроме того, женщины в это время изготовляли из накопленного за зиму навоза кизяки для топки. Для этого периода календаря у лезгин также имелась соответствующая пословица: «Кьуьгъвер кьуртI, яр гатфар» («Кьуьгъвер проглотили, а яр весну принес»).

Приход периода «яр» (с 22 марта по 5 апреля) означал, что весна полностью вступила в свои права. В народе это обозначалось большим праздником «яран сувар»[51]. В ночь с 21 по 22 марта разводили повсюду большие костры; дети и подростки перепрыгивали через них. Кроме того, детям-подросткам, иногда даже взрослым женщинам привязывали к рукам и ногам красные нитки.

Раньше у лезгин было принято также трижды обводить ночью вокруг селения красного (точнее, коричневого) быка, купленного на средства всего джаамата, которого затем убивали, а мясо раздавали всем семьям села. Считалось, что такое жертвоприношение должно «огородить» жителей аула от неурожаев и гибели скота в предстоящем году и т. д.

С наступлением периода «яр» в селении уже назначали «нехирбанар» — пастухов молочного скота и «къурухчияр» — сторожей пастбищных полей, куда запрещалось пускать скот для пастьбы до особого указания джамаата.

Лезгины полагали: какими будут первые три дня периода яр (дождливыми, солнечными или пасмурными), такими должны быть предстоящая весна, лето и осень. Считалось хорошим предзнаменованием, если яр был не дождливым. Лезгинская пословица гласила: «Яраз цавай яру стIалнн ават тавурай», что означало: «Во время яр пусть не падает с неба даже капля».

Из сельскохозяйственных работ, выполнявшихся в это время, прежде всего приводили в порядок оросительные системы, а также дороги. Женщины занимались тканьем ковров, сукон, веревок и т. п.

Период с 6 до полудня 12 апреля назывался «алкъварар», т. е. «время, когда бывают частые дожди, за день погода меняется несколько раз». На этот счет лезгинская пословица гласила: «Алкъварин югъни хиндида сад я», т. е. «день алкъвара подобен настроению вдовы». С наступлением алкъвар начинался посев яровых культур, продолжавшийся и в следующем периоде весны «элхен-гелхен» (с полудня 12 апреля по 20 апреля). А в период «турукIун» (с 21 апреля по 5 мая) все яровые посевы завер-

шались. Зато в полном разгаре в это время были работы по садоводству. Следующие два периода весны: «гатфарин цІиг» (с 6 мая по 20 мая) и «чІим» (с 21 мая по 5 июня) — связаны с началом сельскохозяйственных работ, особенно по уходу за посевами (прополка полей). Большое внимание уделяется в это время уходу за скотом; скот возвращали с зимних пастбищ и на все лето отправляли в горы, на летние пастбища.

Последний период весны «ракъер» (с 6 июня по 21 июня) был отмечен началом уборки урожая, в частности ячменя, который поспевал раньше других сельскохозяйственных культур. С созреванием ячменя был связан интересный обычай, бытовавший в лезгинских селах в прошлом. Лезгины говорили: «Ракъариз бешхуртІ авуна кІанда», т. е. «Во время ракъер надо бешхуьт делать». Это значило, что хозяин, у кого первым на селе поспевал урожай, должен был немедленно собрать его, привезти на ток и помолоть. Пока зерно оставалось на току, он объявлял, что готов делать «бешхуртІ», т. е. готов отдавать урожай в долг тем, у кого кончились запасы хлеба к весне, или тем, кто нуждается. И все приходили на ток (на «харман») и брали в долг. Само выражение «бешхуртІ», как объясняют старожилы, обозначает первый харман, первый ток. Значит зерно, полученное на первом току, обязаны были давать в долг. Этот обычай очень древний, восходит, вероятно, к существовавшему некогда у лезгин обычаю родовой взаимопомощи.

С 22 июня начиналось лето «гад»; оно делилось на четыре названные выше земледельческих периода. Это время уборки урожая, сенокоса, и уборки сена.

В первый день «гатун цІиг» с 22 августа в стадо маточных овец пускали несколько баранов-производителей. В день начала «гатун яр», то есть 6 сентября, начинали вспашку полей после сбора летнего урожая.

С 22 сентября начиналась осень — «зул», длившаяся до 22 декабря; она делилась на два периода. В первый период «зулун къар» крестьяне завершали осенний сев, привозили заготовленные корма в сараи, завершали молотьбу хлебов, собирали урожаи фруктов, готовились к отправке скота на зимние пастбища, запасали продукты впрок (сушили мясо, мололи зерно на зиму и пр.).

Во втором, завершающем сельскохозяйственный год, периоде осени, который начинался 6 октября, мелкий рогатый скот с чабанами и частично с членами семей отправляли на зимние пастбища. Определенная часть трудоспособного населения аула уходила на работы в города и другие селения.

Приведенный нами выше народный сельскохозяйственный календарь лезгин показывает, что в целом при комплексной земледельческо-животноводческой направленности развития их хозяйства ведущее место, бесспорно, принадлежало земледелию. На это, в частности, указывает особая разработанность в календаре весеннего периода — важнейшего времени для проведения земледельческих работ.

Пользуясь указанным календарем, следует также иметь в виду, что, хотя в нем отразился традиционный народный опыт многих поколений

крестьян, в проведении сроков сельскохозяйственных работ в тех или иных селениях Лезгинистана имелись определенные различия, связанные с природными условиями конкретной местности, локальными особенностями хозяйственной направленности и традициями.

Подсобные отрасли хозяйства (садоводство, огородничество, пчеловодство, охота)

Наряду с земледелием и животноводством лезгины издавна занимались садоводством и в горах, и на равнине. Особенно было развито садоводство у жителей речных долин, где климатические условия наиболее благоприятствовали развитию этой отрасли хозяйства. Обилием осадков в XIX в. были известны Кусарский участок Кубинского уезда, Гюнейский участок Кюринского округа, селения Ахты и Мискинджа Самурского округа. В Кусарском участке Кубинского уезда в 1899 г. под садами было занято 840 десятин земли [52], в Кюринском округе в 1915 г.— 1708 десятин, а в Самурском округе в 1897 г. — только 102 десятины земли [53].

Слабое развитие садоводства в Самурском округе объяснялось недостатком пригодной для разведения садов земли, а главное, отсутствием достаточного количества воды для орошения. В садах у лезгин произрастали яблоки, груши, айва, гранаты, грецкий орех, миндаль, абрикосы, инжир, вишня, черешня и пр. На плоскости, кроме того, разводили виноград.

Садоводством занимались главным образом жители равнинных районов — прежде всего в Кусарском участке Кубинского уезда и Гюнейском участке Кюринского округа, — которые использовали продукты этой отрасли не только для личного употребления, но и для продажи. Фрукты поступали отсюда на рынки городов Баку, Дербента, Махачкалы, Астрахани и др. «В 40-х годах XIX в., — пишет Х. Х. Рамазанов, — во всех селениях, расположенных между Белиджи и Кубой, были виноградные и фруктовые сады, состоящие из черешни, виноградных лоз, груши, айвы, миндаля, гранат, персиков, абрикос; здесь выращивали также разные огородные культуры. В эти годы в Кубинском уезде было 3700 фруктовых и 2160 виноградных садов. Кубинская провинция снабжала фруктами такие крупные города, как Баку, получая при этом ежегодно до 1500 червонцев» [54].

Жители районов, где интенсивно развивалось садоводство, культивировали также высокоствольные тутовые деревья для разведения шелковичных червей. О том, что жители Кусарского участка в Кубинском уезде занимались шелководством, еще в конце XVIII в. упоминает П. Г. Бутков. Он пишет, что жители этих районов «произрастают с убытком разных родов хлеба, хлопчатую бумагу, марену, всякие фрукты, шелковичных червей» [55]. Упоминание о том, что жители Кюринского округа занимались шелководством, мы находим в описании Дагестана 1804 г. А. И. Ахвердова, который, в частности, о кюринцах сообщает следующее: «хлебопашество богатое, делают также шелк» [56].

Однако в целом шелководство у лезгин не получило широкого развития. Удовлетворяя лишь личные нужды самих производителей, эта отрасль в дореволюционное время не имела товарного значения.

Огородничество у лезгин прежде распространено не было. Оно начало развиваться только с конца XIX в. главным образом под влиянием русских переселенцев. Об этом, в частности, подробно сообщает Х. Х. Рамазанов. «Жители Дагестана,— пишет он,— с 90-х годов XIX в. начали с успехом возделывать картофель. Примеры его возделывания были переняты у русских. Так, жители Кураха переняли примеры выращивания картофеля от русских солдат, живших в Курахской крепости. В 1904 г. курахцы посеяли много картофеля и часть урожая продавали жителям соседних селений» [57].

Пчеловодством лезгины занимались с древнейших времен, и по своему происхождению оно было связано с охотой. Разводили пчел повсеместно, но особенно пчеловодство было распространено в горной и предгорной зонах.

Пчеловодство до революции велось примитивным способом. Пчел содержали в сапеточных ульях разных форм и величины. Но особенно большой убыток пчеловодству приносила система изъятия меда из ульев. Прежде чем достать мед, пчел оглушали, взрывая в камыше небольшой заряд или же поливая внутренность улья холодной водой. Иногда пчел окуривали грибком-дождевиком — «плицйф», в результате чего они на время цепенели и их легко можно было вытряхнуть из улья.

По словам Г. Триантафилова, подобными «разбойными» способами добывания меда ежегодно уничтожалось от 40 до 50% пчелиных семей [58].

Тем не менее следует отметить, что в хозяйстве лезгин в целом пчеловодство играло существенную роль. В XIX в. в горах очень мало можно было найти семей, где бы не имелись пчелы, ибо содержание их особой заботы и труда не требовало. Разумеется, были семьи, которые имели очень много пчел и продавали мед, но таких хозяйств было немного.

Для большинства лезгинских хозяйств продукт этой отрасли товарного выхода не имел, и лишь иногда мед сбывали на местных рынках. Цеженый мед в начале XX в. ценился 30—35, сотовый 30—40 коп. за фунт, воск 60—80 коп. Семья пчел в сапетке стоила от 5 до 10 руб. [59]

Следует подчеркнуть, что хотя пчеловодство у лезгин было развито повсеместно, эта отрасль имела подсобное значение в их общехозяйственном комплексе и удовлетворяла в основном внутренние потребности семьи.

Охота составляла одно из любимых занятий мужчин. Территория лезгин богата зверем и дичью. Здесь водятся волки, шакалы, лисицы, куницы, зайцы и т. п. В горах обитают олени, козули, дикие кабаны, дикие бараны. Из боровой дичи — тетерева, горные индейки, фазаны и курочки, дикие утки и гуси, куропатки и т. д.

Охотились в основном с ружьем. На крупных зверей расставляли также капканы, ловушки, устраивали ловчие ямы. Для охоты на куропаток пользовались прямоугольными (2,2 м) щитами из холста или ситца, натянутых на деревянные рамы. На холст нашивали цветные тряпочки.

Прячась за щит, охотник приближался к стае и стрелял сквозь отверстие в нем. Такой способ охоты на куропаток был распространен и у других народов Дагестана, а также у азербайджанцев, армян и других народов Кавказа.

Раньше часто охотились группами и добычу при этом делили поровну между всеми участниками. На охоту отправлялись иногда с ночевкой, а в основном рано утром и возвращались всегда вечером, когда наступали сумерки. Существовала примета, согласно которой, увидев охотника с дичью, «дурные» глаза могли сглазить его и тогда предстоящая охота могла бы «не удасться».

Следует особенно подчеркнуть, что охота среди лезгин никогда не составляла сколько-нибудь существенного источника семейного дохода, но повсеместно была любимым занятием мужчин, своеобразным спортом для них. И сейчас в селениях всегда находится несколько человек с увлечением занимающихся охотой.

Рыболовство среди лезгин, несмотря на наличие на их территории множества рек, распространено не было.

Дополнительные источники дохода (отходничество, извоз)

Наряду с традиционными отраслями в хозяйственной жизни многих лезгинских семей, особенно начиная со второй половины XIX в., заметную роль играет отходничество. Широкое развитие отходных промыслов в среде лезгинского крестьянства было вызвано специфическими обстоятельствами социально-экономического характера: безземельем и малоземельем, острым недостатком скота, отсутствием возможности найти применение рабочей силы в родном селе и т. п. Эти условия, в свою очередь, приводили к появлению «избыточного» населения, которое должно было искать приработка в отхожих промыслах.

«Беднота,— писал В. И. Ленин,— соединяет продажу своей рабочей силы («отхожие заработки») с ничтожными размерами посевов»[60]. Отхожие промыслы есть массовый отход «избыточного» населения в поисках работы по найму в районы развитой промышленности или сельского хозяйства. Поэтому неслучайно, что больше всего отходников давали те селения, где наблюдалась крайняя бедность. Были и такие случаи, когда наиболее нуждающиеся семьи в полном составе переселялись в другие места. «В 1850 г. в Докузпаринском магале было 10 селений, причем жители 8 селений отправлялись на отхожий промысел в Нухинский уезд. Одна треть жителей Балуджа, половина населения Ялтуга, 24 двора Джин Джига и 74 двора Ихири,— пишет Х. Х. Рамазанов,— из-за недостатка земли переселились в Азербайджан и основали там новые селения»[61].

По сравнению с другими окраинами Дагестана больше всего отходников давал Самурский округ, о чем свидетельствует следующая таблица, помещенная в работе Х. О. Хашаева.

Таблица 1

Округ	Число отходников в 1913 — 1915 гг.	В % к итогу	Пашни на душу населения (в дес.)	Голов скота на душу населения	Отходников на тыс. жителей
Аварский	3 286	3,5	0,18	3,7	87
Андийский	9 375	10,0	0,14	3,8	156
Гунибский	15 963	17,1	0,15	5,3	228
Даргинский	11 763	12,6	0,22	2,2	129
Казикумухский	12 069	13,0	0,15	3,3	220
Кюринский	8 600	9,2	0,45	2,1	104
Катайго-Табасаранский	3 823	4,1	0,36	2,8	63
Самурский	23 189	24,9	0,14	7,8	32,7
Темирханшуринский	5 240	5,6	0,22	4,4	87
Итого по Дагестану	93 313	100,0	0,22	3,9	155[62]

Из таблицы явствует также, что наибольший процент отходников был в тех округах, где население испытывало острый недостаток пахотной земли.

Отходничество было распространено в самых разнообразных формах. Начиная с осени, после уборки урожая, значительная часть мужского населения уходила в Азербайджан работать на Бакинские нефтяные промыслы или батрачить на сельскохозяйственных работах.

Были отходники-ремесленники: шубники, каменщики, деревообделочники, плотники и др. Они ходили из аула в аул, предлагая свои услуги. Вместе с отцами иногда уходили на заработки и подростки начиная с 12—14-летнего возраста. Иногда отходники брали с собой всю семью. Можно было в то время встретить и большие семьи, перекочевывавшие на всю зиму в плоскостные районы. Там все члены семей работали в качестве батраков, домашней прислуги, поденных рабочих и т. д.

Как рассказывают старожилы многих сел Ахтынского района, отправляясь на заработки всей семьей, отходники обязательно оставляли дома молодых девушек и женщин, так как их могли похитить в Азербайджане. Молодых женщин не брали и когда отправлялись на зимние пастбища.

Особенно широкий размах приобрело отходничество среди лезгин в первое десятилетие нашего века. В этот период значительная масса отходников направлялась не только в Бакинскую, Елизаветопольскую (ныне Ставропольский край), Тифлисскую губернии, но и далеко за пределы Кавказа: на Украину, в Белоруссию и Среднюю Азию.

Об этом, в частности, достаточно убедительно свидетельствует таблица, помещенная в уже упоминавшейся нами работе А. И. Гасанова-Алка-

Таблица 2

№ п/п	Республика	Население				Всего		Итого
		городское		сельское				
		м	ж	м	ж	м	ж	
1	Узбекская ССР	241	66	21	1	262	67	329
2	Туркменская ССР	139	48	18	1	157	49	206
3	Украинская ССР	134	52	45	—	179	52	231
4	Белорусская ССР	3	2	—	—	3	2	5
	Итого	517	168	84	2	691	169	770

дарского, составленная им по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Как видно из табл. 2, главная масса лезгин-отходников (88, 9%) уходила для работы в города и только 11,1% добывали себе хлеб, работая в сельской местности. Среди отходников мужчины составляли 78% и женщины — 22% [63].

Оценивая роль отхожих промыслов в хозяйственной жизни российского крестьянства конца XIX в., В. И. Ленин подчеркивал их прогрессивное значение, заключавшееся прежде всего в том, что отхожие промыслы вырывали крестьян из замкнутости и раздробленности и вовлекали в водоворот общественной жизни, в совместную с пролетариатом классовую борьбу против эксплуататоров. «Перекочевыванья,— говорил В. И. Ленин,— означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии и в промышленности, и в столице и в захолустье» [64].

Высокий процент отходников среди лезгинских крестьян в XIX — начале XX в. объяснялся прежде всего низким уровнем развития экономики Дагестана, где сельское хозяйство оставалось маломощным, а сколько-нибудь развитая промышленность отсутствовала. Втягивание Дагестана в общероссийский капиталистический рынок превратило его в своеобразного поставщика рабочей силы для интенсивно растущих промышленных предприятий Юга России. Со своей стороны, отходники, побывавшие в промышленных центрах и городах: способствовали росту политического сознания и культурного уровня лезгин в разных аулах.

Отходничество явилось одним из основных путей ликвидации многовековой изолированности лезгинского народа от культурного мира. Оно способствовало воспитанию в горце чувства пролетарского интернациона-

лизма, уважения и дружбы к русскому рабочему классу, возглавлявшему борьбу с самодержавием рабочего класса всех наций и народностей, населявших б. Российскую империю. В революционных схватках вместе с бакинским пролетариатом, возглавлявшимся партией большевиков, проходили большевистскую школу воспитания тысячи лезгин-отходников. И среди них немало видных революционеров, таких, как сыновья бедных кустарей Казимагомед Агасиев и Мыхтадыр Айдинбеков из селения Ахты, Асланов Абас из селения Кусары и др.

Подсобную роль в хозяйстве лезгин конца XIX и особенно начала XX в. играл также извозный промысел — «кири». Этим промыслом занималась та часть крестьян, которая на зиму оставалась в ауле. В таких селениях, как Ахты, Зейхур, Хазри, Юхари-Тахирджал, Судур, Дустаир, Мака, Кара-Кюре, Микрах, Мискинджа и др., было немало крестьян, которые зимой постоянно занимались кири. Они имели свои собственные арбы и волов и на этих арбах в течение зимы несколько раз делали рейсы по тракту с товарами до Билиджи, Дербента, Нухи и обратно. Как рассказывают старожилы, за один оборот (например, из Ахтов до Дербента и обратно) киричи (извозчик арбы) получал 3 руб. [65].

Из Нухи в Ахты за отсутствием дорог товары привозились вьючным транспортом, а не на арбах. Вдоль дорог тогда строились «караван-сараи» — помещения, где проезжавшие могли останавливаться на ночлег, а также оставлять свои арбы и животных. Такие караван-сараи строили почти через каждые 12—15 км состоятельные люди, за ночлег они взимали плату.

Таким образом, извозный промысел имел подсобное значение в хозяйстве лезгинских крестьян, играл ведущую роль лишь в жизни сравнительно небольшого числа семей.

В заключение следует отметить, что в земледелии, животноводстве, садоводстве и других отраслях выработались весьма устойчивые и прочные, несущие порой на себе отпечаток многих веков, традиции. Эти традиции наряду с общекавказскими чертами имеют свои специфические особенности, например, в способах землепользования и землевладения, приемах содержания скота и ведения полеводства, отражающие своеобразие хозяйства, быта, культуры и обычаев лезгин.

Как было показано выше, земледелие и скотоводство являются древнейшими занятиями лезгин. Судя по археологическим данным, истоки земледелия восходят у лезгин к концу неолита, скотоводства — к эпохе мезолита. О древности местного земледелия и скотоводства свидетельствуют и многочисленные этнографические факты, в частности особенности народного календаря, а также данные лингвистики и фольклора.

В то же время следует подчеркнуть, что благодаря специфике природных зон расселения лезгин, а также целому ряду факторов общественно-политического характера в степени развития этих отраслей наблюдается определенное географическое размежевание: в горах преобладает скотоводство, на равнинах — земледелие, в предгорных районах обе отрасли развиты пропорционально.

Несмотря на древность земледелия и скотоводства и их глубокие традиции в хозяйственной жизни лезгин, в XIX в. они наряду с другими отраслями находились на довольно низкой ступени развития.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции в результате социалистической индустриализации и коллективизации, став сферой приложения коллективного труда колхозников и рабочих совхозов, отрасли традиционного лезгинского хозяйства были оснащены современной техникой и комплексом агротехнических методов, что позволило значительно поднять урожайность земледельческих и плодовых культур и увеличить продуктивность и интенсивный характер животноводства.

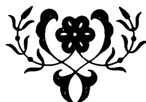
[1] КК на 1857 год, с. 275—276.
[2] История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 46, 71.
[3] *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1961, т. IX, с. 282.
[4] См.: *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ в II—I тысячелетии до н. э.— КС ИИМК, М.— Л., 1946, вып. XIII, с. 130—134; *Котович В. Г.* Верхнегунибское поселение. Предварительное сообщение о раскопках 1958 г.— МАД, II, с. 107; *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, с. 282, 288; *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник.— МАД, II, с. 158; и др.
[5] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 20—21.
[6] *Агларов М.* Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев до XX в.— УЗ ИИЯЛ, 1963, т. XII.
[7] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 21.
[8] История Дагестана, т. 1, с. 176—177.
[9] *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728.— ИГЭД, с. 77.
[10] *Хашаев Х.-М. О.* Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 189.
[11] ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, л. 6.
[12] *Хашаев Х.-М. О.* Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 190.
[13] ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 8, л. 217.
[14] Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края. Тифлис, 1899, с. 4.
[15] Там же, с. 147.
[16] Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 2.
[17] *Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане 1835/1836 годов, с. 344—345.
[18] Полевой материал 1957 г.— АА, тетр. № 1.
[19] КК на 1886 г., с. 203.
[20] Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 1.
[21] Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края, с. 5.
[22] Полевой материал 1957 г.— АА, тетр. № 1.
[23] Одна руба, вернее, репе равняется 30—32 кг.
[24] ЦГИА АзССР, ф. 51, оп. 1, д. 225, л. 113—114.
[25] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 149.
[26] Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. Предисловие А. Бирзе.— Красный архив, 1936, № 6, с. 102.
[27] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 26.
[28] *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане.— АЭС, 1965, вып. II. с. 19—21.

[29] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки..., с. 190.
[30] Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1912 год. Тифлис, 1913, с. 170.
[31] Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края, с. 147.
[32] РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 19.
[33] *Трофимова А. Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана.— АЭС, Баку, 1966, с. 98.
[34] Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 1.
[35] *Трофимова А. Г.* Из истории религиозных обрядов..., с. 104—105.
[36] Там же, с. 109.
[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 123.
[38] *Золотов К. Н.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной зоне населения Дагестана в древности (по остеологическим данным).— МАД, 1961, II, с. 21.
[39] Очерки истории Дагестана, т. 1, с. 21.
[40] *Шнитников Ф. А.* Описание Кубинской провинции. 1832.—ИГЭД, с. 331.
[41] *Хашаев Х. О.* Занятие населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959, с. 49.
[42] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки..., с. 141—142.
[43] *Погорельский П. В.* Сельское хозяйство горного Дагестана. М., 1940, с. 38.
[44] *Хашаев Х. О.* Занятия населения Дагестана в XIX в., с. 49.
[45] ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 35.
[46] ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 8, л. 225.
[47] ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 1, д. 3, л. 72—73.
[48] Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края, с. 147.
[49] Впервые вопросы сельскохозяйственного календаря освещены в работе А. Г. Трофимовой «Обряды и празднества лезгин, связанные с календарем» (СЭ, 1961, № 1). В 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве С. Ш. Гаджиева, А. Г. Трофимова, А. Р. Шихсаидов сделали доклад на тему «Старинный земледельческий календарь народов Дагестана». Кроме того, некоторые данные о народном календаре лезгин приводятся в книге М. М. Ихилова «Народности лезгинской группы» (Махачкала, 1967, с. 115—116). Мы же в освещении данного вопроса старались более четко указать последовательность сельскохозяйственных работ в соответствующие периоды народного календаря, а также по мере возможности привлечь тот материал, который характеризует традиционные особенности сельскохозяйственного календаря лезгин.
[50] Полевой материал 1959, 1960, 1965 гг.— АА, тетр. №№ 2, 1, 1.
[51] В литературе описания этого периода нет, поэтому мы отметим некоторые его особенности.
[52] Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края, с. 147.
[53] ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 3, д. 104, л. 116.
[54] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки..., с. 191.
[55] *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета персидской экспедиции в виде писем». 1796.— ИГЭД, с. 204.
[56] *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана.— ИГЭД, с. 225.
[57] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки..., с. 234.
[58] *Триантафилов Г.* Дагестанское пчеловодство.— Дагестанские областные ведомости, 1915, № 4.
[59] Полевой материал 1956—1957 гг.— АА, тетр. 1—3.
[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 113.
[61] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки..., с. 134—135.
[62] *Хашаев Х. О.* Занятия населения Дагестана в XIX в., с. 80.
[63] *Гасанов-Алкадарский А. И.* Горцы Северного Кавказа и Дагестана в отражении переписей населения 1897 и 1926 годов. Махачкала, 1957, с. 16—17.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 246.
[65] Полевой материал 1957 г.— АА, тетр. № 2.

Глава вторая

Домашнее производство и ремесла

Изделия домашнего производства. Ремесленное производство



Как указывал В. И. Ленин, «домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство» [1]. Лезгинские крестьяне издавна производили кустарным способом практически все необходимое для удовлетворения потребностей членов семьи в разнообразных предметах хозяйства и быта.

С ускорением процесса отделения промышленного производства от земледелия некоторые виды ремесел стали выделяться в самостоятельные промыслы, а мастера стали специализироваться на изготовлении отдельных профессиональных изделий. В результате увеличилось количество товаров, поступавших как на местные рынки, так и на вывоз. Особенно интенсивное развитие ремесел у лезгин, как и у многих других народов Дагестана, наблюдается со второй половины XIX в.

Из всех видов ремесел наиболее широкое распространение у лезгин получили ковроделие и керамическое производство. Этому во многом способствовало обилие местного сырья и особенно натуральных красителей. Другие виды производства, такие, как резьба по камню, дереву, ткачество, ювелирное искусство и др., не получили у них такого совершенствования, как у народов нагорного Дагестана. Э. В. Кильчевская отмечает, что «Южный Дагестан с давних пор вплотную примыкал к крупным ремесленным и торговым центрам Восточного Закавказья, таким, как Дербент, Куба, Нуха, Гянджа, Баку и др., и сюда мощным потоком шли предметы их ремесла и торговли, вытеснявшие менее совершенную продукцию местных кустарей. Поэтому те виды декоративного искусства и отрасли художественного ремесла, которые здесь были,— резьба по камню и дереву, узорное вязание и ткачество, ювелирное искусство и вышивка — не достигли столь высокого совершенства, как в центральной части горного Дагестана» [2].

Тем не менее в XIX в. на территории расселения лезгин существовало более 20 видов домашнего и ремесленного производства; их повсе-

местное распространение обусловливалось в первую очередь полунатуральным характером хозяйства и наличием свободных рабочих рук, в полной мере не загруженных в сельском хозяйстве в течение 9—10 месяцев в году.

Продукты ремесленного производства лезгины реализовывали на местных рынках. Многие изделия, как, например, ковры, сумахи и др., находили широкий сбыт не только внутри Азербайджана и Дагестана, но и во многих областях и губерниях России и даже за границей.

Однако большая часть производимых вещей удовлетворяла только местные потребности. Это относится к изготовлению деревянных изделий, войлочному и трикотажному производству, к выделке сукна, а также к обработке шкур и кож. Поэтому одни домашние произведения являлись предметом ограниченного местного обмена, часто натурального, а другие становились товаром, предоставляя хороший заработок производителю.

Домашними промыслами занимались и мужчины и женщины. Исключительным занятием последних было изготовление изделий из шерсти и отчасти керамическое производство. Мужчины обрабатывали металл, дерево, камень.

В силу господства домашнего производства у лезгин не могли развиваться сложные формы разделения труда; одни и те же члены семьи разбирали шерсть, сортировали ее, расчесывали, изготовляли нитки, ткали, шили и т. д., причем в простейших видах труда участвовали и дети, а в более сложных — только опытные взрослые члены семьи.

Профессиональная специализация среди женщин также была редким явлением — самые разнообразные работы (выделка сукон, ковров, паласов, носков и пр.) производились одними и теми же лицами, под одной и той же кровлей.

Несмотря на то что разного рода промыслы и ремесла были распространены на территории лезгин повсеместно, однако все их можно, на наш взгляд, распределить по зональному принципу. Правомерность именно такого деления обусловлена особенностями местной среды (как природно-географического, так и социального характера). Например, деревянные изделия производились преимущественно в районах, богатых лесом (предгорная и равнинная зоны), керамические изделия — там, где имелась глина соответствующего качества (предгорная зона). Производство сукон, ковров, чулочных и тому подобных изделий больше всего было развито в высокогорных и предгорных районах, где имелся достаточный запас сырья в виде шерсти, шкур и овчин и т. д.

Изделия домашнего производства

Изделия из дерева. В XIX в. производство деревянных изделий было распространено у лезгин преимущественно в предгорной зоне, где имелись в изобилии различные ценные породы леса. У азербайджанских

лезгин оно было наиболее развито в селениях Гиль, Пирал, Хазры, Юхари-Зейхур, Юхари-Тахирджал, Дигах, Кымыль, Куснет бывшего Кубинского уезда, у дагестанских лезгин — в селениях Ашага-Стал, Орты-Стал, Куркент, Зизик, Нютюг, Испик, Ашага-Картас, Юхари-Яраг, Бюлбюлкент, Гезеркент, Целягун бывшего Кюринского округа.

Изделия из дерева имели самое различное назначение: сельскохозяйственные орудия труда (деревянные лопаты, сохи, бороны, молотильные доски и т. д.), средства транспорта (сани, арбы, тележки, спицы для колес, ободья), разнообразные предметы домашнего производства и быта (ткацкие станки, мотовила, веретена, ковровые станки, деревянные ложки, мерки, чесночницы, кружки и прочая утварь, люльки, лари для зерна, сундуки и т. д.).

Как и у большинства народов Кавказа, пахотные орудия у лезгин имеют весьма древнее происхождение. Обработка земли сохой существует на Кавказе с эпохи бронзы. Судя по письменным источникам, соседи лезгин — азербайджанцы пахали землю грубыми деревянными плугами уже на рубеже нашей эры [3].

О формировании и общности происхождения горных пахотных орудий Дагестана писалось уже достаточно много, поэтому мы можем лишь подтвердить эту важную мысль о генетическом единстве и родстве не только дагестанских, но и кавказских пахотных орудий.

Самым распространенным традиционным орудием обработки земли у лезгин в прошлом была деревянная соха — «туьрез». Лезгинская соха состояла из следующих основных частей: дышла — (хур), колена — (кIвач), стойки — (тик), ручки для опоры пахаря — (десте, мерф), пяты — (кбил), железного лемеха, надетого на переднюю часть пяты,— (магъ), задней части пяты — (дабан).

Азербайджанский этнограф Г. А. Гулиев отметил сходство пахотных орудий и систем земледелия у азербайджанцев и у других народов Кавказа, в том числе и у народов Дагестана [4]. На большое сходство дагестанских сельскохозяйственных орудий с азербайджанскими в своей монографии указывают исследователи С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов. А. Г. Пашаева [5]. Собранные автором настоящей монографии полевые материалы показывают, что наряду с общими сходными элементами имеются и особенности. Например, отличительные особенности лезгинской сохи проявляются в упряжке туьреза, состоявшей из деревянного ярма «вик», по краям которого на расстоянии 30—40 см друг от друга выступали два колыша — «хкар». К их концам привязывали веревки, скрепляемые под шеями быков. С ярмом соха соединялась при помощи дышла — «цIунув», представляющего собой кривое бревно, на конце которого имелось несколько отверстий для соединения с ярмом. Ярмо в соединении имело деревянный стержень, который привязывался к дышлу веревками — «къайши».

Кроме сохи, лезгины, особенно кубинские, использовали для пахоты тяжелые плуги того же типа, что и у азербайджанцев и других народов Закавказья.

Подробное описание тяглового плуга Кахского уезда XIX в. дает в своей работе Г. А. Гулиев. Он пишет: «Он (плуг.— *С. А.*) очень тяжел. Деревянные капитальные части его корпуса делаются из ясеня, а легко сменяемые — из граба; передок состоит из неравных колес — малые колеса из досок, а большие обтянуты железной шиной; грядиль с передком, передок с ярмом и ярмо между собою связываются железными цепями. На плуг шло 9 пудов железа, на лемех — 2, на резец — менее пуда, на правую цепь — 1, на остальные части — 5 пудов. Цена плуга со всеми принадлежностями составляла от 50 до 70 рублей» [6]. Такой плуг давал очень глубокую вспашку, поэтому он применялся главным образом в песках и на равнине.

Как сохи, так и плуги изготовлялись специальными мастерами, которые имелись почти в каждом лезгинском селении. Металлические части плуга делались местными кузнецами. Пользовались также привозными изделиями.

В производстве транспортных средств (арб, тележек) особого мастерства достигли жители селений Гиль и Хазри, где имелись специализированные мастерские. Сюда поступали заказы не только из лезгинских селений Дагестана, но и из соседних азербайджанских селений, расположенных на территории Кубинского уезда.

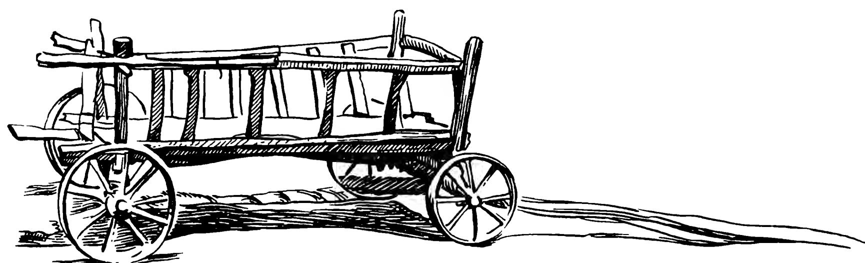
Горская арба состояла из кузова, поставленного на два колеса. Запрягалась она без дуги, шлем заменялся подхвостником из шерстяной веревки, вместо гужей употреблялись небольшие ремни. Как транспортное средство, арба имела свои недостатки и преимущества. Недостатком ее было то, что каждый толчок ощущался и арбщиком и быком, а преимущества состояли в легкости выполнения поворотов, чему способствовал большой диаметр колес, в дешевизне и прочности. Для увеличения вместительности по бокам устраивали особые приспособления из рогаток, прикрепляемых к торцам ящика. Грузоподъемность арбы достигала 500—600 кг.

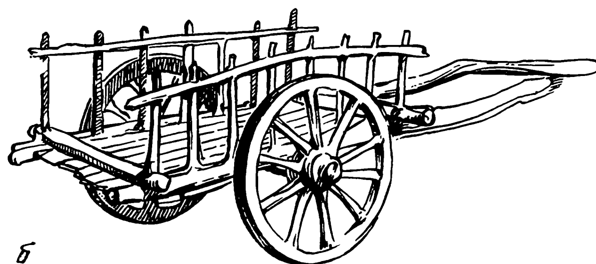
Зимой в горах и на равнине наиболее распространенными транспортными средствами были горные сани. Основу их составляли два полоза из отшлифованных снизу и изогнутых с одного конца бревен — «гъелицин кьам» длиной 160—170 см и диаметром 20—25 см. На обоих концах этих бревен имелись отверстия для колышков, с помощью которых закреплялись два бревна, соединяющие полозья друг с другом, длиною 150 см и диаметром 15—20 см, также с просверленными в центре и у краев отверстиями. В эти отверстия вставлялись длинные (около 2 м) палки, на них прямо клали груз. Сани соединялись с ярмом при помощи дышла.

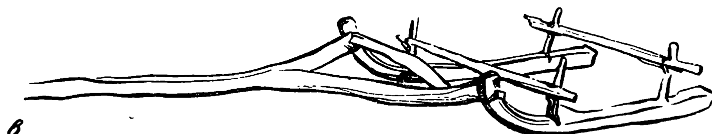
В отличие от арб горные сани умел изготовлять каждый опытный крестьянин в селе.

На равнине с конца XIX в. получили распространение и фургоны, они были завезены русскими переселенцами. Грузоподъемность фургона достигала 1000 кг.

Отдельные лезгинские селения специализировались и на производстве тех или иных предметов домашнего быта. Так, оригинальные краси-







Транспортные средства:

а — фургон, с. Яраг; *б* — арба, с. Луткун; *в* — сани, с. Луткун

вые ложки (машмаш тур), деревянные миски из абрикосового дерева делали в селениях Пирал, Гиль, Хазры, Юхари-Яраг, Капир и Калук. Эти ложки отличались особой прочностью и гладкой поверхностью и не давали трещин.

Производством красивых люлек, «чанахов» (деревянные корыта для теста), сундуков, ларей славились мастера обработки дерева Кусарского, Касумкентского и Магарамкентского районов, изделия которых пользовались большим спросом. Цены на деревянные изделия в начале XX в. и накануне революции были довольно-таки высокие. За одно деревянное корыто — чанах платили пуд пшеницы или два пуда картошки, два пуда ячменя; лари вместимостью в 500 кг стоили каждый 8 пудов пшеницы[7]. Следует отметить, что мелкие деревянные изделия, производство которых носило потребительский характер, изготовлялись во многих лезгинских селениях. В то же время отдельные селения (Гиль, Пирал, Хазра, Юхари-Яраг, Калук и некоторые другие) стали во второй половине

XIX в. своеобразными центрами специализированных кустарных промыслов, производившими изделия специально на рынок.

Техника обработки дерева у лезгин была довольно-таки сложной. Прежде всего выбирали дерево для рубки, делали заготовки и, если имелась возможность, на несколько суток замачивали их в воде. Затем заготовки привозили в мастерские, если изготовлялись крупные предметы, или домой.

Вторичной и окончательной обработке заготовки подвергались уже на месте. Отдельные предметы, например деревянные ложки, вытачивались вручную, а более сложные вещи, такие, как чанахи,— при помощи токарного станка. Помимо токарного станка, инструментами служили разные резцы, несколько видов топоров, ножи, секач, тесак и т. д.

Отдельные предметы домашнего обихода украшались резьбой. У лезгин преимущественно встречались следующие виды резьбы по дереву: контурная, мелковыемчатая, плосковыемчатая, реже встречалась трехгранно-выемчатая резьба. Практиковалось также выжигание. Распространенными мотивами резьбы на деревянной утвари были геометрические, иногда растительные узоры.

Несмотря на художественное совершенство многих изделий из дерева, они почти не были предметом вывоза за пределы лезгинской территории. Это объясняется главным образом тем, что обработка дерева была распространена почти у всех народов Дагестана и соседнего Азербайджана. Прекрасные образцы деревянных изделий встречаются у аварцев, даргинцев, арчинцев, табасаранцев и у других народов.

Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов указывают, что резьба по дереву у народов Дагестана была широко распространенной. «Резьбой по дереву занимались повсюду, и почти в каждом селении имелись свои резчики... При резьбе по дереву у дагестанских горцев, так же как и у соседних народов Центрального Кавказа (Осетии, Сванетии, Грузии, Кахетии), как правило, применялся геометрический орнамент в виде всевозможных звезд, розеток, треугольников, кругов, колец и прочих мотивов, ведущих свое начало от древних солярных культов» [8]. Г. А. Сергеева, изучая орнаменты резьбы по дереву у арчинцев, отметила, что характерными мотивами резьбы по деревянной утвари являются солярные изображения, геометрические (реже — растительные) узоры [9].

Лезгинский орнамент на деревянных ларях весьма похож на арчинский и, видимо, также является архаическим. Кроме того, древние мотивы орнамента можно наблюдать на деревянных архитектурных деталях (наличниках окон и дверей, на капителях колонн интерьера и балконов, консолях карнизов лезгинских домов). «Для резного дерева табасаранцев и соседних лезгинских районов,— пишут Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов,— характерен очень своеобразный орнамент в виде плетенки, с включением в него розеток с изображением солнца» [10].

Плетение. Помимо обработки дерева, важное значение в быту лезгин имело плетение изделий из деревянных прутьев: амбаров, ларей, корзин, емкостей для зерна и т. п.

Образцы деревянной посуды:
а — ковш, *б* — мерка,

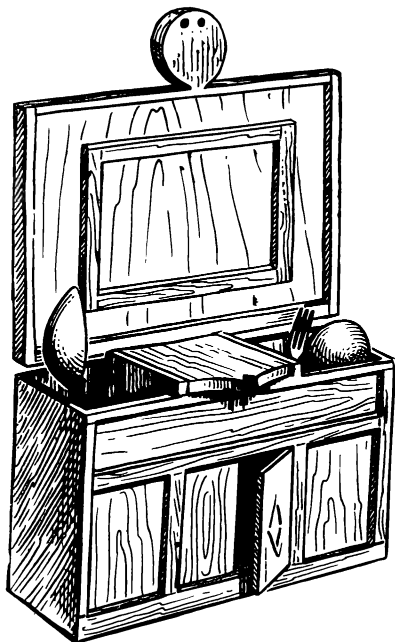
Сырьем для плетеных изделий служили тонкие прутья (чIвелер). Из древесного дуба и прутьев чIвелер жители высокогорной полосы изготовляли «канду» (сосуды для хранения зерна, муки высотой в 1,5—2 м, в диаметре 60—80 см), большие плетеные корзины для перевозки корма для скота, плетеные сапетки для ульев и т. д. Лезгины равнинных и предгорных районов для плетения использовали ветки каштановых, ореховых или дубовых деревьев.

Сосуды для хранения зерна, сапетки для ульев сверху обмазывались глиной, смешанной с пометом. Искусство плетения у лезгин имеет, вероятно, очень древнее происхождение, о чем в первую очередь можно су-

в — кувшин, миска, *г* — подставка, ступа, ковш.
Ахтынский краеведческий музей и этнографический музей ДГУ

дить по названиям (терминологии) производимых изделий. Достаточно сказать, например, что большие плетеные корзины для перевозки сена в каждом лезгинском селении имеют свое собственное наименование. Обращает на себя внимание, что на территории лезгин в XIX в. не было ни одного селения, жители которого не занимались бы плетением.

Обработка кожи. Не менее древним видом домашнего производства у лезгин была обработка кожи для изготовления предметов одежды, обуви, головных уборов и т. д. Вот почему этот вид ремесла был распространен у всех народов Дагестана, а выделка овчины также имела много общего. Она осуществлялась следующим образом. Сразу же как снимали



Деревянный настенный шкафчик

шкуру с барана, ее солили со стороны мездры и сушили. Затем овчину замачивали в большом медном тазу в течение двух-трех дней, потом на речке или у источника тщательно промывали водой и сушили на солнце. После этого шкуру расстилали на земле и смазывали жидкой кашицей, приготовленной особым способом из ячменной муки, соли и квасцов.

Кашицу готовили из расчета 250—300 г ячменной муки, 300 г соли, 25 г квасцов и 1 л воды на одну овчину. Кашицей овчину смазывали с гладкой стороны, оставляли ее в таком виде на пять—шесть дней, после чего тщательно просушивали. После этого можно было приступать к процессу мягчения. Для мягчения — «тӀшунун» шкуру расстилали на земле шерстью вниз и обрызгивали мездру водой. Затем тщательно выскабливали ее специальным инструментом «хамун чукӀул», пока не исчезала шероховатость мездры. Чтобы сделать мездру более мягкой, приступали к последнему процессу обработки шкуры. Для этого при помощи крючка, привязанного на веревке к одному из столбов потолка, шкуру закрепляли в висячем положении. Потом брали тупой нож или просто загнутый кусок железа с дыркой, продевали в нее веревку, на конце которой оставляли специальную петлю. В эту петлю просовывали ступню ноги и ею приводили в движение скоблящий инструмент. Таким образом, держа в правой руке нож, а левой придерживая шкуру, одновременно сильным движением правой ноги вверх и вниз скоблили мездру до полного размягчения. В заключение, чтобы шкура приобрела белизну, ее дополнительно мяли руками или деревянным валиком. Чем мягче и белее была овчина, тем дороже она ценилась.

Мягчением шкур и изготовлением из них шуб занимались у лезгин скорняки — «куртӀухъанар», они имелись если не во всех, то, во всяком случае, в каждом крупном селении. Кроме того, были так называемые расхожие скорняки, которые поздней осенью или зимой ходили по селениям и предлагали свои услуги. Эти скорняки возили с собой все необходимые инструменты, предназначенные для обработки шкур и шитья одежды. Они шили мужские и женские шубы всех видов, детские тулупы, папахи, чепчики, безрукавки и т. п. В начале XX в. лезгинские скорняки за шитье шубы «кӀурт» получали один пуд зерна или полтора рубля

денег. Таким образом, у лезгин в отличие от других народов Дагестана, где каждая хозяйка умела ручным способом шить шубы, профессия скорняков в XIX—начале XX в. носила промысловый характер и была исключительно мужским делом.

Только папахи из овчины почти всегда шил сам хозяин. Самым хорошим материалом для папахи считалась шкурка молодого барашка «кIален хам». Шкурки для папахи предпочитали черного, серого и кофейного цвета. Для шубы наиболее ценным материалом считалась шкура барашка с длинным, густым, пушистым завитком. Такой шерстью обладали барашки лезгинской горной породы.

«Игры» для выделки шкур, с. Хрюк, Ахтынского района

Несколько сложнее был процесс обработки кожи крупного рогатого скота для изготовления обуви.

Сначала ее промывали так же, как шкуру овчины, ножом снимали шерсть, а потом квасили тем же способом, что и овчину. Лишь только после всех этих процедур кожу сушили, а затем подвергали мягчению. Мягчение производили почти таким же способом, что и мягчение овчины. Единственным дополнительным приемом было то, что, после того как шкуру намазывали кашицей и оставляли на несколько дней, не сразу приступали к мягчению, а предварительно обрабатывали ее специальными дубильными веществами, причем шкуры буйволов требовали повторения этого процесса несколько раз.

Из обработанной таким способом шкуры шили чарыки — «шаламар» (следует отметить, что чарыки делали также из кожи крупного рогатого скота, которая не подвергалась мягчению, но ценились они значительно дешевле). Чарыки умел шить каждый хозяин. Обычно он изготовлял их для всех членов семьи.

Обработкой козлиных шкур лезгины, как и лакцы [11], не занимались. Изготовление сафьяна из козлиных шкур в XIX в. широко практиковалось у даргинцев [12] и аварцев [13] и носило ремесленный характер.

Аварские кожевники не только удовлетворяли местные нужды, но и вывозили свои изделия далеко за пределы края. В тех аварских селениях, где специально развивалось это ремесло, были скупщики, они скупали

Традиционная мужская одежда:
а — чабан в папахе, из с. Луткун Ахтынского района;
б — мужчина в папахе, с. Койсун Магарамкентского района

кожу и сбывали ее на сторону. Продавали кожу и на местных рынках в Хунзахе, Унцукуле, Гунибе, Короде, Гергебиле, Чохе, Согратле. Эти селения в XIX в. считались местами, где собирались самые многолюдные еженедельные базары на территории Аварии. Здесь обработанное сырье у кожевников скупали аварские и лакские сапожники. Лезгинские сапожники покупали кожу — сафьян главным образом у купцов — горских евреев, которые доставляли им ее из Дербента, Нухи, Баку, даже из Турции и Персии (Тавриза), где кожу обрабатывали на местных кожевенных заводах. У лезгин особой славой пользовалась кожа тавризская — «тевриз тумаж»; из нее шили легкие кожаные сапожки — «мягьсерар». О ней, в частности, упоминает в одном из своих стихотворений известный лезгинский поэт конца XIX в. Етим Эмин:

Им фана дуьня я, эхир рекьидай,
Дуьнядин мал са зат1 я хьи чикIдай,
Тевриз тумаж мягьсерарив тукIуьдай
Къацу саргъид башмакьар кемиз дахьуй.

В этом безрассудном мире все равно умрем
И мировому богатству придет конец
Подходящий к сапожкам из тавризской кожи
Пусть не будет без зеленых кожаных башмаков [14].

Легкие кожаные сапоги мегьсерар шили специальные сапожники, которые имели мастерские в крупных лезгинских селениях (Ахты, Микрах, Филя, Касумкент, Курах, Хазри, Гиль и др.). Этот вид производства носил ярко выраженный ремесленный характер. Сапоги шили на заказ и на продажу. В конце XIX в. искусные сапожники-чекмечияр шили не только мягьсерар, но и мужские и женские ботинки «чекмеяр», дамские туфли «шиблитар», мягкие чувяки и пр.

Во многих лезгинских селениях, таких как Ахты, Хазри, были специальные перекупщики. Они скупали у сапожников обувь и продавали ее в отдаленных горных селениях.

Изделия из войлока. Традиции изготовления войлока и различных изделий из этого материала у народов Дагестана восходят к глубокой древности.

Суровый климат горных районов, обилие влаги в предгорных и низменных районах требовали такого костюма, который бы защищал и от холода, и от влаги. Войлок, являющийся плохим проводником влаги, тепла, сырости и т. п., именно благодаря этим своим качествам имел самое широкое применение у всех горных народов Кавказа в качестве основного материала для изготовления верхней одежды, головных уборов и обуви. Так называемый «чубандин лит» (накидка из войлока) был необходимой

принадлежностью одежды чабана. Он носил его в любую погоду, ибо такая одежда одинаково хорошо защищала от холода, дождя и солнца и одновременно служила чабану тюфяком и одеялом. Войлоком застилали земляные полы дома, из него изготовляли обувь, шляпы и т. п. В XIX в. во всем Лезгинистане, наверное, трудно было отыскать такой дом, где бы в быту ни пользовались войлоком или изделиями из него.

Лезгины производили войлок общеизвестным на Кавказе способом [15].

Мастерами войлочного производства у лезгин были мужчины, а женщины принимали участие лишь во вспомогательных процессах, в то время как у аварцев и лакцев это занятие является исключительно женским. Мастера «пемпечияр», так же как скорняки, бывали не во всех селениях, поэтому они в основном весною и осенью ходили из аула в аул и предлагали свои услуги. За свою работу они получали плату деньгами или продуктами сельского хозяйства.

Прежде чем приступить к выделке войлока, шерсть предварительно обрабатывали и сортировали. Перед тем как мыть, ее замачивали в больших медных тазах и больших медных кастрюлях-казанах и держали в них в течение двух-трех дней. После этого шерсть мыли проточной водой (на речке или роднике). Небольшую порцию шерсти клали на плоский камень, одна из женщин поливала ее водой из большой медной кружки «сатул», а другая била толстой деревянной колотушкой и топтала босыми ногами до тех пор, пока с шерсти не стекала совершенно чистая вода. Никаких моющих средств при стирке шерсти не применяли. После мойки шерсть расстилали на паласе тонким слоем и частично развешивали на веревках. Сушили ее в течение двух-трех дней. После просушки шерсть трепали ударами тонкого деревянного прутика — «тӀвал ягъун» или расщипывали руками — «кек ягъун», выбирая при этом сор, травинки, прутики и т. п.

Предварительно изготовленную таким образом шерсть мастера «пемпечияр» еще раз разрыхляли при помощи специального инструмента «пемпе». Главной частью этого инструмента являлась струна пемпе, привязанная к деревянному валику. В процессе разрыхления струну погружали в шерсть и приводили в движение равномерными ударами деревянной колотушки «таркуц». Струна очищала и разрыхляла шерсть, после чего приступали к последнему процессу выделки войлока. Для этого на полу комнаты или (в хорошую погоду) на дворе расстилали какую-нибудь грубую ткань — льняной палас или полотно из холста. На нее равномерными слоями укладывали разрыхленную шерсть. При этом для первого слоя подбирали шерсть из лучших сортов. Шерсть расстилали на такую площадь полотна, какой величины или формы хотели приготовить войлок. Полотна-подстилки разных форм и размеров мастера-пемпечияр нередко возили с собой.

Второй (срединный) слой выкладывался обычно из шерсти более низкого качества; сюда же шли отходы — «кӀамар», которые оставались между зубцами гребня. Для последнего, третьего слоя брали шерсть того же сорта, что и для первого. Толщина слоев зависела от назначения изготовляемого войлока.

Войлочная накидка «лит»

Например, для подстилки полов делали толстые войлоки, а для накидок-покрывал — потоньше.

Разостланную шерсть обрызгивали горячей водой и плотно оборачивали полотном. Полотно вместе с шерстью в виде рулона наматывали на толстую деревянную каталку диаметром 10—14 см и крепко привязывали веревкой. После этого, попеременно надавливая ногами на каталку, катали по полу до тех пор, пока разрыхленные слои шерсти не слеплялись и образовывался один сплошной слой. При этом особенно следили, чтобы войлок был одинаковой толщины. Для этого полотно несколько раз разворачивали, выравнивали края и толщину слоя, снова обрызгивали кипятком и, накрутив на каталку обратной стороной, опять начинали катать. Если бы обратную сторону не обрызгивали водой, она осталась бы мохнатой, как

лицевая сторона бурки. Эту процедуру проделывали несколько раз, пока не получался плотный готовый войлок. Иногда готовый войлок красили целиком, но чаще его обрабатывали раствором квасцов, а затем на него наносили ту или иную краску, или же просто поверх белой шерсти клали черную шерсть в виде геометрического орнамента.

Производством узорчатых войлочных ковров типа кумыкских «арбабаши» лезгины не занимались. Изготовление бурок они также не практиковали, хотя пользовались бурками весьма охотно, покупая их у андийцев.

Изготовление сукон. Наряду с производством войлока лезгины издавна занимались изготовлением сукна — «шал». О том, что в Дагестане сукноделие имеет очень древние традиции свидетельствуют многочисленные археологические памятники и данные письменных источников. Среди археологических находок, обнаруженных на территории расселения лезгин в Дагестане, встречаются веретена, пряслицы, остатки от ткацких станков, сосуды с многочисленными остатками отпечатков ткани и пр., датируемые временем ранней бронзы и даже энеолита [16].

Так, черепки сосудов с четко выраженными отпечатками ткани обнаружены В. Г. Котовичем при раскопках энеолитического поселения, существовавшего некогда поблизости от современного лезгинского селения Гильяр Магарамкентского района [17]. Материалы Гинчинского поселения эпохи неолита содержат обломки сосудов с отпечатками рогож или циновки, свидетельствующие об использовании растительных волокон для изготовления грубых плетеных изделий. На фрагментах керамики Гильярского поселения эпохи ранней бронзы также обнаружены отпечатки ткани простейшего полотняного плетения, указывающие на применение ткацкого станка [18]. В Мугерканском (Магарамкентский район) могильнике конца II и начала I тысячелетия до н. э. найдены пряслица. Многие находки пряслиц [19], обнаруженные в Шаракунском (Касумкентский район) могильнике и Макинском (Ахтынский район) поселении VII—IV вв. до н. э., говорят о том, что предки современных лезгин со столь отдаленного времени занимались ткачеством.

Археологические материалы эпохи раннего средневековья как с территории, населенной лезгинами, так и из других районов Дагестана убедительно свидетельствуют о дальнейшем развитии этого вида ремесла [20]. В Бежтинском средневековом могильнике Д. М. Атаевым во время раскопок 1959 г. были найдены даже куски шерстяных тканей, по характеру выделки очень напоминающих современное кавказское сукно (сугьур) [21].

Не менее ценные сведения о сукноделии в Дагестане содержат письменные источники XVIII—XIX вв. Подробное описание занятий жителей Южного Дагестана, в частности, дает участник персидского похода 1796 г. секунд-майор Федор Филиппович Симонович, который пишет, что промышляют они «вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таковом рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные меха и другие кожи. Все сие рукоделие, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги» [22].

Другой участник персидского похода 1796 г., П. Г. Бутков, побывавший у кубинских лезгин в конце XVIII в., пишет: «Кубинская область разделена натурою на две половины: первая лежит в горах, а последняя на плоскости. Нагорная часть отменно способствует скотоводству и разведению пчел и коноплей... Из шерсти овец и хлопчатой бумаги, с успехом здесь разведенной, делают на домашние употребления и на продажу сукна, ковры и бумажные материи» [23].

Из всех видов ткацкого производства в XIX в., особенно в горных селениях, наиболее широкое распространение имело сукноделие. Техника его производства у лезгин была во многом сходна с техникой изготовления сукна у многих народов Кавказа.

Готовя шерсть к пряже, ее мыли тем же способом, что и при выработке войлока, но только более тщательно и чище. Затем шерсть расчесывали специальным инструментом «регъ», сделанным из досок размером 50×50 см, образующих треугольную форму на подставке-держателе. В верхнем углу «регъа» находились два параллельных ряда остроконечных тонких стальных проволок или зубцов, на которые нанизывался пучок шерсти. Мастерица обеими руками растягивала пучок в разные стороны до тех пор, пока из шерсти не выделялись все длинные волокна, а отходы и короткая шерсть оставались на зубьях. Затем они снимались и складывались отдельно. При подобном способе очистки шерсти выделялось около 20% отходов, которые шли на нитки для грубых шерстяных изделий: паласов, «чувалов» (мешков), хурджунов и пр.

Пряжу делали также примитивным способом на станке «чхра», который состоял из следующих основных частей: а) деревянного колеса диаметром 45—50 см с деревянной ручкой; б) бруска длиной 80—100 см и шириной 20—22 см, к которому были прибиты колья по два с каждой стороны (на двух первых держалось колесо, на двух других — «тупучӀ» — пряслица); в) стальной остроконечной пряслицы — «тупучӀ», которая будучи соединена с колесом при помощи шпагата вращала его в нужном направлении. Работница брала левой рукой прочесанную шерсть, соединяла несколько волокон ее с пряслицей — «тупучӀ», а правой крутила ручку колеса, от чего вращалась вокруг своей оси пряслица, и шерсть, скручиваясь, превращалась в пряжу. Оригинальной и ценной стороной такого способа изготовления ручной пряжи-чхра являлась его универсальность; он был известен почти в каждом лезгинском доме.

Обычно для сукна использовали нити из черной и серой шерсти, для портянок — «долахар» из белой шерсти.

Все работы, связанные с мытьем, расчесыванием и изготовлением пряжи, делались зимой. Процессом же тканья занимались с ранней весны до наступления полевых работ, затем осенью.

Для основы брали шерстяные нитки натуральных цветов (белого, черного или серого). Основу для сукна натягивали не на станке, как это делалось у аварцев [24], а во дворе. Для этого в землю и в стену дома вбивали два деревянных невысоких (около 70 см) кола на расстоянии 6—7 м друг от друга. Нити основы натягивались на них так, чтобы между

ними не оставалось промежутков. Колья иногда затягивались нитками на всю высоту, иногда ниже, смотря по ширине сукна, которое предполагали выткать. Станок для изготовления сукон достаточно подробно описан в кавказоведческой литературе [25]. Основу его составляли четыре деревянных штатива: два передних (длиной в 60 см) и два задних (длиной в 80 см). Штативы прочно закреплялись в грунте, после чего горизонтально к основанию станка вбивались деревянные бруски длиной около 80 см, служившие для вставления штативов. Станок имел также два боковых деревянных валика длиной 130 см с отверстиями в обоих концах, куда вставлялись бруски. К брускам прикрепляли нити основы ткани, а вытканное сукно наматывалось на передний брусок. Необходимой частью станка являлся деревянный гребень — «кркад регъ», длиной около 60—70 см, который имел множество отверстий, расположенных двумя параллельными рядами. Каждая нитка основы проходила через отдельное отверстие. На концах гребня имелись специальные, наподобие ручек, выступы для ручного управления. Для ножного управления к гребню приделывались специальные стремена из деревянных пластинок — «кугчияр», подвешенные на веревках. Когда на стремена нажимали правой ногой, вверх поднималась одна половина нитей основы, когда нажимали левой ногой — поднимался другой ряд нитей. Таким образом, нити основы последовательно чередовались между собой и при этом каждый раз через них пропускались нити утка, которые резкими движениями гребня уплотнялись.

Лезгинский ткацкий станок во многом отличался от станков лакцев, даргинцев, аварцев. Аварский станок для изготовления сукна по своей конструкции близок к даргинскому, так называемому горному ткацкому станку, описанному Е. М. Шиллингом, ареал распространения которого он ограничивает лишь пределами Дагестана. Другую разновидность того же станка (более схожую с лезгинским вариантом.— *С. А.*) этот же автор сближает с традициями кочевого быта, нашедшими распространение на довольно значительной территории Восточного Кавказа, в частности у курдов Армении [26].

После того как готовое сукно (кусок длиной 6—7 м) обрезали, его тщательно мыли теплой водой, затем опускали в кипящую воду (если сукно следовало красить, то красили), через 5—10 минут вынимали и приступали к валянию. Валяние считалось делом исключительно женским; производили эту операцию ногами.

Увалянное сукно расправляли и разглаживали руками, затем окончательно просушивали, закатывали в трубки и в таком виде сохраняли.

Такое сукно шло в основном на шитье верхней мужской одежды (бешметов, брюк, черкесок и т. д.). Лезгины, особенно жители горных селений Кусарского района, в XVIII—XIX вв. на станках типа ковровых (подробнее см. об этом ниже.— *С. А.*) делали прекрасные шерстяные клетчатые ткани, известные под названием «шалей». Нити для шалей вырабатывали с особой кропотливостью и тщательностью, поскольку они должны были быть очень тонкими, и перед тканьем красили их в

желаемые цвета (темно-красный, зеленый, желтый, синий, темно-синий, голубой и т. д.).

Шали уваливанию не подвергались. Шали бывали в большинстве случаев четырехугольные (150×150, 160×160 см). Эти шали-платки зимой женщины надевали на головы, а также наматывали их на талию. Они служили, кроме того, занавесками, которыми прикрывали стенные ниши с постельной принадлежностью. Матрацы и подушки, особенно в конце XVIII— начале XIX в., шили также из такой ткани.

Позднее, со второй половины XIX в., по мере проникновения к лезгинам фабричных тканей шали все реже стали применять в качестве занавесок, сохранив за ними значение лишь как одной из деталей женского национального костюма.

Производством сукна занимались и кубинские, и дагестанские лезгины, и, хотя изготовляли его одним и тем же способом, клетчатые шали кубинских лезгин отличались бо́льшим изяществом, добротностью, красотою и ценились на рынке дороже, чем аналогичные товары дагестанских лезгин. Поэтому лезгины Кусарского района производили сукно не только для домашних нужд, но и на продажу.

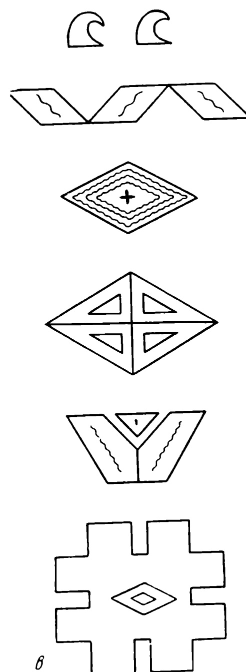
Узорное вязание. Определенное место в домашнем производстве лезгин не только в XIX в., но и, вероятно, значительно ранее занимало узорное вязание шерстяных носков. Это занятие было известно повсеместно и в горных, и в равнинных районах. Шерстяные носки вязали тремя железными спицами. Вывязывали сначала носок. При помощи двух спиц делали из нитки петлю, третьей спицей продевали сквозь нее другую петлю, т. е. вязали лицевой петлей. Этот процесс продолжался до тех пор, пока не заканчивался круг. Следующий круг вязался так же, как и первый и т. д. Затем вывязывали пятку. После того как носки были готовы, их замачивали, надевали на колодку, имеющую вид подошвы. Это необходимо было для того, чтобы по мере высыхания носки растянулись и стали ровными.

Все виды носков изготовлялись одним и тем же способом с той лишь разницей, что узорные носки вязались из ниток разных цветов. Среди лезгинских цветных носков по яркости и красоте в особенности славились ахтынские. Узорчатые носки кубинских лезгин в расцветках были потемнее, но считались более прочными и качественными.

Вязались носки круглый год, и женщины достигали очень высокого мастерства в этом производстве.

Наиболее древним типом орнамента для украшения лезгинских цветных носков следует, вероятно, считать геометрический орнамент (изображения в виде завитков, зигзагов, ромбовидных фигур, трапеций и пр.), поскольку он наиболее широко использовался в изделиях, предназначавшихся для нужд пожилых людей и стариков.

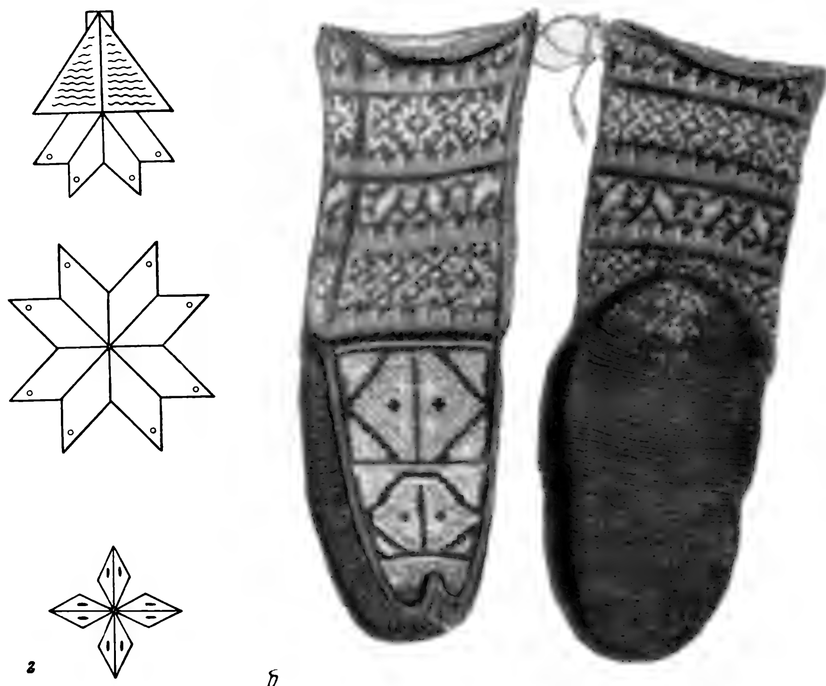
В качестве орнаментальных мотивов встречаются также схематические изображения животных, птиц и даже человека. Геометризованный растительный орнамент появился значительно позже и применялся в основном в изделиях для детей и молодежи, особенно для девушек и молодых женщин.



Вязаные изделия:

а, б — вязаная обувь «шаталар», с. Ялах Ахтынского района;

В настоящее время производство цветных носков не только преобладает в горных и предгорных районах Лезгинистана, но бытует и в равнинных районах. Спрос на лезгинские цветные носки имеется повсюду в Дагестане. Они славятся здесь под названием ахтинские носки. Наиболее крупными центрами узорного вязания являются Ахтынский и Кубинский районы, а также многие аварские селения Тляратинского и Чародинского районов. В некоторых горных селениях Ахтынского района (Кахул, Ялах, Зрых и др.) широко бытовало также изготовление верхней шерстяной вязаной обуви «шаталар», «кемечар» в виде носков на толстой шерстяной подметке, простеганной толстой шерстяной ниткой. Эта своеобразная обувь, которая в Дагестане, помимо лезгинских территорий, встречается также в Тляратинском, Цунтинском, Цумадинском и Рутульском районах, а для большей прочности толстую подошву иногда делали из толстых крученых ниток козьей шерсти. Такие носки оригинально орнаментировали, применяя разноцветные нитки умеренных тонов. Как отмечают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов, «орнаментальные мотивы, характер их трактовки



в, г — образцы орнамента вязаных изделий, с. Зрых Ахтынского района

и приемы построения узоров на вязаной шерстяной обуви очень близки к ковровому орнаментальному искусству, причем наибольшего совершенства узорное вязание достигло в районах развитого ковроделия»[27].

Итак, в XIX и начале XX в. из отраслей домашнего производства наиболее широкое распространение у лезгин имели: обработка дерева и кожи, изготовление войлока и сукна, а также узорное вязание шерстяных носков и обуви. Изделия домашнего производства в основном удовлетворяли нужды самих производителей и редко выходили за рамки внутрихозяйственного употребления.

Ремесленное производство

Во второй половине XVIII и особенно в XIX в. многие изделия местного производства приобрели ярко выраженный мелкотоварный характер, превратившись в дополнительный источник дохода многих семей. К числу

Мешок — «чувал» для зерна, с. Кара-Кюре Ахтынского района

лезгинских ремесленных производств, продукция которых имела широкий товарный выход и пользовалась спросом далеко за пределами не только Дагестана, но и на Северном Кавказе, следует отнести ковровое, керамическое и металлообрабатывающее производства.

Производство ковровых изделий. Искусство изготовления ковров — яркий образец народного творчества лезгин. Складываясь и совершенствуясь на протяжении многих веков, лучшие традиции коврового искусства передавались затем из поколения в поколение.

Созданию в Лезгинистане устойчивой базы для развития ковроделия в немалой степени способствовали местные естественно-географические и экономические условия. Богатая флора, множество садовых и дикорастущих красящих растений и плодов, превосходные сорта шерсти тонкорунных овец в значительной степени определяли прочность и качество изделий.

Паласы производились повсеместно; они использовались для покрытия полов, укрытия навьюченных животных от непогоды в пути; «чувалы» (мешки) служили для перевозки зерна и фруктов и хранения постельных принадлежностей; «худжуны», «хейбе» (переметные сумы в виде двусторонних небольших мешков) — для перевозки разного домашнего имущества, предметов и пр.; «кашу» (ремни) — для укрепления грузов, перевозившихся на спинах животных.

Производством ворсовых ковров и сумахов лезгины также занимались издревле. Однако, хотя, как указывают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов, «производство ковров на продажу возникло в Дагестане в феодальное время, но особенно расширилось с развитием капитализма в России, когда расслоение деревни вело к массовому обнищанию сельского населения и когда все новые и новые тысячи жителей вынуждены были искать дополнительных заработков в отходничестве или в кустарных промыслах» [28].

Лезгинка за ковровым станком

Лезгинские ковры издавна славились благодаря красивому, пестрому орнаменту, свидетельствовавшему о большом художественном вкусе мастериц. Ковровщицы были настоящими художницами, вкладывавшими в свои рисунки поэтические замыслы и тонкое искусство орнаментации.

Ковровое производство в Азербайджане и Дагестане имело особенно большое развитие в лезгинских районах. Наиболее известными районами ковроткачества считались Ахтынский, Магарамкентский, Курахский, Касумкентский, Кусарский. Раньше эти районы, за исключением Кусарского, входили в Кюринский и Самурский округа, а Кусарский район в Кубинский уезд Бакинской губернии.

В Кюринском округе наиболее известными по части ковроделия селениями считались Касумкент, Аликент, Койсун, Орта-Стал, Ашага-Стал, Юхари-Стал, Магарамкент, Гильяр, Ашага-араг, Куркент, Юхари-Ярак, Зизик, и все селения Кутур-Кюринского участка. В этих селениях накануне революции выделывались ковры и сумахи (безворсовые ковры)

Ворсовый ковер «халлча», с. Мугверган Магарамкентского района
Ворсовый ковер, с. Леджет Кусарского района

Ворсовые ковры, с. Леджет

стоимостью от 30 до 300 руб., паласы пеньковые — от 3 до 5 руб., шерстяные — от 8 до 200 руб.[29]

В Самурском округе ковры и сумахи, ковровые мутах и подушки производились в селениях Ахты, Маза, Хрюк, Микрах, Каладжух, Кара-Кюре, Мака и др. Мафраши и переметные сумы делали в селениях Ихир, Маза, Фий, Гдым, Куруш [30].

Тонкие и плотные ковры Кубинского уезда (где живут азербайджанские лезгины) отличались чрезвычайной оригинальностью и красивым рисунком. Ковры изготовлялись небольших размеров (2×3 и $2^1/_2$×4 аршина), встречались ковры и меньших размеров; крупные — очень редко [31].

Ковры и ковровые изделия производились как для дома, так и для продажи. Они продавались не только на местных рынках, но и вывозились в различные города России и за границу. В 1905 г. из Кюринского округа разными скупщиками было вывезено ковров и паласов на сумму 279 945 руб. [32]

Ковровое производство в конце XIX в. в Дагестане переживало серьезный кризис. Значительная часть дагестанских ковров того периода, из числа изготовленных на продажу, отличалась крикливостью, яркостью — «анилиновостью» цвета, обедненностью и упрощенностью узоров. Разумеется, главной причиной кризиса ковроделия во второй половине XIX в. было развитие капиталистических отношений, резкий спрос на ковры, увеличение объема производства в ущерб утилитарным и художественным качествам, переход на анилиновые красители и т. д. Земства и отдельные частные лица предприняли ряд попыток приостановить упадок ковровых промыслов. Организованный в городе Тифлисе в 900-х годах Кавказский кустарный комитет разработал ряд мер, направленных на восстановление ковроделия. Были созданы ковровые школы, мастерицы привлекались к участию в кустарных выставках. Однако все эти меры не могли устранить главной причины кризиса в ковроделии, вызванной развитием капитализма. В предреволюционные годы число мастериц, изготовлявших ковры на продажу, достигло в Дагестане громадной цифры —10 тыс. человек. При этом дневной заработок ковровщицы составлял в среднем 3—5 коп., т. е. был в 5—10 раз ниже заработка сельского батрака центральных районов России [33].

Как мы уже говорили, производством ковровых изделий занимались исключительно женщины. Ткать ковры умели все лезгинки, хотя специальных школ для этого не существовало. Дочь училась у своей матери. Обучение состояло в основном в том, что дети сначала присматривались к работе родителей, потом мало-помалу сами начинали принимать в ней участие и таким образом постепенно изучали дело.

Девочка с пятилетнего возраста умела выполнять узел и ткала по указанию матери, а с восьмилетнего возраста она уже ткала без всякой посторонней помощи. По рассказам старых ковровщиц селения Кымыль Кубинского района Азербайджанской ССР, девочки к брачному возрасту (к 14—15 годам) имели в качестве приданого по три-четыре ковра собственного изготовления. Если же девушка не смогла приготовить столько

Ковровщицы из с. Кандик Хивского района

ковров, то сваты, упрекая ее, говорили: «Да какая из нее выйдет жена! Она не смогла справиться с тремя коврами, а как она будет справляться с заботами дома и хозяйством мужа» [34].

Каждая мать стремилась передать своей дочери необходимые навыки, чтобы научить ее ткать быстро, ловко и высококачественно. Качество ковров всегда имело первостепенное значение и зависело в значительной степени от качества сырья-шерсти, способа изготовления и крашения пряжи и в особенности от самого процесса ткачества.

Для производства высококачественных ворсовых ковров применяли полугрубую овечью шерсть весенней стрижки, так как она имеет большую прочность, упругость и лучше подходит для стоячего ворса. Несмотря на бо́льшую засоренность, эта шерсть бывает более длинной, поэтому ее издавна использовали для ковровых изделий.

Осенняя шерсть меньше применялась в ковроделии.

Для изготовления ковра шерсть прежде всего мыли, приготовляли пряжу способом, который был описан выше, и затем приступали к ее крашению. В ковроделии крашение пряжи имело важное значение прежде всего

для художественного оформления изделия. От разновидности применяемых красителей, их прочности, сочности и подбора цветов во многом зарисело как качество ковровых изделий, так и общее впечатление, которое они производили. Лезгинские ковры издавна отличались своей специфической окраской, приемы окраски и подбор красителей передавались по наследству из поколения в поколение, сохранялись и совершенствовались.

До Октябрьской революции каждое хозяйство само окрашивало пряжу домашним примитивным способом. Лишь в некоторых случаях обращались к услугам мастеров-красильщиков — «кипчияр», имевших свои красильни в наиболее оживленных местах, большей частью на базарах. Такие красильщики обычно работали на заказ.

При выработке ковров красили только ворсовую пряжу, пряжа для основы и утка, как правило, поступала в производство в своей естественной окраске. Окраской шерсти в домашних условиях обычно занимались женщины, а в красильных мастерских преимущественно работали мужчины — горские евреи.

При окрашивании шерсти растительными красками обязательно применяли протравы, так как протравливание помогало закреплению красителей на пряже, усиливало тон краски, а иногда придавало ей более темный оттенок. Основным материалом для протравливания ковровой пряжи у лезгин издавна считались алюминиевые квасцы — «рухул» и свежая моча крупного рогатого скота. Растительные краски изготовляли сами женщины из местных растений. Например, желтый цвет они получали из желтых цветов «хипи цуквер», из листьев и коры орехового дерева — коричневый и т. п. Только в красный цвет красили мареной — «ругъунар», которую покупали у горских евреев или выращивали сами. Иногда у них покупали и готовые краски, но шерсть все же окрашивали сами дома.

Процесс тканья ковров начинался с установки станка. Деревянный ковровый станок «гамун тарар» с незначительными конструктивными изменениями просуществовал у лезгин в течение нескольких столетий. Гамун тарар изготовлялся из твердых пород дерева. Основу его составляли два столба плоской формы высотой 3—4 м каждый. В двух местах ближе к концам они имели отверстия для осей (уълувчанар). Оси предназначались для натягивания пряжи-основы, они раздвигались и закреплялись благодаря наличию клиньев (кунар). Для удобства работы станок укреплялся в несколько наклонном положении, приблизительно под углом в 60°.

Ковры делались различных размеров, и поэтому необходимо было сразу предусмотреть размер будущего изделия как по длине, так и по ширине. Длина ковра зависела от расстояния между нижней и верхней осями, ширина — от длины указанных осей, т. е. расстояния между столбами станка.

Станок имел еще три дополнительные части: «якъид ланш», «гамун ланш», «якъидин тӀвал». Они предназначались для удваивания нити основы и давали возможность по мере проведения уточной пряжи передвигать и закреплять уток.

К числу дополнительных инструментов, необходимых для ковроткачества, относились «киркитӀ» и «гамун регъ». КиркитӀ длиной 15—20 см

Удинка в национальной одежде

Безворсовый ковер, (сумах), с, Орта-стал

Ворсовый ковер, с. Койсун
Ворсовый ковер, с. Микрах

изготовлялся из рога оленя, для чего рог распиливался на две половины. КиркитӀ служил для прибивки уточной пряжи после каждого ряда узлов. Гамун регъ (гребень) изготовлялся из твердых пород дерева и имел длину вместе с ручкой 35—40 см. По форме он представлял собой колотушку с ручкой наверху и гребнем внизу. Весил гамун регъ около 2—3 кг. Гамун регъ предназначался для прибивки уточной пряжи над ворсовой и уплотнения поочередных рядов последней.

После того как станок устанавливали, на его оси натягивали основу. Операция эта имела очень важное значение, ибо от нее во многом зависело качество будущего ковра. Эту работу выполняли под руководством и наблюдением опытной мастерицы обыкновенно две женщины, из которых одна стояла позади станка, а другая (более опытная) сидела спереди. После окончания операции натягивания (гам рушун) для удобства работы с передней стороны станка сверху вешали рядами на тонкой веревочке мотки для ворсовой пряжи, а с правой стороны — с края — уточную пряжу, тоже в виде мотка.

После всех описанных подготовительных работ приступали непосредственно к ткачеству. Узел выполнялся следующим образом: ковровщица, сидевшая с передней стороны, выравнивала пальцами левой руки пряжу основы, прижимая нити друг к другу, затем просовывала руку между нитями основы ближе к месту предполагаемого завязывания узла, захватывала целую пачку их и в то же время левой рукой отделяла от правой стороны захваченной части две нити: четную и нечетную. Затем из висевших с передней стороны ковра клубков нитей мастерица правой рукой спускала вниз пряжу нужного цвета, просовывала ее между двумя основами, заворачивала влево, затем выводила вперед и направо и, сгибая правую руку, вновь вводила нить между двумя основами. Конец образовавшейся петли отрезался ножом.

Подобный процесс продолжался до тех пор, пока не заполнялся один ряд, после чего мастерица проводила справа налево и слева направо два ряда уточной пряжи, опускала ее при помощи киркитӀ до основания, затем при помощи вышеописанного тяжелого инструмента гамун регъ производила забивку и полную осадку уточной пряжи, а вместе с ней и нижнего ряда узлов из ворсовой пряжи.

Так происходило изготовление ворсовых изделий, где ряды ворсовых и уточных нитей чередовались. После проведения 4—5 рядов нитей ткачихи приступали к стрижке ворса. Стрижка должна была быть ровная, одинаковая по всей площади ковра, не очень длинная и не очень короткая, чтобы предохранить основы петель.

Высота ворса на лезгинских коврах бывала различной в зависимости от района производства, размера ковра, качества пряжи, типа и назначения ковра и т. п.

⇐

Вязаные носочки, с. Ялах
Вязаные носочки, с. Ахты

Ткали на станке до тех пор, пока не затруднялась дальнейшая работа. Тогда сотканную часть передвигали, опуская ее вниз, и поворачивали ковер назад. При этом клинья вынимались, а после передвижения ковра снова вставлялись в станок. Так могло повторяться несколько раз до окончательного изготовления ковра.

С ковроткачеством связан у лезгин ряд поверий. Известная пословица, например, гласит: «Пара рушар — пара гамар, пара гадаяр — пара балкІанар» («Если много девочек, то семья будет богата коврами, если много мальчиков, то богата лошадьми»). У лезгин существовало поверье, что если во время натягивания основы ковра на дворе завоет собака, то произойдет несчастье, а если в дом войдет петух и запоет, то, наоборот, будет много гостей и веселья. Когда снимали готовый ковер со станка, первым сажали на него маленького мальчика: полагали, что в той семье, где будет этот ковер, будут рождаться только мальчики. Существовал и ряд поговорок, связанных с самим процессом тканья ковра. «Гамунихъ ацукьайла мугьман къвердал къарагъ мир» («Села за ковер — не вставай до прихода гостя»); «Гамун гъилер юкьвал тамир, стхад уьмуьр юкьвал жеда» («Ряд наполовину не оставляй — жизнь брата наполовину будет», т. е. умрет преждевременно) и т. д.

Лезгинские ворсовые ковры бывали разных размеров — маленькие, средние и большие: маленькие — минимум 70 × 120 см, максимум 120 × × 180 см, средние — минимум 130 × 200 см, максимум 180 × 270 см, большие — минимум 200 × 300 см, максимум 300 × 400 см.

В соответствии с размерами менялись и рисунки на коврах. Традиция ковроделия среди лезгин имела свои местные особенности, выражавшиеся в содержании коврового рисунка, характере его решения и красочности гаммы. В лезгинских коврах хорошо сохранились традиционные старокавказские орнаментальные сюжеты, характеризующиеся чаще всего растительными либо, реже, воинственными мотивами, например «урус тур» (русский меч), «гапанча» (пистолеты), «бендирме» (розы), отличавшимися чисто геометрическими и растительными изображениями. Такие узоры наиболее часто встречались в микрахских, ахтынских и кубинских коврах, что позволяет высказать суждение о близости самурских ковров кубинским. То же самое можно сказать и в отношении сумахов бывшего Кюринского округа. Кюринские и кубинские сумахи и ковры напоминали «сураты» и «накиши» (рисунки, орнамент) курдских (курды Азербайджана и Армении) безворсовых ковров, носящих ярко выраженный отпечаток кочевнической орнаментики.

Основным изобразительным мотивом лезгинских ковров является ромб, «фур» (что в переводе с лезгинского языка означает «яма»). Обычная композиция ковра состоит из трех ромбов различных вариантов, определяющих название рисунка. В кусарских, микрахских, сапирских, икринских и кумыльских коврах можно встретить ромб, украшенный геометрическим орнаментом — «поднос» или «хунча» с крупными цветочными розетками, расположенными медальонами. Часто ромбовидный медальон заменялся восьмиугольной фигурой — «будалай фур», «тергъиле», пред-

ставляющей собой крупный ромб, украшенный изображением змей. В орнаменте лезгинских ковров встречаются и многоугольники.

В ахтынских коврах, как и в коврах Куруша, Гра, Ихира, Капира, Икра, в качестве одного из мотивов встречаются разнообразные розетки — звездочки, приближающиеся к квадрату. Отход от круга к квадрату делается при посредстве ряда уголков острой звезды. Эта форма особенно эффектно выступает в коврах с сильно выраженными геометрическими приемами рисунка. Такие розетки часто встречаются в поле узора «чичи», «эрдевулар» (в коврах Кусары, Кымыля, Микраха и Ахты).

В ахтынских коврах широкое распространение имеют цветочные узоры, связанные с древними верованиями и обычаями этого села (к традиционным празднествам Ахты относится праздник цветов, который отмечается и по сей день каждой весной). Орнаментальные мотивы ковровых изделий азербайджанских лезгин родственны в отдельных своих чертах произведениям коврового искусства дагестанских лезгин. Узоры дагестанских лезгин — «поднос», «хупча», «фурар», «чичик», «хорасан», «эрдевулар» и другие в несколько иных красках встречаются и на коврах азербайджанских лезгин.

Во второй половине XIX в. из Кубы в Дагестан в большом числе стали приезжать скупщики самурских ковров, причем они нередко привозили с собой образцы кубинских ковров и заказывали здесь копии с них. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что ковры Самурского округа были хуже по рисунку. Просто в течение долгого времени вкус массового покупателя воспитывался на кубинских рисунках, которые явились результатом обработки лезгинских, арабских, персидских и кочевнических мотивов.

Среди лезгинских ковров как по рисункам, так и по качеству тканья славились микрахские ковры. Аул Микрах (Ахтынского района), расположенный на крутых склонах Шалбуздага, издавна являлся известным центром ковроделия. Старожилы этого селения говорят, будто бы микрахцы, считающие себя выходцами из Ирана, явились пионерами ковроткачества среди лезгин[35]. Это, возможно, и легенда, но микрахцы действительно отличаются от всех лезгин искусством быстрой работы. Пятнадцатилетняя девушка без какой-либо посторонней помощи в течение 40—50 дней заканчивает ворсовый ковер 120×180 см. Среди лезгин распространено выражение: «Если хочешь иметь дома много ковров, то женись на микрахке». Очевидно, поэтому, хотя среди лезгин браки были строго эндогамными, жены родом из Микраха (как раньше, так и теперь) встречаются даже в расположенных от него за много десятков километров селениях Курахского, Кусарского, Касумкентского районов.

Микрахские ковры отличались высоким качеством изготовления, добротностью и эластичностью ткани и гармонией расцветок. В микрахских коврах, как и в коврах других лезгинских селений, встречались узоры «будалай», «фурар» (крупный ромб), «подносы», «эрпенек» (огурец), «чичи» (цветочный узор), «Гасан-къала» (крепость Гасана), «тапанча» (пистолет). Узор «Гасан-къала» представляет собой три медальона со стрельчатыми краями, в центре которых помещалось изображение топоров и

зубчатых башенных стен. «Тапанча», «чичи» считались цветочными узорами. «Тапанча» состоял из трех крупных орнаментальных форм; каждая из них представляла собой изображение четырех лезвий сабель, отходящих от центральной ромбовидной фигуры.

Изображение цветов, сабель, звездочек в ковровом искусстве лезгинских мастериц тесно было связано с местной лирической поэзией. Молодые девушки, сидя за ковровым станком, пели лирические песни с восхвалением узоров на коврах:

Зун гамуниxъ ацукьнава
Пенджер ахъаз билбил рахаз
За халича хразава
Ярдин швешкад шикил алаз.

Содержание этой песни таково: молодая девушка сидит за станком у открытого окна, откуда слышны голоса поющих соловьев, и ткет ковер с рисунком шашки любимого.

В другой песне молодой человек восхваляет свою любимую девушку, сидящую за тканьем ковра.

Он говорит:

Ви гьан къизилд тупӀариз кьий
Кваг къачурла таквазавай
Яр ви чӀулав вилериз кьий
Зард халича хразавай.

«Я бы радостно отдал жизнь за твои золотые пальцы, которые неуловимо выполняют узел, и за твои черные глаза, под взглядом которых ткется этот прекрасный узор». Кроме ворсовых ковров лезгины изготовляли ворсовые накидки на седла, подстилки, ворсовые хурджуны (особенно в Микрахе), ворсовые наволочки для сидельных подушек (больше всего их производили в Ахтах) и т. д.

Наряду с ворсовыми ковровыми изделиями лезгины издавна вырабатывали и ковровые изделия без ворса. Из них наиболее распространенными были сумахи, паласы, хурджуны, чувалы (мешки), переметные сумки («хейбе») и особые, украшенные интересным декоративным узором, паласы, предназначенные для ношения воды в кувшинах под названием «херцелог». Эти изделия изготовлялись не из трех, а из двух видов пряжи — основы и утка. При этом большей частью применялся цветной уток, благодаря чему паласы состояли из разноцветных полос.

В изделиях, предназначенных для перевозки грузов, их укрытия и т. д., для утка использовали более твердые нитки, чтобы придать им бóльшую прочность и сделать непромокаемыми.

Из безворсовых ковровых изделий особо следует остановиться на сумахах, изготовлением которых среди дагестанских народов славились именно лезгины. Сумахи — это почти те же ковры, только без ворса. Все орудия и инструменты, вся подготовительная работа та же, что и при изготовлении ковра. Разница в том, что в ворсовых коврах нитки основы сидят ближе и гуще, нежели в сумахах. Кроме того, в процессе изготов-

ления сумахов после обматывания двух нитей основы их концы не образуют узлов, как на ворсовых коврах, а свободно свисают на нижней стороне сумаха.

Сумахи, в отличие от ворсовых ковров, изготовлялись только больших размеров (минимум 2×3 м и максимум 3,5×5,5 м), так как обычно предназначались для покрытия пола. Нередко одним сумахом можно было застелить целую комнату.

На стены сумахи не вешали. Как и ковры, сумахи считались семейными ценностями, которые особенно берегли. В конце XIX — начале XX в. один сумах размером 3×5 м приравнивался к стоимости коровы.

Производство сумахов как в Азербайджане, так и в Дагестане встречалось в основном у лезгин. В Азербайджане изготовлением сумахов занимались жители Кусарского и некоторых селений Кубинского районов, где проживали лезгины, в остальных районах Азербайджана сумахи почти не производились.

В Дагестане, кроме лезгин, сумахи встречались у табасаран, но по качеству выработки и рисунку их сумахи во многом уступали лезгинским. Лезгинские сумахи сохранили несколько специфичных и оригинальных рисунков, отличающихся высокохудожественным подбором красок. Колорит их основан главным образом на мягких сочетаниях тонов (кирпично-красных, темно-синих, серо-голубых, белых, болотно-зеленых и оранжевых).

Основным мотивом лезгинских сумахов являлся крупный ромб — фур (яма). По числу фуров местные жители определяли величину сумахов: большие имели до пяти фуров (обычно три), маленькие — два. Фур запол-

Подстилка под кувшин приношений воды — «Херцелаг»

нял центральное поле, имея различные очертания контуров. Любимыми рисунками на сумахах являлись: «фурар чешне», «хурасан», «урус тур», «афнияр», «тапанча» и т. д. В XIX – начале XX в. сумахи были очень популярны и среди соседей лезгин (азербайджанцев, кумыков, даргинцев, лакцев и т. д.), которые приобретали сумахи на рынках или специально приезжали в лезгинские селения и покупали их на месте.

Лезгинские сумахи действительно являлись (и являются по сей день) не только предметами большой художественной и материальной ценности, но и традиционной формой украшения и утепления квартир, создания уюта и красоты в жилых помещениях.

Керамическое производство. Керамическое производство на территории расселения лезгин существует с древнейших времен. Материалы каякентско-хорочоевской культуры, могильников Манаса и других археологических памятников свидетельствуют о существовании развитого гончарного производства к северу от Дербента в первом и даже во втором тысячелетии до н. э. А керамика Гинчинского поселения датируется даже концом четвертого тысячелетия до н. э.[36]

Высокого уровня достигло в Дагестане керамическое производство в третьем тысячелетии до н. э. Керамика этой эпохи отличается довольно совершенными приемами ручной формовки сосудов и высоким качеством их обжига. Определенное представление о гончарном производстве того времени дает находка обжигательного горна на Великетском поселении, древнейшем среди известных в настоящее время на Кавказе[37].

Материалы Макинского могильника подтверждают древность возникновения керамического производства в южных районах Дагестана. В его керамике ярко проступают приемы, восходящие к предшествующей эпохе и сохранившиеся в эпоху бронзы, к которой относится Макинский могильник. Эти приемы заключаются в ручном изготовлении сосудов с обмазкой их снаружи жидкой глиной и характерны для местной дагестанской керамики на всем протяжении эпохи бронзы.

Серьезные сдвиги произошли в гончарном производстве местного населения в эпоху раннего железа (VII—IV вв. до н. э.). В этот период широкое распространение получают разнообразные сосуды для хранения зерна и жидкостей, которые отличались выработанностью форм и хорошим обжигом.

В эпоху раннего средневековья (V—X вв.) лезгины осваивают производство керамических изделий с помощью гончарного круга[37]. Традиции изготовления росписной керамики у лезгин также уходят исторически достаточно глубоко в древность. Установлено, что уже в XII—XIV вв. в древнем лезгинском селении Кала существовало развитое керамическое производство бронзовой росписной керамики, типичной в то время для всего Ближнего Востока[38]. Уже тогда изделия калинских гончаров бытовали среди других народов Дагестана. Тарелки, миски, большие блюда из хорошо обработанной красной глины, кувшины для воды и т. п. и в настоящее время встречаются в горных селениях Кубачи, Кудали, Балхар. Сохранились образцы калинской бирюзовой керамики на месте разрушенно-

го селения Цудахар, в развалинах средневековой крепости Аркас и на месте древней крепости Капчугай, разрушенной еще в XIV в. Тамерланом.

Таким образом, уже в средневековье производство бирюзовой керамики в селении Кала, которое было расположено недалеко от современного селения Испик Касумкентского района, носило характер развитого ремесла.

Производство бирюзовой керамики у лезгин, как утверждают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов, прекратилось в XIV в. в связи с разрушением селения Кала во время татаро-монгольских междоусобных войн [39].

В дальнейшем, уже с XV в., традиции керамического производства древнего Кала продолжили селения Испик, Сальян и Гезеркент. Керамическое производство на территории Южного Дагестана особенно высокого расцвета достигло в XVIII в. К этому времени керамическое производство распространилось на селения Испик, Сальян, Гезеркент Кюринского округа, Кахул Самурского округа и лезгинские селения Испик, Мюгюч, Еникет Кубинского уезда. Здесь изготовлялись оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины, миски, чашки и другие изделия поливной подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и налепными узорами. Лепные рельефы изображались в виде рыб, мулов, птиц, людей, двуглавых орлов, а также украшались солярными знаками и растительными мотивами.

Специалисты подчеркивают, что «испикские настенные лепные рельефы несколько отличаются от обычных и довольно широко распространенных по всему Дагестану лепных рельефов меньшей условностью и общенностью изображений, иными словами, большей конкретностью изображений животных и бóльшей выразительностью фигурок» [40].

Керамические изделия изготовлялись из специальной глины, добываемой недалеко от тех селений, где занимались этим ремеслом. Мастерские иногда строились отдельно, но чаще занимали одну из комнат жилого дома. Стены мастерской оборудовали специальными полками (къехчӀин къапарин дезге), куда ставились готовые изделия из необожженной глины. Станок был деревянный и состоял из двух кругов, соединенных осью на расстоянии 67 см друг от друга, верхнего диаметром 27 см, а нижнего диаметром 64 см. Помещался он посередине комнаты в специально вырытой для этого яме глубиной в 1 м, так что верхний круг станка находился на одном уровне с поверхностью пола.

Глину складывали на площадку, обставленную досками, обливали водой и мяли ногами, выбирая при этом из глины посторонние предметы, сор, камешки. Затем глиняное тесто оставляли на два-три дня, после чего опять мяли.

Из приготовленного таким образом глиняного теста начинали формовать изделия. Для этого мастер брал достаточное количество глины, еще раз мял ее руками и клал на верхний круг станка, затем садился на край ямы, где помещался станок, упираясь ногой в нижний его круг. Затем той же ногой гончар приводил ось станка во вращательное движение, после чего мог придавать своим изделиям любую необходимую форму.

Испикская керамика:

а — тарелки, *б* — миска, *в, г* — подносы

в

г

Сушка изделий из необожженной глины производилась или в том же помещении, где они изготовлялись, или же где-нибудь под навесом, на крыше или во дворе и т. д. Высохшие изделия обыкновенно полировались гладким камнем, после чего поступали в обжиг.

Обжиг производился в специально приспособленных обжигательных печах под названием «куьм». Печки эти строили из сырцевого кирпича недалеко от мастерской гончара. Печка имела куполообразную форму с четырьмя дымоходами у основы. Глубина ее достигала 2,5 м с диаметром в 184 см у основания. Спереди печки находилось небольшое отверстие 50 × 60 см, где в течение трех-пяти суток постоянно поддерживался огонь. Наверху имелось небольшое круглое отверстие (диаметром 40—45 см), откуда было видно достаточно ли обжигаемые предметы покраснели. Для обжига в качестве топлива применяли дрова, хворост и кизяк. Обжигали изделия до красноты.

Полива применялась, как мы уже указывали выше, главным образом как декоративный материал. Грубое покрытие глазурью производилось путем обжигания нагреваемого изделия солью или обливания его кислым молоком. При производстве кувшинов, блюд, тарелок, мелкой посуды для покрытия глазурью лезгинские гончары, как и мастера других районов Кавказа, употребляли металлические окиси. Для приготовления поливы пережигали на сильном огне свинец, до тех пор пока он не превращался в окись или свинцовый глет. Глет разводился с водой и яичным белком и употреблялся в таком виде для покрытия мелкой посуды. Для крупных кувшинов глет приготавливался в смеси с нефтью. Этой смесью вымазывали посуду и помещали для выжигания в гончарную печь. Изготовленные изделия иногда покрывались для красоты масляной краской и украшались зарисовками местного орнамента, чаще всего это были изображения солярных знаков и простые геометрические узоры.

Как отмечают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов, в эпоху позднего средневековья большую роль в декорировке испикской керамики стали играть потечные поливы ярких и богатых цветовых сочетаний, но чаще всего встречались различные оттенки зеленого цвета в сочетании с вишнево-коричневым и иногда с красным или желтым. Применявшаяся в то время прозрачная свинцовая глазурь подкрашивалась природными минеральными красителями: окисью меди — в зеленый цвет, окисью марганца — в темно-вишневый, окисью железа — в красный и окисью хрома — в желтый.

В гончарных изделиях лезгин (особенно в декоративных блюдах) конца XVIII в. полива становится очень насыщенной и разнообразной по цвету.

Основные приемы украшения лезгинской керамики (особенно в селениях Испик и Мюгюч) сохраняются и в XIX в., что свидетельствует о продолжающейся преемственности художественных традиций бирюзовых изделий старого селения Калы. К тому же узоры керамических изделий Испика XIX в. весьма схожи с орнаментом ковровых изделий. Исследователи керамики Южного Дагестана отмечают, что «лучшие из известных

нам образцов испикской росписной керамики, относящиеся в основном к XIX в., и целый ряд дополнительных материалов и сведений позволяют думать о значительном расцвете испикского керамического промысла в конце XVIII – начале XIX в. тем более, что в это время... несколько возросло торговое и экономическое значение крупнейших в прошлом торговых пунктов Дербента и Кубы, бывших непосредственными рынками сбыта испикской поливной керамики»[41].

В конце XIX в., особенно с проникновением на кавказский рынок фабричной фарфоровой и фаянсовой посуды из центральных районов России, наступает глубокий кризис лезгинского керамического производства, в результате чего выпуск изделий резко сокращается.

Тем не менее к началу XX в. в Испике, Мюгюче, Еникенте отдельные группы мастеров все еще продолжали вырабатывать простую, очень скромную, украшенную белой ангобной росписью, хозяйственную керамику для местного рынка. Причем, как и прежде, продажа их совершалась на больших базарах Касумкента, Зухуля, Ахты, Кубы. Гончарные изделия лезгинских мастеров благодаря высокому качеству изготовления продолжали пользоваться значительным спросом.

Многие предметы лезгинского гончарного искусства были представлены на первой областной сельскохозяйственной и кустарной выставке, организованной в Темир-Хан-Шуре в апреле 1912 г.

Стадиально наиболее древним и примитивным способом гончарного производства не только у лезгин, но и у других народов Кавказа является производство кахульской посуды[42], сохранявшееся в некоторых горных районах вплоть до недавнего времени. Это совершенно примитивный способ изготовления посуды без гончарного круга с обжигом на костре без специально приспособленных обжигательных печей. Благодаря особому способу приготовления гончарной массы с примесью толченого камня и волоса кахульская посуда[43] обладала необычной для глиняных изделий прочностью, что, видимо, следует считать одной из причин сохранения этого способа производства керамики до наших дней. Кахульскую посуду изготовляли исключительно женщины, в то время как в Кала, Испике, Мюгюче, Еникенте гончарами были мужчины, а женщины лишь изредка занимались нанесением росписи и украшений.

Эти черты наряду с другими особенностями гончарного производства у кахульцев, по нашему мнению, могут рассматриваться в качестве свидетельства того, что способ изготовления кахульской посуды имеет более древнее происхождение, нежели производство гончарных изделий на станке.

В настоящее время производством гончарных изделий лезгины почти не занимаются. Правда, несколько мастеров из Испика, Еникента, Мюгюча в совхозных мастерских изготовляют в небольшом числе поливные сосуды с белой ангобной росписью. Упадок данного промысла объясняется главным образом широким проникновением в быт населения покупных керамических изделий, которые ныне во всех лезгинских семьях успешно заменили предметы местного производства.

Кахульская посуда:
а — кувшины; *б* — миска, *в* — кастрюля, кувшин; *г* — маслобойка, *д* — кувшины

Металлообрабатывающее производство. Широкое развитие у лезгин в XIX в. получило металлообрабатывающее производство: кузнечное и оружейное дело, а также художественная обработка металла.

Техника обработки металла была известна лезгинам с глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические находки из раскопок Макинского грунтового могильника (б. Докузпаринский район), относящегося к VI—IV вв. до н. э. Судя по этим материалам, в указанное время наряду с железными и бронзовыми украшениями широко употреблялись различные украшения из сплава свинца с оловом, не имеющие аналогий в других памятниках Кавказа. В дальнейшем, в эпоху средневековья и позже с возникновением серебряного дела, одновременно развиваются и обогащаются художественные и технические приемы украшения и орнаментальные формы металлических изделий.

Примитивное литейное производство существовало в Куруше, Микрахе, Хлюте и других лезгинских селениях [44]. Железная руда использовалась местная, но готовое железо доставлялось также из стран Передней Азии и Центральной России. Плавку руды производили примитивным сыродутным методом при помощи мехов.

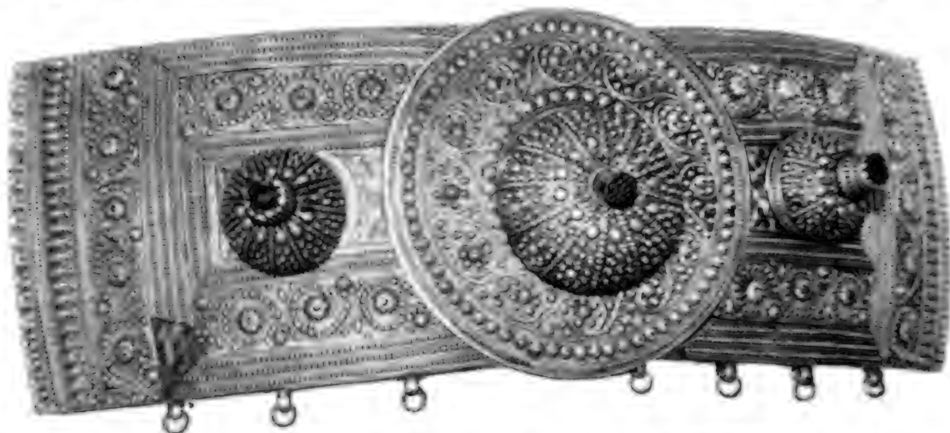
Кузнецы имелись в каждом лезгинском селении. Они занимались производством сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. Изделиями кузнечного производства являлись: топоры, серпы, косы, мотыги, ножи, подковы для лошадей, болты и крючки, а также щипцы для очага, щипчики для сахара, маленькие лопаточки для скобления теста, ножи разных форм и назначений и т. д. Кузнецы удовлетворяли текущие нужды жителей всего селения и в вознаграждение за свой труд получали продукты или деньги. Большей частью они работали на заказчика.

В каждом селении имелось специальное помещение для кузницы. Оно было разделено на две части. В одной половине устанавливался горн (иногда большой и несколько малых), в другой — находился склад для древесного угля и дополнительных инструментов. Инструментами служили несколько пар больших и малых молотков, несколько клещей, три-четыре резака, напильники, точильные станки и т. п.

У каждого кузнеца было обычно два-три помощника-ученика. Обучение их продолжалось два-три года и по истечении срока кузнец назначал своим ученикам определенное жалование, если они желали продолжать у него работать. Слесарей по сравнению с кузнецами среди лезгин было очень мало. К примеру, в Кюринском округе, по данным обследования Дагестанского областного статистического комитета, в 1900 г. насчитывалось 91 кузнец и только лишь 3 слесаря [45].

В конце XVIII— начале XIX в. в металлообрабатывающем производстве выделяются оружейное дело и художественная обработка металла. Следует заметить, что в силу определенных социально-экономических и

Серебряные поясные пряжки ⇒



исторических причин, оружейное дело не получило у лезгин заметного развития. Однако там, где оно возникло, достигло совершенства.

Вокруг оружейного дела развивались разнообразные художественные и ювелирные производства, связанные с отделкой оружия серебром под чернь, слоновой костью, золотыми инкрустациями и т. д. Крупными центрами кустарного производства серебряных ювелирных изделий, где насчитывалось значительное число кустарей, считались селения: Кюснет Кубинского уезда, Ахты Самурского округа, Икра и Койсун Кюринского округа.

Е. И. Козубский отмечал, что «в Кюринском округе ювелирный промысел особенно развит в селениях Рича, Икра и Кучхюр, где он производится по заказу в свободное от полевых работ время. В Самурском округе производство (ювелирное.— *С. А.*) развито в селениях Ахты, Кока и Цахур» [46]. Ювелирное дело у лезгин в сравнении с лакцами, аварцами и кубачинцами было подсобным ремеслом, в то время как у перечисленных народов имелись опытные квалифицированные мастера, получавшие солидные доходы от своего ремесла.

По технике выполнения ювелирные изделия лезгин отличались чрезвычайным разнообразием. Практиковались гравировка, чернь, инкрустации по дереву и металлу. Однако производство филигранных и эмалевых предметов, как у кубачинцев и лакцев, не получило распространения. Наибольшего совершенства лезгины достигли в области чеканных изделий. Филигранные и эмалевые украшения они приобретали у кубачинцев, лакцев, азербайджанцев, грузин и армян в Дербенте, Нухе, Баку, Шемахе и других городах.

В технике ювелирного производства применялись различные способы литья, ковки, спайки, сварки и пр. Ассортимент ювелирно-художественных изделий был разнообразен: кинжалы, пояса, браслеты, перстни, нарядные женские пряжки, крючки, газыри с узкими наборными поясами для мужских костюмов, ожерелья, кольца, серьги и т. д.

Самыми распространенными элементами украшения ювелирных изделий были разнообразные цепочки, завитки, цветочки, разные ленточные и геометризованные линии, штрихи и т. д. Нередко встречались серьги, украшенные схематическими изображениями птиц, растений, полумесяца и других изобразительных узоров. Ювелирные изделия лезгинских мастеров по формам украшений и орнаменту, хотя и имеют некоторые локальные особенности, выявляют много общего с такими изделиями у других народов Дагестана, на что указывают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов: «Несмотря на некоторые местные особенности ювелирного искусства, на распространенность в тех или иных районах местных форм украшений, в целом ювелирное дело горцев Дагестана едино по своим художественным особенностям, декоративным приемам, основным изобразительным мотивам и узорам» [47].

В начале и середине XIX в. особой славой среди лезгин пользовались ювелирные изделия мастеров — «заргарчияр» селения Ахты. «В конце XVIII — начале XIX в.,— пишут Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов,—вы-

деляются ювелирные изделия даргинского аула Кубачи, лакских селений Кумух, Унчукатль, Балхар, лезгинского селения Ахты и аварских селений Ругуджа, Гамсутль, Гоцатль, Унцукуль, Хунзах и других»[48].

Высоко ценились кинжалы работы мастеров селений Кюснет, Икра, Курах и Койсун. В селении Кюснет Кубинского уезда почти все мужчины мастерски умели изготовлять кинжалы. Вплоть до XX в. здесь производились лучшие кинжалы Кубинского уезда. Заслуженную славу имели оружейники селений Икра и Койсун б. Кюринского округа. В «Асари Дагестан» упоминается, например, что в Кюринском округе в селении Койсун был искусный оружейник и золотых дел мастер по имени Гаджи-Магомед-Али. Ружье, сделанное этим мастером, нельзя было отличить от ружья известного мастера Гаджи-Мустафы, жившего в Крыму[49].

Разумеется, кубачинское оружие нельзя было сравнить с лезгинским. И среди лезгин, и среди других народов Кавказа кубачинцы славились своим мастерством. Однако встречалось оружие, изготовленное мастерами селений Кюснет или Койсун; оно было не худшего качества, чем кубачинское или кумухское. Приемы изготовления кинжалов, сабель передавались по наследству от отца к сыну. В лезгинских песнях воспеваются боевые качества лучших образцов оружия, которое занимало важное место в быту лезгин: ружье, кинжал, сабля составляли как бы одно целое с черкеской, являлись необходимыми предметами в быту. Кинжалы составляли обязательную принадлежность одежды даже в детском возрасте. На стенах почти каждой лезгинской семьи можно было видеть не менее двух ружей и несколько кинжалов.

Умение мастерски владеть оружием считалось большим искусством. Как пишет Г. Алкадари, каждый дагестанец (в том числе и лезгин) мог рассчитывать на уважение и почет со стороны односельчан лишь в том случае, если он:

«1. Имел коран, написанный хорошим почерком.

2. Имел красивую жену из числа двоюродных сестер (прежде в Дагестане, как и на арабском Востоке, брак заключался по нормам эндогамии. Считалось, что в этом случае двоюродная сестра будет вдвойне предана мужу, то есть и как мужу и как брату.— *С. А.*).

3. Владел верховым жеребцом из породы светло-серых лошадей казахского магала или светлоногих лошадей Карабаха.

4. Имел пистолет или ружье изготовления Гаджи-Мустафы или же мадьярское ружье — изделие некоего Сарали.

5. Владел хорошим кинжалом, изготовленным мастером по имени Базалай-Али либо Абдул-Азизом.

6. Имел хорошую острую саблю выделки исфаганского мастера Уста-Азада либо египетского изготовления.

7. Имел либо янтарные, либо коралловые четки.

8. Вел несколько беспечный образ жизни»[50].

Как мы видим, в этом своеобразном кодексе умение владеть оружием (причем оружием хорошей выделки и высокого качества) занимает весьма немаловажное место.

Мастера ювелирных дел, оружейники селений Ахты, Кюснет, Койсун, Икра и др. большей частью работали на заказ.

Как известно, В. И. Ленин именно с началом производства изделий на заказ связывал появление профессионального ремесла. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия,— пишет он,— является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой» [51].

Работа на заказ носила временный характер и предполагала правоспособность ремесленников свободно договариваться с заказчиками. «В этой форме промышленности,— пишет В. И. Ленин,— нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства» [52].

На более высокую ступень поднимается ремесло, когда появляются ремесленники — мелкие производители, сбывающие свои изделия на местном, ограниченном рынке и не нуждающиеся поэтому пока еще в деятельности посредника-купца. На этой стадии «продукт по-прежнему переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже продукта предшествует иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты» [53].

Среди лезгин обмен ювелирными изделиями и другими продуктами ремесла происходит и непосредственно между самими производителями в натуральной, реже — в денежной, форме или с участием скупщиков и торговцев.

Обмен и продажа на деньги исчислялись в зависимости от цен на зерно. Постепенно продукты ювелирного и оружейного ремесла стали приобретать товарное значение. Но с конца XIX в. в связи с завозом оружия из России производство огнестрельного оружия в Дагестане резко сократилось. Оружейное дело у лезгин потеряло характер специального ремесла, а затем постепенно исчезло и производство художественно-ювелирных изделий. Починка старого оружия стала делом кузнецов и слесарей.

В начале XX в., как было отмечено выше, был принят ряд мер для развития кустарных промыслов Дагестана. В 1908 г. Кавказский кустарный комитет открыл в Касумкенте учебно-показательную мастерскую (в следующем году она была переведена в селение Ахты). При мастерской был организован склад материалов, а также орудий и инструментов, предназначенных для продажи населению. Были приняты меры к внедрению в ковровый промысел усовершенствованных станков, производился отбор оригинальных старых ковровых рисунков.

В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось открытие Дагестанского музея кустарной промышленности имени штаб-лекаря И. С. Костемеревского. Музей должен был собирать образцы кустарных изделий, знакомить население с различными способами производства, снабжать кустарей прибо-

рами, инструментами, сырьем и материалами повышенного качества и т. д.[54]

Однако эти меры, проводившиеся незадолго до Октябрьской революции, были незначительны и не давали должного простора для использования имевшихся возможностей.

Переходя к обобщению изложенных в данной главе материалов, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что в XIX в. у лезгин существовало несколько высокоразвитых разновидностей домашнего и ремесленного производства, связанных с обработкой дерева, кожи, металла, производством сукон, изготовлением ковров, плетеных и гончарных изделий.

При этом, однако, следует особенно подчеркнуть, что изделия из дерева и кожи, изготовление войлока и сукон, вязание шерстяных носок осуществлялись в рамках домашнего производства и служили исключительно для удовлетворения внутрисемейных нужд.

В то же время гончарный промысел, обработка металла и в особенности ковроделие со второй половины XIX в., с развитием феодальных отношений и ускорением в связи с этим процесса отделения ремесла от земледелия, выделяются в самостоятельные ремесленные производства. Но, являясь дополнительными источниками экономических доходов определенного числа семей, играя подсобную роль в их хозяйстве, эти отрасли в силу своего сугубо кустарного характера в XIX в. далеко не достаточно обеспечивали своей продукцией основную массу лезгинского населения.

Расцвет и дальнейший подъем названных отраслей произошел только в годы Советской власти, когда в результате внедрения современных технических средств они по существу утратили свой ремесленный характер, став составной частью промышленной экономики социалистического Дагестана.

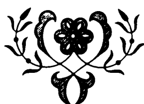
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.
[2] *Кильчевская Э. В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968, с. 21.
[3] *Страбон.* География в 17-ти кн., кн. IV. Л., 1964, с. 475—476.
[4] *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане.— АЭС, 1965, вып. II, с. 9—10.
[5] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 21. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 33.
[6] *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане, с. 19.
[7] Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 2.
[8] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, с. 13.
[9] *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М., 1967, с. 64—66.
[10] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 14.
[11] *Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1971, с. 66.
[12] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 201.
[13] *Агаширинова С. С.* Домашнее производство и ремесло.— В кн.: Материальная культура аварцев, с. 68—69.
[14] *Эмин Е.* Избранные стихи. Махачкала, 1954, с. 31. На лезг. яз.
[15] *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, с. 24—26.

[16] Энеолит Кавказа датируется с конца V до конца IV тысячелетия до н. э.
[17] *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, 1959, вып. 1, с. 135.
[18] *Гаджиева М. Г., Котович В. Г.* Древнейшие земледельцы и скотоводы.— В кн.: История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 38, 59.
[19] История Дагестана, т. 1, с. 90, 94, 97.
[20] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 87, л. 21;
[21] *Атаев Д. М.* Средневековая Авария. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук, 1961.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 118, л. 168.
[22] *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана.– ИГЭД, с. 138.
[23] *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796.— ИГЭД, с. 203—204.
[24] *Агаширинова С. С.* Домашнее производство и ремесла, с. 75.
[25] *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, с. 80; *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа.— Весь Кавказ, т. 1. Баку, 1914; *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, с. 31, 32.
[26] *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура, с. 32.
[27] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 16.
[28] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 70.
[29] ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 108, л. 48.
[30] Там же, л. 32.
[31] *Пиралов А. С.* Организация производства и вывоза ковров за границу.— Экономический вестник Закавказья, Тифлис, 1921, № 1, с. 34.
[32] ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 47, л. 6.
[33] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 70.
[34] Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 1.
[35] Полевой материал 1965 г.— АА, тетр. № 2.
[36] История Дагестана, т. 1, с. 38.
[37] История Дагестана, т. 1, с. 132.
[38] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 41—42.
[39] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 44.
[40] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 45.
[41] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 48.
[42] Обзор первой областной дагестанской сельскохозяйственной и кустарной выставки в городе Темир-Хан-Шура за 1912 г. Темир-Хан-Шура, 1913, с. 20.
[43] Кахуль — название б. селения Ахтынского района, жители которого в настоящее время переселены на равнину.
[44] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. 1.
[45] ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 8, л. 225.
[46] *Козубский Е. И.* Дагестанский сборник, т. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, с. 92—93.
[47] *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, с. 51.
[48] Там же, с. 51.
[49] *Алкадари Г.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с. 16.
[50] *Алкадари Г.* Асари Дагестан, с. 139.
[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 329.
[52] Там же, с. 330—331.
[53] Там же, с. 331—332.
[54] *Нахшумов И. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, с. 88.

Глава третья

Поселения и семейно-общественные отношения

Расселение и типы поселений.
Поселение как источник изучения общественного быта



Изучение поселений и жилищ отдельных народов представляет интерес для многих научных дисциплин: археологии, этнографии, гражданской истории, истории культуры, архитектуры. Поселения и жилища относятся к тем видам материальной культуры, которые имеют долгую жизнь и прочно сохраняют особенности их породивших общественно-экономических условий. Изучая поселения и жилища народа, можно проследить длительные традиции архитектуры, культурно-экономические взаимосвязи с соседними этническими группами и их влияние на характер планировки селений и архитектуру домов. Сведения о возникновении поселений и сооружении оборонительных башен, об их строителях и времени строительства, порядке сегментации семьи и расселении ее дочерних филиаций, о семейных генеалогиях и другие данные, связанные с изучением поселений и жилищ, являются достоверным источником для изучения этногенеза и общественного быта народа.

Расселение и типы поселений

Как уже подчеркивалось, разнообразие природно-географических условий Лезгинистана наложило определенный отпечаток на хозяйственные занятия и материальную культуру населения и, в частности, на характер поселений и жилищ. Типы и специфика планировки лезгинских селений прежде всего различаются по природно-географическим зонам и тесно связаны с рельефом местности.

В горных Ахтынском, Курахском, Кусарском и Кубинском районах встречаются селения, расположенные в крайне труднодоступных местах. Селения эти представляют собой как бы естественные крепости. В далекие времена, когда, кроме набегов внешних врагов, происходили нападения рода на род и общины на общину, фактору обороноспособности

селения уделялось большое внимание. Если естественные условия не способствовали надежной обороне, создавались искусственные сооружения. Возводились стены, строились крепости, сооружались сторожевые башни, насыпались холмы. Это было присуще всем дагестанским горным селениям.

Указания на важность фактора обороноспособности дагестанских горных аулов можно найти как в ранних источниках [1], так и в работах исследователей XVIII—XIX вв. [2] Офицер Н. Абельдяев, посетивший Дагестан в середине XIX в., писал, например, что «при выборе места для деревень руководствуются вообще двумя правилами: укрыть, по возможности, свои ветхие дома от непогоды и расположить деревню на такой местности, чтобы она представлялась наиболее выгодной при обороне в случае неприятельского нападения. На этом основании деревни располагаются или в оврагах, часто под нависшими скалами, или на какой-нибудь возвышенности, представляющей трудный доступ снизу. На сторонах, доступных неприятельскому нападению, возводятся стены из камня, бойница и часто с башнями для фланговой обороны. Здесь же располагаются и ворота, плетенные из хвороста или дощатые... с тех же сторон, откуда нельзя ожидать неприятельского нападения, ворот, как равно и стен, не бывает.

Случается иногда, что деревни располагаются и на местах более или менее ровных; это или многолюдные, или богатые деревни, менее страшившиеся нападения... Они всегда обнесены со всех сторон стенами, и на всех выходящих из деревни дорогах непременно устроены ворота. Ворота во всех вообще аулах на ночь запираются, и при них ночью имеется караул...» [3].

Горные селения-крепости обычно строились на крутых склонах, ограждались каменными стенами или же глухими фасадами жилых домов и имели один или два выхода, которые запирались двойными воротами. Улицы таких селений, описывает К. М. Курдов, были узки и часто являлись вторыми этажами домов. Так, например, лезгинское селение Гельхен [4] состояло раньше из одной узкой улицы, по обеим сторонам которой дома плотно примыкали один к другому, фасады с окнами, точнее, с отверстиями для света, выходили на улицу, а задние стены домов, обращенные наружу, были сплошными и отверстий не имели. По словам старожилов, оба конца улицы имели запирающиеся ворота [5].

Старые селения-крепости часто располагались на высокой горе, у слияния речек, которые служили дополнительной защитой в качестве водной преграды. Например, селение Кочхюр Курахского района с трех сторон окружено речными протоками, через которые перекинуты мосты. Узкая улица идет под домами. Раньше она в случае необходимости запиралась двойными воротами. С. О. Хан-Магомедов пишет, что «Кочхюр и Гельхен дают примеры аулов-крепостей, где отдельные сооружения (оборонительные башни, дома-крепости) не играли решающей роли в обороне, но все селение являлось единой крепостью, окруженной неприступными крупными

Башня в сел. Шиназ

склонами, быстрыми горными речками, стенами и глухими каменными фасадами домов» [6].

В тех случаях, когда рельеф местности не позволял превратить селение в неприступную крепость, возводились специальные оборонительные сооружения — башни-крепости. Они обычно располагались по краям селения. Ф. Ф. Симонович, побывавший в Южном Дагестане в конце XVIII в., писал: «Гилияр, на левом берегу реки Самура, защищается со стороны гор 4-мя построенными по углам каменными башнями» [7]. Это же подтверждают и полевые материалы: старожилы Гильяра рассказывают, что некогда там было шесть оборонительных башен [8]. Остатки оборонительных башен сохранились также в селениях Куруш — Мерки-Кала, Хюрюк, Шимихюр Курахского района и в Ахты [9]. О том, что в селении Ахты некогда существовала древняя крепость, есть запись в хронике «Ахты-наме» [10]. Это подтверждают и сохранившиеся остатки крепостной кладки на склоне соседней горы Келедхев, что по-лезгински означает «холка крепости».

Надпись, обнаруженная на этой крепостной кладке, не содержит даты, но Л. И. Лавров палеографически относит ее к XI—XIII вв., полагая, что она была сделана одновременно с постройкой крепости [11]. На этой же «холке» расположен древнейший ахтынский квартал Ниж. С этой крепости хорошо видны близлежащие участки долины рек Самура и Ахтычая. От угрозы нападения со стороны низовьев р. Самура крепость и квартал Ниж. были защищены р. Ахтычай. Первоначально жители селения Ахты (точнее, квартала Ниж), видимо, опасались селиться непосредственно у самой реки, поэтому постройки Нижа прижимались к горе.

В местных преданиях говорится, что это укрепление было сооружено персами. Совершенно прав Л. И. Лавров, считая, что эти оборонительные сооружения были построены в целях защиты от нападения местного лезгинского населения [12]. А. Ф. Десимон писал в 1839 г. что «многолюднейшие селения горных обществ лежат по правому берегу Самура. Главное из этих селений Ахты весьма многолюдно и расположено в живописной долине при слиянии речки Ахты-чая с Самуром. В пяти верстах от Ахты вверх по Ахты-чаю есть горячие серные минеральные воды весьма высокой температуры; в VI веке они были известны персам, которые построили близ них бани и крепостцу; остатки последней и теперь еще видны на крутой горе по левую сторону речки Ахты-чай» [13].

Во многих лезгинских селениях в целях защиты по краям селения строили сторожевые пункты. Наглядный пример в этом отношении представляет селение Хазри Кусарского района, расположенное у подножия горы. С северной стороны его обтекает речка Усур-чай, а с юго-запада имеются большие (наподобие естественных) холмы, которые, по преданию, были сооружены жителями этого селения для защиты от внешних врагов, неоднократно нападавших именно с этой стороны [14]. С северо-востока и юго-запада от селения Хюрелар Магарамкентского района также были построены высокие сторожевые пункты для охраны селения [15].

Селение Ахты

Как пишет М. О. Османов, «стремление к недоступности и неприступности поселений вызывалось многими причинами социально-политического характера... В условиях распада первобытнообщинного строя и зарождения феодальных отношений существовало огромное количество различных политических объединений, больших и малых, находившихся в состоянии войны всех против всех» [16].

Как и все народы Дагестана, лезгины испытали немало иноземных вторжений. Многочисленные набеги хазар через Дербентский проход наносили огромный ущерб хозяйству народов Южного Дагестана. Хроника «Ахты-наме» рассказывает, что хазары, будучи в Ширване, сделали резиденцией своего военачальника Самсама Микрах. Для упрочения его положения хазары построили еще один город на левом берегу Самура. Они многократно делали попытки взять Ахты (Шахбани), осаждали его 10 лет, но потерпели поражение от объединенных войск «эмиров Тарсы, Рутула, Джиниха и Руфука». В другой местной хронике, известной под названием «История Абу-Муслима», это событие освещается следующим образом: Сейф-ад-дин, направленный дербентским правителем против хазар,

Общий вид селений:

сел. Хрюк Ахтынского района;

захватил Микрах. «И погублены были им войска Самсама, и разрушены города кяфиров, и бежал Самсам вместе с амирами, которые у него в услужении, в темную ночь» [17]. В дальнейшем, как и многим народам Дагестана, лезгинам приходилось вести ожесточенную борьбу против набегов татаро-монголов, власти ильханов, а затем против гнета сефевидских и турецких правителей и т. д. Постоянная необходимость защищать себя от завоевателей вынуждала местные народы выбирать наиболее труднодоступные места для своих селений и самым надежным образом их укреплять.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на характер поселений лезгин, как и других народов Дагестана, являлось также малоземелье. Земля, особенно в горных районах, ценилась так высоко, что пригодные для посева участки старались сохранить, сберечь каждый клочек и не использовать для других целей.

В предыдущей главе, посвященной хозяйству, нам уже приходилось говорить о земельной тесноте у лезгин, поэтому здесь укажем лишь на

сел. Зрых Ахтынского района

то, что скудость земли в свою очередь повлияла на характер поселений. Почти все древние горные лезгинские селения расположены на скалах, а пахотные ровные площади раскинуты внизу и по бокам. Например, такие селения, как Филя, Гапцах, Гоган, Мака, Юхари-Тахирджал, Судур, Дустаир и др., находятся в совершенно непреступных и непригодных для пашни местах, а в окрестностях их имеются пахотные и зимние пастбищные угодья. Вокруг таких высокогорных селений обычно раскинуты и летние пастбищные земли — «эйлаги», а в окрестностях предгорных и плоскостных селений расположены пастбищные земли — «кишлаки».

М. О. Османов считает малоземелье в горах одним из главных факторов, повлиявших на неприступность даргинских поселений. По его мнению, «малоземелье имело еще одну сторону: часто (особенно в позднее время) селение карабкалось в гору, на скалы, не столько из-за оборонительных потребностей, сколько из-за малоземелья, а раз так, то неприступность селения была связана не со стремлением к неприступности, а с экономией земли»[18]. У лезгин малоземелье являлось одной из основных

Сел. Шинав Рутульского района

причин, повлиявших на характер поселений и их неприступность, хотя первостепенным фактором в этом отношении мы считаем оборонный.

Немаловажным аргументом, определявшим выбор места для поселения, была близость к источнику, к реке, так как проблема водоснабжения у лезгин, как и у других народов Дагестана, исстари имела существенное значение. Почти все селения Лезгинистана расположены на склонах гор, вблизи от горных речек и крупных источников, где имелся естественный выход подземных вод.

Местоположение большинства современных лезгинских селений во многом аналогично древним и средневековым поселениям Дагестана. Например, палеолитические и неолитические стоянки бассейна р. Акушинки расположены на речных террасах вблизи от реки[19]. Энеолитические поселения в Дагестане — Каякентское и Мамайкутанское (Сергокалинский район), Великентское (Дербентский район), Мамрашское, Гильярское и

Хаджалкалинское (Касумкентский район)[20], Нютюгское и Касумкентское (Касумкентский район)[21] и др. также расположены поблизости от воды. Тоже самое можно сказать и о поселениях эпохи бронзы (Верхнегунибское и др.)[22] и раннего железа (Аркасское и Макинское поселения, датируемые VII—IV вв. до н. э.)[23]. Средневековые поселения Дагестана, описанные Н. Д. Путинцевой, Д. М. Атаевым и М. И. Пикуль[24], также располагались поближе к реке, хотя и в этих случаях выбор места для устройства селений определялся в первую очередь характером рельефа и степенью его защиты от возможного нападения. «Средневековые поселения,— писала М. И. Пикуль,— расположенные на береговых плато, высоких речных террасах или холмах, обязательно имели естественную защиту в виде обрывистых склонов и оврагов. Те поселения, которые располагались на горе, были, как правило, скрыты от равнины горным перевалом или возвышенностью»[25].

Немаловажное значение при выборе места для поселения имела его ориентация по странам света. Лезгины, как и все народы Кавказа, стремились к тому, чтобы селение было обращено в южную солнечную сторону, поэтому почти все лезгинские селения расположены на южных склонах гор, лицом к солнцу. Например, селения Филя, Гоган, Гапцах, Микрах, Каладжух, Мака, Мискинджа, Судур, Дустаир, Хазри, Гиль, Юхари-Тахирджал, Хюрелар, Зизик, Пютюг, Орта-Стал, Юхари-Стал, Гильяр, Койсун и др. лицом обращены на юг, на юго-восток или на юго-запад. Лишь в тех случаях, когда полностью заселить южный склон не представлялось возможным, заселялся и северный склон, но и в таких селениях дома обязательно имели южную, солнечную ориентацию. Так, например, селение Кара-Кюре расположено как на северном, так и южном склоне горы, но все его дома фасадом обращены на юг.

Особая приверженность к солнцу у лезгин, как и у других народов горного Дагестана, прежде всего должна быть поставлена в связь с суровыми природно-географическими условиями края. И летом, и зимой почти все домашние работы мужчины и женщины выполняли во дворе: на квартальной площади — «ким» (мужчины) или крышах домов — «гуьнедив» (женщины).

Кроме того, не все лезгинские селения расположены в лесистых местах (например, высокогорные селения Ахтынского и Курахского районов и др.). В этих селениях, где зачастую не хватало топлива для обогрева помещений, дома специально строились так, чтобы максимально использовать солнечное тепло.

Таким образом, в хозяйственной деятельности и быту горцев Дагестана солнцу отводилась вполне определенная, далеко не маловажная роль. Как писал относительно даргинцев М. О. Османов, солнце стало своего рода экономическим фактором в их хозяйственной деятельности, «фактором, который с течением времени не обязательно осознается во всем его значении и объеме, но тем не менее становится обязательной традицией и сильно влияет на сельское строительство, на планирование селений» [26]. О максимальном использовании солнечного тепла аварцами сообщает и Н. Львов. Горцы, пишет он, во время сильных морозов, засев в свои темные сакли, обогревались лишь по утрам скудным огнем для вскипячения галушек, не показываются на улице до тех пор, пока не проглянет солнце. Когда же оно обогревает немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи «мужчины, женщины, старики и молодежь оставляют сакли и размещаются на крышах, на галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне» [27]. Солнечная ориентация имела большое значение и для Лакии, «так как из-за бедности лесом лакцы не имели на зиму достаточного количества топлива и весь зимний день проводили на открытых верандах и на крышах, защищенных от северного ветра кизячными кучами, занимаясь домашними делами» [28].

Аналогичные факторы — обороноспособность, малоземелье, близость к воде, ориентация по странам света — имели решающее влияние на характер поселений не только в горном Дагестане и в пределах Кавказа (у на-

родов Западной Армении, Восточной Грузии, нагорной Осетии, северо-восточного Азербайджана и др.) [29], но также и в Передней Азии (у турок, персов, кафиров, хазарейцев и др.) [30].

Лезгинские горные селения были основаны в глубокой древности и на протяжении многих веков служили крепостями, где местное население спасалось от внешних и внутренних врагов, что и нашло отражение в их планировке.

Если говорить о конкретной планировке отдельных лезгинских селений, то она вряд ли поддается какой-либо систематизации, так как всецело зависела обычно от рельефа местности. Их общей чертой являлась скученность, так как дома лепились на крутых склонах и по гребням гор, улицы были узкие, запутанные и часто проходили под домами. Е. Марков дает, к примеру, такое обобщенное описание дагестанского аула конца XIX в.: «Улицы нет в ауле; каменные, двухъярусные бойницы, которые горец называет саклями... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой третья и ножом расколотая щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножья всех этих, без порядка насыпанных в кучу каменных редутов» [31].

В таких скученных горных селениях были одна или две основные улицы, остальные переулки терялись в тесно застроенных домах. Прямых улиц в таких селениях практически не было. Обычно улицы проходили по краям аула или в центре его, образуя несколько кварталов. Количество этих кварталов — «мягьле» колебалось от пяти до десяти и более.

В древности все жители квартала принадлежали к одному тухуму. Название квартала соответствовало наименованию тухума. Поскольку в прошлом тухумы жили во вражде друг с другом, они составляли особые кварталы в селении. Но уже начиная с конца XVI — начала XVII в. в одном квартале стали жить представители различных тухумов [32]. С постепенным исчезновением межродовой вражды квартал в большинстве селений состоял уже из жителей различных родов, хотя родовые связи продолжали по-прежнему играть большую роль в повседневной жизни лезгин.

Становление и развитие феодальных отношений в конечном итоге привело к исчезновению тухумного принципа расселения по кварталам. Каждая вновь образовавшаяся семейно-хозяйственная ячейка требовала переселения на имевшееся свободное место, независимо от того, на каком расстоянии оно находилось от общего очага бывшего тухума.

Общественным центром селения прежде всего были мечеть и общая площадь — «ким». Кроме общей площади, у лезгин имелись небольшие квартальные площади — «мягьледин ким», куда собирались мужчины выполнять какие-либо мелкие работы (точить ножи, делать чарыки, плести веревки, изготовлять мелкие деревянные изделия, например, ложки, и пр.) и беседовать.

Кладбище, места поклонений обычно располагались недалеко от селения. Культовые места: деревья, скалы, рощи и др. — находились немного поодаль.

Планировка лезгинских селений предгорной зоны (Касумкентский, Магарамкентский районы и приморская часть Кусарского района, а также лезгинские селения Худатского района) совершенно иная.

Приморская низменность и нижние предгорья интенсивно стали заселяться лишь с конца XVIII в., особенно после присоединения территории лезгин к России.

Если при заселении горных районов прежде всего учитывалось стратегическое положение для обороны от врагов (аулы обычно располагались на выгодных в военном отношении, но часто неудобных для жилья местах), то при заселении предгорной зоны стратегический принцип во внимание не принимался. Поэтому лезгинские селения нижних предгорий расположены обычно на склонах, обращенных на юг (например, селения Новый Мугерган, Кирка, Магарамкент Магарамкентского района, а также все лезгинские поселения типа «оба»). В этих селениях нет той тесноты и скученности построек, которая характерна для горных аулов. Улицы в них сравнительно широкие, прямые, дома окружены садами и расположены на некотором расстоянии друг от друга.

Вследствие ряда благоприятных условий отдельные селения занимали центральное положение в экономической, культурной и политической жизни лезгин. Так, торговым центром в бывшем Кюринском округе стал Касумкент, в Самурском округе — Ахты. Географическое положение этих селений, стоявших на основных торговых путях, благоприятствовало их экономическому росту.

Наиболее крупным торговым центром у лезгин в XIX в. было селение Ахты. Экономическому росту Ахты содействовало наличие здесь с давних пор различных ремесленных производств, которые возникли вследствие малоземелья ахтынцев. В начале XIX в. в Ахты было большое количество ремесленников, среди них ковровщицы, чувячники, сапожники, портные, шорники, ткачи, деревоотделочники, ювелиры, оружейники, кузнецы и т. д.

Это селение стояло на торговых путях, по которым шел обмен между горными скотоводами и равнинными земледельцами и между горным Дагестаном и промышленным центром Нухой.

Из Кубинского уезда, преимущественно из лезгинских селений Гиль, Ясаб, Кунагкент, Хазри и др., которые ахтынцы называли «хлебными мешками», привозили в Ахты зерно, хлеб, арбузы, дрова и древесный уголь. Уголь и дрова доставляли сюда также из Кюринского округа, в частности, из селений Магарамкента, Гильяра, Касумкента, Юхари-Ярага и др. Рутульцы — жители селений Фий, Маза, Борч и Хнов привозили в Ахты продукты животноводства.

Здесь же совершался обмен сельскохозяйственных продуктов на изделия кустарной промышленности. Будугцы привозили сюда свои грубые толстые сукна, которые употребляли на мужскую верхнюю одежду. Продавались здесь также акушинские тонкие сукна и андийские бурки, считавшиеся лучшими на Кавказе. Андийцы вывозили их через Ахты и дальше в Нуху. Табасаранцы торговали в Ахтах своими изделиями из пень-

ки, хлопка, шерсти: коврами, мешками, веревкой и др. Глиняную посуду доставляли сюда кубинцы, агульцы и табасаранцы. Промышленные товары поступали в Ахты из Дербента, Нухи, Кубы, Хачмаса и других мест.

Торговля в Ахтах по преимуществу носила массовый характер. Обмен и продажа на деньги исчислялись в зависимости от цен на зерно. Чаще обмен производился непосредственно самими производителями в натуральной и реже — в денежной форме.

Из Кубинского и Дербентского районов товары привозили на арбах, из Нухи из-за отсутствия дорог — вьючным транспортом. Соответственно объему торговли в Ахтах было большое количество караван-сараев, в которых приезжие могли останавливаться на ночлег, оставлять там свои арбы и транспортных животных. Не случайно в «Русском вестнике» за 1880 г. один из участников восстания 1877 г. в Дагестане пишет, что «Ахты и Хунзах по числу народонаселения и тому значению, которое они имеют в торговой и промышленной жизни Дагестана, — можно безошибочно назвать городами» [33].

В конце XVIII в. (1796 г.), по сообщению Ф. Ф. Симоновича, в Ахтах насчитывалось 600 дворов [34], к 1832 г., по данным Ф. А. Шнитникова, их стало 800 [35].

В 90-х годах XIX в. количество дворов в Ахтах уже составляло 1071, а число жителей — 5710 человек [36]. Таким образом, именно экономический фактор способствовал тому, что на протяжении XIX в. количество дворов в Ахтах резко увеличилось.

Экономическое возвышение селения Ахты содействовало упрочению его культурного и политического престижа. Постепенно оно стало крупным центром экономической, культурной и политической жизни лезгин Самурской долины. До присоединения Лезгинистана к России оно было центром Ахтынского вольного общества, а впоследствии центром Самурского округа.

Другое горное лезгинское селение — Хазри Кусарского района в XIX в. также сильно выросло в экономическом отношении. То же самое можно сказать и о горном селении Курах Курахского района.

Существенные изменения в планировке лезгинских селений произошли с развитием капиталистических отношений. Вместо старых домов, выходящих глухими стенами на улицу, появились новые дома с окнами, балконами, галереями и пр.

Лезгинские купцы, проникая в глубь России, заимствовали многие элементы русской культуры. Возвращаясь к себе в селения, они строили жилые дома по новому образцу, со специальными торговыми помещениями и прочими приспособлениями.

Основные типы поселений и их образование

Становление и эволюция лезгинских поселений в XIX — начале XX в. ярко отражает социально-экономические изменения и характер социальной структуры общества в конкретных исторических условиях.

В XIX в. у лезгин насчитывалось три типа поселений: селения, казмаляры и оба.

Селение — «хуьр». Этот тип поселения является наиболее распространенным в горах и на плоскостной части лезгинского края. Селения в горах существуют с глубокой древности. Археологические и эпиграфические находки, многочисленные местные предания и легенды свидетельствуют об автохтонности лезгинского народа и раннем возникновении поселений на территории его современного расселения.

В связи с этим следует указать, что более древние лезгинские селения расположены в той части Лезгинистана, где живут дагестанские лезгины.

Археологические материалы Нютюгского и Касумкентского [37], Мамрашского, Гильярского и Хаджалкалинского поселений [38], Макинского и Шаракунского могильников [39] свидетельствуют о том, что люди здесь жили уже с эпохи энеолита. Многочисленные эпиграфические памятники на арабском языке, обнаруженные на территории лезгин, подтверждают, что многие современные селения в XI—XII вв. уже существовали под теми же названиями, что и теперь. В селении Кочхюр Курахского района, например, была обнаружена надпись на стене бывшей мечети, относящаяся к 1009 г. Эта надпись, как полагает Л. И. Лавров, — строительная и самая ранняя из известных на Северном Кавказе [40]. Другая почти столь же древняя надпись, относящаяся к X—XI вв., открыта в селении Кара-Кюре Ахтынского района [41]. Надписи, относящиеся к XI — XII вв., обнаружены также в селениях Зрых и Ахты Ахтынского района [42].

Эпиграфические памятники, найденные на территории высокогорной части Лезгинистана (в Курахе, Кочхюре и других местах) свидетельствуют о том, что такие лезгинские селения, как Хипитар, Рухун, Архит, Куркет, Кимихюр, Цилинг, Хрюк и др. уже в XIII—XIV вв. существовали под теми же названиями [43]. В селениях Ихрек, Цмур, Нютюг, Ашага-Стал Касумкентского района также были обнаружены надписи, относящиеся к XIII в. [44]

Таким образом, памятники археологии и эпиграфики в достаточной степени свидетельствуют о том, что большинство современных селений на территории Лезгинистана существовали уже с древнейших времен.

Что же касается территории кубинских лезгин, то ее заселение происходило позднее, со стороны Дагестана. О том, что основание целого ряда селений связано с переселением части дагестанских лезгин на территорию Азербайджана, убедительно свидетельствуют фольклорные и этнографические полевые материалы. Так, в предании об образовании селения Хазры Кусарского района рассказывается следующее: место, где в настоящее время расположено селение, некогда было местом отдыха завоева-

телей, нападавших на горные села. Отсюда, говорится в предании, и произошло название этого селения — Яргун (лезгины называют селение Хазры-Яргун), что в переводе означает «усталость», «переутомление» (от корня «юргъун»). Когда жители высокогорных селений узнали, что их враги часто устраивают привал в этом месте, они неожиданно напали на неприятеля во время отдыха. Потом воины из селений Кара-Кюре и Микраха решили прочно обосноваться здесь, чтобы не допустить в глубь гор завоевателей. Они основали селение Яргун, укрепили его, построив большие валы наподобие естественных. Затем постепенно сюда стало стекаться население из других горных сел Шахдагской долины. В том числе будто бы прибыло из Мискинджа много шиитов, впоследствии ставших суннитами, почему по сей день в Хазры существует тухум, называемый шиитским — «шигъяр» [45].

Иная версия по этому поводу приводится А. Бакихановым, по сообщению которого жители селения Хазры прежнего хазарата были переведены Хаганом Тахмасобом I из Персии и поселены близ гробницы прадеда шейха Джунейда, почему один из кварталов этого селения именуется шиитским. У жителей селения Хазры бытует еще ряд преданий, рассказывающих о том, что их предки некогда спустились с высоких гор лезгинской территории Дагестана.

Предания об образовании селения Гиль Кусарского района повествуют о том, что предки нынешних жителей являются пришельцами из высокогорных селений Ахтынского и Курахского районов. В предании об образовании селения Юхари-Тахирджал рассказывается, что когда-то некий Тахир, который спустился с Микрахских гор (Шалбуз-дага), основал здесь селение.

Этнографические материалы свидетельствуют, что у кубинских лезгин было немало тухумов, переселившихся из селений дагестанских лезгин и сохранивших прежние названия. Например, в селениях Ечехур, Дустаир, Юхари-Тахирджал Кусарского района до настоящего времени сохранились тухумы под названием «югулар» или «крар», переселившиеся из селений Кара-Кюре Ахтынского района. В селении Киджан Кусарского района один из самых крупных тухумов — «кӀелетар» переселился из селения Каладжух Ахтынского района. В селении Судур Кусарского района тухум «халифаяр» считается выходцем из селения Испиг Касумкентского района и т. д. [46]

Почти во всех лезгинских селениях, расположенных в Азербайджане, можно услышать аналогичные предания о том, что их «эбедал» (праотец) жил в горах Дагестана, а они являются его потомками. Вряд ли есть необходимость сомневаться, что эти предания отражают подлинные исторические воспоминания народа.

Тем не менее, как мы полагаем, нельзя упускать из вида и ряд объективных факторов, способствовавших переселению дагестанских лезгин на территорию предгорной и плоскостной части Северного Азербайджана, и в первую очередь его природно-географические и климатические условия.

Территория кубинских лезгин является плодородным краем. Они жи-

вут большей частью на плоскости, богатой лесом и речными долинами, способствующими разведению садов, огородов и т. д. В то же время высокогорные селения дагестанских лезгин расположены, как правило, в труднодоступных местах, зачастую на крутых склонах.

В горных районах издавна резко ощущалась нехватка земли. Лезгинское население горной части Дагестана из-за острого малоземелья использовало все мало-мальски пригодные земельные участки. Обрабатывались самые незначительные клочки земли, прилегавшие к горам: уступы, курганчики, скаты, т. е. все то, где можно было получить хоть какой-нибудь урожай. Неимоверный, сверхчеловеческий труд, требовавшийся для создания на горных склонах пахотных участков, являлся серьезным препятствием в экономическом развитии народа. Наоборот, обилие пашни на плоскости и в предгорье создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства.

Поэтому вполне вероятно допустить, что часть лезгин, до этого обитавших на горных склонах, в силу создавшихся благоприятных исторических условий, заняла экономически более выгодную территорию.

Следует указать и на то, что лезгины переселялись в Азербайджан не только из горного Дагестана, но также из высокогорной части современной территории кубинских лезгин, в частности из селений Судур, Дустаир, Кымил, Куснет и т. д.

Процесс образования лезгинских селений прошел длительный путь исторического развития от небольших поселений родового типа к крупным современным селениям вроде Кара-Кюре, Ахты, Хазры, Гиль и т. д. Появление таких селений, несомненно, следует поставить в прямую связь с разложением родовых отношений и возникновением соседской общины, более передовой в социальном отношении формы расселения и взаимоотношения людей. Большую роль в образовании крупных селений сыграло развитие производительных сил лезгинского общества, усиление товарообменных связей, интересы охраны земель и т. д.

Установить точно, когда исчезли небольшие и образовались крупные аулы, не представляется возможным, поскольку археологических данных пока недостаточно. Согласно многочисленным устным преданиям, указанный процесс начался в средневековый период, в VIII—XII вв., и продолжался почти до конца XIV в. Интенсивный процесс образования крупных населенных пунктов на территории лезгин падает на X—XII вв. Об этом свидетельствуют приведенные выше этнографические, а также топонимические и фольклорные материалы.

Как правило, данные топонимики всегда бывают достоверны, поскольку и в настоящее время в окрестностях древних селений сохранились остатки развалин старых аулов. В тех местах, где раньше, по сообщениям информаторов, были расположены родовые поселения, нередко на помощь приходит подъемный археологический материал, удостоверяющий о былом существовании там средневековых поселений.

Почти каждый крупный лезгинский аул сохраняет и предания о своем возникновении. Как правило, во всех таких преданиях рассказывается

о том, как из мелких населенных пунктов происходило образование крупных аулов. Кроме того, в преданиях всегда упоминается о тех тухумах, которые переселились в аул из других более отдаленных местностей, а также из соседних аулов.

В предании об образовании селения Курах (Курахского района) рассказывается, например, что прежде на юго-западной стороне селения находился город Гияр — Шехер, который был разрушен и разорен чужеземцами до основания во времена средневековья, а население варварски уничтожено. Связанных мужчин, женщин и детей завоеватели бросали на тока под молотильные доски. Этот день в памяти народа остался под названием «День шахской молотьбы» («Шагьхармадин югъ»). И до сих пор, когда бывает большое горе, умирает юноша или же молодой мужчина, женщины причитают:

Ай шагьи шагь вай шагь!	Ай шахин шах, чтобы ты умер, шах!
Эхирзамандин югь я!	Сегодня день всемирного потопа,
Харман жигъайдан югъ я	Сегодня день шахской молотьбы,
Къе эл велейдин югъ я	Сегодня день того, кто делал молотьбу,
Къе эл валейдин югь я,	Сегодня самый черный день,
Къе келбелейдин югь я	Сегодня самый грустный день,
Къёлем квахъайдан югь я,	Сегодня день того, кто потерял возлюбленную!
Керем квахьайдан югъ я,	Сегодня день того, кто потерял керема [48],
Лежбер агъадин югъ я [47]	Сегодня день крестьянина,
. . . .	. . . .

Далее в предании говорится, что после того, как город Гияр-Шехер был уничтожен, недалеко от этого места из семи мелких аулов (Хевезер, ЦІийи хуьр, Сернегар, Юрзал, Чатар-кам, Къкъвен хуьр, ЦІуру хуьр) образовалось новое селение Курах. При этом утверждается, что один из тухумов под названием «кьадияр» переселился сюда из Аварии, другой тухум — «чепеяр» — из Лакии. Название Курах (от лезгинского «кьураба», т. е. «бездомный») по объяснению народной этимологии как раз и связано с тем, что это селение основали пришельцы из разных мест Лезгинистана [49].

Данные топонимики, фигурирующие в этом предании, представляются совершенно достоверными. Почти во всех перечисленных местах до сих пор сохранились остатки старых поселений. Некоторые из них были обследованы в 1947—1948 гг. археологом М. Исаковым. Согласно его данным, первое поселение находилось неподалеку от селения Курах, на отроге горы в урочище Гияр-Шехер. В этом месте на поверхности сохранились камни от построек и фрагменты керамики, характерные для культуры позднего средневековья. Второе поселение — ЧІуру хуьр было расположено в 4 км к западу от селения Курах на левой стороне р. Курах. На поверхности также сохранились камни от построек, встречаются фрагменты керамики, сходной с керамикой из первого поселения. Третье поселение — Юрхал находилось в 3 км к западу от селения Курах, на левой стороне долины р. Курах-чай. Обломки керамики типичны для культуры

средневековья. Четвертое поселение — Кикен-хюр и пятое — Сернегар были расположены в 3 км от села; шестое поселение — Чатар-кам находилось в 4 км к востоку от села. На поверхности всех этих поселений также встречаются обломки средневековой керамики [50].

О том, что селение Курах под тем же названием существовало уже в XIV в., свидетельствует и вышеупомянутая надпись, опубликованная Л. И. Лавровым [51]. Как указывает Л. И. Лавров, Курахская стела является важным документом не только для истории селения Курах, но и всего окрестного края, который раньше именовался Кюре. Л. И. Лавров считает оба эти названия однокорневыми и приводит любопытные данные по истории Кураха и Кюре. Он сообщает, в частности, что в хронике Мухаммеда Рафи, составленной в XV—XVI вв., упоминается общество Каралал, т. е. Кюре, которое платило шамхалу ежегодную дань в размере 100 жеребцов и 100 кобылиц. Хронограф 1710—1712 гг. упоминает разорение Кураха и Кюры ширваншахом Ибрахимом (Шейх-шахом) в 1510—1512 гг. Во второй половине XVII в. здесь побывал Эвлия Челеби, у которого читаем, что Кюре (Курах?) — «это городок на границе владений табасаранского хана Шах-Михала» [52]. По сообщению Эвлия Челеби, в Курахе имелось «1000 прекрасных домов, мечеть, сады, но нет базара. По пятницам люди собираются в одно место, просто занимаются разговорами. Они не знают золота. Поскольку здесь нет в обращении денег, люди обмениваются товарами. Насчитывается около 10 000 человек населения» [53].

Об образовании селения Мискинджа местные жители рассказывают следующее: их предки были родом из Ирана, откуда они были выселены за неповиновение шаху. Прибыв в Дагестан, они поселились на местах с названиями Хелиман рукар, Латар хев, Срар хев и основали там небольшие поселения. Поскольку они единственные из лезгин исповедовали мусульманство шиитского толка, у них часто бывали военные столкновения с соседями — ахтынцами, а также табасаранцами, кайтаками, казикумухами, аварцами и др. Как говорится в одном из преданий, однажды на них напали «100 000 табасаран, 50 000 кайтагцев, аварцев, таркинцев, буйнакцев», которые разорили все шиитские поселения, уничтожили варварским способом большинство жителей, устроив «къара харман» («черную молотьбу»), а оставшихся в живых захватили в плен. Лишившиеся крова, обездоленные люди из числа тех немногих, что уцелели после «къара харман», решили объединиться и поселились на том месте, где сейчас расположено селение Мискинджа. Поэтому, как нам объясняли, оно и стало называться «селом бедных» («мискин» в переводе с лезгинского — «бедный», а «джа» — суффикс, означающий место) [54].

Необходимо добавить, что в средневековой хронике «Дербенд-наме» в числе селений, основателями которых были выходцы из Кешана и Гиляна, упоминается также Мискинджи, большой аул Самурского округа, примечательный тем, что во всем Дагестане только его жители исповедовали шиитское учение. Название этого аула, сказано в хронике, производится от лезгинского слова «мискин» — «бедный» [55].

Таким образом, предание о происхождении селения Мискинджа в основных деталях совпадает с версией, приведенной в хронике «Дербент-наме», что не оставляет сомнений в его исторической достоверности. Кроме того, обращает на себя внимание, что до недавнего времени жители этого селения сохраняли персидскую одежду, многие персидские обычаи и шиитскую веру. Так, например, среди лезгин только одни мискинджинцы, как и персы, окрашивают хной волосы на голове, бороду, а также ногти на руках и ногах.

Селение Микрах образовалось во времена владычества хазаров в Ширване. Как сообщает хроника «Ахты-наме», один из хазарских военачальников по имени Самсам с некоторым числом воинов поселился на месте, где сейчас расположено селение Микрах Ахтынского района. Его помощником был Омиркяги, уроженец Дамаска.

Чтобы укрепить его влияние, хазары построили другой город на левом берегу Самура, заселив его жителями Тарса, района, где ныне расположен Кизляр.

Самсам стремился овладеть крепостью Шахбани, владетелем которой был Дервишан. Он несколько раз осаждал крепость, но не мог взять ее. После первого отступления Самсама Дервишан в течение трех месяцев сделал подземный ход из крепости к р. Ахты, остатки которого сохранились по сей день. Семь лет Самсам располагался лагерем выше крепости. Долго продолжалась осада, пока, наконец, Самсам не отступил. Спустя девять лет Дервишан прибыл в Дербент к Абу-Муслиму и попросил у него поддержку. Абу-Муслим породнился с Дервишаном, выдав за него свою сестру Кумюль-Мемунат, после чего дал ему войско, с которым тот двинулся против Самсама и хазар. Семь месяцев продолжалась война, но она не принесла успеха ни одной из сторон. Тогда Дервишан отправился к Шейху-Шах-аль-Буры, уроженцу племени Курейш, жившему у подошвы горы, которую и поныне в народе называют Буз-Даг. Они заключили между собой союз, после чего призвали тайно Эмир-Кяги и договорились с ним о том, как следует покончить с Самсамом. Следующей ночью, когда Дервишан с шеститысячным войском подступил к воротам города, Эмир-кяги со своими клевретами убил Самсама и открыл ему ворота.

Захватив город, Дервишан потребовал от населения принятия ислама. Отступникам он сохранил жизнь и собственность. Непокорные были убиты. Город был переименован и назван Эмир-кяги. Поэтому и селение, возникшее потом на данном месте, называется Микрахъ [56].

Эти сведения о происхождении селения Микрах подкрепляются и некоторыми этнографическими данными. И по сей день среди лезгин микрахцев называют «ирид йисуз диндал татай самсамар» («семь лет не покорявшиеся религии потомки Самсама»). И вообще в народе, когда кто-нибудь не хочет подчиняться, выполнять какое-либо дело, ему сразу говорят: «Ты же не Самсам?».

Около селения Микрах сохранилось старое кладбище. Как рассказывают местные люди, это кладбище ахтынцев. Некогда ахтынцы напали на Микрах, но были все уничтожены как раз на том месте, где сейчас нахо-

дится кладбище. Когда пожилые микрахцы проходили через кладбище, они не читали молитву, ибо считали ахтынцев «гяурами» (неверными). Этот факт свидетельствует о том, насколько велика была вражда между ахтынцами и микрахцами. Среди микрахцев сохранилось много преданий, рассказывающих, как они с помощью военной хитрости побеждали ахтынцев, мискинджинцев и других. В одном из таких преданий говорится, что, когда ахтынцы напали на микрахцев, они собрали всех своих лошадей, навьючили на них разные предметы, издающие звон, и пустили на войско ахтынцев. Возбужденные звоном лошади растоптали войско ахтынцев. Оставшихся в живых микрахцы захватили в плен [57].

Согласно преданиям, селение Микрах до прихода Самсама состояло из пяти родовых поселений: Тамук, Пасар-тулал, Тартад Сурарал, Чархар пелел, Шурад нацарал. Частые набеги ахтынцев заставили жителей этих поселений объединиться. На месте Тартад Сурарал, как говорят микрахцы, похоронен сын Самсама, которого звали Тарта. Он был убит ахтынцами [58]. Основателем селения Ахты предания называют Шахбани, племянника падишаха Кубада сасанидской династии, и двоюродного брата его наследника Нуширвана.

Как сообщает А. Ф. Десимон, на основании древней рукописи (902 г. н. э.), полученной им от ахтынского жителя старика Абдулы Эфенди, Нуширван, будучи еще царевичем, проживал в Дербенте и много слышал о минеральных водах близ Ахты. Чтобы отыскать эти воды, он послал туда своего родственника Шахбани с несколькими прислужниками. Когда Шахбани отыскал воды, Нуширван направил туда 60 семейств и 300 человек воинов, которые вблизи источников основали селение и устроили баню, за пользование которой положили крупные пошлины. Правителем их стал Шахбани, и селение было названо его именем [59]. Название «Ахты» это селение получило позже, во второй половине VIII столетия, когда арабы в результате второго похода против горских народов покорили часть Южного Дагестана. Владетелем этого края в то время был Дервишан из рода Нуршивана. Когда Дервишан одолел Самсама, его сподвижники Эмир-Кяги и Шах-аль-Бурзы отправились к Абу-Муслиму в Дербент. Последний принял их ласково и выдал свою сестру за Дервишана, после чего селение Шахбани было переименовано в Ухты, т. е. «принадлежащее сестре». Впоследствии это название стали произносить как Ахты [60].

В селении Ахты, где скончалась и была погребена сестра Абу-Муслима, он основал мечеть, получившую в народе название мечети Абу-Муслима («Абумуслиман мискIи»). Им же была основана мечеть в селении Мака, где он назначил правителем своего двоюродного брата Гамзата. Абу-Муслим построил также мечеть в селении Кара-Кюре, правителем которого являлся его сын Мехтер Санджаба [61].

Из письменных источников селение Ахты известно с 1494—1495 гг., когда его жители заключили союз с другим лезгинским селением Хурюк [62].

Эпиграфические надписи, обнаруженные здесь Л. И. Лавровым, как мы уже отмечали, относятся к еще более раннему времени — XI —

XIV вв.[63], так что возможно прав А. Шихсаидов, считающий, что селение Ахты имеет не менее чем 1500-летнюю историю[64].

Об образовании другого такого же древнего лезгинского селения в Южном Дагестане, Кара-Кюре, старожилы рассказывают, что оно якобы возникло из семи армянских поселений: Усух, Эпсив, ЧӀуру-хуьр, СутӀвар алай хев, Яран-тагъар, Срар-кӀук, Яригьи-кьил.

На месте двух из семи названных поселений: СутӀвар алай хев и ЧӀуру-хуьр был обнаружен подъемный археологический материал, относящийся к раннему средневековью.

Народные предания и куфические надписи Кара-Кюре также свидетельствуют о весьма почтенном возрасте этого селения. Достаточно сказать, что его жители, как и жители других древних лезгинских селений — Микраха, Мискинджа, Ахты, упоминаются в преданиях, как активные борцы против Ирана и хазар в VI—VIII вв. Древнюю мечеть с надписями в селении Кара-Кюре А. Р. Шихсаидов датирует X—XI вв.[65]

Селение Мака, по местному преданию, тоже образовалось из пяти мелких поселений, называвшихся Срар-пел, Тулап-пел, КӀелед-хев, Фурар-пел и Хуьргалай-кьил. На местах некоторых из этих поселений еще сегодня можно обнаружить следы былых построек[66]. Самое древнее из поселений, по археологическим наблюдениям, относится к раннему железному веку (Срар-пел), остальные — к средневековому времени[67].

Селение Хюрелар Магарамкентского района, по преданию, образовалось из трех поселений, которые были расположены в 1—1,5 км от места, где оно сейчас находится, и назывались ЧӀуру срар, КӀурагъан и Вирер-хев. Эти мелкие селения объединились, как говорят старожилы, несколько сот лет тому назад в целях защиты от внешних нападений. В настоящее время в тех местах, где некогда находились родовые поселения, еще сохраняются следы построек и встречаются фрагменты керамики, относящиеся к эпохе средневековья. На старом кладбище около селения сохранилось много куфических надписей, что подтверждает его древность.

Путем объединения мелких родовых поселений образовались и многие другие лезгинские селения: Зрых, Хрюк (Ахтынского района), Хазры, Гиль, Имакуликент (Кусарского района), Филя, Гапцах, Гаган (жители переселены в Магарамкентский район), Ашар, Хлют (Курахского района) и т. д.

Размеры лезгинских селений в прошлом колебались от нескольких десятков до нескольких сотен дворов. Так, например, в 1886 г. селение Кара-Кюре состояло из 488 дымов, селение Куруш — из 718, селение Текипиркент — из 91 дыма и т. д.[68]. В 1874 г. на территории Кубинского уезда в селении Хазры насчитывалось 276 дымов, в селении Ясаб — 110, а в селении Судур — 108 дымов[69].

Вышеприведенные данные, на наш взгляд, вполне убедительно свидетельствуют о том, что наиболее ранним типом поселения у лезгин Дагестана и Азербайджана следует считать селение («хуьр»). Возникновение этого типа поселений должно быть поставлено в прямую связь с процессом распада патриархально-родовых отношений в лезгинском обществе, на

смену которым пришли территориальные принципы соседской общины. Следует также подчеркнуть, что по сравнению с другими народами Дагестана (например, даргинцами, у которых ранний тип жилища — «ши» возник в XI—XIV вв.[70], или аварцами, у которых основной тип поселения — «росо» окончательно сложился к XIV в.[71]), у лезгин этот процесс не только начался, но и завершился намного раньше. Причины этого явления пока не представляются достаточно ясными, но их корни, безусловно, кроются в конкретных социально-экономических условиях развития народа. Эта проблема ждет своего разрешения.

«Казмаляры». Как особый тип поселения казмаляры возникли в определенных исторических условиях в силу ряда социально-исторических причин: безземелья, кровной мести, родовых междоусобиц и т. д. Исходя из полевых материалов, мы полагаем, что наиболее интенсивно образование лезгинских казмаляров происходило на протяжении XVI—XVIII вв. В связи с распадом больших патриархальных семей, главным образом из-за недостатка земли, часть братьев со своими семьями стала переселяться на места зимних и летних временных поселений и строить там постоянные дома.

В качестве примера рассмотрим образование отселка Мака-казмаляр (б. Самурского округа). По рассказам старожилов этого села, их отселок образовался в XVIII в. До того времени эта земля находилась в ведении общины и зимой здесь пасли скот всего села. Были здесь и участки с фруктовыми садами, которыми владели местные богачи. Имелись также и мельницы, принадлежавшие частным владельцам Ашумову Ашуму и Шихалиеву Шихали, которые мололи зерно жителям селения Мака. Они и явились первыми переселенцами на территорию Мака-казмаляр. У Ашума и Шихали были большие семьи. Старый Ашум имел пятерых сыновей, с женами и детьми — всего 30 человек; У Шихали было четыре сына, с женами и детьми семья насчитывала 25 человек. Когда произошло разделение большой семьи Ашума, часть сыновей переселилась в казмаляр, за ними последовали два сына Шихали, затем туда же переселились сыновья Дервишбека и Гаджи-Чубана. Все они построили там постоянные жилые дома.

Постепенно эти семьи стали расширять свои земли за счет общинных владений. Когда об этом узнали жители селения Мака, они пошли на них с дубинами и лопатами. Подобные столкновения происходили несколько раз. Тем не менее и многие другие семьи стали переселяться в казмаляр и также тайком отгораживать себе земли за счет общинных. Столкновения из-за общинных земель продолжались долго. Было много жертв, и, как рассказывают, кровная месть длилась годами[72].

Аналогичным путем, по-видимому, образовались и многие другие лезгинские отселки: Кара-Кюре-казмаляр, Микрах-казмаляр, Ашага-Стал-казмаляр, ДеркӀуш-казмаляр, Каладжух-казмаляр, Калук (Ахты-казмаляр), Махмут-казмаляр, Цалягун-казмаляр и т. д. Характерно, что в названии отселка всегда сохранялось название основного селения, от которого он ответвился, с прибавлением слова казмаляр (селение Микрах —

отселок Микрах-казмаляр; селение Мака — отселок Мака-казмаляр; селение Даркуш — отселок Даркуш-казмаляр; селение Кухур — отселок Кухур-казмаляр и т. д.). Лишь в редких случаях отселок получал название от наименования местности (например, Калук — Ахты-казмаляр).

«Первое время, — пишет С. О. Хан-Магомедов, — казмаляры... представляли собой только «зимовники» и земли вокруг них использовались лишь под зимние пастбища. Позднее на казмалярах появляется земледелие. Большинство семей сначала вело два хозяйства в основном ауле и на казмалярах, однако постепенно часть населения оседала в казмалярах на постоянное жительство» [73].

Постепенно некоторые из таких казмаляров превращались в самостоятельные селения, иногда даже численно превосходящие основное селение.

Ко второму типу поселения относятся также кишлаки (отселки), расположенные на территории кубинских лезгин. Они возникали на временных зимних пастбищах отдельных селений почти таким же путем, как и казмаляры. Эти земли также составляли общинную собственность селений и предназначались для пастьбы скота в зимний период. В связи с разрастанием селений и распадом больших семей часть жителей стала переселяться на территорию зимних пастбищ. Так, от основного селения Кымыл отделился отселок Кымыл-кишлак, от селения Кузун — Кузун-кишлак, от селения Зиндан-мурух — Мурух-кишлак, от селения Юхари-легер — Легер-кишлак и т. д. [74]

Как мы уже упоминали, постоянные поселения возникали главным образом на местах временных зимних пастбищ. Так, селения Хкем, Гра создавались на месте ахтынских эйлагов, принадлежавших отдельным тухумам. Некоторые представители этих родов из-за недостатка места вместе со своими семьями переселились на родовые эйлаги и построили там новые постоянные дома.

Жители этих отселков расширяли свои земли, обрабатывая горные склоны. Впоследствии же с постепенным увеличением числа переселенцев отселки разрастались и превращались в обычные большие селения. Причем эти селения получали новое название, а не сохраняли название основного селения, от которого они ответвились, что характерно для казмаляров.

Процесс образования из отселков обычных селений происходит у лезгин и в настоящее время. Так, например, селение Совхоз Герейханова, которое образовалось в 1931 г., возникло на землях, принадлежавших прежде трем селениям Касумкентского района: Целягун, Махмут-кент, Ашага-стал. На этих землях находились и их казмаляры. Раньше в этом месте, которое называли «ШаракIун», было много болот, лесов и кустарников. Постоянно жить здесь было невозможно из-за свирепствовавшей в этой местности малярии, и она получила название «долина смерти».

После Октябрьской социалистической революции были начаты работы по осушению болот и осуществлен ряд профилактических мероприятий против малярии. Постепенно сюда стал стекаться народ не только из выше-

названных трех селений, но также и из других аулов Касумкентского района. А когда в 1931 г. организовался совхоз имени Герейханова, наплыв переселенцев увеличился еще больше за счет других районов Южного Дагестана.

В настоящее время в селении Совхоз Герейханова насчитывается более 500 хозяйств. Здесь имеются семьи, которые переселились из Табасаранского, Хивского, Курахского, Ахтынского и Рутульского районов.

Это типично новое социалистическое селение, которое образовалось из трех казмаляров — Целягуна, Махмут-кента и Ашага-сталя и разрослось за счет переселенцев из других лезгинских районов Дагестана [75].

«Оба». В этнографической кавказоведческой литературе распространено мнение о том, что «оба» [76] и «казмаляр» представляют собой один и тот же тип поселения и различаются лишь наименованиями. Собранные нами полевые, а также некоторые литературные материалы дают основания полагать, что это два разных типа поселений.

«Оба» — тип поселения, который распространен не на всей территории лезгин, а лишь на плоскости в бывших Кубинском и Кюринском ханствах.

В отличие от казмаляр жителями оба в большинстве случаев являлись разорившиеся выходцы из различных селений, нанимавшиеся в услужение к хану или беку.

Создание этих поселений происходило, видимо, следующим образом. Вначале земли, занимаемые позднее оба, принадлежали отдельным состоятельным людям сел Кюринского и Кубинского ханств. Сами владельцы жили в горных и предгорных селениях, а на плоскости имели по 50—100 гектаров земли. Владельцы этих земельных участков нанимали крестьян, как из своего, так и из других горных сел. Наемные крестьяне в большинстве случаев не имели собственного рабочего скота и пашни или же владели таким клочком земли, урожай с которого не мог прокормить семью. Многие безземельные крестьяне приезжали на заработки целыми семьями и нередко оставались на этой территории в качестве постоянных жителей. Часто главы таких семей арендовали у своего хозяина землю, а дома строили неподалеку на тех землях, где сами вырубали лес.

Таким путем образовались поселения Карат-оба, Узден-оба, Салах-оба, Тагир-оба, Хан-оба, Укур-оба и др. [77] Жители этих оба состояли из крестьян, переселившихся из селений б. Кубинского и Кюринского ханств, а также из селений «вольных» обществ — Ахты-пара, Алты-пара и Докуз-пара.

Поселение Кулар-оба (со смешанным лезгино-азербайджанским населением) Худатского района, по рассказам стариков, образовалось исключительно из ханских рабов, находившихся здесь на строительстве канала. Хан строил канал для орошения своих земель. Судя по устным преданиям, крестьяне стали рабами хана за неуплату ими долгов. Рабы находились в полном подчинении у хана. Они трудились на строительстве канала почти круглосуточно и ничего не получали за свою работу, кроме скудной еды. После того как канал был проложен, часть рабов была выкуплена родичами. Остальные впоследствии будто бы основали неподалеку от ханского канала поселение Кулар-оба.

В этих преданиях безусловно есть доля правды, поскольку поселение называется Кулар-оба («кул» (азерб.) — «раб»), т. е. «поселение рабов». Лезгины это поселение называют «ЛукӀвар-оба» («лукӀ» (лезг.) также означает «раб»). И в настоящее время недалеко от Кулар-оба сохранилось место, носящее название «Ханский канал».

Таким образом, можно полагать, что казмаляры и кишлаки — это виды отселков, которые образовались на зимних и летних пастбищах в XVI—XVIII вв. в связи с распадом патриархальных больших семей одного села, а также с развитием производительных сил и товарообменных связей, кровной враждой и т. п. Оба же — вид отселка, который характерен только для бывших ханских земель. Жителями оба являлись в основном бедняцкие семьи, выходцы из различных сел, вынужденные наниматься на работу к хану или беку.

Поселение как источник изучения общественного быта

Мы уже частично касались вопроса о том, насколько существенное влияние оказали изменения в социально-экономической структуре лезгинского общества на возникновение того или иного типа поселений. В данном разделе нам хотелось бы подробно осветить характер семейной общины и патронимии лезгин, важным источником для изучения которых является прежде всего поселение. В этой связи особенный интерес представляет изучение кварталов, тухумов и названий отдельных частей селения, ибо такое исследование поможет выявить сложную иерархию родовых отношений, сохранившуюся внутри сельской общины, а также наиболее типичные случаи ее нарушения.

Семейная община, или большая семья, как универсальное историческое явление была свойственна подавляющему большинству народов, прошедших первобытнообщинную стадию общественного развития. Она является типичным порождением и в то же время формой существования патриархально-родовых отношений. Однако большая семья стойко бытовала не только у народов, сохранявших первобытнообщинный уклад, но и у более развитых, живущих соседской общиной. Хотя в целом к рассматриваемому времени семейная община у лезгин распалась, следы ее существования обнаруживаются у них достаточно явственно.

Обобщающими трудами в указанной области применительно к народам Кавказа являются работы М. О. Косвена [78], в которых автор на основе анализа всех исследований, посвященных семейной общине Кавказа, приходит к выводу о том, что у ряда кавказских народов она, хотя и в пережиточном состоянии, дожила до сравнительно позднего времени, тогда как у других народов, в частности адыгов, хевсур, грузин, народов Дагестана, исчезла гораздо раньше. Выяснение причин данного явления, указывает М. О. Косвен, представляется делом весьма сложным и требует в первую очередь тщательного анализа конкретной истории соответствующих народов. «Представление о давнем, чуть ли не полном исчезновении большой семьи у хев-

сур объясняется скорее всего недоисследованностью этого вопроса»,— пишет он далее [79]. С нашей точки зрения, раннее исчезновение семейной общины у народов Дагестана объясняется той же причиной, что и у хевсур.

Хотя в послевоенные годы был опубликован ряд работ, посвященных вопросам семейной общины Дагестана [80], все же эта тема остается малоизученной. В частности, совершенно отсутствуют какие-либо сведения о семейной общине аварцев, лакцев, лезгин, рутульцев, цахуров, табасаран и др. Это, конечно, вовсе не значит, что у них прежде не существовала большая семья, а опять-таки это объясняется тем, что данный универсальный институт недостаточно изучен.

В данном разделе мы, по мере возможности, постараемся восполнить этот пробел на материалах, собранных у лезгин.

Судя по полевым данным, большие семьи у лезгин сохранились вплоть до конца XIX в.[81], хотя, безусловно, к этому времени они переживали конечную стадию своего распада. Сохранение таких семей до столь позднего времени объясняется прежде всего спецификой полунатурального скотоводческо-земледельческого, сочетающегося с домашними промыслами хозяйства лезгин. Экономически мощные хозяйства, в которых в основном сохранялись большие семьи, держались только на труде членов общины.

Для сохранения экономической мощности семьи и жизнеспособности ее членов в условиях полунатурального хозяйства необходимо было наличие коллективного совместного производства и коллективного совместного потребления. Поэтому члены таких семей сообща владели землей, скотом — словом, всеми средствами производства, и сообща потребляли произведенную продукцию — вместе питались и одевались из общих запасов. «Семейная община,— пишет М. О. Косвен,— представляет собой группу, состоящую из трех — четырех — пяти, а иногда и более поколений ближайших родственников, как нисходящих, так и боковых. Хозяйственная сущность ее заключается в совместном, общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном же потреблении» [82].

Большие семьи сохранялись не только у дагестанских, но и у азербайджанских лезгин. П. Н. Ягодинский, исследовавший в конце XIX в. экономический быт крестьян Кубинского уезда, писал, что «лезгины, тюрки, хиналугцы северной части уезда живут вообще большими семьями. Нередко можно встретить 3-х, 4-х, даже 5 братьев, живущих в одном доме и ведущих совместное хозяйство. Семейные раздоры здесь вообще бывают редко, как и разделение земельных подымных паев между членами одного дыма» [83].

Таким образом, в XIX и даже в начале XX в. у лезгин при преимущественном господстве в качестве основной социальной ячейки малой семьи в силу особых экономических причин (господство натурального хозяйства, низкий уровень производства, естественное разделение труда и т. д.) в пережиточной форме сохранялись большие патриархальные семьи.

К сожалению, мы в достаточной степени не располагаем письменными

источниками, характеризующими социальную структуру, быт больших патриархальных семей лезгин XIX в. Поэтому в работе данный вопрос освещается в основном на полевых материалах, собранных автором в лезгинских районах Дагестана и Азербайджана.

Большая семья известна у лезгин под названиями «чIехи хизан» и «къалин хизан» (дословно: «чIехи» — «большой», «хизан» — «семья», «къалин» — «плотный»). Обычно такая семья включала в свой состав близких родственников, потомков одного отца: братьев родных, двоюродных, иногда и троюродных с их женами и детьми, сестер родных и двоюродных (незамужних). Известны случаи, когда большие семьи в середине XIX в. включали в свой состав 80 и даже 100 человек. Например, в селении Кара-Кюре Ахтынского района в середине и конце прошлого века жили семь семей, в составе которых насчитывалось до сотни членов (Беширанбурун хизан[84], Атаманбурун хизан и др.). Атаманбурун хизан — семья Атамановых включала 54 человека, которые жили совместно (см. схему 1).

Схема 1

Большая семья Атамановых

Родители

Отец — Ханжал	мать — Бажи

Сыновья и их жены

Зал	Джамал
жена Абидат	жена Мелек

Внуки и их жены

Гаджи	Баласултан	Шихкамал	Парвана
жена Гулджахан	жена Гулпери	жена Гевхер	жена Хаджиханум*
Муса	Алисултан	Даташхва	Серкер
жена Абидат	жена Гулханум	жена Зелиха	жена Сейран

Правнуки

Харун	Азет	Байрам	Агаверди	Истемез
Манаф	Сабир	Шихкаиб	Мухубали	Зухра
Кизханум	Мзафер	Кизтамам	Генжи	Мелек
Бадам	Минабудин	Гулпери	Саях	Бесханум
Баласултан	Бажи	Кизбес	Султан	Мурад
Кизбес	Важибат	Гулбес	Яхши	
Абидат		Ханпери	Агаханум	

* Информатор Парванаева Хаджиханум (более 80 лет).

Имена Бешир, Атаман ведут начало от названия тухумов, к которым принадлежали эти большие семьи. Большая семья Атамановых восстанавливается с Ханжала. У него было двое сыновей: Зал и Джамал, которые и после смерти отца продолжали жить совместно. Старший брат Зал имел четырех сыновей (Гаджи, Мусу, Баласултана, Алисултана). Женами у них были Гулджахан, Абидат, Гулпери и Гулханум. Жену Зала звали Абидат. Гаджи имел (это уже внуки Зала и правнуки Ханжала) двух сыновей (Харуна и Манафа) и одну дочь (Кизханум). Второй сын Зала —

Муса умер. Третий сын Баласултан имел двух сыновей (Бадама и Баласултана) и две дочери (Кизбес и Абидат). Четвертый сын Зала — Алисултан имел четырех сыновей (Азета, Сабира, Мзафера и Мипабудина) и две дочери (Бажи и Важибат).

У младшего сына Ханжала — Джамала было четверо сыновей (Шихкамал, Дадашхва, Парвана и Серкер). Их жен звали Гевхер, Зелиха, Хаджиханум, Сейран. Женой Джамала была Мелек. Сын Джамала — Шихкамал имел двух сыновей (Бейрама и Шихкаиба) и одну дочь (Кизтаман). Второй сын Джамала — Дадашхва имел четыре дочери (Гулпери, Кизбес, Гулбес, Ханпери). У третьего сына Джамала — Парвана было двое сыновей (Агаверди и Мухубали) и три дочери (Инжи, Саях, Султан). И, наконец, у последнего, четвертого сына Джамала — Серкера было шесть дочерей (Яхши, Агаханум, Истемаз, Зухра, Мелек, Бесханум) и один сын — Мурад.

Таким образом, большая семья Атамановых включала в свой состав представителей трех поколений и состояла из 54 человек (30 женщин и 24 мужчины), которые жили совместно и нераздельно. По словам нашего информатора Парванаевой Хаджиханум, эта большая семья окончательно разделилась в 1925 г. К моменту раздела численность ее составляла всего около 40 человек [85].

В середине и конце XIX в. большие семьи сохранялись в селениях Муджух, Юхари-Тахирджал, Адхахур, Судур и Хазри Кусарского района Азербайджанской ССР.

В селении Муджух, по сообщению нашего информатора Махсумова Рашида [86], прежде неразделенных семей было довольно много. Например, большая семья Махсумовых включала представителей трех поколений и состояла из 42 человек. У Махсума было пятеро сыновей (Тахир, Муршуд, Келбали, Мамедали, Ферзали). Их женами являлись Хава, Хаджиханум, Ханумага, Хафизат и Кизил. Тахир — сын Махсума имел четырех сыновей и три дочери. Второй сын Муршуд — двух сыновей и три дочери. Третий сын Махсума — Келбали имел пятерых сыновей и три дочери. Четвертый сын — Мамедали имел трех сыновей и две дочери. И, наконец, младший сын Махсума — Ферзали имел двух сыновей и две дочери (см. схему 2).

Таким образом, эта большая семья состояла из 42 человек (из них 24 мужчины), которые жили под одной крышей и ели из одного котла. Родословную Махсумовых можно довести до сегодняшнего дня. Сейчас в Муджухе живут представители шестого и седьмого поколений этой фамилии. Большая семья Махсумовых распалась в 1900—1910 гг., когда внуки Махсума в связи с женитьбой начали выделяться в самостоятельные хозяйства. В с. Юхари-Тахирджал в конце XIX в. сохранялись большие семьи в составе до шестидесяти человек. Благодаря нашим информаторам Надыралиеву Агали (ему сейчас более 100 лет) и Мухуралиеву Гулахмету (70 лет) нам удалось восстановить большую семью Яралиевых в составе 62 человек, которые жили нераздельно еще во второй половине XIX в. (см. схему 3).

Схема 2

Большая семья Махсумовых

Родители

Отец — Махсум Мать — Кизханум

Сыновья и их жены

Тахир жена Хава	Муршуд жена Хаджиханум	Келбали жена Ханумага	Мамедали жена Хафизат	Ферзали жена Кизил

Внуки

Гаджибала Нагди Несир Ибадуллах и 3 дочери (имена не помнят)	Рашид Гаджикаиб Истабала и две дочери (имена не помнят)	Гулбаха Шихбала Энибала Нухбала Играмудин и три дочери (имена не помнят)	Зейдуллах Мехемедшериф Агашериф и две дочери (имена не помнят)	Нуфтали Алиюллах и две дочери (имена не помнят)

Схема 3

Большая семья Яралиевых

Родители

Ярали и его жена

Сыновья с женами

Шихали и его жена	Недурали и его жена	Хибуба и его жена

Внуки

Мухурали и его две жены Бинетали и его жена Эмирали и его жена Три дочери	Мамали и его жена Азиз и его жена Три дочери	Мамед и его жена Агабеш и его жена Пять дочерей

Правнуки

Ханахмед Медет Балахмед Нурали Мерзия Кевсер	Абас Шихали Балаханум Ханумага Гевхер	Агали Нажимет Гулпери Марият Миржезан	Недурали Сона Пери Гулпери	Ахмед Муминат Анният Луму Халидин	Ярали Нижабат Кизтамам

Эта семья включала представителей четырех поколений: родителей — 2 человека, их сыновей с женами — 6 человек, внуков — 25 человек и правнуков — 28 человек. Итого 62 человека. Большая семья Яралиевых начала распадаться в конце XIX в. Первым выделился старший внук Мухурали со своими женами и детьми (см. схему 3) в составе 9 человек. Семья Мухуралиевых, в свою очередь, впоследствии разрастается в большую семью. В 1908—1910 гг. она состояла из 36 человек: 14 мужчин и 22 женщин (см. схему 4).

Численность этой дочерней семьи быстро возрастала потому, что сыновья Мухурали и Ханахмед имели по две жены, а Балахмед и Медет — по три жены (четвертый сын Нурали умер). Поэтому немудрено, что поко-

Схема 4

Семья Мухуралиевых

Родители

Отец — Мухурали Матери — Ханумага и Баде

Сыновья и дочери

Ханахмед две жены	Балахмед три жены	Медет три жены: Нурали, Мерзия, Кевсер

Внуки и их жены

Султан жена Марият	Шихбала жена Фейзебан	Даглар жена Анакиз

Правнуки

Гулахмед	Улубег	Шахзала	жена Джуна	Эмиржан	Эмина
жена Муминат	Мерем	Шахвелед	Абидат	Мухурали	Медина
Нурахмед	Зурият	Межид	Мензер		

ление их сыновей (вместе с женами и дочерьми) составляло 22 человека (см. схему 4) [87]. Распалась эта семья накануне Октябрьской революции.

Приведенные нами материалы наглядно подтверждают положение М. О. Косвена, что семейная община по мере своего разрастания и размножения в свою очередь распадается на дочерние большие семьи. М. О. Косвен пишет, что «уровень развития производительных сил, присущий патриархальному родовому строю, ограничивает размер семейной общины. Естественно размножаясь, эта община время от времени сегментируется, распадается на ряд таких же, но меньших по размеру семейных общин, которые со временем, в свою очередь разросшись таким же порядком, сегментируются» [88].

Далее М. О. Косвен отмечает, что «если уровень развития производительных сил обусловливает на данном этапе необходимость существования большой семьи как общественно-производственной группы, то это же обстоятельство не допускает и чрезмерного ее расширения» [89].

Собранные нами материалы полностью подтверждают этот вывод. Действительно, если во второй половине XIX в. семейная община Яралиевых насчитывала 62 человека, то выделившаяся из нее дочерняя большая семья Мухуралиевых состояла уже только из 36 человек.

В связи с выделением этой дочерней домовой общины из состава патриархальной семьи Яралиевых следует отметить еще одну ее особенность, которую, кстати, мы вообще постоянно наблюдаем при разделе больших семей. Она заключается в том, что выделяется не какая-нибудь отдельная семья (см. схему 3), скажем Ханахмеда, Медета или Балахмеда, а все семьи вместе во главе со старым отцом Мухурали (кстати, тоже старший сын Шихали) в одну большесемейную общину. В данном случае в полной мере действует общераспространенная у многих народов Кавказа, в том числе и лезгин, формула: «Дети без отцов не делятся». На эту особенность раздела семейной общины не раз в своих работах указывал и М. О. Кос-

вен, писавший, в частности, что «семейная община делится в одном из старших поколений, как, например, из числа нескольких братьев этого поколения двое-трое со своими нисходящими выделяются в одну общину, остальные в другую или другие общины» [90].

В том же селении Юхари-Тахирджал нами была зафиксирована еще одна большая семья Мустафаевых (Мустафадин чӀехи хизан), которая распалась только накануне коллективизации (1929 г.). Наши информаторы: Мустафаев Казибег (85 лет) и Мустафаева Заният (80 лет), сами входившие в состав этой семьи (см. схему 5), сообщили, что всего в ее составе было 30 человек [91]. Семья включала представителей трех поколений: родители, сыновья с женами и дочерьми, внуки с женами и внучки. Ниже приводим полный состав семьи Мустафаевых:

Схема 5

Большая семья Мустафаевых

Родители

Отец Мустафа — Мать Сарай

Сыновья с женами и дочери

Буржум жена Балакиз	Незур жена Ханумага	Эскендар жена Багдат три дочери

Внуки с женами и внучки

Казибег *, его жена Заният* Акагерим, его жена Айнисе Карабег Азиз	Шемседин, его жена (имя не помнят) Мустафа, его жена (имя не помнят) Сейфудин, его жена (имя не помнят) Сарай	Залидин, его жена Муминат Мурадали, его жена Тубунисе Сейран Гафизат

* Информаторы: Мустафаев Казибег и Мустафаева Заният из селения Юхари-Тахирджал Кусарского района.

Большие семьи, существовавшие еще в начале XX в., зарегистрированы также в селениях Судур и Аджахур Кусарского района. В селении Судур большая семья Селимовых (Селиманбурун чӀехи хизан) состояла из 40 человек. Совместно жили люди трех поколений: родители, сыновья с женами и внуки (см. схему 6).

У Селима было шестеро сыновей (Рамазан, Мамедхан, Наврузбег, Балабег, Бегали и Самурхан). Их жен звали Углан, Эсмер, Кевсер, Марал, Сейран и Тамам. У старшего Рамазана было два сына (оба умерли); у Мамедхана — пятеро сыновей (Селим, Рамазан, Алисман, Зиядхан, Незер) и одна дочь (Мелейка); у Наврузбега — шестеро сыновей (Мирзежан, Джигерхан, Багиш, Пирали, Ширинбала и Бейрам) и две дочери (Телли и Лейли); у Балабега — двое сыновей (Кадым и Зенги) и две дочери (Марият и Мафият); у Бегали — двое сыновей (Мулкум и Сеферали) и одна дочь (Кызбес) и, наконец, у Самурхана — один сын (Мисрихан) и две дочери (Хажиханум, Селейханум).

Как утверждает наш информатор Селимов Алисман, бывший член этой семьи, их домовая община окончательно распалась в 1918 г., когда внуки Селима стали жениться. Причем выделились одновременно все пять братьев во главе со старшим Селимом (см. схему 6). Их отца — Мамедхана к этому времени уже не было в живых.

Схема 6

Большая семья Селимовых

Родители

Отец Селим Мать Телли

Сыновья и их жены

Рамазан жена Углан	Мамедхан жена Эсмер	Наврузбег жена Кевсер	Балабег жена Марал	Бегали жена Сейран	Самурхан жена Тамам
Внуки					
Два сына (умерли)	Селим Рамазан Алисман * Зиядхан Незер Мелейка	Мирзежан Джигерхан Багиш Пирали Ширинбала Байрам Телли Лейли	Кадым Зенги Марият Мафият	Мулкум Сеферали Кызбес	Мисрихан Хажиханум Селейханум

* Информатор Селимов Алисман (75 лет) в 1917 г., женившись, выделился из семьи.

В том же селении, по сообщению Селимова Алисмана, была и другая большая семья — Батамовых (Батамбур), которая по численности превышала их общину. К сожалению, имена и число членов этой общины информатор точно не помнит, ибо, как он говорит, сам был родом из другого тухума.

В селении Аджахур также зафиксированы две большие семьи Велиметовых и Шихгамзаевых, которые существовали еще в 20-е годы XX в.[92] Семья Велиметовых включала более 50 человек и распалась в 1929 г., когда умер ее глава Велимет в возрасте 125 лет. Он четыре раза был женат (последняя жена Бажи) и имел шесть женатых сыновей (Гулмет, Неби, Гулмир, Эмиржан, Велиага, Эмирмет) и нескольких дочерей, которые также были замужем (их имена информатор не помнит). У Гулмета было двое женатых сыновей (Гулмет и Исмет) и дочь Фазия; у Неби — пятеро сыновей (Магомед, Мирзамед, Энвер, Ярмет и Султангамид), которые все были женаты, кроме младшего сына Султангамида; у Гулмира было грое женатых сыновей (Минетуллах, Велиага и Джавид) и дочь Гажиханум; у Эмиржана было четверо женатых сыновей (Абдулсалам, Эзет, Гулмет, Велимет); у Велиага — одна дочь — Санжакиз, которая вышла замуж; наконец, у Эмирмета было трое женатых сыновей (Насруллах, Велиага, Минетуллах).

В состав этой большой семьи входили и правнуки Велимета, но имена их нам не удалось восстановить, ибо к этому времени семья уже начала разделяться.

Схема 7

Семья Велиметовых

Родители

Отец Велимет его последняя жена Бажи

Сыновья и их жены

Гулмет его жена	Неби его жена	Гулмир его жена	Эмиржан его жена	Велиага его жена	Эмирмет его жена

Внуки и их жены

Гулмет его жена Исмет его жена дочь Разия	Магомед его жена Мирзамед его жена Энвер его жена Ярмет его жена Султангамид	Минетуллах его жена Велиага его жена Джавид его жена дочь Гажи-ханум	Абдулсалам его жена Эзет его жена Гулмет его жена Велимет его жена	Дочь Сан-жакиз	Насруллах его жена Велиага Минетуллах его жена

Правнуки

У большинства внуков Велимета были дети (его правнуки), но информатор наш их имен не помнит.

Другая большая семья — Шихгамзаевых из того же селения Аджахур в составе более 20 человек, окончательно распалась в 1930 г., когда умер глава ее Шихгамза в возрасте 115 лет. У него было пять женатых сыновей и шесть дочерей.

Аналогичные семьи сохранились в начале нашего столетия в селении Хазри Кусарского района, например, большая семья Гаджибутаевых (Гьажибутаян хизан), насчитывавшая более 30 человек [93]. Она разделилась накануне Октябрьской революции.

Список больших семей, зафиксированных нами у лезгин, можно было бы продолжить, но и приведенный материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что во второй половине XIX и начале XX в. у них сохранялись патриархальные семейные общины, которые включали в свой состав в среднем от 30 до 60 человек и даже до 100 человек.

Как справедливо подчеркивает М. О. Косвен, тенденция к уменьшению численности состава является прямым отражением общеэкономического развития: «Семейная община как сравнительно крупная родственная и хозяйственная единица перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности» [93а].

Окончательный распад больших семей у лезгин был обусловлен проникновением в их среду капиталистических отношений.

В разрушении остатков семейных общин у лезгин немаловажную роль играло отходничество. С естественным разрастанием больших семей остро стала ощущаться нехватка земли, жилья и т. п. Тогда главы малых семей начали уходить на заработки. В тех случаях, когда их заработок составлял

внушительную часть дохода большой семьи, они, естественно, стали стремиться к выделению. «Наряду с возникновением отдельной собственности,— отмечал М. О. Косвен,— идет вызревание и дифференциация в составе большой семьи новой, неизвестной первобытному строю общественной формы — малой семьи» [94].

Таким образом, все вышеуказанные обстоятельства привели первоначально к численному уменьшению семейных общин, а затем и к конечному их распаду.

Малочисленные семейные общины М. О. Косвен называет новым типом большой семьи, «состоящей обычно и преимущественно из пяти-четырех или трех поколений, но прямых нисходящих, т. е. прадеда, деда или отца с их сыновьями, женами, детьми». Поскольку во главе таких семей чаще всего стоит отец со своими прямыми нисходящими, он называет их отцовскими большими семьями [95].

Выявленные нами у лезгин пережиточно сохранявшиеся в XIX— начале XX в. семейные общины являются именно отцовскими большими семьями. Однако тот же М. О. Косвен, классически подметив основную особенность любой формы большой семьи, указывал, что *«как бы большая семья ни перерождалась и ни вырождалась, она все же остается общиной, все же хранит и воплощает общинное начало, доколе сама существует»* (выделено мною.— *С. А.*) [96].

Действительно, у всех выявленных нами больших семей отсутствовала частная собственность на землю, орудия труда, средства производства и средства потребления. Пахотные земли, пастбищные угодья, выгоны и леса находились в пользовании всей общины. Все члены коллектива сообща владели землей, скотом, инвентарем, питались и одевались из общих запасов общины. Имущество большой семьи, за исключением личных предметов отдельных членов (одежда, украшения, предметы личного употребления и т. п.), также находилось в общем пользовании. Все доходы хозяйства (зерно, мясо, масло, продукты домашнего ремесла и т. п.) и личные заработки ее членов шли в общий фонд коллектива и считались семейной собственностью. Жилые помещения, хозяйственные постройки также считались собственностью общины. Никто из ее членов не имел права продавать что-либо из движимого и недвижимого имущества без ведома семейного совета и особенно главы семьи. Другая особенность больших семей у лезгин заключалась в отсутствии эксплуатации наемного труда. Поэтому не случайно, что большие семьи сохранялись лишь в тех случаях, когда они могли материально содержать и прокормить всех своих членов, имели много пахотной и пастбищной земли, крупного и мелкого рогатого скота, движимого и недвижимого имущества.

Например, в хозяйстве вышеуказанной семьи Атамановых пахотной земли насчитывалось более 40, пастбищной — более 80 га. Как рассказывает наш информатор Парванаева, одних лошадей у деда было более 60 голов, а кроме того, 40 пар быков, 20 коров и около 400 голов мелкого рогатого скота. Пастбищные земли (большей частью) находились на горных эйлагах. Недалеко от села у семьи был свой лес (около 6 га, который

и в настоящее время сохранил свое название «Атаман-бурун там» (лес Атамановых).

Другое хозяйство, семьи Мехралиевых, тоже было сравнительно крепкое. У них имелось около 30 га пахотной и около 50 га пастбищной земли, 20 лошадей, 25 коров, 20 пар быков, около 200 голов мелкого рогатого скота, 100 ульев.

Большая семья Велиметовых имела более 30 га пахотной и около 50 га пастбищной земли, более 3 га садов на низменности «паласа» [97], около 5 га леса, который и сейчас сохраняет прежнее название «Велиметан там» (лес Велиметава) и т. д.

Таким образом, все перечисленные семейные общины имели реальную возможность прокормить довольно большое число людей, ведущих общее коллективное хозяйство.

В экономически маломощных хозяйствах отцовские большие семьи возникали редко и сравнительно быстро распадались на малые семьи, которые, встав на самостоятельный хозяйственный путь, начинали осваивать целинные земли на эйлагах (летние пастбища) и кишлаках (зимние пастбища). Так возникли новые поселения совершенно иного типа, о чем нам уже приходилось говорить.

Было бы, однако, ошибочно думать, что семейные общины сохранялись лишь в мощных хозяйствах. Ни одна из изученных нами больших семей не занималась эксплуатацией чужого труда, а следовательно, не производила и прибавочного продукта. Единственной формой «эксплуатации» в таких больших, как, впрочем, и в малых, семьях был своеобразный обычай взаимопомощи — «мел», существовавший не только у лезгин, но и у ряда других народов Дагестана.

Сам факт существования на определенном этапе развития общества зажиточных больших и маломощных малых семей М. О. Косвен объясняет следующим образом: «Там и тогда, когда общеэкономические условия, с одной стороны, еще не уничтожили необходимость в больших семьях, а с другой стороны, еще не создали прочной базы для индивидуального хозяйства, удерживающая свои позиции большая семья вполне может оказаться зажиточной, тогда как вновь возникшая малая семья оказывается маломощной, легче подвергается влиянию неблагоприятных условий, случайностей и пр.» [98]. Этот, на наш взгляд, очень верный вывод М. О. Косвена может быть без всяких оговорок распространен и на лезгинское общество конца XIX — начала XX в.

Отцовские большие семьи обычно занимали полквартала — мягьле [99] или часть квартала, а иногда жили в одном или нескольких плотно расположенных друг к другу домах. Очень часто такие дома имели внутренние проходы, через которые члены большой семьи сообщались в случае необходимости.

Как свидетельствует полевой материал, почти все зафиксированные нами семейные коллективы жили в ужасной тесноте. Иногда большая семья около 30 человек размещалась в нескольких комнатах. Община Атамановых (более 60 человек) занимала, например, всего семь комнат

не очень больших размеров (6×4, 5×4, 8×6 м)[100]. Все комнаты находились в трех домах двухэтажного типа, где верхние этажи предназначались для жилья, а нижние — для хозяйственных нужд и скота. Жилые комнаты этих трех домов соединялись между собой внутренними проходами, которые были сделаны на первых этажах. Семья Велиметовых размещалась тоже в трех двухэтажных домах по две комнаты в каждом доме. Жилых комнат было шесть размером 5×4, 7×5 м.

Постройки в селениях были настолько скученны, что весьма трудно было выкроить хотя бы небольшой кусок земли для пристройки дома. К тому же каждый вновь выделившийся домохозяин старался обязательно разместиться около своего кровного родственника, а члены больших семей тем более стремились жить вместе. Поэтому все наши информаторы единодушно подтверждают, что члены больших семей жили в неимоверной тесноте. Например, вышеупомянутая дочерняя община Мухуралиевых (четыре брата с семьями, отец с матерью и две сестры) первоначально занимала одну общую комнату 9×4 м. Эта комната, хотя и в разрушенном виде, сохранилась, и зафиксирована нами на плане. Она прямоугольная, с двумя угловыми очагами и следами невысоких (30 см) барьеров. Огороженное барьерами пространство занимали семейные пары и их дети. В правом углу, возле очага, размещался глава семьи Мухурали с женой. Двери были невысокие (120 см), деревянные, одностворчатые, вращающиеся на деревянных шипах. Окном служило небольшое отверстие в потолке, которое на ночь закрывали плоским камнем. Значительно позже к этой комнате пристроили еще одну размером 5×4 м.

Однокамерные дома больших семей нами также были обнаружены в бывшем Докузпаринском районе.

Таков, к примеру, дом Мирзашерифовых из бывшего селения Мака[101] Дом имеет одну большую жилую комнату и хлев для скота. Хлев и комнату объединяет крытый двор — «къап». Все это находится под одной крышей, вход общий. Крытый двор служит одновременно проходом и для людей, и для скота. Во дворе находится погреб для хранения зерна и печь — «хар» для выпечки хлеба. Здесь же хранятся сельскохозяйственные орудия и пр.

Жилое помещение низкое (2 м высоты). Площадь комнаты 4×8 м. В углу находится очаг — «къул». Окон не имеется, помещение освещалось через три отверстия в потолке, которые закрывались на ночь и во время дождя плоскими камнями. Двери дома Мирзашерифовых были низкие, деревянные, одностворчатые, на деревянных шипах.

Ниш для хранения постельных принадлежностей не было, поскольку, как утверждали наши информаторы, в прежние времена специальными постельными принадлежностями не пользовались. Вдоль пола устанавливали барьеры высотой 35—40 см. Отгороженное пространство застилали соломой, сверху укладывали войлоки или шкуры, служившие постелями и взрослым, и детям. Вместо одеял пользовались войлоками или шкурами. В доме Мирзашерифовых сохранились на полу следы таких барьеров. Ближе к очагу располагались главы этой большой семьи — «чӀехи диде»

(старшая мать) и «чӀехи буба» (старший отец). Остальное место занимали четверо сыновей с женами и детьми (семья Мирзашерифовых состояла из 27 человек).

Полок для посуды в комнате не было. Посуду размещали просто у стены, где стояли «амбар», «кандуяр» (сосуды для хранения зерна, муки и пр.).

По словам стариков, дом этот был построен более полутораста лет назад. Ко времени обследования этот дом принадлежал одному из правнуков Мирзашерифа. Хотя он рядом построил новый дом, старый дом не разрушал, говорил: «Берегу «савкьат» (память, сувенир.— *А. С.*) моего прадеда...» [102].

Большесемейные дома у лезгин изучались также С. О. Хан-Магомедовым в селении Зухрабкент Касумкентского района. В частности, он описывает двухэтажный дом Рыфиева, где на втором этаже в двух больших комнатах (около 50 м² каждая) жили две родственные неразделенные семьи — женатые братья с детьми. «Окон в стенах не было,— сообщает С. О. Хан-Магомедов,— жилые помещения освещались небольшими отверстиями в потолке, которые в случае дождя закрывали сверху плоскими камнями. Дом Рыфиева свидетельствует о родовых пережитках в дагестанском ауле того времени. В нем жила большая семья, фактически состоявшая из нескольких семей, так как женатые сыновья продолжали жить в отцовском доме. Хозяйство семьи было общим» [103]. В этом же селении С. О. Хан-Магомедов обнаружил и одноэтажный тип дома для большой семьи (дом с одной жилой комнатой), принадлежавший Сефихановой. По его описанию, этот дом «в первом этаже имеет хлев, а во втором — обширную жилую комнату. К первому этажу пристроен крытый дворик с выходом по лестнице на второй этаж. Этот дом, как и дом Рыфиева, выходит на улицу короткой стороной, а длинной примыкает к другим подобным домам» [104].

Дальнейшее развитие лезгинского жилища явственно отразило процесс постепенного распада семейной общины и образования малых семей, которые еще сохраняли общность хозяйства. Жилая комната стала делиться на части. Женатые сыновья стали жить в отдельных комнатах, но хлев оставался общим, т. е. деление семьи пока происходило лишь в пределах владения ее членов предметами личного пользования.

Таким образом, не только сообщения информаторов, но и конкретные этнографические материалы (жилища, хозяйственные постройки и пр.) наглядно свидетельствуют о сохранении у лезгин в XIX — начале XX в. отцовских семейных общин.

Во главе каждой такой семьи стоял мужчина — «чӀехи хизандин кьил» (глава большой семьи). Им обычно был «чӀехи буба» — дед или отец — «буба», т. е. самый старший в семье. После его смерти или по причине дряхлости, нетрудоспособности главу семьи имел право замещать один из старших братьев (более способный, умелый и авторитетный).

Например, сначала главой большой семьи Атамановых из селения Кара-Кюре был Ханжал, а после его смерти им стал старший сын Джамал.

Во главе большой семьи Буржумовых в селении Юхари-Тахирджала сначала стоял Буржум, а после его смерти — старший сын Мустафа. Таким же образом сменялись главы семей и в других вышеописанных семейных общинах. Иногда и при жизни главы семьи он добровольно уступал руководство одному из старших сыновей или младшему брату. Например, глава семьи Шихгамзаевых — Шихгамза, когда ему исполнилось 85 лет, добровольно уступил главенство старшему сыну.

Глава семьи пользовался неограниченной властью и был наделен большими полномочиями. Он следил за всеми делами членов семьи, которые беспрекословно подчинялись ему и выполняли все его указания. Все важные хозяйственные и семейные вопросы глава семьи решал со своими старшими сыновьями на семейном совете. Свои распоряжения он также давал через них.

Данные лезгинского фольклора также свидетельствуют о большой власти и почетной роли глав больших семей.

ЧӀехи буба хизандин кьил я лугьуз	Старший отец считал себя главой семьи,
Жедайди тир дегь замандин вахтуна	Бывало так в давно прошедшие времена,
Хизан вири вичин гъилик ква лугьуз	Вся семья подчинялась воле его,
Жедай ама вичин кӀвалин тахтуна [105].	Считался он владетелем семейной короны.

Обязанности среди членов общины были строго распределены. Все трудоспособные участвовали в коллективном труде соответственно своему возрасту. Работы, которые должны быть выполнены в течение дня, строго закреплялись за отдельными членами семьи. Старшие члены семьи, в основном мужчины, выполняли трудные сельскохозяйственные работы: пахали поле, сеяли, убирали урожай и скирдовали, перевозили снопы для молотьбы на гумно, молотили зерно, косили сено, заготовляли дрова и т. п. Подростки, молодежь активно помогали старшим мужчинам, работали под их руководством и выполняли все их поручения (перевозили сено, зерно, помогали старшим скирдовать сено, ухаживать за скотом, лошадьми и т. д.).

Наряду с главой семьи очень большую роль в семейной общине лезгин играла его жена, которая обычно считалась главой женской половины В общине она пользовалась не меньшим авторитетом, чем «чӀехи буба». Она распоряжалась и руководила всеми женщинами и их трудовой деятельностью в семье. Ее уважали и почитали не меньше, чем самого патриарха, причем не только женщины, но и мужчины данной общины. Она была в курсе всех дел семейной общины, являлась главным советчиком, и без ее согласия ничего не делалось. Исключительно в ее ведении находились все запасы продуктов (зерно, мясо, сыр, масло, фрукты и т. п.), которые расходовали и употребляли в пищу только по ее распоряжению. Даже маленькие дети не могли брать хлеб без ее позволения. Жена главы семьи распределяла все обязанности по дому и хозяйству между членами женской половины. Она определяла, какая женщина должна кормить и поить крупный рогатый скот, какая обязана носить воду или печь хлеб,

кто должен готовить обед или стирать, или заниматься уборкой. Девочки также активно помогали своим матерям по хозяйству, кроме того, они должны были присматривать за младшими детьми. Девушки же в полной мере трудились наряду с матерями.

Лезгинские женщины активно помогали своим мужьям и в полевых работах, выполняя посильный труд. Они к тому же еще мыли шерсть, делали из нее нитки, потом ткали ковры, сукна, покрывала, носки, тесемки и т. д. Воспитание детей также лежало на женщинах. До 12—14 лет и мальчики находились в распоряжении своих матерей, а затем переходили под мужское начало. Следует, однако, иметь в виду, что каким бы авторитетом и какой бы властью ни пользовались главы больших семей, «эта власть на данном этапе истории патриархальной семейной общины не превышает того, что составляет, так сказать, норму первобытнообщинных отношений. «Основы существования и весь строй семейной общины таковы, что эта семейная власть не может приобрести более выраженный характер. Власть в семье сохраняет в соответствии со всем строем семейных отношений первобытно-демократический характер» [106].

Эти слова М. О. Косвена можно в полной мере отнести к тем особенностям внутренних отношений семейной общины лезгин, которые описаны выше.

Как мы уже отмечали, все члены общины называли главу семьи «чӀехи буба» — старший отец или «чӀехиди» — старший, а его жену — «чӀехи диде» — старшая мать, или «къари» — пожилая, старшая, или же называли «хая», «диде» — мать. Анализ этих терминов дает основание думать, что некогда старший отец и старшая мать имели равные права и занимали одинаковое общественное положение в семье.

Любопытен и другой момент в терминологии родства лезгин. Дети, как мальчики, так и девочки, всех женщин (жен братьев их отцов) называли термином «диде» — мать, а жену старшего брата отца «чӀехи диде» — старшая мать, так как в случае смерти старшей женщины ее место занимала жена старшего брата, так же как «чӀехи буба» замещал его старший сын.

Интересно отметить также, что в одних лезгинских селениях жен братьев и двоюродных братьев своего отца дети называют: «эмидин свас» (дядина жена), а в других селениях — «диде» (мать). В то же время жену старшего брата и жену старшего двоюродного брата отца они непременно называют «чӀехи диде» (старшая мать). В этом явлении, несомненно, прослеживаются следы далекого прошлого, когда дети не только свою родную мать, но и всех женщин патриархального рода называли «мать», так же как все мужчины общины, причем не только своего родного отца, называли «буба» (отец) или «чӀехи буба» (старший отец). Эти особенности терминологии родства лезгин могут служить свидетельством того, что в прошлом у них существовала родовая организация.

В целом изложенные выше материалы позволяют сделать вывод о том, что в XIX — начале XX в. наряду с преобладающим большинством малых семей у лезгин сохранялись и отцовские большие семьи, которые состояли из 40—70 и даже 100 человек.

Разрастаясь, патриархальные отцовские семьи делились на дочерние большие семьи, которые, однако, сохраняли много черт прежней семьи, продолжая жить по соседству и занимая отдельную часть селения или квартал. Члены этой родственной группы (которую М. О. Косвен назвал патронимией) сохраняли в определенной мере хозяйственное и общественное единство и носили общее наименование.

По определению М. О. Косвена, патронимия — это «родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи. Каждая из этих разделившихся семей представляет собой самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство» [107].

Патронимия у лезгин, возникшая и сложившаяся в условиях первобытнообщинного строя, как и семейная община, претерпев значительные изменения, сохранилась и в последующих формациях. Патронимия была не только прямым пережитком патриархальных семейных общин древнего типа, но и их прямой наследницей. В то же время ее с полным правом можно считать последней формой родо-племенной организации у лезгин, поскольку патронимия сочетала в себе черты как патриархально-родовой, так и более поздней соседской общины.

Патронимия у лезгин до сих пор не была предметом специального изучения. Между тем этот вопрос представляет большой научный интерес, так как на основе изучения данного института можно выяснить ряд важнейших положений из области хозяйственной, общественной и идеологической жизни лезгинского народа. Кроме того, изучение патронимии, причин и характера ее распада позволяет проследить один из путей перехода от родо-племенной организации к раннеклассовому этапу развития общества, к соседской общине.

На основании данных, собранных в течение ряда лет на территории Лезгинистана, мы постараемся показать место патронимии в структуре социальной организации лезгин, так как полевые материалы позволяют довольно отчетливо проследить существование у них этого общественного института.

Время бытования патронимии у лезгин, судя по полевому этнографическому и археологическому материалам, относится к раннему средневековью, хотя в видоизмененной, пережиточной форме она сохранялась и играла существенную роль в их общественной жизни и в более поздние времена. М. О. Косвен указывает, что «патронимия является исторической формой: она свойственна патриархально-родовому строю, но весьма устойчиво сохраняется у многих народов в период распада родового строя, а нередко и в условиях классового общества, налагавшего на него свой отпечаток» [108].

В лезгинском языке существует масса терминов, употреблявшихся для обозначения патронимии: «тухум» (иран.— семья, местный термин, встречающийся в докузпаринском говоре лезгинского языка), «сихил» (местный термин), «миресар» (местный термин), а также «са тухумдин бур»

(от одного семени происходящие), «са тебиндинбур» (к одному предку восходящие), «миресар» (все родственники с отцовской стороны), «са сихилдинбур» (от одного корня возникшие), «са экьребадин бур» (к одному предку восходящие), «куьк са куькуьнинбур» (к одному предку восходящие), «са жинсининдур» (к одному роду принадлежащие). «Куьк» в переводе с тюркского означает «корень», «основа», а «жинс» в переводе с арабского — «род», «порода».

Применительно к различным разновидностям патронимии эти термины несут и разную смысловую нагрузку. Например, когда говорят «са куькуьнинбур», имеются в виду все родственники с отцовской стороны, а когда употребляют слово «жинс» («сажинсумбур») — подразумевают всех родственников с материнской стороны, термин «тухум» охватывает всех родственников по отцовской линии без ограничения степеней, происходящих от одного предка, именем которого он, как правило, назывался.

Кроме того, каждая патронимия имела собственное наименование, идущее от предка-основателя с прибавлением окончаний «абур», «ар», «яр». Например: «Эгьмед+абур», «Камал+ар», «Ягья+яр» и т. д. Иногда патронимия называлась по наименованию того места, откуда происходили предки, например, «Ашарар», «Хракъар», «Крар» и т. д. Бывали случаи, когда патронимия получала название по роду занятий ее членов. Так, в селении Хпедж Касумкентского района одну патронимию называли «Ашукъар» (певцы ашуги) или же «Ччатукар», «Демирчияр», «Фекияр» (муллы) и т. д. Иногда патронимии приобретали названия по случайным обстоятельствам. Например, патронимия «кцIер» (собаки) в селении Курах называлась так якобы потому, что члены его отличались невыдержанностью.

Наиболее общеупотребительными терминами для обозначения патронимий были тухум и сихил.

О дагестанском тухуме немало писали и дореволюционные, и советские ученые. Известные ученые конца XIX в. М. М. Ковалевский и Ф. И. Леонтович [109] в своих трудах, посвященных родовому строю и обычному праву кавказских горцев, отождествляли дагестанский тухум с классическим родом. Ошибочные взгляды этих исследователей позднее были подвергнуты критике в работах советских исследователей С. В. Юшкова, М. О. Косвена, Р. М. Магомедова, Х. О. Хашаева, С. Ш. Гаджиевой, А. Р. Шихсаидова, Х. Х. Рамазанова и др.[110]

М. О. Косвен на основе собранного им большого фактического материала пришел к выводу, что архаический род как реальная социальная единица перестал существовать у народов Кавказа, в том числе и горцев Дагестана, очень давно, однако родовые связи, нормы и институты в различных формах стойко сохранялись у них вплоть до недавнего времени.

На основе анализа большой патриархальной семьи у даргинцев и других народов Дагестана Р. М. Магомедов сделал вывод о том, что дагестанский «тухум в основе своей был не родом, а семейной общиной» [111]. Любопытный материал по дагестанскому тухуму, в частности по лезгинскому, привел Х. О. Хашаев в своей работе «Общественный строй Дагестана в

XIX веке», где он, использовав конкретный материал по ахтынским аксакалам, показал становление классовых отношений в лезгинском тухуме. Некоторые вопросы, касающиеся характера лезгинского тухума, рассматривает Р. Г. Маршаев. В частности, он подчеркивает, что «ахтынское общество в XVIII — начале XIX в. не было демократической родо-племенной организацией равноправных членов. В нем еще задолго до XVIII в. шел процесс имущественного расслоения, в результате которого ахтынские аксакалы и бахтичияры, богатые уздени и представители мусульманского духовенства заняли господствующее положение. Особенностью общественного строя ахтыпаринского общества является то, что классовые отношения в нем были более опутаны патриархально-родовыми пережитками, чем в окружающих феодальных ханствах Дагестана» [112].

Названия сихил и тухум лезгины применяют в основном в одном и том же значении. Сихил чаще употребляется в селениях, где говорят на кюринском диалекте, а в ахтынском и докузпаринском диалектах превалирует слово тухум.

Однако в некоторых селениях Ахтынского и Кусарского районов под термином сихил подразумевают более широкую родственную группу, нежели тухум. Например, когда упрекают или хвалят члена другого тухума, то говорят: «А тухумдин сихил-хана чIуруди я (хъсандия)» («Сихил-хана (основатели, праотцы) этого тухума были такими же злыми (добрыми), как и сам тухум»).

Приведем несколько конкретных примеров. Так, в селении Зрых Ахтынского района нами зафиксировано семь сихилов и 20 тухумов. В состав сихила Панагъар входят три тухума (Къаргьияр, Ахтармаяр, Ягьяяр); в сихил Эпелар — четыре тухума (Ргалияр, Аштарар, Энжияр, Пашаяр); в сихил Усманар — два тухума (Урдуханар, Аспарар); в сихил Чепехъанар — три тухума (Хашалар, ЭпицIар, Чепехъанар); в сихил Татарханар — три тухума (Татарханар, Палдабашар, Гьайдарар); в сихил Эскирар — тоже три тухума (Эскирар, Демирчияр, Адияр) [113].

Аналогичное явление наблюдается в селении Кара-Кюре Ахтынского района. Основателями этого селения считаются три крупных родственных объединения-сихилы: Югулар, Пугьуцар, Тварквар. Эти сихилы в свою очередь делятся на тухумы. Сихил Югудар охватывал 16 тухумов (ШататIар, Кавхаяр, Кердияр, Мумахаяр, Илагьидинбур, ПтIугъар, ЧIвекъар, Недиранбурун, Мавланар, Устадинбур, Назаранбур, Фекьидинбур, Пацаранбур, Мугъуланбур, Мардананбур и Телерар); в сихиле Пугъуцар было 13 тухумов (КIелетар, Айдаяр, Жигенанбур, Аштияр, Небияр, Варазар, Хуркаяр, Беганбур, Муражар, Шегьридинбур, Магьамаданбур, Пуртанбур и Фезияр); сихил Тварквар включал 10 тухумов (Атаманбур, Чатарар, Мухтаранбур, ПинтIерар, Бинетар, КашатIвар, Кьаранбур, Тахтинбур, Исламанбур и Эмирбегенбур). Тухумы в свою очередь делились на более мелкие родственные объединения — «мукъвал миресар» (близкие родственники). Таких родственных объединений в каждом тухуме обычно насчитывалось от двух до пяти, а их численный состав колебался в пределах 60—100 человек (см. вклейку на с. 136—137) [114].

Ахтынские тухумы, с нашей точки зрения, вполне могут быть подведены под определение «патронимий второго порядка» (термин М. О. Косвена), которые возникли на сравнительно позднем историческом этапе в результате сегментации, дробления разросшихся и размножившихся крупных патронимий. Такими крупными патронимиями «первого порядка» у лезгин можно считать сихилы.

В этой связи любопытно отметить, что термин «сихил» встречается также у хевсур. В. В. Бардавелидзе отмечает, что «по хевсурским терминологическим данным древнегрузинский сахли реконструируется в форме древней большесемейной домовой общины, поскольку в ней насчитывается 4—5 поколений родственников» [115].

Как мы уже отмечали, тухумы, разрастаясь, в свою очередь дробились на дочерние коллективы. Например, в бывшем селении Мака Ахтынского района имелось пять крупных тухумов: Мугъуланбур, Канашанбур, Тумананбур, Къазияр и Мишияр. Первый из них — Мугъуланбур состоял из семи дочерних патронимий (Умаранбур, Устаранбур, Ашуманбур, Зейналанбур (Санжаяр), Девришанбур, ГъвечIеканбур, Фейзинлагьанбур); второй тухум — Канашар имел в своем составе пять патронимий (Шадинбур, Къазидинбур, Исрефиланбур, Келгъенанбур, Адидинбур); в тухум Тумананбур входило семь дочерних патронимий (Фекьидинбур, Айдадинбур, Эмиргуннединбур, ШукIваланбур, ВартIатIар, Пехъер, Зекерадинбур); тухум Къазияр состоял из четырех патронимий (Гьарунанбур, Халидинбур, Шагьаманбур и Абуланбур); пятый тухум — Мишияр составляли две дочерние патронимии (Къунаханбур и Мишияр) [116]. Родственные дочерние объединения внутри тухума, как и селении Кара-Кюре, здесь называют «мукьвал миресар».

В связи с этим обстоятельством нам хотелось бы специально остановиться на вопросе о степени градации родства внутри сихила и тухума, которая нашла отражение в лезгинском термине «миресар», т. е. «родственниками» считаются между собой все члены одного сихила. Например, члены сихила (селение Кара-Кюре) Югулар называют друг друга «миресар» (см. вклейку на с. 136—137). В то же время члены отдельных тухумов внутри сихила Югулар, например члены тухума татIатIар, считаются уже мукьвал миресар, т. е. близкими родственниками.

Чтобы более наглядно представить эту картину, рассмотрим патронимию Мугьуланбур из селения Мака Ахтынского района. Эта патронимия, как уже было сказано, состояла из семи родственных групп (Умаранбур, Устаранбур и т. д.). Члены всей патронимии между собой считались родственниками, а члены одной родственной группы (дочерней патронимии) именовались «яргьал миресар», т. е. дальними родственниками по отцовской линии. Члены одной отдельной группы по отношению к другой (т. е. потомки ветви Умаранбур) считались мукьвал миресар, т. е. близкими родственниками (см. схему на с. 140). Кроме того, внутри близкородственной группы мукьвал миресар выделялась четвертая, еще более близкая родственная группа — «тагълукь миресар», т. е. подопечные родственники (с. 140).

ПАТРОНИМИЯ „МУГЪУЛАНБУР" —
—„МИРЕСАР" сел. МАКА Ахтынского района

„ЯРГЪАЛ МИРЕСАР" | УСТАРАР | УМАРАНБУР | АШУМАНБУР | ЗЕЙНАЛАНБУР | ДЕРВИШАНБУР | ГЪВЕЧІЕКАНБУР | ФЕЙЗИНЛАГЪДИНБУР

„МУКЬВАЛ МИРЕСАР"– УМАРАНБУР

ДЖАМАЛ

(Схема до 8го колена по мужской линии)

Устар
Умар
„ТАГЬЛУКЬ МИРЕСАР"
ТАГЬЛУКЬ МИРЕСАР"
Агамет
Таги
Абдурагим
Аликули
Алискер
Агамет
Абубекер
Багиш
Махмуд
Умар
Агаширин
Таги
Аликбер
Аливерди
Худаверди
Мухидин
Теминдар
Абдурагим
Гадживерди
Хваджа
Абубекер
Дугуш
Ильяс
Ильямеддин
Мурад
Ашраф
Алискер
Пирмет
Меражудин
Шихмирзе
Балемирзе
Гаджимирзе
Назир
Узер
Аликули
Таги
Таживаах
Багаудин
Зейдулла
Зибер
Теминдар
Шихнасир
Седридин
Сейфудин
Серажудин
Гамидулла
Султан
Зейнедин
Садедин
Умар
Мустафа
Агаширин
Генадий
Тельман
Шихнасир
Музафер
Гадживерди
Абубекер
Махмуд
Зиятуллах
Тажидин
Умар
Демир
Гаджине
Аликули
Нурудин
Сейфудин
Гамидулла

I - Патронимия „МУГЪУЛАНБУР" „МИРЕСАР" - (Все родственники по мужской линии состоящие из 7^{ми} дальнеродственных групп)
II - 1) Умаранбур 2) Устарар 3) Ашуманбур 4) Зейналанбур 5) Дервишанбур 6) Гъвечіеканбур 7) Фейзилагъдинбур - „ЯРГЪАЛ МИРЕСАР" (Все дальние родственники по мужской линии)
III - Умаранбур - „МУКЬВАЛ МИРЕСАР" - (Все близкие родственники по мужской линии)
IV 1) Агамет (динбур) 2) Таги (динбур) „ТАГЬЛУКЬ МИРЕСАР" (Две группы подопечных родственников по мужской линии)

Схема патронимии «Мугуланбур»

Один из потомков патронимии Мугуланбур[117] имел двух сыновей Агамета и Таги, от которых следуют (до восьмого колена) две связанные родственными узами группы. Причем, подопечными родственниками считались потомки одного брата по отношению к потомкам другого. Например, потомок брата Агамета Шихнасир (8-е колено) подопечен потомку брата Гадживерди (8-е колено) или потомок другого брата (Таги) — Гамидулах (8-е колено) подопечен потомку брата Аликули (8-е колено) и т. д.[118]

Кстати сказать, до сих пор некоторые авторы давали неправильное толкование термину «миресар», считая его наиболее близкой родственной группой внутри тухума[119]. Приведенный выше фактический материал в достаточной степени доказывает, что термин «миресар» охватывает значительно более обширный круг родственников (в пределах тухума и сихила). Члены одного тухума, обращаясь друг к другу, обычно не называют по имени, а произносят слово «мирес». «Вун вуч гъал я мирес. Мирес, ви кифияр тыикI я?» («Как твои дела, мирес? Мирес, как себя чувствуешь?»). В переносном смысле слово «мирес» при обращении означает «член моего рода», «потомок моего рода (тухума)». Как говорят старожилы многих лезгинских сел, слово «мирес» происходит от слова «ире», которое означает «доля», «часть», а «мирас» — «паюнин стха», т. е. «брат моей доли» (в переносном смысле — «член моего тухума, который делит со мной долю»). И не случайно у лезгин имеется пословица: «Вун зи паюн стха яни?» («Ты же не брат моей доли?», т. е. ты же не член моего рода)[120].

Таким образом, наши материалы выявляют у лезгин в пределах одной патронимии разные родственные отношения, сообразно разным ступеням родства: 1) миресар (все родственники с отцовской стороны), 2) яргьал миресар (дальние родственники по отцовской линии), 3) мукьвал миресар (близкие родственники с отцовской стороны) и, наконец, 4) тагь-лукь миресар (подопечные родственники).

В своей зачаточной форме лезгинская патронимия представляла собой большую семью — «чIехи хизанар», внутри которой родство доходило до четырех-пяти колен. Впоследствии такие семьи путем сегментации образовывали новые, упомянутые выше «патронимии второго порядка», внутри которых, в свою очередь, создавались новые большие семьи.

Архаическая патронимия владела всеми видами земельных угодий, в том числе и пахотными. Позднее в общем владении остались лишь покосы, пастбища, выгоны, лес, т. е. менее интенсивно эксплуатируемые земли, а пахотная земля перешла во владение отдельных семей на основе уравнительного землепользования. В конечном итоге пахотная земля становилась частной собственностью этих семей.

О том, что раньше патронимия владела общими пахотными землями, свидетельствует прежде всего то, что почти во всех лезгинских селениях земельные участки, как пахотные, так и пастбищные, расположены в основном компактно по тухумам и сихилам. Нередко эти места сохраняют даже название того или иного тухума. Например, в селении Юхари-Та-

хирджал Кусарского района вплоть до конца XIX в. имелось 400 га покосных земель под названиями «Куш», «Чуъгун», «Гъвенер вацI», «Жен тулар», «Жемеатдин векьер», которые прежде принадлежали крупным тухумам.[121] В том же селении на плоскости в местности Паласа имелись и пахотные земли, закрепленные за каждым тухумом. Эти земли через каждые три года по жребию перераспределялись соответственно тухумам, а они в свою очередь делили их по семьям. Тухумные земли ни один из его членов не имел права продавать и покупать. Иногда некоторые тухумы сообща обрабатывали земельные участки, собирали урожай, а зерно распределяли соответственно количеству рабочего скота или крестьян, которые принимали участие в уборке урожая. Такой вид коллективного труда лезгины называли «гутуна» (совместно, сообща)[122]. Бывали случаи, когда объединялись только три-четыре семьи — «амадагар» (договорщики, союзники) — для совместной обработки земли, а урожай распределяли равномерно по семьям.

В селении Кара-Кюре Ахтынского района в прошлом почти каждая патронимия имела собственный лес, носящий ее имя, например, «Келтейрин там», «ШатIатIрин там», «Югулрин там» и т. д. Каждая семья в патронимии запасалась дровами только осенью, а в остальное время рубить лес строго запрещалось. В этом же селении на летних пастбищах имелись места под названием «Дуьштуьдин цурар», «Мегьвел», «ЧIуру хуьрел» и т. д., где содержался скот членов отдельных патронимий.

О том, что в конце XIX в. в Самурском и Кюринском округах имелись леса, находившиеся в частном владении, свидетельствует и архивный материал. В 1897 г. в Самурском округе 100 десятин лесов значилось в частном владении[123], а в 1900 г. в Кюринском округе —22 десятины лесов[124].

В селении Зрых Ахтынского района существовали летние пастбища отдельных сихилов: «Эпелрин сав», «Тарханрин сав» и т. д. Там же находились принадлежавшие сихилам огороженные места — «Ятах», «Гатун», «Куьз»,— куда загонялся скот. В этом же селении сохранились воспоминания о том, что некоторые сихилы имели и специальные леса. Например, «Эпелрин там»[125]. Многие другие лезгинские селения также имели поблизости общие огороженные места — «парахар», куда загонялся скот всей патронимии. Позже эти места стали квартальными, т. е. там стали содержать скот всех жителей квартала. Такая участь постигла, в частности, патронимический «гъен» (специальное каменное, арочным путем сооруженное помещение) для содержания скота в зимний период в пределах селения. Впоследствии гъен стал квартальным, а затем общим для всего селения[126]. На наличие у лезгин родовых загонов для скота указывает также Р. Г. Маршаев[127].

Патронимии владели, кроме того, своими мельницами, доход от которых делили соответственно семьям тухума или же эксплуатировали поочередно, каждая семья по одному году. Такие патронимические мельницы в прошлом столетии имелись в большинстве лезгинских селений: Микрахе, Мискиндже, Мака, Дустаир, Гиджан, Муджуг, Юхари-Тахирджал, Зрых и т. д.

Хозяйственное единство патронимии выражалось еще и в том, что в селениях, возле которых располагались поливные земли, очередность получения воды устанавливалась по тухумам и сихилам. Например, в селении Зрых семь дней недели были распределены между семью сихилами (по одному дню каждому). Назывались эти дни «цин югъ» (день воды). Скажем, сегодня «день воды» сихила Эпелар, завтра — сихила Палдабашкар, послезавтра — Татарханар и т. д. Подобный принцип распределения воды для полива сохраняется и по сей день [128].

Таким образом, одним из определяющих признаков лезгинской патронимии в прошлом было хозяйственное единство.

Другим не менее важным признаком являлось общественное единство патронимии. Характерной особенностью патронимии, которая прежде всего выражала ее общественное единство в прошлом, было компактное проживание всех ее членов. Как указывает М. О. Косвен, «общественное единство патронимии, отражающее ее хозяйственное единство, выражалось прежде всего в том, что патронимия образовывала отдельные поселения, либо отдельный квартал («конец», «улицу») в более крупном селении. Во всяком случае патронимия была целиком локализированной, и она сохраняла такое положение гораздо более устойчиво, чем более широкие родственные группы и род в целом».

Мы уже подробно останавливались на процессе образования крупных поселений на базе мелких патронимических объединений и отмечали, что при переходе от тухумных поселений к территориальной (соседской) общине каждая патронимия все-таки предпочитала селиться компактной группой. На это, в частности, указывает топонимика многих лезгинских селений.

Лезгинская пословица гласит: «Чарадан балкIандилай жуван лем хъсан я» («Свой осел лучше, чем чужая лошадь»). Члены тухума обязаны были поддерживать друг друга при кровомщении, при уплате штрафов и податей, во время женитьбы и развода и т. д. Для того чтобы проследить процесс образования сельских общин и нарушение принципа родового расселения, необходимо обратиться к изучению кварталов в поселениях. Исследование такого рода позволяет увидеть, как в рамках одного селения, образовавшегося в ряде случаев из представителей различных родовых групп, постепенно сходит на нет родовое начало. Если прежде в одном квартале жили представители только одного тухума, в дальнейшем родовые принципы нарушаются, и в одном квартале начинают жить выходцы из многих тухумов или же представители одного тухума живут в различных кварталах.

Лезгинское селение, как отмечалось, обычно состоит из нескольких кварталов — мягьле. Количество этих кварталов колеблется от трех до десяти и более. В древности все жители квартала принадлежали к одному тухуму, поэтому название квартала мягьле обычно соответствовало наименованию тухума.

В расположении домов селений Гельмец, Дустаир, Юхари-Тахирджал, Мака, Мискинджа и других горных селений до сих пор можно найти

следы былого родового расселения лезгин. Так, в селении Юхари-Тахирджал бывшего Кюринского уезда почти до XIX в. каждый тухум жил обособленно в своем квартале. В селении имелось пять крупных тухумов и. следовательно, пять основных кварталов. Тухумы именовались: Пурцуяр, ТIакьтIакьар, Сирияр, Хашалар, Келтеяр. В название квартала включалось слово «мягьле»: Пурцуярин мягьле, ТIакьтIакьарин мягьле, Сириярин мягьле, Хашаларин мягьле, Келтейрин мягьле.

Селения, в которых квартал был заселен представителями одного тухума, стойко сохраняются (хотя не в чистом виде) до настоящего времени.

В селении Гильяр Магарамкентского района имеется, например, три квартала, где живут члены трех тухумов: Шихалияр, Багьманар, Вартар, причем даже в настоящее время, особенно в старой части селения, каждый тухум проживает компактно именно в своем квартале.

Таким образом, в прошлом в пределах селения каждая патронимия образовывала свой квартал — мягьле, населенный только ее членами. Вновь выделявшаяся семья также лишь в редких случаях поселялась вне квартала своей патронимии. Часто члены тухума даже объединяли свои хозяйственные постройки или покупали участок земли у соседней патронимии для того, чтобы дать возможность вновь отделившейся семье построить дом вблизи родственников и сохранить принцип территориального единства патронимии. Как пишет М. О. Косвен, «вновь образовавшиеся патронимии по общему правилу стремились, сохраняя свое единство, жить компактно, а вместе с тем и не отделяясь от старых патронимий, помогая одна другой и пр. Лишь эпизодически, в особенности с ростом малоземелья, молодые патронимии отделялись и переселялись на свободные места, не теряя все же связи со своими сородичами» [129].

В тех селениях, где отдельные члены патронимии из-за отсутствия места в своем квартале строили дома на свободных местах и в результате возникали совершенно новые кварталы, количество кварталов превышало число тухумов. Примером таких селений могут служить Капир Курахского района и Зрых Ахтынского района.

В селении Капир Курахского района почти каждый тухум вплоть до XX в. жил отдельно в своем квартале. В селении было семь кварталов и семь тухумов.

Тухумы: Михерар, Чатунар, ЧIгъверар, Кьаручанар, Варварар, Пирер, Къазакьар.

Кварталы: Михер мягьле, Чатун мягьле, ЧIгьвер мягьле, Кьулан мягьле, Къазакь мягьле, ТIулан мягьле, Хъемцал мягьле.

В настоящее время в трех кварталах — Кьулан мягьле (средний квартал), ТIулан мягьле (равнинный квартал), Хъемцал мягьле (квартал хемцалов) живут представители разных тухумов.

В селении Зрых Ахтынского района в настоящее время насчитывается семь больших сихилов и восемь кварталов.

Сихилы: Панагьар, Эпелар, Усманар, Аспарар, Чепехнар, Татарханар, Эскерар.

Кварталы: Вини мягьле, Ратарин мягьле, Гъварарин мягьле, Хулен

кIаник мягьле, Цапар мягьле, Шейтан мягьле, КIамун мягьле, ЦIийи хуьруьн мягьле.

Как говорят старожилы, раньше в селении каждая патронимия жила обособленно в своем квартале и лишь примерно с середины XIX в. семьи стали жить смешанно, многие кварталы получили новые названия и, следовательно, соответственно увеличилось их количество.

Например, Вини мягьле прежде назывался Эпелрин мягьле, т. е. квартал сихила Эпеловых.

Приведенные нами материалы дают основание утверждать, что в начале XIX в., несмотря на то что процесс разложения патронимии зашел у лезгин очень далеко, многие тухумы еще продолжали жить компактными группами. Однако с течением времени кварталы утрачивают свой исключительно патронимический характер, что наиболее ярко прослеживается на примере селения Курах [130] бывшего Кюринского округа, где насчитывается семь крупных кварталов: МирчIайрин мягьле, Манчайрин мягьле, Хъкерин мягьле, Яхулрин мягьле, Къадийрин мягьле, ТIула мягьле, Къурбалийрин мягьле.

В семи кварталах селения находилось 48 тухумов, в том числе в квартале МирчIийров — шесть тухумов: Атасияр, Небияр, Чамбулар, Агъулар, МирчIияр, ТIуьхшерар.

В квартале Манчайров находились два тухума: Бакарар и Манчарар. В квартале Хъкерин мягьле — 16 тухумов: Лехъияр, Недуърар, Ашумар, Наргавар, КцIер, Манучар, Чурукар, Бдай-бур, Иседбур (Бакълаяр), Хважадбур, ЧIурхьунар, Яралидинбур, Чумарар, ХъитIар, Къучагъалияр, Назаралидинбур.

В квартале Яхулов — два тухума: ЦIацуяр, Яхулар.

В квартале Къадирин мягьле — два тухума: Кьадияр, БиретIар.

В квартале ТIула мягьле насчитывалось 11 тухумов: Афатар, Атадбур, Къутабур, Мукурар, Кветер, Генеяр, Мансурар, Цакъарар, Зарбафар, Бахурар, Адияр.

Наконец, в квартале Къубалийрин мягьле жили представители семи тухумов: ГъвечIи хваяр, Къурбалияр, Камалар, Къадирабур, КIаламар, Абдулгъалимар, Эмирар.

Приведенные материалы достаточно убедительно, на наш взгляд, подтверждают выдвинутое ранее положение о том, что некогда при образовании нового селения каждый тухум занимал отдельный квартал. Об этом свидетельствует, в частности, соответствие названий ряда кварталов тухумов. Первоначально кварталы назывались именем того тухума, который жил в этой части селения. Члены других тухумов появились здесь уже позже, когда стали нарушаться родственные принципы расселения по кварталам.

Анализ названий кварталов и тухумов селения Курах позволяет также проследить, как родственный принцип расселения на определенном историческом этапе утрачивает свое значение, уступая место территориальному. Например, название VI квартала ТIула мягьле имеет чисто территориальное значение и в переводе означает «квартал на плоском месте».

И, хотя здесь обитают представители одиннадцати тухумов, название квартала в данном случае имеет только топографическое значение.

В прошлом патронимические кварталы в селении были изолированы один от другого. При этом зачастую они представляли собой в архитектурном отношении единый комплекс. Дома родственников (особенно в нижних этажах) имели внутренние проходы, через посредство которых члены патронимии в случае необходимости (для хозяйственных нужд или же во время нападения врага) сообщались между собой. В том же селении Зрых почти все дома членов патронимии Эпелар по нижним этажам были соединены внутренними проходами, следы которых в старых домах сохранились и в настоящее время. К тому же многие дома в патронимических кварталах плотно примыкали один к другому, фасады с отверстиями для света выходили на улицу, а задние стены, обращенные наружу, отверстий не имели.

Таким образом, локализованная в определенном месте селения в виде самостоятельного квартала, патронимия являлась вполне реальной социальной ячейкой. В своем квартале или в селении она имела общее место сходки — «ким», т. е. квартальную площадку. В таких селениях, как Ахты, Курах, Мискинджа, Хазры, каждый тухум в пределах своего квартала имел особую ким, общую для всего села. На квартальную ким собирались только мужчины своего тухума. Там обсуждались внутренние дела патронимии: о продаже земли сородичам, о завещании, похоронах, поминках, свадьбах и т. д.

На сельскую сходку выносились дела, касающиеся всего сельского общества — «джамаата». Такие большие кимы обычно располагались около «джума» — мечети. На кимах мужчины иногда выполняли какие-либо мелкие работы (точили ножи, делали поршни, скручивали веревки, изготовляли некоторые мелкие деревянные изделия: ложки, каталки, мешалки и проч.) и одновременно беседовали.

В селении Мискинджа Ахтынского района почти каждый тухум прежде также имел свой ким. В настоящее время из них сохранилось только 12 под теми же названиями, что и названия патронимий (чед ким, къайитар ким, фисахрад ким, мискийрин ким, келед ким, тамбулар ким, шекарин ким, кандад ким, какамар ким, уьред ким и, наконец, такацар ким) [131].

В селении Курах также насчитывалось 12 кимов: семь квартальных, четыре тухумных (патронимических) и один общий для всех.

Весьма любопытное явление, связанное с кимами, мы зафиксировали в селении Хрюк Ахтынского района. Как единодушно утверждали старожилы этого села, их кимы прежде отличались по содержанию бесед, которые велись на этих собраниях. Существовала своеобразная «специализация» кимов. В этом селении насчитывалось шесть кимов, и содержание бесед на каждой из них было разного характера.

Так, на первой площади — «БтІур мягьле ким» большей частью только сплетничали. Если кто-то в селении хотел услышать «новости», он ходил именно на этот ким. На второй площади — «Винни ким» велись разговоры только о сельскохозяйственных работах (когда следует начать посев,

у кого не хватает сельхозинвентаря, у кого лишний инвентарь, как можно приобрести инвентарь, кто нанимается на сельскохозяйственные работы, в какой день следует начать уборку урожая и т. д.). На третьей площади — «БалкIан кьейи ким» также беседовали о сельскохозяйственных работах и о скоте для этих работ. На четвертой площади — «СикIер ким» (что в переводе означает «площадь лисиц») велись беседы только об охоте. На пятой площади — «Дунгаинин ким» (площадь рисоочистительного станка) вели разговор о чистке риса — сырца и проса, о их стоимости и доставке и т. п. На шестой площади — «Агъа мягьлед ким» беседовали только о дровах (у кого сколько запасено дров на зиму, у кого имеется для продажи, кто нанимается на рубку дров и т. п.).

Таким образом, в селении Хрюк мужчины проводили свое свободное время на том киме, где характер и содержание разговоров их интересовали.

Тухумов в селении Хрюк было девять: Балбутар, МикIияр, ЭкIерар, Мхацар, Челдияр, ЦIурар, Хашалар, Саларар, Гъуругъар.

Как говорят старожилы этого села, вышеперечисленные тухумы прежде враждовали между собой и поэтому жили компактно в отдельных кварталах. Лишь впоследствии в одном квартале стали селиться представители нескольких тухумов. Следует отметить и то обстоятельство, что тогда же представители одного некогда компактного тухума стали строить дома в различных кварталах [132].

Деление селения на родственные кварталы было характерно не только для лезгин, но и для других народов Дагестана и Кавказа: рутульцев, цахуров, табасаранцев, азербайджанцев, грузин, армян. Г. А. Гейбуллаев отмечает, к примеру, что в Азербайджане в XIX в. «деление селений на родовые кварталы присуще поселениям всех народностей этого района (Кубинского.— *С. А.*) и называется терминами — Дөнкә Мәһәллә (мәһлә), жители которого принадлежали к одной фамилии» [133]. Р. Л. Харадзе указывает, что моногенный характер заселения кварталов для грузин-горцев был закономерным явлением. «Преемственность сельской общины,— пишет она,— от родо-племенной организации прослеживается по этнографическим данным в различных моментах жизни горцев. Одним из наиболее характерных моментов в этом случае является родовой принцип поселения» [134]. Э. Т. Карапетян пишет, что «азг» (родственная группа, насчитывающая в своем составе 7—8 и более поколений по мужской линии.— *С. А.*) вплоть до начала XX века сохраняла локальное единство. Во всех селах Армении (в горных с большей, на равнинах с меньшей однородностью) имелись фамильные кварталы» [135].

При рассмотрении различных вопросов общественной жизни ведущая роль принадлежала главам лезгинских патронимий, которые назывались по-разному: «як пайдади», «келте», «сакъа», «агъсакъал». Из них наиболее древними мы считаем «як пайдайди» («человек, который делит мясо») и «келте» (возможно, это более древнее название сакъа). Термин «як пайдайди», вероятно, сохранился у лезгин с тех времен, когда в больших семьях мясо распределяли главы патронимий. Позднее этот термин

получил другой оттенок, который дожил почти до наших дней. В народе принято говорить: «А тухумдин як найдайди фулан ка я», т. е. «распорядитель этого тухума такой-то человек». Келте также является древним названием главы патронимии. В народе и в настоящее время, когда хотят сказать о наиболее влиятельном человеке в своем квартале или тухуме, то обычно говорят: «А тухумдик квай келте гъам я», «А мягьлед келте гъам я», что означает: «Келте этого тухума такой-то человек», «келте этого квартала такой-то человек».

Главу патронимии лезгины также называли «сакъа», что в точном переводе означает «бабка-бита». Позднее глав тухума и сихила стали называть «агъсакъалар». («Сакъа» — корень слова остался тот же, прибавилась приставка — «агъ», которая в переводе с тюркского означает «белый». Таким образом агъ+сакъа=л значит «белобородый», «седобородый» (солидный, важный).

Если надо было сообщить членам патронимии о постройке канала, водопровода, о сельскохозяйственных работах, о примирении кровников или же посоветоваться с ними о распределении общественной земли по жребию, о пользовании общественным лесом, летним пастбищем и по другим вопросам, келте или сакъа собирал всех мужчин. Обычно мнение келте бывало очень авторитетным и имело силу закона. При выборе сакъа или келте, как свидетельствует полевой материал, имущественное положение почти не играло роли. Главой патронимии мог быть любой опытный, умелый и честный человек. Его специально не выбирали, скажем, путем голосования, такой человек сам по себе становился влиятельным в патронимии. Он выступал на общеквартальных и общесельских сходах, к нему на дом мог пойти любой член патронимии посоветоваться даже о своих внутрисемейных делах.

К XVIII — началу XIX в., а возможно и раньше, аксакалы стали выборными лицами, а в некоторых лезгинских селениях эта должность даже передавалась по наследству [136].

Лезгинская патронимия во всех общественных вопросах проявляла большую сплоченность, самостоятельность. Обиду, оскорбление каждый ее член воспринимал как свою собственную. Если какую-либо семью постигла неприятность или она терпела материальный ущерб (например, сгорал дом, погибал или терялся скот и т. п.), то все члены патронимии оказывали ей помощь — «мервет». Обычай мервет совершался следующим образом: хозяину пострадавшей семьи келте сообщал о том, что сегодня вечером к нему придут гости и он должен устроить мервет. После этого он объявлял главам семей своей патронимии, что они обязаны прийти на квартальную площадь. Там келте сообщал, что «такую-то семью постигло несчастье, сегодня вечером ее хозяин устраивает мервет и все должны быть у него...». К вечеру все главы семей собирались в доме, где устраивали мервет. После обильного ужина каждый присутствующий громогласно объявлял: «За кве хеб мервет ийизва», «за пуд кел мервет ийизва», «за са дана мервет ийизва», «за фулан къадар пул мервет ийизва» и т. д. («Я два барана мервет даю», «я три ягненка мервет даю», «я од-

ного теленка мервет даю», «я столько-то денег мервет даю» и т. д.). На следующее утро каждый из глав семей, участвовавших в мервете, выполняя свое обещание, приводил на квартальную площадь барана, телят или ягнят, после чего келте в присутствии всех членов патронимии вручал эти дары пострадавшему. Позднее на мервет стали приглашать не только родственников, но и односельчан. Такие мерветы в лезгинских селениях устраивались в пользу бедняков вплоть до 20-х годов нашего века. Этот оригинальный обычай у лезгин, несомненно, является пережитком родовой взаимопомощи.

Право мести соблюдалось также по степени родства, т. е. в первую очередь мстили за подопечного, затем за близкого, а потом за дальнего родственника.

Но бывали случаи, когда внутри одной патронимии возникали ссоры и недоразумения. Такие инциденты улаживал келте патронимии на квартальной площади. Так, например, в 1908—1915 гг. в селении Кара-Кюре внутри тухума Пугьуцар возникла кровная вражда между двумя двоюродными братьями Чергес и Зекерджа. После распада большой семьи из-за небольшого куска земли прямо в поле внезапно Чергес убил Зекерджа. Через семь лет, когда вырос сын Зекерджа, он внезапно на квартальном киме пустил пулю в Чергеса и ранил его. После этого в дело вмешался келте, помиривший кровников, и с тех пор вражда прекратилась[137].

В тех случаях, когда кровники являлись членами разных патронимий, в роли примирителей выступали оба главы. Такие примирения устраивались на квартальных и общих площадях. Собирались все члены враждующих патронимий, в большинстве случаев приглашали и глав других патронимий села. Виновные приходили (в знак раскаяния) с накинутым на плечи саваном. После совершения обряда примирения виновные выплачивали выкуп.

Когда кровники были из разных тухумов, они мирились с большим нежеланием. И часто после такого примирения, кроме уплаты выкупа — «къан», кровники обменивались «головами», т. е. женили своих сыновей или выдавали замуж дочерей. Таких девушек называли «а руш къандай гайиди я», что означает «она жертва кровного выкупа». Хотя этим девушкам при выдаче замуж выделяли большое приданое, их положение в доме мужа было очень тяжелым. В лезгинском фольклоре сохранилось немало песен, в которых рассказывается о невыносимом положении невесток — «къанлу». Не случайно в народе, когда с невестками плохо обращаются, говорят: «Зун къандай гайиди тушки?!» («Я же не жертва кровной вражды?!»).

Кровная вражда между тухумами у лезгин бытовала вплоть до Октябрьской революции. Например, в 1899—1905 гг. кровная вражда возникла в селении Мака между тухумами Мугуланбур и Тумананбур, претендовавшими на руководящую роль в селе. Тумананбур считался местным тухумом, а Мугуланбур был пришельцем из селения Кара-Кюре. Тем не менее старшин села выбирали из тухума Мугуланбур. В частности, в 1899 г. старшиной села был Абдурагимов Агамет. У Айдаевых из тухума Тума-

нанбур было девять сыновей, и каждый уже мог держать винтовку. Както на площади села один из сыновей Айдаевых поспорил из-за какой-то мелочи со старшиной Агаметом и убил его. Через полтора года брат Агамета убил брата Аллахверди — Магарам Айдаева Магомеда. После этого через два года сын Магомеда убил брата Агамета Абубакара. Как рассказывают старожилы, торжественное примирение этих тухумов состоялось на центральной площади села, и там же они обменялись «головами» [138].

В конце XIX в. в селении Кара-Кюре также была кровная вражда между представителями тухумов Югулар и Пугъуцар. Основная причина вражды была также на почве гегемонии в пределах села. Поводом послужили взаимные оскорбления, которые нанесли друг другу два члена этих тухумов по имени Теиба и Магомед. В результате в рукопашном бою Магомед убил кинжалом Теиба, а затем сын Теиба убил Магомеда. Потом состоялось примирение тухумов, и тухум Пугъцар заплатил большую «къан» — деньги противоположной стороне [139].

Весьма долгая кровная вражда, начавшаяся в конце XIX в. и длившаяся вплоть до Октябрьской революции, имела место в селении Юхари-Калун-Хур Кусарского района. Возникла она опять-таки на почве гегемонии в селе между двумя тухумами: Эмирбегеринбур и Беделанбур. В тухуме Эмирбегеринбур, как вспоминают старожилы, были очень трудолюбивые люди. Они сделали много полезного для жителей села, старейшина села был тоже из их тухума. Враждебному тухуму это не нравилось, у Эмиргуне было шестеро сыновей, у Бедела семеро сыновей. Первоначально люди из тухума Беделанбур убили представителя тухума Эмирбегеринбур — старшину села Шихмирзу. Поскольку оба рода были очень представительные и дальнейшая вражда могла вызвать много жертв, главы тухумов быстро их примирили.

Однако через некоторое время вражда между этими тухумами вспыхнула с новой силой. Люди из тухума Беделанбур убили Ханжала (один из сыновей Эмиргуне). Тогда брат Ханжала Джават убил одного из сыновей Бедела. Вновь главы тухумов добились примирения, но и на этот раз оно было нарушено. Один из сыновей Бедела убил сына Эмиргуна — Джавата. Его родственники через несколько дней убили сына Бедела — Казихана, а затем и его брата — Пирмурада. Тогда другой сын Бедела убил сына Эмиргуна — Кахримана. Кахримана еще не успели похоронить, как брат его отца Муслим поклялся и сказал: «Тебя одного я не похороню»,— и тут же пошел и убил третьего сына Бедела — Шихмурада. После этого в кровную вражду включились не только родные и двоюродные братья, но и все дальние родственники. Дело кончилось тем, что представители обоих тухумов стали уходить в леса и организовывать банды. Многие переехали в другие края. Когда совершилась Октябрьская революция, представители тухума Беделанбур обратились к органам Советской власти. В результате принятых мер банды были ликвидированы, а виновные отданы под суд. Печальным итогом этой кровной вражды была гибель более чем 200 человек [140].

В то время когда кровная вражда возникала внутри тухума, примирение между его членами происходило быстрее, чем между членами различных тухумов. Междутухумная вражда длилась годами и уносила много жертв. Как правило, главы патронимий выступали в роли примирителей, но основной их функцией оставалась распорядительная.

Важная роль глав патронимий в повседневной жизни этого социального института подтверждается материалами, собранными и у других народов Дагестана, в частности даргинцев и аварцев. Как пишет Р. М. Магомедов: «Из многочисленных фактов былого устройства тухума можно заключить, что демократизм внутренних отношений тухума строился на общественном равенстве всех его членов. Каждый тухум имел своего главу, свой семейный совет. Глава тухума, т. е. патриарх, направлял хозяйственную жизнь семейной общины и регламентировал поведение ее членов в частных и общественных делах, а на семейном совете решались вопросы внешнего характера» [141].

Позднее главы патронимий составили совет старейшин джамаата. Р. М. Магомедов по этому поводу замечает, что одним из показателей «организации власти в джамаате на патриархальной основе является совет старейшин, куда входили главы *тлибилей* и *чухбы* (главы патронимий аварцев и даргинцев.— *С. А.*) под именем почетных стариков. Совет старейшин был наиболее оперативным органом джамаата» [142]. О том, что главы лезгинских патронимий впоследствии играли существенную роль в «вольных» обществах, пишет и Х. О. Хашаев. Он отмечает, что до организации округа Ахты-Пара селение Ахты управлялось аксакалами. В этом селении насчитывалось 40 фамилий и каждая выбирала из своей среды одного аксакала, срок полномочий его определялся тухумом. Вознаграждение аксакалов состояло в праве пользования лошадьми для поездки по служебным делам. Кроме того, аксакал обязательно приглашался на свадьбу и поминки.

В XIX в. во многих лезгинских селениях аксакалы стали выбираться уже не от тухумов, а от кварталов. Например, в том же участке Ахты-Пара главным селением был Микрах. Там собирались аксакалы для обсуждения дел, касавшихся всего участка. «Микрах, Кара-Кюре и Куруш имели своих аксакалов и по одному чаушу. В этих селениях аксакалы выбирались не от тухумов, а от кварталов (сельских магалов). Селения Пиркент и Каладжух управлялись микрахскими аксакалами, а Мака — Каракюринскими аксакалами. Селение Мискинджа делилось на 6 сельских магалов, от каждого избиралось по одному аксакалу, которые решали дела самостоятельно» [143].

Таким образом, у лезгин горных районов пережитки патриархального быта в управлении общественными институтами в значительной мере сохранялись на протяжении всего XIX в.

В прошлом лезгинская патронимия была строго эндогамна. Предпочитался брак в ее пределах, причем в большинстве случаев это был так называемый ортокузенный брак, т. е. брак между детьми двух братьев. Длительное сохранение института эндогамии у лезгин, как и вообще в

Дагестане, по-видимому, в значительной степени объясняется тем, что в обстановке, когда кровные столкновения отдельных тухумов составляли обычное явление, жены, взятые из чужой патронимии, могли вредить семье мужа. Кроме того, здесь играли определенную роль и экономические предпосылки. Выделенный в качестве приданого земельный участок, скот, имущество, да и сама невеста оставались в пределах своей патронимии [144].

При заключении брака мнение жениха и невесты в расчет не принималось.

Впоследствии, по мере нарушения территориальной целостности патронимии все чаще стали наблюдаться случаи нарушения принципа эндогамии. Браки стали заключаться сначала между двумя тухумами, а в дальнейшем и между всеми членами семейной общины. Внутри патронимии часто наблюдались случаи ливирата и сорората.

Идеологическое единство патронимии проявлялось прежде всего во время церемоний, связанных с рождением ребенка, свадьбой или похоронами. Присутствие при этих ритуалах считалось обязательным для всех членов патронимии, но все же степень участия зависела от родственной близости. Например, родственники в течение недели после похорон каждый день посещали семью умершего и поочередно приносили ему обед, хлеб и т. д., так как считалось, что ввиду постигшего их горя близких покойного следовало освободить от приготовления пищи. Кроме того, подопечные родственники и в дальнейшем до истечения 40 дней также приносили обед в дом умершего. Траур соблюдали все члены патронимии. 40 дней мужчины не брились, а женщины носили траурную одежду. Срок ношения траура также зависел от степени родства. Подопечные родственники, например, соблюдали траур наравне с членами семьи, из которой происходил умерший. К тому же если у кого-либо из близких родственников на ближайшее время была назначена свадьба или другое семейное торжество, то по случаю смерти члена патронимии они откладывали это событие на полгода или на год.

Члены патронимии проявляли большую солидарность и во время свадьбы. При решении многих семейных вопросов, особенно вопроса о вступлении в брак, последнее слово было за главой патронимии — келте, без согласия которого ни одна семья не женила своего сына и не выдавала дочь замуж.

Идеологическое единство патронимии проявлялось и в отношении к культовым местам. В некоторых лезгинских селениях (например, Юхари-Тахирджал, Мака, Курах, Зрых и др.) специально следили за квартальными «пирами» (священные памятники предкам), которые нередко находились непосредственно в самом селении. Поскольку раньше в каждом квартале жили члены одного тухума, то они каждый четверг зажигали «чирах» (светильник) в своем квартальном пире.

Кроме того, в прошлом в большинстве лезгинских селений имелись мечети, которые обслуживали жителей своего квартала, и одна общая большая джума — мечеть для всего населения аула. Например, в селении Ми-

крах, было четыре квартала и в каждом квартале по две мечети [145]. В селении Кара-Кюре было пять патронимических мечетей и одна общая для всего села [146]. По нескольку мечетей имелось и во многих других лезгинских селениях. Эти примеры свидетельствуют о былой культовой общности лезгинской патрономии. Не случайно З. И. Ямпольский указывает, что пиры сложились и существовали задолго до создания религий рабовладельческих обществ. «Каждый пир,— пишет он,— существует и воспринимается как самостоятельное явление, как отдельный культ. Материально, идейно, религиозно не связанный с другими доклассовыми общинами. Такая же локальность наблюдается на пирах. Поэтому следует считать пиры и подобные им другие современные архаические святилища явлением, основные черты которого зародились и существовали в период локальных общин доклассового общества» [147].

Наличие квартальных пиров, а впоследствии и мечетей у лезгин, несомненно, генетически связано с культом предков. Каждая патронимия имела свое отдельное место на кладбище, где хоронили лишь представителей определенного тухума и даже целого сихила. Это обстоятельство отчетливо прослеживается почти во всех лезгинских селениях и по сей день.

Оно характерно не только для народов Дагестана, но и в целом для Кавказа. О существовании родовых пиров у азербайджанцев пишет Г. А. Гейбулаев, который отмечает, что «после распада больших семей и образования родовых кварталов пиры стали местом отправления культа для всех потомков большой семьи, кварталов, селений и даже территориально-этнических групп. Например, в с. Хиналуг есть следующие кварталы: гямки, кялы, малыклы и кадхки, имеющие свой пир, кладбище и мечети, что говорит об идеологическом единстве больших семей и патронимий» [148]. Наличие культовых мест у грузинских и армянских патронимий отмечалось Д. Л. Харадзе и Э. Т. Карапетян.

Изложенные выше материалы свидетельствуют, что в раннесредневековую эпоху, когда происходил интенсивный процесс образования крупных селений, и в более поздний исторический период у лезгин в пережиточной форме бытовал особый общественный институт — патронимия, сохранивший определенное хозяйственное, социальное и идеологическое единство и известный под различными названиями: сихил, тухум, тебин, экьреб, миресар, куьк, жинс и т. д. (см. вклейку на с. 136—137).

Наряду с этими названиями у лезгин обнаруживаются термины субстратного порядка, означающие более широкую, чем патронимии, родственную группу. Например, термин «раг» (в точном переводе «скала») употребляют в качестве определения родственной группы, включающей самых отдаленных родственников по мужской линии (см. вклейку на с. 136—137).

В народном обиходе, когда лезгины хотят сказать о тухуме что-нибудь лестное или, наоборот, плохое, обычно говорят так: «Чи рагуникии ахътин тухум хьайиди туш» («В нашем раге такого тухума не бывало»), «Абрун эсил «раг» чIуруди я» («Их основатели «раг» плохого происхождения»). В селении Дустаир Кусарского района нам удалось полностью выявить

(до девятого колена) одну ветвь крупного родственного объединения раг — «махмуданбур» (с. 136—137) [149]. Общее число членов этой ветви насчитывало около 400 человек. В ее состав входило несколько больших семей (в количестве 30 и более человек). Как говорят наши информаторы, их предки являются одними из основателей селения Дустаир.

Термин «арха» лезгины применяют для обозначения всех родственников, включая самых отдаленных как с отцовской, так и с материнской стороны. Например, говорят: «А архадин дувулар пара чIварахI ринбур я» («Корни этой арха многоростковые»), т. е. арха понимается как очень широкая, разветвленная родственная группа.

Другой термин, охватывающий стоящий за патронимией концентрический круг родственников,— это «умах». Его употребляют, когда хотят упомянуть основателей тухума. В таких случаях говорят: «А тухумдин умах эсиллубурукай я» («Основатели тухума (праотцы) умах, из числа достойных представителей» — (см. вклейку на с. 136—137). М. О. Косвен подчеркивает, что, «будучи меньшими или большими по числу составляющих их семей, патронимии... всегда входят в более широкую родственную группу, которую можно считать родом» [150].

На данном этапе исследования этого вопроса трудно сказать, можно ли считать вышеуказанные наименования раг, арха, умах терминами, обозначающими понятие рода у лезгин. Твердо установлено, что эти понятия охватывают более широкий круг родственников, чем патронимия.

Подытоживая сказанное в данной главе, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что факторы природно-географического, а также исторического и социального порядка обусловили формирование на территории Лезгинистана трех типов поселений: хуьр (основной), казмаляры, кишлаки и оба.

Характер планировки лезгинских поселений определялся особенностями рельефа, интересами обороны от неприятеля и рядом других причин. В то же время внутренняя планировка самих поселений отражала тухумный принцип расселения лезгин.

В горных районах Лезгинистана патриархальные большие семейные общины, восходящие по своему происхождению к периоду разложения первобытнобщинного строя, в пережиточной форме продолжали сохраняться даже во второй половине XIX в. Под влиянием товарно-денежных отношений эти семейные общины распадались на индивидуальные семьи, но иногда в экономически мощных хозяйствах такие семьи вновь разрастались в большесемейные коллективы, некоторые из которых дожили у лезгин вплоть до Октябрьской революции.

Другим социальным институтом, пришедшим на смену семейной общине, была патронимия, своеобразная родственная группа, также возникшая в условиях первобытнообщинного строя и в то же время являвшаяся прямым пережитком этой общины, последней «живой» формой родо-племенной организации, которая одновременно несла в себе черты более поздней соседской общины.

1 См.: *Мусуди*. Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. с арабск.— СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 42, 43; *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, с. 123, 124.

2 *Лопухин А.* Журнал путешествия через Дагестан.— ИГЭД, с. 30; *Стрейс Л.* Три путешествия. М., 1935, с. 219; *Erkert R.* Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1887, S. 152; *Воронов Н. И.* Из путешествия по Дагестану.— ССКГ, 1870, вып. III, с. 12, 24; *Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе.— ССК, 1871, т. 1, с. 300; *Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане, 1835—1836 гг.— ИГЭД, 1958, с. 346; и др.

3 *Абельдяев Н.* Заметки о домашнем быте дагестанских горцев.— Кавказ, 1857, № 50—51.

4 С. О. Хан-Магомедов пишет, что «старая часть селения Гельхен расположена на гребне высокого вытянутого холма с крутыми боковыми склонами между двумя речками у места их слияния. Аул тянется полосой вдоль по течению рек и состоит из одной узкой улицы, проходящей по гребню холма, застроенного с обеих сторон жилыми домами, стоящими вплотную друг к другу» (*Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с. 22).

5 Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 1.

6 *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 23.

7 *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана 1796 года.— ИГЭД, с. 151.

8 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.

9 *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана.— МАД, 1959, с. 202; *Панек Л. Б.* Работа южного отряда Дагестанской экспедиции.— КСИЭ, 1948, вып. IV, с. 132.

10 *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам.— Труды О-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, вып. 4, с. 46—50.

11 *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции.— СМАЭ, 1957, т. XVII, с. 374.

12 *Лавров Л. И.* Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов.— СМАЭ, 1953, т. XIV, с. 260.

13 *Десимон А. Д.* Исторические сведения о Самурском округе 1839 г.— ИГЭД, с. 363.

14 Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 2.

15 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.

16 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 76, 77.

17 *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 33.

18 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 78.

19 *Котович В.* Палеолитические и неолитические местонахождения Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 85, л. 70.

20 *Котович В. Г., Шейхов И. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет.— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII, с. 336, 337.

21 *Пикуль М. И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 году.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 100, л. 2—8.

22 *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, с. 16, 17.

23 *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 34, 46, 78.

24 *Путинцева Н. Д.* Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 19, л. 5; *Атаев Д. М.* Средневековые памятники Центральной Аварии.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 74, л. 45; *Пикуль М. И.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 19, л. 5.

25 *Пикуль М. И.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3. оп. 3, д. 19, л. 5, 6.

26 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 83.

27 *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени.— ССКГ, вып. 3, с. 6.

28 *Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1971, с. 85.

29 *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958, с. 281, 291.
30 Народы Передней Азии. М., 1957, с. 109, 142, 192.
31 *Марков Е.* Кавказ в его настоящем и прошлом.— Живописная Россия. СПб.— М., 1883, т. IX, с. XLIII.
32 Полевой материал, 1959 г.— АА, тетр. № 2.
33 Лезгинский мятеж в Южном Дагестане (из записок очевидца).— Русский вестник, 1880, т. 150, № 12, с. 692.
34 *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана 1796 года, с. 150.
35 *Шнитников А. Ф.* Описание Кубинской провинции 1832 года.— ИГЭД, с. 330.
36 *Бабаев Д.* Селение Ахты.— СМОМПК, 1893, вып. 7, с. 143—145.
37 *Пикуль М. И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 100, л. 2—8.
38 *Котович В. Г., Шейхов И. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет, с. 336—337.
39 История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 94.
40 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., ч. 1. М., 1966, с. 57, 173.
41 Там же, с. 63.
42 Там же, с. 64, 68.
43 *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, с. 375, 376.
44 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., с. 80, 88, 89.
45 См.: Полевой материал 1956, 1959, 1971 гг.— АА, тетр. №№ 1, 2, 2.
46 Полевой материал 1955, 1959, 1970, 1971 гг.— АА, тетр. №№ 2, 1, 1, 2.
47 Записано у колхозницы селения Курах Гаджиевой Периханум (55 лет).
48 Керем (*лезг.*) — «любимый». Имя взято народом из восточной поэмы «Эсли и Керем».
49 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2. Информатор — Насрулаев Мамед из селения Курах (82 г.).
50 *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана.— МАД, 1959, т. 1, с. 202—203.
51 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., с. 118.
52 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., с. 197, 198.
53 См. там же, с. 198.
54 Информатор Алискеров Мамирзе (87 лет), селение Мискинджа Ахтынского района.
55 «Дербенд-намэ». Тифлис, 1898, с. 62.
56 *Бакиханов А.* «Гюлистан-Ирам».— ТООБИА, Баку, 1926, вып. 4, с. 49.
57 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2.
58 Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1.
59 *Десимон А. Ф.* Исторические сведения о Самурском округе 1839 г., с. 363, 364.
60 *Бакиханов А.* «Гюлистан-Ирам», с. 49.
61 *Бабаев Д.* Селение Ахты.— СМОМПК, 1893, вып. 17, с. 139, 140.
62 *Баркуев К., Ахмедов М. К., Шахсаидов А.* Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей.— УЗ ИИЯЛ, 1963, т. X, с. 179.
63 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., с. 68, 97, 141, 160.
64 *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана, с. 95.
65 *Шихсаидов А. Р.* Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962, с. 17; *Десимон А. Ф.* Исторические сведения о Самурском округе 1839 г.— ИГЭД, с. 362.
66 Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 2.
67 *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана, с. 198.
68 ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 53, л. 11, 230, 608, 626.
69 ЦГИА АзССР, ф. 43, оп. 1, д. 60, л. 548, 578, 1108.
70 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 84.
71 Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 112.

[72] Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 2. Информатор Ибрагимов Микаил (100 лет), селение Мака.
[73] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 25, 26.
[74] Полевой материал 1955, 1956, 1957 гг.— АА. №№ 2, 1, 2.
[75] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2.
[76] «Оба» (*турецк.*) — «кибитка», «шатер».
[77] Полевой материал 1955—1959 гг.— АА, тетр. №№ 1, 2.
[78] См.: *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961; *Он же.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
[79] *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа, с. 102.
[80] См.: *Магомедов Р. М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане.— Труды II научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1947; *Он же.* Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957; *Гаджиева С. Ш.* К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков.— КСИЭ, 1952, вып. 14; *Она же.* Кумыки. М., 1961; *Ихилов М. М.* Большая семья и патронимия у горских евреев.— СЭ, 1950, № 1; *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана.— Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964; и др.
[81] В пережиточной форме большие семьи в некоторых высокогорных селениях дожили даже до Великой Октябрьской революции. Нами зафиксированы семьи, которые распались только в 20—30-х годах XX в. после коллективизации сельского хозяйства.
[82] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 6.
[83] *Ягодинский П. Н.* Экономический быт государственных крестьян южной части Кубинского уезда.— Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. II, ч. 1. Тифлис, 1886, с. 179.
[84] Беширанбурун хизан — семья Бешировых; по словам наших информаторов, доходила до 100 человек. Она нами почти полностью восстановлена, но отдельные данные состава этой семьи требуют еще уточнения, поэтому здесь мы схему этой семьи не даем.
[85] Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1.
[86] Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Махсумов Рашид (82 года), селение Муджух Кусарского района.
[87] Полевой материал 1969 г.— АА, тетр. № 2. Информатор Надыралиев Агали (75 лет).
[88] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 6.
[89] Там же, с. 43, 54.
[90] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 54.
[91] Полевой материал 1971 г.— АА, тетр. № 1.
[92] Полевой материал 1972 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Багиров Магомед (78 лет).
[93] Полевой материал 1971 г. АА, тетр. № 2. Информаторы Бабаханов Магомед (90 лет), Исаев Гейбет (75 лет).
[93а] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 71, 72.
[94] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 61.
[95] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 72.
[96] Там же, с. 76.
[97] Паласа — пахотные земли, в прошлом закрепленные за отдельными тухумами.
[98] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 82, 83.
[99] Мягьле (квартал села) в таких случаях носил название той общины, которая его заселяла. Например, «Беширанбурун мягьле» («Квартал Бешировых»), «Атаманбурун мягьле» («Квартал Атамановых»), «Велиметбурун мягьле» («Квартал Велиметовых») и т. д.
[100] Полевой материал 1971 г.— АА, тетр. № 2.
[101] В настоящее время жители селения Мака в связи с землетрясением 1965 г. переселились на плоскость в селение Койсун Магарамкентского района ДАССР.
[102] Полевой материал лета 1957 г.— АА, тетр. № 2.
[103] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 28, 29.
[104] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 28, 29.

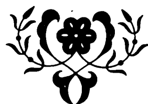
105 Записано со слов нашего информатора Парванаевой Гаджиханум из селения Кара-Кюре. Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1. Подстрочный перевод мой.
106 *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 52.
107 *Косвен М. О.* История и этнография Кавказа, с. 32.
108 *Косвен М. О.* Программа для собирания сведений о патронимии и структуре рода.— КСИЭ, 1961, вып. XIII, с. 20.
109 *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. 2. М., 1890; *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев.— Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. 1—2. Одесса, 1882—1883.
110 *Юшков С. В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск, 1938; *Косвен М. О.* История и этнография Кавказа; *Он же.* Семейная община и патронимия; *Магомедов Р. М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане, с. 81—95; *Он же.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII — начале XIX в. Махачкала, 1957; *Хашаев Х. О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1967; *Гаджиева С. Ш.* К вопросу о тухумах и большой семье у каякентских кумыков; *Она же.* Кумыки; *Шихсаидов А. Р.* Лезгины в XIII—XVII вв.— РФ ИИЯЛ, д. 2949; *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана.
111 *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в., с. 126.
112 *Маршаев Р. Г.* К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в.— УЗ ИИЯЛ, 1957, вып. 3. с. 106—121.
113 Полевой материал 1960 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Азизов Мирзамагомед (85 лет).
114 Полевой материал 1956, 1959, 1970 гг.— АА. тетр. №№ 1, 2, 2. Информаторы: Наджафов Махмуд (85 лет), Парванаева Гъаджиханум (80 лет), Махмудов Багъияш (65 лет).
115 *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие формы землевладения в свете грузинских этнографических материалов. М., 1964, с. 3.
116 Полевой материал 1955, 1959, 1960 гг.— АА, тетр. №№ 2, 2, 1. Информаторы: Ибрагимов Микаил (96 лет), Нуралиев Ярали (70 лет), Агаширинов Седреддин (78 лет).
117 Этот тухум считают впервые пришедшим из селения Кара-Кюре в результате разрастания сихила Югулар (см. вклейку на с. 136—137). Действительно, в этом сихиле один из тухумов называли Мугъуланбур.
118 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2. Информатор Ибрагимов Микаил (96 лет) и Агаширинов Седреддин (78 лет).
119 *Маршаев Р. Г.* К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в., с. 110—111.
120 Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Надыралиев Агали (более 100 лет).
121 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2.
122 Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Мехралиев Ханахмед (80 лет).
123 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 6.
124 ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 8, л. 217.
125 Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1. Информаторы: Азизов Мирзамагомед (85 лет), Магомедов Закарья (96 лет).
126 Полевой материал 1965 г.— АА, тетр. № 1.
127 *Маршаев Р. Г.* К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в., с. 111.
128 Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Азизов Мирзамагомед (85 лет).
129 *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа, с. 34, 35.
130 Количество тухумов, указанное нами в статье «Поселения и жилища лезгин в XIX — начале XX в.» (УЗ ИИЯЛ, 1959, № 6), неточно. Материал, приводимый в данном случае, является достоверным, он проверялся на месте.
131 Полевой материал 1956, 1959 гг.— АА, тетр. №№ 1, 2.

132 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.
133 *Гейбуллаев Г. А.* О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в.— АЭС, 1966, с. 178.
134 *Харадзе Р. Л.* Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам. М., 1964, с. 2.
135 *Карапетян Э. Г.* Пережитки патронимических отношений у армян. М., 1964, с. 6.
136 *Хашаев X. О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке, с. 18.
137 Полевой материал 1971 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Сулейманов Багадин (65 лет).
138 Полевой материал, 1965 г.— АА, тетр. № 2. Информатор Агаширинов Седреддин (78 лет).
139 Полевой материал 1971 г.— АА, тетр. № 1. Информатор Сулейманов Багаутдин (75 лет).
140 Полевой материал 1972 г.— АА, тетр. № 1. Информаторы: Рашидов Рашид (70 лет), Балаугълан (90 лет) и Султанова Эсли (80 лет).
141 *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в., с. 125.
142 Там же, с. 72.
143 *Хашаев X. О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке, с. 188.
144 *Агаширинова С. С.* Происхождение свадебных обрядов народов Дагестана.— В кн.: Заочная консультация по естественнонаучным и научно-атеистическим вопросам. Махачкала, 1959, с. 36.
145 Полевой материал, 1957 г.— АА, тетр. № 1.
146 Полевой материал, 1971 г.— АА, тетр. № 2.
147 *Ямпольский З. И.* Древняя Албания. III — I вв. до н. э. Баку, 1963, с. 31.
148 *Гейбулаев Г. А.* О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX веке, с. 174.
149 Полевой материал 1973 г.— АА, тетр. № 2. Информаторы: Бейбутов Рагим (85 лет) и его сын Кадырга (45 лет). В этой семье существовала традиция (которая шла от Кадырга-Бейбута) записывать свою родословную. Кадырга рассказывал, что эта схема, которая находилась у его отца, была составлена на арабском алфавите и лишь совсем недавно он под диктовку отца записал ее на лезгинском языке. Мы полностью скопировали эту схему; весьма благодарны нашим информаторам за предоставленную возможность ее опубликовать.
150 *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа, с. 35.

Глава четвертая

Жилище

Усадьба. Основные типы жилищ.
Хозяйственные постройки. Строительные материалы.
Домашняя обстановка, утварь и посуда



Жилище лезгин, как и других народов Дагестана, в своем историческом развитии прошло сложный путь от примитивной, однокамерной постройки до современных многокомнатных, благоустроенных домов, приспособленных для полного удовлетворения растущих культурно-бытовых нужд советского человека. Поэтому, исследуя лезгинское жилище, мы ставили своей целью: во-первых, проследить его историческое развитие, во-вторых, выяснить причины изменений, которые произошли и продолжают происходить в типах и характере построек, в строительной технике, в выборе материала и во внутреннем убранстве жилых помещений.

Усадьба

Лезгинская усадьба состоит из расположенного вокруг дома сада, огорода и внутреннего двора.

Прежде в горных скученных селениях лезгин усадебных участков не было. Часто дома не имели даже дворовых площадок и надворных построек, поскольку слишком тесно примыкали друг к другу. Это были своего рода дома-усадьбы типа крепости, представлявшие собой объединенный комплекс жилых и хозяйственных помещений с подземными ходами.

В горных селениях в XIX в. встречались также дома с внутренними двориками. Пространство впереди дома — «гьаят», «къап» ограждалось каменным забором. Летом здесь держали коров, а зимой складывали навоз.

В предгорных и плоскостных районах встречались дома, расположенные непосредственно на территории усадьбы. В этом случае сарай для сена и хлевы для скота строились около жилого дома, и вся усадьба с садом и огородом ограждалась каменной или кирпичной стеной.

Лишь после Октябрьской революции в горных селениях появились

дворовые постройки. Новые дома стали строить на приусадебных участках, а вокруг дома разбивать сад и огород.

В условиях предгорья и равнины хозяйства были экономически более мощные, имелось сравнительно много леса и других строительных материалов, а самое главное — не было той скученности и земельной тесноты, как в горах. Поэтому здесь усадьба занимает большие участки земли со значительно более разнообразным числом усадебных построек, чем в горных районах, где она фактически сливается с домом.

В настоящее время новые дома в плоскостных районах строятся, как правило, на приусадебных участках, вокруг дома разводят сады и огороды. Поэтому одной из характерных особенностей новостроек является то, что выбор участка диктуется наличием условий для огорода и небольшого сада. Особенно это типично для переселенческих селений, а также новых поселков, выросших за годы социалистического строительства. Современные дома имеют дворовые площадки. Там располагаются небольшие хозяйственные помещения для скота, кур, хранения топлива и сена. Уборные также строятся на дворовых площадях. Прежде в большинстве случаев для этой цели служил хлев, а зачастую специального места вообще не отводилось.

Усадьбы огораживают заборы из камня, самана или плетенки. Плетеные заборы особенно характерны для плоскостных селений Магарамкентского и Худатского районов. В настоящее время лезгины стали уделять большое внимание озеленению усадьбы. Внутри нее сажают плодовые деревья, культивируют овощные, бахчевые и другие культуры.

Основные типы жилищ

Рельеф местности, наличие или отсутствие строительных материалов, климатические условия, не говоря уже о факторах социально-экономического порядка, наложили определенный отпечаток на своеобразие типов жилища лезгин.

Специфика сельскохозяйственного и земледельческого труда лезгин нашла отражение в том, что жилищно-хозяйственный комплекс их построек издавна включал три вида помещений: жилой дом — «кIвал», хлев для скота — «цур» и сарай для сена — «муьхц». При этом жилые помещения и хлев для скота обычно объединялись в одном одноэтажном или двухэтажном доме, а сарай для сена сооружался неподалеку от него.

Исследования, проведенные нами в различных районах расселения лезгин, дают возможность выделить у них два типа жилищных комплексов.

I тип представлял собой одноэтажный саманный или каменный дом, состоящий из трех основных элементов: жилых комнат — кIвал, хлева — цур и внутреннего крытого двора — «къап».

Будучи стабильным по своей основной архитектуре, этот тип дома под влиянием изменений, происходивших в социальной структуре лезгинского общества, неоднократно менял свою внутреннюю планировку.

В XIX в. в лезгинских аулах, как уже говорилось, существовали большие патриархальные семьи, состоявшие из нескольких малых семей, так как женатые сыновья продолжали жить в отцовском доме. Академик Б. Д. Греков справедливо отмечал в одной из своих работ, что «и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья» [1].

У лезгин эти большие пережиточно сохранившиеся патриархальные семьи жили в домах с одной жилой комнатой. Поскольку хозяйство семьи было общее, хлев для скота также состоял из одного общего помещения.

Такие архаические дома, хотя и очень редко, встречаются в горных аулах и сегодня. Примером в этом отношении может служить вышеуказанный жилой дом Мирзашерифова из селения Мака бывшего Докузпаринского района (теперь — селение Койсун Магарамкентского района).

Как говорят старожилы села, этот дом был построен более полутораста лет назад. Сейчас он разрушен, так как один из правнуков Мирзашерифова живет в новом доме в селении Койсун Магарамкентского района, а другие члены этой семьи давно переселились в селение Ясаб-Оба Худатского района.

Чрезвычайно архаичное помещение для жилья нами было обнаружено и на месте старого разрушенного поселения ЧӀуру хуьр, расположенного в трех километрах от селения Курах Курахского района.

Помещение это полуподземное (почти пещерного типа), построено на крутом рельефе из горного камня. Стены и перекрытие также сооружены из камня. Толщина стен достигает 110 см. Никаких отверстий на потолке или в стенах не имеется, существует лишь один вход высотой 80 см и шириной 55 см. Размер жилого помещения 8×6 м. В глубине этой комнаты имеется еще один вход в длинное узкое помещение, которое, видимо, предназначалось для содержания скота. Упомянутое помещение имеет вид пещеры длиной 10 м и шириной 2,20 м. Очаг без дымохода располагается прямо на полу, недалеко от входа в комнату, чтобы дым легче выходил наружу. В помещении не имеется ни ниш, ни полок для постельных принадлежностей и посуды, что также свидетельствует о древности его постройки.

Словом, это — типичное средневековое жилище, о чем говорит и его архитектура, и остатки керамики, обнаруженные нами на этом месте.

В связи с распадом большой патриархальной семьи изменяется и жилище. Теперь общая жилая комната делится на части. Женатые сыновья уже живут в отдельных комнатах. Хлев же остается общим, что указывает на общность хозяйства, так как разделение пока происходит лишь в пределах владения предметами личного пользования семьи.

Примером может служить дом Исмаилова из селения Мака Докузпаринского района, состоящий из жилья, хлева и внутреннего крытого двора. Внешний вид дома почти такой же, как и дома Мирзашерифовых, но здесь жилое помещение разделено на две комнаты, а хлев для скота общий. Общая входная дверь большего размера, чем двери дома Мирза-

шерифова. Комнат — две, размером 4×4 м; крытый двор имеет площадь 6×4 м. В стенах дома Исмаилова уже имеются небольшие (размером 40×20 см) отверстия, но сохраняется и отверстие для прохода света в потолке. В стенах — ниши для постельных принадлежностей. Очаг этого дома угловой, с дымовым отверстием в потолке. На расстоянии около метра от пола вдоль угла находился навес из плетенки. Сверху его обмазывали глиной, в углу ставили два кирпича, на которых раскладывали огонь и варили пищу. Дым выходил наружу по плетенке через отверстие в потолке. Помещение для скота размером 9×4 м не разделено, что свидетельствует об общности хозяйства женатых сыновей.

Впоследствии происходит разделение на части не только жилого помещения дома, появляются и отдельные входы в жилую часть, а также отдельные хлевы для скота.

Сходен по архитектуре и одноэтажный дом Джаллатова в селении Гарах Докузпаринского района.

Правда, он состоит уже из трех комнат разных размеров (5,5×4, 4×3 и 3×3 м) и маленького коридора — «айвана» [2], с отдельным входом, а также двух хлевов для скота с собственным входом. Жилые комнаты дома Джаллатова уже имеют маленькие окна 40×60 см, но вместе с тем сохранены и отверстия в крыше.

С середины XIX в. в одноэтажном доме появляется наружный айван в виде террасы. «Требование быта, климата и удобства ведения личного хозяйства,— отмечает С. О. Хан-Магомедов,— привели в XIX веке к распространению нового типа жилища для малой семьи — дома с лоджией на втором этаже» [3]. В таких домах уже живут самостоятельные семьи, поскольку в XIX в. основной хозяйственной единицей в лезгинских селениях, как и в других районах Дагестана, становится малая семья, хотя сохранялись еще и большие патриархальные семьи.

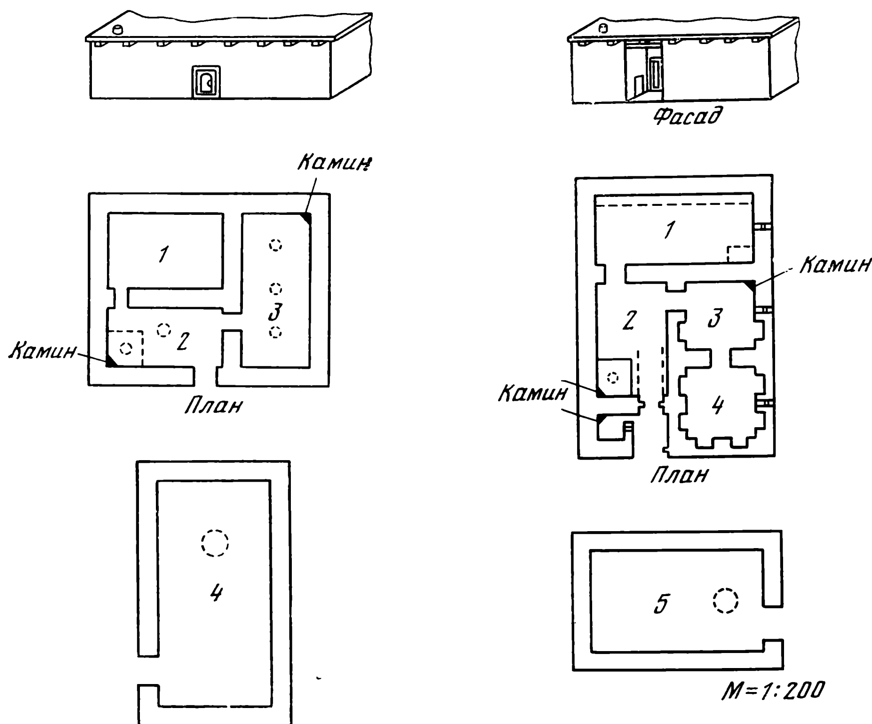
Примером дома для отдельной малой семьи может служить дом Черкесова в селении Гарах Ахтынского района. Дом объединяет под одну общую крышу и жилые помещения, и хлев для скота с отдельными входами. Он состоит из двух жилых помещений, внутреннего и наружного айвана, отверстия в крыше отсутствуют.

В дальнейшем одноэтажный тип дома становится чисто жилым, а хлев для скота строится около дома. В таких одноэтажных домах, как правило, делаются кладовые (в виде наддвориков). В качестве примера рассмотрим дом Хидирова в селении Капир Курахского района (см. с. 165).

Дом Хидирова одноэтажный, состоит из четырех жилых комнат. Впереди находится айван в виде террасы, под домом кладовая. Хозяйственные помещения размещены рядом с жилым домом.

Дом Саидахмедова Мугутдина (селение Совхоз Герейханова Касумкентского района) также одноэтажный, с двумя жилыми комнатами (4,9×2,8 м и 3,6×3 м). Хозяйственные постройки размещены недалеко от дома.

В таких одноэтажных домах появляется полноценный фасад с деревянными резными столбами, резными дверьми и т. д.



Дом и план дома Мирзашерифова

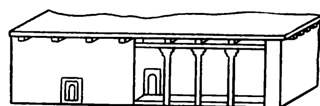
Дом и план дома Исмаилова

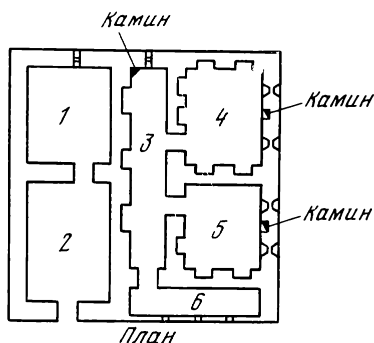
На крышу дома поднимаются при помощи приставных лестниц, если одноэтажный дом построен на плоском рельефе (см. с. 166). В горных же районах, имеющих крутой рельеф, одна глухая стена дома целиком пристроена к склону; в этом случае устраиваются наружные каменные лестницы.

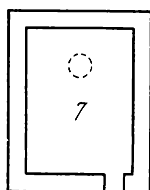
Современные одноэтажные дома колхозников имеют большие окна, высокие потолки, вместо ниш делаются стенные шкафы и т. д. Они состоят, как правило, из нескольких комнат с большими застекленными окнами (общий размер 80×120 см и 80×140 см). Двери — городского типа, очень часто встречаются дома с застекленными верандами.

Такова архитектурная эволюция одноэтажного жилого дома, который встречается на всей территории лезгин.

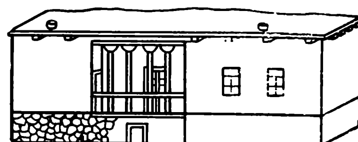
Второй тип лезгинскгоо жилото дома — двухэтажный, саманный или каменный, также включает три основные элемента: жилые комнаты —

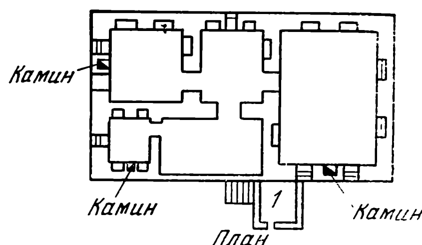


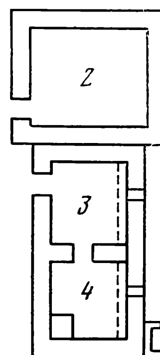




Дом и план дома Черкесова







Дом и план дома Хидирова

кIвал, хлев — цур и внутренний крытый двор — къап. В таких домах крытый двор и хлев составляют первый этаж, а жилые помещения — верхний, причем последние строятся лишь над частью нижнего этажа, обычно над хлевами. Этот двухэтажный тип дома также встречается на всей территории лезгин и имеет свои разновидности.

В плане этот тип дома одноэтажный, преимущественно прямоугольный, «Г»- или «П»-образный.

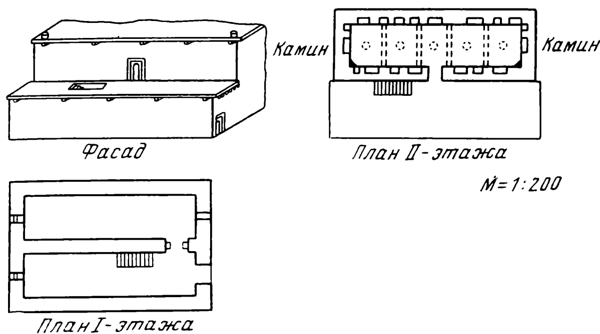
Второй тип дома на территории лезгин также испытал эволюцию от однокамерного жилого помещения до многокамерных строений с лоджиями и навесными балконами.

Наиболее архаичный двухэтажный дом (Сефиханова), где некогда жила большая патриархальная семья, зафиксирован Хан-Магомедовым в селении Зухрабкент Касумкентского района [4]. Этот дом имеет один хлев и над ним одну общую жилую комнату (с. 168). К первому этажу

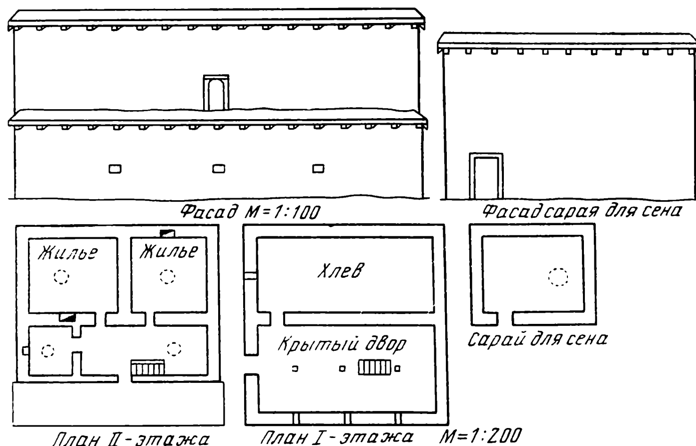
б

Типы двухэтажных домов

а — двухэтажный современный дом, с. Мугерган Магарамкентского района; *б* — двухэтажный саманный дом, с. Гиль Кусарского района Азербайджанской ССР; *в* — двухэтажные дома, с. Ялах Ахтынского района; *г* — двухэтажный дом, с. Хлют Рутульского района



Дом и план дома Сефиханова

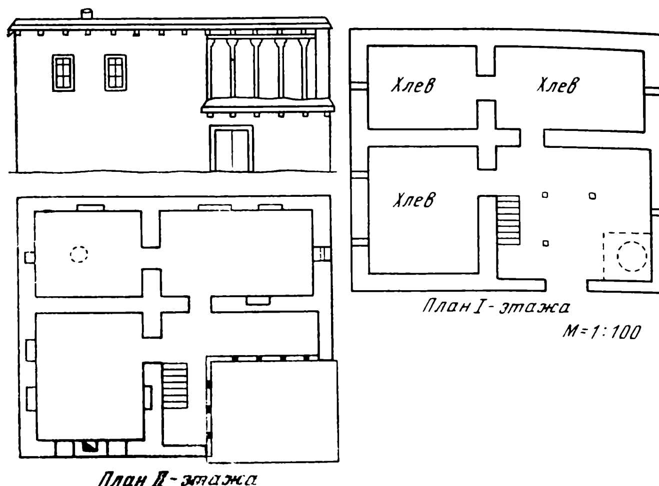


Дом и план дома Меджидова

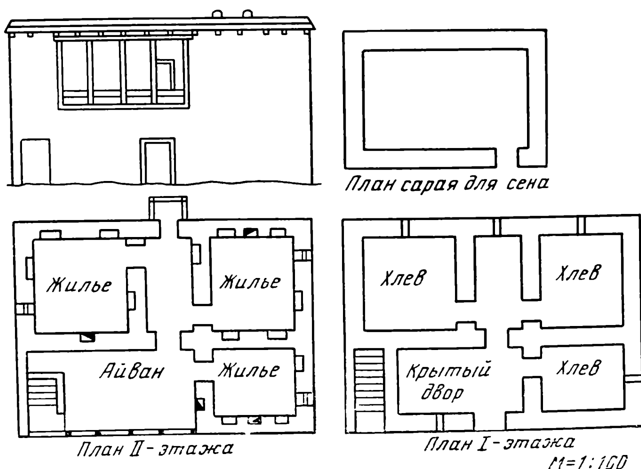
пристроен крытый двор с входом по деревянной лестнице на второй этаж. Дом выходит на улуцу короткой стороной, а длинной примыкает к другим подобным домам. Окон в стенах не имеется, освещается жилое помещение через небольшие отверстия в потолке.

С постепенным распадом большой семьи происходят изменения и в планировке двухэтажного жилого дома. Первоначально большая жилая комната второго этажа делится на ряд маленьких, а хлев остается общим, что также свидетельствует об общности хозяйства разделившейся семьи.

Примером такого дома может служить дом Меджидова Алимурада в селении Зрых Ахтынского района (с. 168). Дом Меджидова в плане



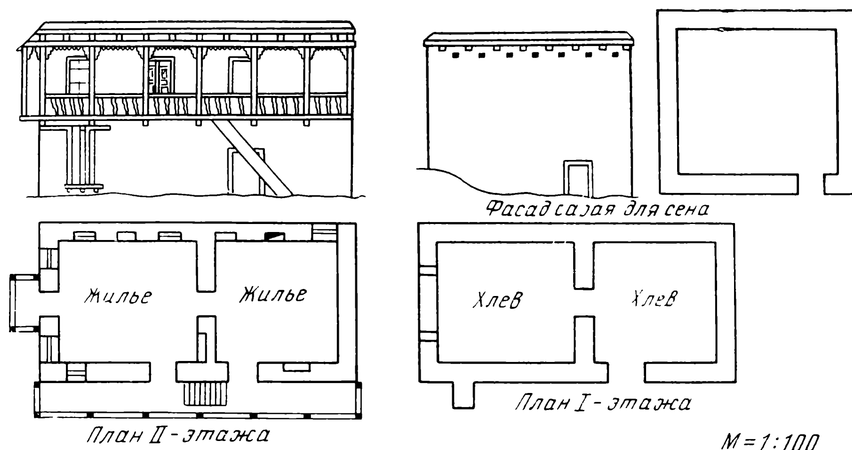
Дом и план дома Саруханова



Дом и план дома Алисултанова

«П»-образный, состоит из трех комнат и узкого коридора. С передней стороны дома пристроен крытый двор с входом по внутренней каменной лестнице на второй этаж. На нижнем этаже размещается хлев и крытый двор.

Комнаты дома Меджидова не имеют ни окон, ни ниш, ни пола. Жилые помещения большие, одна комната 7×6 м, вторая — 6×6 и третья 5×4 м. По сведениям хозяина этого дома, 80-летнего Алимурада (одного из правнуков Меджида, построившего дом), в каждой из этих комнат жили по три-четыре семьи. Его прадед имел большую семью, насчитывавшую более 35 человек, и все они размещались в этих трех комнатах. Хо-



Дом и план дома Сулейманова

зяйство и имущество были общими [5]. Двери жилых помещений маленькие — 120×80 см, деревянные, одностворчатые; освещались комнаты через небольшие отверстия в потолке.

Подобный же деревянный двухэтажный дом Эльдерхановой Нигер был обнаружен нами в селении Курах Курахского района. В нем две большие комнаты 6×5 и 5×4 м и коридор 4×2,5 м. Двери комнат очень низкие (110×70 см), одностворчатые, на деревянных шипах. Окон в комнатах не имеется, свет проникает через небольшие отверстия в потолке, очаг угловой. Нижний хозяйственный этаж состоит из одного большого помещения, параллельного двум комнатам верхнего этажа и меньшего по размерам помещения, параллельного коридору. Через это помещение при помощи каменной лестницы поднимались на второй этаж.

Такой же старинный двухэтажный каменный дом был нами обследован в селении Хпедж Кусарского района. Это — дом Худаева Ахмеда. На стене его имеется надпись с датой постройки — 1202 г. Хиджри (1788 г.). Нижний этаж дома — полуподвального типа, состоит из двух помещений, второй — из двух комнат (7×6 и 5×3,5 м). Комнаты имеют небольшие отверстия в стене (40×40 см), закрываемые плоскими камнями. Стены комнат очень низкие — 220 см, двери жилых помещений также небольшие, деревянные, одноэтажные, на деревянных шипах, что наиболее характерно для народной архитектуры лезгин XVIII в. [6]

Дальнейшее развитие жилого дома связано с разделением общего хозяйства большой семьи. На этом этапе происходит разделение нижнего этажа. Однако крытый двор остается общим, поскольку сельскохозяйственный инвентарь сохраняется в общем пользовании всех членов большой семьи.

От этого дома уже довольно резко отличается по своей архитектуре дом Серуханова в селении Гиль Кусарского района. Дом этот в плане «Г»-образный, двухэтажный, с айваном, впереди которого пристроен крытый двор. Расположение жилых комнат соответствует расположению помещений нижнего этажа. Небольшие окна (110×70 см) жилых комнат выходят на боковые фасады. Жилые комнаты имеют размеры: 6×3, 4×3 и 5,5×4 м. Дом Серуханова уже имеет полноценный фасад с резными столбами. Подобный вариант второго типа жилого дома получил у лезгин наиболее широкое распространение. Все дома, построенные в первой половине XIX в., имеют именно такое расположение жилых и хозяйственных построек. В дальнейшем, примерно с конца XIX в., строят дома с крытым двором, как бы включенным в первый этаж, с айваном над ним. В таких случаях, особенно в плоскостных селениях, лестницы устраивали в высоту здания, а нередко выделяли даже в отдельный объем — наподобие башни. При этом лестница непременно выходила на крышу.

Когда же крытый двор был пристроен к первому этажу, на крышу жилых комнат попадали посредством приставных лестниц. Так спланирован дом Алисултанова в селении Гарах Ахтынского района (с. 169). Айван находится на крытом этаже. Дом состоит из трех комнат (две комнаты 4×4 и одна 4×2,5 м), узкого коридора и наружного айвана (5,5×3 м). Параллельно жилым помещениям второго этажа на первом этаже имеются три хлева для скота и небольшой крытый двор. Размер окон дома Алисултанова 60×80 см. С северо-востока к небольшому коридорчику пристроен балкончик с резными столбами. Дом обращен фасадом к югу и имеет большие резные ворота [7].

Дальнейший процесс эволюции двухэтажного дома в конце концов приводит к совершенному исчезновению крытого двора. Теперь айван строится на подпорках, т. е. на столбах, врытых в землю. Таков, например, дом Сулейманова в селении Кара-Кюре Ахтынского района (с. 170). Дом этот двухэтажный, с айваном у юго-западного фасада, к боковому северному фасаду пристроен небольшой навесной балкончик. Он состоит из двух жилых комнат на втором и соответственно двух хлевов на первом этаже. На второй этаж поднимаются по деревянной лестнице, пристроенной к айвану. Окна дома Сулейманова светлые и имеют размер 80×100 см.

Во второй половине XIX в., с проникновением капиталистических отношений в лезгинскую деревню, внешний облик домов меняется. Появляются большие окна со стеклами и филенчатыми дверями. В купеческих домах на первом этаже строятся специальные торговые помещения. Например, в селении Хазры, состоящем из 500 домов, имелось более чем 100 домов, на нижнем этаже которых находилось помещение для торговли — «туьквен», с большими дверями и застекленными окнами. Многие из этих домов сохранились по сей день [8].

Дома богачей резко отличались от домов бедняков. Богачи имели 4—5-комнатные жилища. Деревянные части их домов (окна, двери, связи, карнизы, консоли и т. д.) сплошь были украшены резьбой. Особенно красочно оформляли кунацкую, ее стены отделывали резными деревянными

Двухэтажные дома:
а — в сел. Ялах;

панелями, а потолок полностью покрывали резьбой. Дома бедняков состояли из одной-двух комнат, деревянные части их почти не подвергались обработке, строительный материал применялся худшего качества.

Современные жилые дома продолжают развитие старого дома. С образованием колхозов отпала необходимость в большом единоличном хозяйстве, и поэтому крытый двор все больше отходит в прошлое. С исчезновением крытого двора обнажился самый выразительный фасад в композиции дома — южный, имеющий галерею, с богатыми резными украшениями на столбиках.

Все галереи, окна и двери в старых домах в основном были обращены на юг, юго-восток и юго-запад. Эта ориентация связана с рядом причин. Такой дом лучше защищал от холода (особенно, когда отсутствовало оконное стекло и дверь постоянно приходилось держать приоткрытой для освещения), получал больше солнечного тепла и света. Осенью и зимой террасы и галереи хорошо защищали жилые комнаты от дождя и снега.

Кроме двух описанных типов жилищ, лезгины имели еще и сезонные жилища, возникновение которых, как правило, было связано с какой-либо стороной их хозяйственной деятельности.

В летнее время основную часть крупного рогатого скота и овец пасли вдали от селения на горных пастбищах. Там жилых помещений для пас-

б — в сел. Ахты

тухов обычно не устраивали. Пастухи в любую погоду спали на земле, укрывшись войлочной буркой. На пастбищах для летнего выпаса коров сооружали крайне примитивные землянки — «къазма», обычно двухкамерные. Дверей в къазме не делали, оставляя вход открытым. Через него и отверстия в плоской кровле в землянку проникал свет. Пол в таком жилище очень часто был земляной, очаг без дымохода. Землянки устраивали на склоне холма. Задняя и боковые стенки обычно были земляные, переднюю же пристраивали. Сверху делали небольшое перекрытие из дерева и жердей, которое присыпали землей. Часто это перекрытие выступало несколько вперед, образуя перед землянкой подобие небольшого навеса. В таких землянках в одном помещении отдыхали люди, здесь же обрабатывали молоко, сбивали масло и хранили все молочные продукты, а в другом — размещался на ночь молодняк.

К сезонным жилищам относятся также «кума» — постройки шалашного типа, которые устраивали летом в садах, огородах.

Завершая описание лезгинского жилища, мы хотели бы еще раз подчеркнуть его единообразие на всей территории расселения этого народа.

Два основных типа жилища — одноэтажное и двухэтажное, состоящие из жилых комнат, хлева и крытого двора, встречаются в горных и в плоскостных районах. Имеющиеся различия в деталях постройки могут

быть объяснены своеобразием конструктивных и декоративных приемов, зависящих в свою очередь от характера местных материалов и от некоторых локальных особенностей быта населения.

Следует указать, что в целом на территории лезгин, как в плоскостных, так и в горных районах, преобладают двухэтажные дома. В горных районах это связано прежде всего со специфическими условиями рельефа местности, земельной теснотой, а в прошлом — и с интересами обороноспособности. В плоскостных районах главная роль в строительстве двухэтажных домов принадлежит архитектурной традиции. Определенное влияние оказывают и климатические условия: душный жаркий климат на равнине также вынуждает поднимать жилые помещения на второй этаж.

Хозяйственные постройки усадьбы

Комплекс хозяйственных построек у лезгин состоит из хлева для скота, крытого двора для хранения сельскохозяйственных орудий, дров, кизяка и сарая для сена.

Мы уже говорили, что наиболее характерным для лезгин типом жилищно-хозяйственного комплекса является такой, когда жилье и хлев для скота объединены, а сарай для сена — «муьхц» строится рядом или неподалеку от дома.

При одноэтажном варианте все хозяйственные постройки (кроме сарая для сена) первоначально находились под одной крышей с жилым домом. Когда же одноэтажный дом стал чисто жилым, хлев для скота начали строить рядом с жилым домом, под отдельной крышей (с. 165). Под домом Хидирова из селения Капир Кусарского района устроен, кроме того, подвал для хранения зерна, фруктов и прочего. Недалеко от дома возведен сарай для сена. Рядом с хлевом также отдельно построен курятник (курятники, как правило, очень редко строятся отдельно, обычно у лезгин куры помещаются в крытом дворе).

В одноэтажном доме сельскохозяйственные орудия, запасы топлива хранились в хлеве или же в сарае для сена. При наличии в доме двух этажей в нижнем помещался скот. Количество помещений для скота — цур и размеры крытого двора — къап зависели от достатка хозяина. Обычно в нижнем этаже имелось два-три хлева, предназначенных для содержания коров, быков и лошадей. В стенах хлевов делались маленькие отверстия для света. Вдоль одной, а иногда и двух стен устраивали ясли. В хлеву для коров огораживали специальные помещения для телят.

Тип дома, на верхнем этаже которого живут люди, а нижний служит для хозяйственных целей, распространен у всех народов Дагестана. Это отмечали еще русские исследователи XVIII — XIX вв.: Ф. Г. Гене, Н. Дубровин, Ф. Байерн, И. Пантюхов, А. Г. Васильев, Н. Глиноецкий [9] и др. Современный исследователь поселений и жилищ даргинцев

М. О. Османов также указывает, что основные хозяйственные постройки сосредоточиваются у них в помещениях нижнего этажа. «Лишь во вторую половину XIX века,— пишет он далее,— с усилением социального неравенства у части богачей стали появляться дополнительные хозяйственные помещения, сходные по месту расположения и назначению, например, с кумыкскими или табасаранскими» [10]. Аналогичные данные о жилищно-хозяйственном комплексе аварцев приводит А. Исламмагомедов [11].

Крытый двор у лезгин, как и у других народов Дагестана, предназначался для хранения сельскохозяйственных орудий, топлива и пр. Здесь же обычно устраивали погреб для хранения зерна, картофеля, фруктов. Погреба — «фурар» вырывали глубиной два-три, диаметром полтора метра. Стены укрепляли обтесанными камнями, а затем обмазывали глиной. Погреб сверху прикрывали плоским камнем и делали земляную насыпку.

В крытом дворе часто стояли большие амбары для хранения зерна. Там же, как правило, устраивали печи — «тIанур» и «хьар» для выпечки хлеба. Они обычно располагались в одном из углов крытого двора. В этом углу делали возвышение — «секуь» высотой 60 см, площадь которого равнялась 2×2,5 м или немногим более.

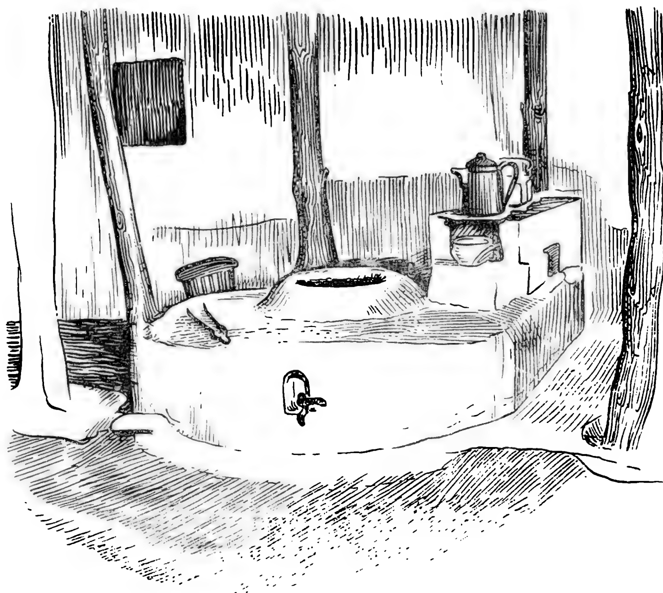
ТIанур — это особый вид печи, которую устраивают в вырытой в земле цилиндрической формы яме. Часть печи иногда выступает над поверхностью, а иногда делается на уровне земли (176). Глубина готовой печи колеблется в среднем от одного до полутора метров. Диаметр устья печи достигает 60—70 см, а книзу увеличивается. Для печи обычно используют желтую глину, в которую добавляют козью шерсть (чтобы стенки не давали трещин) и мелкий гравий. Глину обрабатывают в продолжении трех-четырех дней, после чего вырытая цилиндрическая яма оштукатуривается подготовленной массой. Затем печь сушат, для чего требуется не менее недели.

Когда печь окончательно высыхает, площадку вокруг нее посыпают сначала измельченным кирпичом, затем голышами и после этого засыпают землей. Это делается для того, чтобы печь не скоро остывала, поскольку в противном случае весь жар во время топки уйдет в землю.

Сначала в печи-тIанур жгут кизяки, которые горят медленно, и потому стены не трескаются от быстрого нагревания. В такой печи хорошо горит любое топливо, потому что на дне ее имеются отверстия для тяги, куда вставляется гончарная труба диаметром 10—20 см (размер зависит от величины печи), которая одним своим концом выходит наружу.

После кизяка в тIанур кладут дрова и жгут их до тех пор, пока стены не накалятся до красноты. Во время первой топки, когда стены его слишком накаливаются, их натирают легкими барана или бараньим салом. Делается это для того, чтобы крупинки глины со стен не прилипали к чуреку.

Лишь после этого тIанур считается окончательно готовым и в нем можно печь чурек. Для последующих выпечек готовят насыщенный раствор



Печи для выпечки хлеба:
а — «тӀанур», сел. Хазри,
б — «хар», сел. Койсун

соли, которым обрызгивают раскаленные стены печи. Лезгинский тIанур во многом аналогичен азербайджанскому «тендыру». Устройство его почти такое же, только тендыры бывают несколько меньших размеров. К тому же, если тендыры распространены на территории всего Азербайджана, тануры известны главным образом в предгорных и плоскогорных районах и редко встречаются в горах, что объясняется скудостью там дров.

Прежде в некоторых горных селениях, где ощущался недостаток леса (как, например, в селении Куруш), по рассказам старожилов, в жилищах существовали печи-тануры. На середине комнаты в полу вырывали яму для очага в метр глубиной и с отверстием для тяги, устроенным так, что дым выходил прямо в потолок. После топки отверстие затыкали тряпкой. В такой печи пекли лепешки, готовили обеды в горшках, а на ночь обычно располагались вокруг него на тюфяках.

Почти такие же очаги встречаются в Турции, в Центральной Анатолии, где нет леса. Отличие их от танура состоит лишь в том, что отверстие для тяги выводится под стену дома, чтобы угар выходил наружу [12].

В горных лезгинских районах для выпечки хлеба широко применяется также особая печь — «хьар». Хьар имеет очень интересную конструкцию. Он устроен таким образом, что чуреки, лежащие на обожженной глиняной плите благодаря оригинальному устройству дымохода обогреваются сверху и снизу огнем, разведенным под этой плитой. Хьар имеет три этажа: на нижнем разводится огонь, на втором печется хлеб, на третьем — пироги и варится пища.

Когда растапливали хьар, им могли пользоваться несколько семейств. Устанавливалась определенная очередь. Топливо в одних районах приносили все, кто им пользовался, в других, где имелось изобилие дров, его давал хозяин печи, за что получал определенную долю чурека. В прежнее время старухи, которые оставались без родственников, нередко питались возле хьара.

Обычно хьар устраивался в одной из хозяйственных комнат, но иногда для него делали специальные помещения — «хьран-кIвал» (пекарня).

Печи, аналогичные по конструкции хьару, известны и другим народам Дагестана.

Однако наиболее древним способом хлебопечения у лезгин была выпечка на «садже». Садж — это круглый по форме выпуклый железный лист толщиной в 3 — 4 мм и диаметром 45 — 50 см, напоминающий по виду щит· Иногда к такому саджу приделывали по краям две ручки. В еще более отдаленном прошлом садж изготовлялся из глины, имел толщину 3 — 4 см и обладал менее овальной и в тоже время более удлиненной формой. Для изготовления саджа использовалась специальная глина вперемешку со щебенкой. После тщательной обработки ей придавали необходимую форму, неделю она сохла в тени, затем ее подвергали обжигу в специально вырытой небольшой яме. После этого садж считали пригодным для выпечки хлеба. Его ставили на камни, где разжигали огонь и пекли хлеб. В 1955—1956 гг. глиняные саджи еще сохранялись в некоторых высокогорных селениях Кусарского района.

Как мы уже говорили, и тIанур, и хьар помещались в одном из углов крытого двора. В потолке над тIануром или же в ближайшей к нему стене делали отверстия для выхода дыма. В задней и боковой стенах находились двери, ведшие в хлевы и конюшню. Обычно в одном из углов крытого двора ставилась приставная деревянная лестница или же сооружалась каменная, по которой через люк в потолке поднимались на второй этаж.

В крытом дворе иногда складывали сено. Но обычно сено у лезгин хранилось в специальных сараях — «муьхц», построенных рядом с домом или неподалеку от него. Эти помещения бывали значительных размеров — 6×8 м и высотой более 6 м. Сарай для сена имел входную дверь со стороны главного фасада. Кроме того, если дом стоял на крутом склоне, со стороны заднего фасада имелось небольшое отверстие в потолке, через которое сарай загружали сеном. Муьхц имел также и несколько больших проемов, расположенных в верхней части стен и предназначенных для проветривания сена. В сарае для сена часто хранили и запасы топлива, а иногда и сельскохозяйственные орудия.

Подобные сараи имелись у рутульцев, агулов и табасаранцев. У табасаранцев сараи для сена строились на окраине селения, обычно там, где располагается «харман» — ток.

Аналогичные по конструкции сараи для сена встречаются также у других народов Дагестана.

Большую роль в хозяйственной жизни лезгин играла плоская крыша крытого двора, а в горных селениях крыша нижележащего соседнего дома. Плоские кровли домов служили не только крышей, но и двором. На них сушили траву, зерно, кизяк, фрукты, веяли зерно, очищали шерсть и выполняли большинство той домашней работы, которую необходимо делать на открытом воздухе. В горных селениях крыша зачастую являлась единственным ровным местом.

Почти в каждом лезгинском селении имелись также специальные помещения для водяных мельниц. Такие мельницы строились в местах, где находились водопады или бурные речки. Под водопадом устанавливали длинный желоб, направляющий воду прямо вниз. Сила падения воды приводила в движение горизонтально лежащее колесо, от которого вверх шла ось, вращающая жернов. В целом водяная мельница у лезгин очень походила на аналогичную мельницу общекавказского типа.

Кроме водяных, отдельные лезгинские семьи имели и ручные мельницы. Обычно они располагались в крытом дворе около тIанура или же на айване второго этажа. На такой мельнице мололи пшеницу, ячмень, кукурузу.

Мельница состояла из двух круглых камней — жерновов. В центре нижнего жернова делали круглое отверстие, в котором укрепляли деревянную ось. Верхний жернов надевали на эту ось. У края верхнего жернова сверлили еще одно отверстие для деревянной ручки, посредством которой крутили жернов и мололи зерно, чем занимались только женщины. Часто в семью, имеющую ручную мельницу, приходили молоть зерно соседские женщины и девушки.

Ручная мельница — «регъвер, хьар и тӀанур» — обычно размещалась в одном помещении. Сюда во время выпечки чуреков собирались женщины и обменивались новостями, так что крытый двор был своего рода женским клубом.

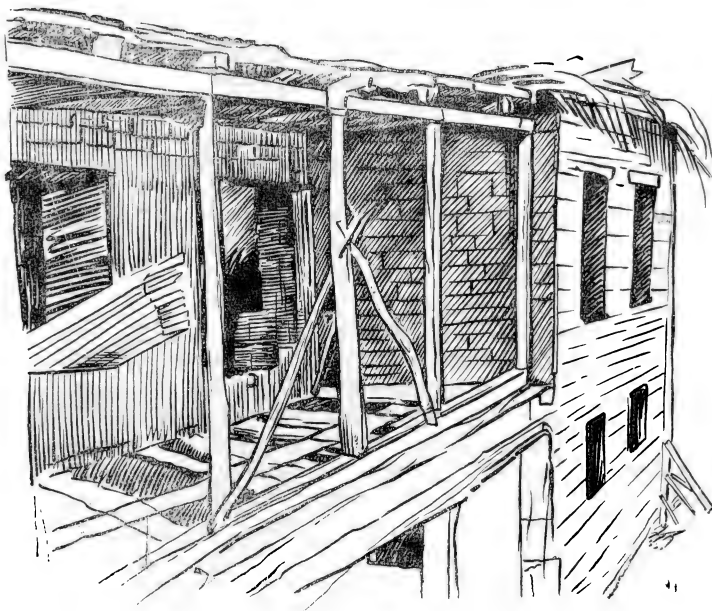
Строительные материалы и техника постройки дома

Основными традиционными строительными материалами у лезгин, как и у всех народов Дагестана, с древнейших времен являются камень, лес и саман. Степень распространения и использования того или иного материала в различных зонах зависела прежде всего от наличия или отсутствия его в данной местности. В местах, богатых лесом, в строительном деле широко использовалось дерево и саман, в безлесных районах единственным строительным материалом фактически служил камень.

Например, основным строительным материалом в предгорной и плоскостной зонах (Касумкентский, Магарамкентский районы, лезгинские селения Худатского и часть селений Кусарского районов) является саман, так как здесь почти полностью отсутствует строительный камень. Дерево применяется только в конструктивных перекрытиях, а также выполняет декоративные функции.

В горных селениях Ахтынского и Кусарского районов основным строительным материалом также служит саман, но применяется и камень. В частности, цоколь или часть первого этажа нередко выкладывается из камня. Причем в отличие от построек Касумкентского района саманные дома в Куруше, Микрахе, Каладжухе, Кара-Кюре, Усухчае, в Маке, Гогане, Филе и других селениях имеют высокий каменный цоколь, а иногда северная, северо-восточная или северо-западная стены возводятся целиком из камня. «Это объясняется,— как отмечает С. О. Хан-Магомедов, — тем, что в селении... господствуют северные ветры и северная сторона дома быстрее разрушается от осадков и ветра. Южную же сторону выкладывают целиком (за исключением цоколя) из саманного кирпича, а восточную и западную стены выводят из камня примерно до половины высоты» [13].

О целесообразности использования саманного кирпича и камня при строительстве жилых домов в селении Куруш в конце XIX в. писал А. Пастухов: «Дома все двухэтажные, причем нижние этажи строятся из тесаного камня, верхние же, несмотря на обилие легко поддающегося обработке камня, сооружаются из кирпичей, приготовляемых из смеси глины с саманом (мякиной). Так как в Куруше часто бывают дожди и много выпадает снега, постройка домов из саманных кирпичей, легко разрушающихся от действия влаги, ни в каком отношении не может называться практичной, а если принять во внимание, что под руками находится такой прекрасный строительный материал, как упомятутый камень, то она является совсем неразумным делом и может быть объяснена только привычкой, занесенной курушцами сюда с плоскости, где, кроме этого материала, другого не имеется» [14].



Строительство дома, сел. Ашага-сталь Сулейманстальского района

Таким образом, сочетание в строительстве камня и саманного кирпича в этих краях имело свои особые практические цели, обусловленные климатическими условиями.

Недостатка в строительном лесе здесь также не ощущалось. Особенно много леса в Кусарском районе. Фактически весь строительный лес в этих районах был местный, за исключением крупных балок, которые жители покупали в Кубе или Дербенте.

«До середины XIX века,— пишет С. О. Хан-Магомедов,— развитие архитектуры саманного и каменного жилых домов горной зоны шло параллельно. И в каменном и в саманном доме основной строительный материал не играл большой роли в создании внешнего облика постройки, потому что кладка стены (камень или обмазанный глиной саман) являлась лишь нейтральным фоном, на котором выделялись резные деревянные детали» [15].

Резко стал отличаться саманный дом от каменного дома в горных районах только лишь со второй половины XIX в.

Саманный кирпич изготовляют ручным способом. В земле роют большую яму, наливают в нее воду и добавляют рубленую солому. Полученная масса перемешивается с помощью упряжки волов, которую водят по глине в различных направлениях, или же несколько человек топчут ее но-

Часть дома Юсуф-хана в сел. Яраг Магарамкентского района, постройка XIX в.

гами. После этого массу заливают в деревянные формы, а полученный кирпич сушат на солнце. Когда кирпич высыхает, его складывают в шахматном порядке так, чтобы воздух проходил через щели.

Средние размеры кирпича современных домов 40 × 15 × 20 см. Кирпичи старых домов плоские, благодаря чему удается легко распознать более ранние постройки.

В горных селениях Ахтынского и Курахского районов основным строительным материалом служит камень (горный и речной).

В этих районах очень остро ощущается дефицит строительного леса. Лес доставляется сюда из долины Самура. Поскольку транспортные расходы по доставке леса велики, дерево в строительстве расходуется в очень небольшом количестве.

Камень добывали обычно поблизости от селения. Занимались этим специальные люди, ввиду чего хозяин, желавший построить дом, предварительно договаривался с каменщиком, который за определенную плату к заранее оговоренному сроку обязан был приготовить камень. На место строительства камень доставлял сам хозяин на ишаках или на запряженных волами санях (а́рбах). Для сооружения одного двухэтажного дома требовалось около 15 — 20 тысяч камней. Лучшим строительным материалом считался обработанный горный камень.

В прошлом постройка домов из обработанного горного камня была доступна только зажиточным людям. Большинство бедняцкого населения строило дома из речного камня, так как он легче поддавался обработке. Скрепляющим раствором для речного камня служила смесь глинистой земли, песка и воды, а для горного — смесь глинистой земли и воды. Постройки из горного камня считались более прочными и красивыми. Помимо самана, камня и дерева при строительстве домов в конструкции перекрытия использовали камыш.

При основании нового селения или постройке дома большое значение имел выбор места. Раньше, как мы уже отмечали, лезгины стремились построить дом в том же квартале, где жили представители своего тухума. При этом также смотрели, чтобы место не поддавалось размыву и находилось на скальном основании (в этом случае отпадала небходимость в фундаменте).

Наконец, одним из важных факторов при выборе места являлась близость к воде. Если источник протекал на некотором расстоянии от селения, то воду приходилось подводить с помощью гончарных труб. Около селения водопровод разветвлялся на 3 — 4 канавы, по которым вода поступала в большие крытые резервуары. Когда они наполнялись, открывали трубы — «чIутIхварар», и жители могли брать воду кувшинами. Тем не менее многие селения терпели большие неудобства из-за отдаленности или недостатка воды. Женщинам порой приходилось ходить за водой очень далеко, иногда даже за 1,5 — 2 км. Поэтому вполне понятно, какое важное значение при постройке дома имела близость его к водным источникам.

Поскольку глава семьи при выборе места для строительства дома целиком зависел от родственников и соседей, он нередко был вынужден платить за участок земли, необходимый для этой цели, очень высокую цену. Поэтому бедняцкому населению крайне трудно было строить дом на удобном месте.

При выборе места для строительства дома у лезгин известную роль играли и суеверия.

Прежде чем построить дом на выбранном участке лезгины определяли, будут ли они счастливы в нем. Делалось это так. Маленький гончарный кувшинчик наполняли водой и закупоривали так, чтобы вода не проливалась. Затем рано утром, прочитав молитву, закапывали этот кувшинчик на том месте, где намерены были построить дом. На седьмой день опять-таки утром кувшинчик выкапывали. Если количество воды уменьшалось, то построить дом на этом месте было нельзя, так как считалось, что жизнь в нем будет несчастлива. Если же кувшинчик оставался полным, то считалось, что жизнь в новом доме будет всегда полна счастьем и достатком.

Перед началом строительства дома хозяйка с женщинами отправлялась на священное место — «пIир» с шестью или двенадцатью штуками [16] чуреков и халвой. Там они читали молитву и просили бога, чтобы в новом доме ей жилось хорошо, потом детям-сиротам раздавали хлеб и халву. После этого хозяин дома устраивал угощение: резали барана, готовили «шурпа» — мясной суп и созывали всех родственников и соседей. За едой хозяин

Ахтынские мосты

объявлял, что с завтрашнего дня он начинает строительство нового дома. Все поздравляли его и желали всякой удачи. Родственники и соседи, которые были на этом обеде, были обязаны оказать помощь в работе. Когда начинали строить дом, они по очереди приносили угощение мастерам, строящим дом, или же приглашали их к себе [17].

Лезгинская традиция держать совет перед строительством дома со всеми родственниками является очень древней и, вероятно, сохранила следы того времени когда судьбой выделившейся семьи интересовались все члены рода. Впоследствии же этот порядок приобретал форму народного обычая и в этом виде сохранился до наших дней.

Мастера-строители имелись почти в каждом селении. Некоторые из них занимались отходничеством, предлагая свои услуги рутульцам, агулам, табасаранцам, азербайджанцам. Работали они в основном весной и осенью, а зимой и летом занимались сельским хозяйством.

О том, что лезгинские мастера-строители пользовались большой славой, свидетельствует эпиграфический и полевой материал. В XIX в. в строительном деле особенно известны были мастера-каменщики из селения Хюрюг Ахтынского района. Мастера эти строили здания не только в Хюрюге,

но и в ряде соседних селений. Как явствует из одной надписи, в 1242 (1875) г. Исмаил Хюрюгский строил стену частного дома в селении Ахты. В селении Ухул Ахтынского района, свидетельствует другая надпись, в 1269 (1853) г. «ремонтировали и восстанавливали эту мечеть мастера: Раджаб, Рамазан и Мувлан Хюрюгский» [18].

Славились также мастера из селений Агар и Пиркет (Ахтынского района). Свою работу по восстановлению разрушенной части мечети в селении Ухул трое пиркендских мастеров зафиксировали на камне, где особо подчеркнуто, что каждый из них был «уста» — мастер: «ремонтировал и возобновил эту мечеть уста Билал, уста Андал и уста Кадир Пиркендские... в 1338 г. х.» [19]

По рассказам старожилов, успехом пользовались мастера-строители из селений Микрах, Кара-Кюре, Маскинджа и др. Маскинджинские мастера уста Къурбан, уста Зейнал, уста Али, уста Хидир, уста Кьасум и др. были известны далеко за пределами Лезгинистана [20].

И в настоящее время мастерство лезгинских строителей высоко ценится соседними народами.

Строительство дома начиналось с фундамента (в горах многие старинные дома делали без фундамента, в том случае если дом строился прямо на скале). Под фундамент для двухэтажного дома обычно рыли канаву глубиной 1 м и шириной 90 см. Камни укладывали рядами, цементируя их составом из глинистой земли и песка, или же из одной глинистой земли (в Курахском районе). Если дом строили целиком каменный, то стены нижнего этажа делали толще — около метра, а верхнего — около 80—70 см. Кладка стен была обычная, цепная, с перевязкой швов в каждом ряду. Стены старых домов обычно возводили толщиной в два и даже в два с половиной кирпича, в новых домах в полтора кирпича. Размеры самана не стандартны, поэтому народные мастера-строители во избежание неравномерности в толщине стены делали продольные кладки шириной до 8 см. Поперечные же швы имели обычно ширину 2—3 см. Ниши в жилых комнатах и кормушки в помещениях для скота сооружали глубиной в один кирпич, оставляя наружную стену толщиной в 0,5 кирпича. Дымоходы клали шириной в полкирпича. Над дверными и оконными проемами делали деревянные перемычки в несколько брусьев.

В Кусарском районе, где имелось изобилие строительных лесоматериалов, балки в форме горизонтальных связок поясами закладывали в стены на нескольких уровнях, причем расстояние между ними иногда составляло лишь 5—6 рядов кирпича. Здесь встречались дома, стены которых были выполнены из круглых балок длиной 9—10 м, которые придерживались массивными подпорками, достигающими 2,5—3 м. Следует сказать, что в районах (Кусарском, Худатском, Касумкентском, Магарамкентском и Ахтынском), где доставка леса не представляла особых затруднений, прокладку, балки и перегоны перекрытия всегда изготовляли из дерева. В то же время в горных селениях Ахтынского и Курахского районов, где строительного леса было мало, для перекрытия первого этажа использовали камень. Такие тяжелые перекрытия требовали каменных подпорок в виде

Покрытие крыши двухэтажного саманного дома, сел. Касумкент

арок. Поэтому в селениях указанных районов почти все дома каменные, с широким применением арочной системы, которая весьма украшала наружный вид. Арочные конструкции широко распространены и у других народов Дагестана: агулов, табасаранцев, лакцев.

Перекрытия второго этажа в Ахтанском и Курахском районах делались в основном из дерева. На деревянные балки поперечно накладывали доски или жерди (прежде в некоторых домах бедняков для этой цели использовали плоские камни), сверху их покрывали камышом, а затем слоем из раствора глинистой земли и в последнюю очередь — слоем обыкновенной земли.

В районах, богатых лесом, дома обычно строили из саманного кирпича, а конструкции перекрытий первого и второго этажа делали из дерева. Балки и перегоны перекрытия как над первым, так и над вторым этажом опирались на деревянные прокладки, которые укладывали на всю толщину стены по периметру дома на уровне перекрытий. Концы балок выступали и образовывали карниз с выносом до 50—60 см.

По балкам делали накат из жердей или досок, затем покрывали его слоем земли толщиной 25—40 см. Так как земля в этих районах в основном неглинистая и от жары растрескивается, сверху землю посыпали гравием.

Талисман, подвешиваемый при строительстве дома, сел. Нютюг Сулейманстальского района

Во время дождя намокший верхний слой размазывали веником, чтобы все щели закупоривались мелким гравием. В плоскостных районах вместо гравия землю посыпали соломой и укатывали каменным катком.

Описание конструкции крыш дагестанских домов середины XIX в. дает в своей работе П. Пржецлавский: «Крыши плоские, убитые и смазанные глиной с примесью самана гуана, вообще не удерживают течи. Для предупреждения этого неудобства считают лучшим средством посыпать щели, образующиеся от жары, золой. По совершенствовании этой операции крыша убивается валиками, укатывается каменным катком и составляет сложную твердую массу» [21].

Строго говоря, в дагестанском доме крыша не была все же абсолютно плоской, обычно ее делали с небольшим уклоном для стока дождевой воды. Вода стекала по желобкам, устроенным в карнизе, которые выступали приблизительно на расстоянии 0,5 м от стены. Зимой с крыши приходилось обязательно счищать снег, иначе она сразу же начинала протекать.

Как мы уже отмечали, плоские крыши — характерная особенность не только жилища лезгин, но и типичная деталь пейзажа селений горных

*Резной деревянный балкон.
сел. Мака Ахтынского района*

районов всего Дагестана. В условиях горного рельефа, малоземелья и скученности поселений крыша своего или соседнего дома по существу являлась единственным местом, где можно было выполнять различные домашние работы, своего рода двором, без которого не могло обойтись ни одно хозяйство.

Постройка нового дома была большим радостным событием как для его будущих хозяев, так и для всего селения. По лезгинскому обычаю, оно отмечалось после окончания настила крыши.

В тот день, когда надо было насыпать на крышу слой земли, хозяева дома созывали родственников и односельчан для помощи — «мел». При этом резали нескольких баранов, готовили вкусные блюда, приглашали музыкантов. В меле участвовало почти все население аула. Поздравляя хозяев, каждая семья вручала им подарки. Более близкие родственники дарили баранов, шелковые платки и прочие ценные вещи, все остальные гости — деньги, материю на одежду, талисманы и т. д.

Вместе с подарками приносили талисманы, изготовленные из разноцветных тканей и украшенные бусами и металлическими деньгами.

По поверию лезгин, эти талисманы предвещали счастье, поэтому их развешивали на галерее и на окнах нового дома.

Когда собирались все приглашенные девушки и молодые женщины, в мешках поднимали землю на крышу и делали засыпки. После этого всех присутствующих угощали, а потом начинались танцы и песни. В некоторых случаях веселье продолжалось и вечером, когда устраивался большой «меджлис» (веселье) — танцы на определенной площадке, где гости веселились до поздней ночи.

Эта традиция бытует среди лезгин и по сей день. В то же время день новоселья лезгины праздником не считают.

По окончанию строительства нового дома на ворота «на счастье» забивали подковы, вбивали рога.

В оформлении и украшении лезгинских домов можно проследить определенную систему. Если здание строилось из саманного кирпича, то его, как правило, штукатурили так, чтобы снаружи саманная кладка была незаметна и дом производил впечатление глинобитного, а также чтобы саманная кладка защищала от дождя, снега и ветра. Каменный дом снаружи глиной никогда не обмазывали.

Внутренние стены в каменных и саманных домах штукатурили лишь в жилых комнатах.

У лезгин в основном штукатурные работы выполняли сами хозяева, к специальным мастерам обращались редко. Обмазку стен производили два раза. Первая обмазка была простая, а окончательно стены отделывали во время второй обмазки. Первую обмазку осуществляли обычной глиной. Глинистую землю смачивали водой, добавляли соломенную резку, затем месили ногами и опять смачивали. Для второй обмазки глину приготовляли более тщательно. Сначала землю измельчали и пропускали через редкое решето, затем добавляли свежий лошадиный навоз (если семья была состоятельная, то обязательно в раствор для второй обмазки клали яичные белки и немного белой глины. В материально обеспеченных семьях вторую обмазку делали мастера. После просыхания стен производили побелку их бело-голубоватой глиной, которую доставляли с гор. Население плоскостных районов покупало эту глину у жителей горных районов на базаре[22].

В настоящее время для побелки широко употребляется также известь.

В обязательном порядке белили только внутренние стены жилых комнат, наружную побелку делали не всегда. Поэтому основное внимание в декоративном оформлении наружных стен мастера сосредоточивали на украшении деревянных элементов дома (дверей, столбов, балок, подбалок и т. п.). В силу этого среди лезгин большое распространение получила резьба по дереву. Расцвет народной архитектуры, в частности искусства художественной обработки дерева, падает на середину и особенно на вторую половину XIX в. Лезгинские народные мастера стремились создать выразительную форму художественно обработанной деревянной детали.

Искусство художественной обработки дерева было широко распространено особенно в местностях, богатых лесом, в частности в Ахтынском, Магарамкентском, Касумкентском и Кусарском районах.

Как мы уже отмечали, фасад жилого дома примерно с середины XIX в. почти обязательно имел лоджию и галерею — айван на втором этаже. Айван являлся композиционным центром всего фасада, и поэтому основными архитектурно-художественными элементами украшения дома были столбики айвана и консоли карниза. Народные мастера-строители учитывали большие выразительные возможности подбалки столба и консолей карниза и уделяли особое внимание их форме.

В создании разнообразных форм столбов, подбалок, консолей карниза лезгинские мастера второй половины XIX в. достигли высокого мастерства. Сохранились сотни прекрасных образцов резных подбалок. На многих подбалках вырезаны с обеих сторон выкружки, покрытые оригинальной резьбой.

Орнаментальной резьбой покрывались также двери главного фасада. Такие двери обычно имеют арочный проем, который обрамляется лентой. Орнаментирование дверей было особенно распространено в Курахском и Ахтынском районах.

Окна в лезгинских домах в отличие от табасаранцев орнаментальной резьбой почти не украшались.

В лезгинской архитектуре наиболее были распространены геометрические и растительные орнаментальные мотивы. Как указывает С. О. Хан-Магомедов, основными типами лезгинского простого орнамента является четырех-, шести- и двенадцатилепестковая резьба со спиралевидными лепестками различной формы и розетка в виде концентрических поясов. Реже применяются в лезгинской народной архитектуре линейный орнамент, состоящий из квадратов, кружочков и т. п., и ковровый[23]. Архитектурный декор Южного Дагестана в отличие от декора Средней Азии и Закавказья почти не имел закрепления в монументальных сооружениях древних образцов и поэтому менялся параллельно с развитием народной архитектуры, в которой, как известно, редко сохраняются постройки более чем вековой давности. В целом до середины XIX в. лезгинская архитектура была глубоко самобытной, без тенденции к стилизации[24].

В резьбе по камню встречался животный орнамент. Для украшения фасадов жилых домов часто применяли резные камни с изображениями отдельных линий, точек, треугольников, птиц, животных, лошадей и т. д. Многие дома имели в кладке фасада камень с надписью на арабском языке и датой постройки дома в мусульманском летоисчислении.

Мастерами-резчиками по камню и дереву славились многие лезгинские селения, особенно Ахты, Хрюк, Кара-Кюре, Мака, Курах, Юхари-Тахирджал. Имамкуликент и др. О древности этого вида ремесла у лезгин свидетельствует эпиграфический материал. На многих плитах начиная с XII в. наряду с именем строителя упоминается имя «катиба» — писца. Наиболее раннее упоминание имени катиба относится к 557 (1162) г. Впоследствии, в XIII—XIV вв., имя катиба в подобных случаях всегда отмечалось наряду с именем владельца здания и мастера. Характерно то, что катиба дается в ряде случаев полностью, вместе с именем отца, т. е. производится имя резчика (писца) и имя его отца. Имена писцов встречаются в надписях на

плитах лезгинских домов и в более позднее время, вплоть до XIX в.[25].

Со второй половины XIX в. с дальнейшим развитием этого ремесла художественно обработанный камень и арочные формы стали основными средствами архитектурной выразительности фасада лезгинских жилых домов, а искусство художественной обработки дерева отходит на второй план[26].

Важной сферой применения искусства художественной обработки камня были также мечети и каменные надгробия. В настоящее время в лезгинских селениях сохранилось много прекрасных образцов этих памятников зодчества.

В прошлом, как мы уже указывали, в лезгинских больших аулах каждый квартал имел свою мечеть. Кроме того, была еще главная джума-мечеть для всего села. Многие мечети имели каменные минареты, художественно обтесанные каменные столбы, игравшие роль шарнирных опор. Минареты бывали и деревянные, но также обязательно художественно обработанные мастерами-резчиками по дереву. Особенно тщательно отделывались двери и окна мечетей и, конечно, михраб (ниша для муллы, которую специально устраивали в углу южной стены мечети). Иногда для джума-мечети заказывали специальные михрабы на стороне. Искусно и умело сделанные михрабы сохранились в селениях Зрых, Микрах Ахтынского района и в других местах. Сверху двери, окна, михраб, а также стены мечети покрывались масляными красками. Краски сохраняют свой прежний колорит, блеск и цвет и сегодня.

Мастера-художники прошлого владели особыми секретами состава красок. В лезгинском фольклоре сохранилось немало преданий о том, как берегли тайну своих красок, а иногда так и умирали, не выдав секреты своего искусства.

Прекрасная по своей архитектуре мечеть сохранилась в селении Кочхюр. Как считает Е. И. Козубский, она построена Абу-Муслимом в XIII в.[27] Л. И. Лавров на кладке этой мечети обнаружил куфические надписи, относящиеся к XI—XIII вв.[28]

Уникальными произведениями лезгинской архитектуры являются мечети в Кара-Кюре[29] (построена в X в.), в Хпедже[30] (построена в XV в.), в Хрюке, Ахты и других местах.

Большой художественный интерес в этих мечетях представляют резные деревянные входные порталы, внутренние и наружные деревянные столбы и михрабы, карнизы минаретов т. п., которые являются бесценными памятниками декоративного искусства, созданного руками лезгинских умельцев XIX в.

Среди лезгин в XIX в. были замечательные мастера по обработке камня, о чем свидетельствуют многие дома в горных районах с карнизами из тесаных или формовочных камней (иногда камням придавали разнообразные формы деревянных консолей), карнизы минаретов мечетей, надгробные памятники, каменные мавзолеи (пиры) и т. п.

Удивительной обработке подвергались надгробные памятники. Они имели самые различные формы — прямоугольные, полукруглого завер-

шения, покрытые своеобразными колпаками. На эти надгробия, помимо обычного геометрического и растительного орнамента, наносили традиционные схематические изображения человека, птиц, разного рода лабиринты и т. п. Иногда каменные надгробные плиты покрывались еще и масляной краской.

Лезгинское надгробие имело обычно высоту 1,5—2 м, ширину — 0,5—0,8 м и толщину — 10—20 см.

Кроме надгробных памятников, у лезгин, как и у других народов Дагестана, повсеместно распространены каменные мавзолеи — «пиры» (памятники потомству). Пиры в основном представляют собой квадратные постройки, перекрытые сомкнутым сводом или куполом. В настоящее время сохранилось много пиров различной формы в селениях Смугул, Микрах, Куруш, Курах, Орта-Стал, Гиджан и т. п. Эти своеобразные мавзолеи также свидетельствуют о высоком мастерстве лезгинских специалистов резьбы по камню и т. п.

Резьба по дереву и особенно по камню широко практиковалась в архитектуре жилища аварцев, даргинцев, лакцев и других народов Дагестана.

В конце XIX в. искусство художественной обработки дерева полностью исчезает из лезгинской народной архитектуры. Произошло это, несомненно, под влиянием городской культуры, хотя в целом она одновременно внесла немало ценного в быт горцев, например, с ней связано появление в домах оконного стекла, филенчатых дверей и т. п.

В. И. Ленин писал по этому поводу в одной из своих работ: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе)... С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов» [31].

Вытеснение кустарных промыслов, в частности полное исчезновение искусства художественной обработки дерева, у лезгин, как и в целом в Дагестане, относится именно к пореформенному времени, т. е. к последним десятилетиям XIX в.

Домашняя обстановка, утварь и посуда

Внутренняя обстановка старых лезгинских жилых домов была очень проста. Обязательным элементом интерьера являлся камин. Он размещался либо в торцевой стене, либо в углу. Поскольку камин занимал почетное место в интерьере дома, украшению его уделяли обычно большое внимание. Камины отделывались арочными филенками, полочками, часто украшались разными рисунками растительного или геометрического орнамента. Иногда над стенным камином делали полочку или плоскую нишу — «кьацI», куда прежде обычно ставили чирах, а затем лампочку и некоторые другие мелкие вещи. Камины имелись во всех жилых комна-

тах, но украшение камина зависело от назначения комнаты. Особенно искусно украшали камин кунацкой комнаты.

Одно из помещений дома называлось «хзандин кIвал» — хозяйственная или общесемейная комната. В зимний период в этой комнате готовили, питались и спали. В углу или в торцевой стене комнаты находился очаг, у стены, где имелся вход, на специально пристроенных возвышениях — «кьунчI» ставили большие ящики, сундуки и пр. Над ними размещали глиняные сосуды, кастрюли, кувшинчики и пр. Стены перерезывались нишами различных размеров.

Большие ниши предназначались для хранения постельных принадлежностей, часто в них ставили также сундуки и большие гончарные сосуды, где хранили продукты впрок или зерно.

Постельные принадлежности складывали особым образом так, чтобы они были на уровне стены. Маленькие ниши предназначались для посуды и обычно разделялись деревянными дощечками на отдельные полки.

В стенах комнаты, в полметре от потолка устраивали полки — «кьацIар» для глиняной, деревянной и медной посуды (тарелок, мисок, маленьких кувшинчиков, глиняных пиалок и пр.). В некоторой степени полочки служили и элементом украшения, поскольку на них ставили разные безделушки, блестящие предметы и т. д.

Ниши закрывались занавесками — «перде». Раньше эти занавески изготовляли из шерстяной клетчатой самодельной ткани на ткацком станке. Такие же ткани шли на изготовление матрацев и одеял. Земляной пол общесемейной комнаты в обязательном порядке покрывали паласами и войлоками местного производства. В одном из углов комнаты протягивали веревку, на которой развешивали одежду семьи, особенно мужские шубы — «кавал», надеваемые внакидку. Таких шуб в лезгинских семьях бывает несколько, и, когда заходишь в общесемейную комнату, они сразу же бросаются в глаза.

Лезгины, как и многие другие дагестанские народы, максимум внимания уделяли убранству комнаты, предназначенной для гостей. Называлась она «тавдин кIвал» — кунацкая. Поэтому мастера-строители вкладывали много труда в оформление интерьера кунацкой. «Исключительный художественный интерес представляет архитектура интерьера кунацкой...— пишет С. О. Хан-Магомедов, — которая не имеет аналогий в зодчестве других народов Кавказа и является одним из самых замечательных и самобытных достижений лезгинской народной архитектуры» [32].

Эту комнату по сравнению с другими делали уютнее и светлее. Двери и стенные шкафы (если они имелись) украшали резьбой. С большой тщательностью украшали камин этой комнаты. Если семья жила в достатке, то стены кунацкой мастера-художники покрывали масляной краской, разрисовывали потолок разными ландшафтами, узорами и пр.

Кунацкая комната всегда содержалась в чистоте, чтобы в любую минуту можно было принять гостя. Она также имела полки с посудой, которая была здесь более красивой, чем в общесемейной комнате. Стены кунацкой прорезывали ниши для постельных принадлежностей гостей.

Стены завешивались коврами и занавесками в зависимости от состоятельности семьи. Лезгины издревле славились искусством коврового производства. Они изготовляли ворсовые и безворсовые ковры — «сумахи» разных размеров и узоров. Сумахами покрывали пол кунацкой комнаты. Ворсовыми коврами — «халича» завешивали стены, а также застилали ими пол кунацкой.

Вот как описывает кунацкую лезгин Н. Вучетич, побывавший в Дагестане в середине XIX в.: «Внутри помещение содержится довольно опрятно, в особенности комнаты, предназначенные для приема гостей. Пол в таких комнатах устлан всегда коврами, а у бедных паласами. На коврах... постели и подушки, чтобы каждый из гостей, если захочет, тут же мог облокотиться или лечь отдохнуть. Стены и столбы, подпирающие потолок, увешиваются различным оружием» [33].

Каждый хозяин и хозяйка стремились сделать комнату для гостей более удобной, опрятной и нарядной, чем другие. Занавески для кунацкой делали из материи разных красок, часто изготовляли занавески из лоскутиков. Эти лоскутики искусно пришивали друг к другу в форме треугольников, квадратиков и т. д. Выше занавесок (а часто и выше ковров) по всему периметру стены развешивали украшения в виде треугольников из разноцветных материй, к которым пришивали блестящие пуговицы, бусы и пр. Эти украшения назывались «пердедин кьил», или «перде баши» (головка занавески). Поскольку оба эти названия являются азербайджанскими, можно предполагать, что и сами украшения заимствованы лезгинами у своих южных соседей.

В настоящее время перде баши в основном сохраняются у лезгин, проживающих на территории Азербайджана.

На коврах, украшавших стены кунацкой комнаты обычно в состоятельных домах, развешивали кинжалы в дорогой оправе из серебра под чернь или же слоновой кости с золотыми инкрустациями. Нередко также стены кунацкой украшались двумя одинаковыми большими зеркалами, сюда же ставили сундуки русского заводского производства. На середине комнаты укрепляли висячую лампу, под ней ставили стол и стулья для гостей.

Пол кунацкой комнаты застилали коврами. На них клали несколько маленьких подушечек — «налчаяр», на которых также могли сидеть гости.

Убранству кунацкой комнаты уделялось столь большое внимание потому, что гостеприимство у лезгин, как и у всех народов Кавказа, было священным долгом каждого хозяина. Очень образно о кавказском гостеприимстве писал Н. И. Кузнецов: «Гостеприимство — одна из отличительных черт населения Кавказа, и это похвальное свойство кавказских жителей присуще здесь и богатым и бедным. Кавказец рад гостю, готов все для него сделать и ни копейки не возьмет за гостеприимство. Можно отдарить за гостеприимство подарками, но предложить деньги за это нельзя. Это означает обидеть хозяина. Это кавказское радушие и гостеприимство наблюдается во всех слоях населения» [34].

а

в

Предметы утвари и посуда:

а — медный сосуд; *б* — медный сосуд; *в* — медное блюдо; *г* — медный поднос. Ахтынский краеведческий музей

в

г

С обычаем гостеприимства у лезгин связана целая система устоев, церемоний и обрядности. Например, считалось, что даже кровный враг, если вдруг он сам придет в дом, будет находиться там в полной безопасности и в неприкосновенности. Его кормили и принимали как дорогого гостя, а если хотели отомстить, убивали только после выхода из квартала рода. Лезгины говорили: «Душ мандин иви вичин гьаятда экъична кӀан я» («Кровь врага надо пустить в собственном дворе»).

Каждый хозяин всюду, где ему приходилось постоянно бывать, имел своего кунака, т. е. знакомого человека, у которого он всегда останавливался. Причем обычай останавливаться у своего кунака передавался по наследству от отцов к детям. Лезгины говорили: «Абур чи ата — бубайрин хванахаяр я» («Они наши кунаки еще со времен предков»). Лезгины имели собственное название, обозначающее кунака,— «хванаха». Любопытно отметить одно явление, характеризующее любовь и уважение к кунаку. Очень часто лезгинки, обращаясь к мужу, называют его именно словом «хванаха» [35].

«У горцев,— пишет А. Лилов,— гостеприимство было священною обязанностью каждого. Гость — лицо не только близкое, но и священное, неприкосновенное. Не принять гостя, не угостить его самым радушным образом ... считается и всегда считалось унизительным, позорным. Поэтому обряд принятия гостей сложился вековою практикой в строго определенные формы. В языке горцев находим особый термин для выражения отношений хозяина к принимаемому им гостю... Каждый горец в тех аулах, в которых ему приходилось бывать, имеет непременно одного камаличу, т. е. близкого знакомого человека, у которого всегда останавливается. Обязанность останавливаться у своего камаличу переходит из рода в род. Не останавливаться в том доме, где останавливались предки, значило бы нанести этому дому величайшее кровное оскорбление... Хозяин должен защищать интересы своего гостя даже своею кровью, жизнью» [36]. Эти слова, сказанные А. Лиловым, в полной мере можно отнести и к лезгинскому гостеприимству.

Говоря о лезгинской кунацкой, следует отметить еще один любопытный момент. Как мы уже отмечали, лезгины называют кунацкую «тавдин кӀвал» («тавун» — дымоход, поэтому все название переводится как «комната, где имеется дымоход»). В этой связи можно предполагать, что некогда вся семья жила нераздельно в одном помещении. С течением времени, когда стали строить каменные дома, число жилых помещений увеличилось, но название тавдин кӀвал сохранилось именно за кунацкой, так как эта комната по традиции считается главной.

Любопытно также отметить, что лезгины самому названию «тав» придают ритуальное значение. Когда наступает весна, 22 марта в день праздника «яран сувар» хозяйки выходят на крыши домов с вениками и подметают крышу в сторону, где находится дымоход. Затем через дымоход пропускают палку со словами: «Тав!», «тав!», «тав!».

Слово «тав» в лезгинском языке имеет несколько значений: гостиная, специальная комната, где собирались молодежь и старики, комната, где

имеется очаг («очаг» на лезгинском буквально означает «тавун», т. е. «место, где разводят огонь»). По-видимому, в прошлом словом «тав» назывался очаг, а ныне так именуется комната, где находится тавун, т. е. дымоход. Отсюда нам становится понятным, почему именно в период «яран сувар» в очаг просовывали палку и произносили слова: «Тав!», «тав!», «тав!».

Нам также кажется неслучайным, что в лезгинских домах исстари именно украшению очага уделялось повышенное внимание. С. О. Хан-Магомедов пишет, что «в интерьерах жилых помещений старых домов конца XVIII — первой половины XIX века ниши в стенах делались разного размера и были расположены без всякой системы. Окна и двери также делались в случайных местах, но несмотря на это, в старых домах в жилой комнате уже имелся главный элемент — очаг (камин), который своими большими размерами доминировал в интерьере. Именно камин явился тем композиционным элементом, с которого и началась организация всего интерьера парадной жилой комнаты» [37].

Камин помещался посередине центральной стены, поэтому, когда открывали кунацкую комнату, прежде всего бросался в глаза камин.

М. О. Косвен, анализируя этот элемент жилища народов Северного Кавказа, предполагает, что некогда кунацкая представляла собой особое строение, общее для всего селения и предназначенное для мужчин и одновременно для приема гостей. Затем, с течением времени кунацкая сделалась принадлежностью каждой семьи в качестве отдельного помещения для мужчин, но продолжала оставаться самостоятельным строением. Еще позже оно соединилось с общим жилым помещением семьи, образовав его «мужскую половину».

Наши материалы хотя и не дают прямого подтверждения этой точки зрения, все же, как об этом уже говорилось выше, позволяют предполагать, что кунацкая первоначально была общим для всей семьи помещением, где находился тавун.

В то же время мы не можем согласиться с мнением М. О. Османова, считающего, что раз во многих дагестанских языках нет специального названия «кунацкая комната», то и наличие подобных помещений в доме было характерно только для тех народов, у которых существовали развитые феодальные отношения [38].

Мы считаем, что, поскольку появление кунацкой комнаты непосредственно связано с институтом гостеприимства, она возникла у лезгин на стадии перехода от родового к классовому обществу одновременно с первым крупным общественным разделением труда. Как пишет М. О. Косвен, «с усилением торговли между племенами развивается и индивидуальная торговля. Отдельные лица специализируются в качестве путешествующих проводников обмена, посещая селения, а иногда довольно отдаленные общины и племена. Особую помощь оказывают таким лицам их дружеские связи, узы гостеприимства. Так появляется на экономической и общественной арене новый, со временем приобретающий громадное значение персонаж — гость-купец» [39].

Медный кувшин для ношения воды — «квар»

Приведенные выше полевые материалы свидетельствуют, что у лезгин существовало специальное название для кунацкой — «тавдин кIвал». Поэтому утверждение М. О. Османова об отсутствии специальной кунацкой у всех народов Дагестана, за исключением кумыков, должно быть признано ошибочным.

Кунацкие комнаты у лезгин в необеспеченных семьях столь же красиво отделывали, хотя обставляли и не так богато. Предметы убранства в их домах были более простые.

Третья комната у лезгин играла роль кладовой. Здесь зимой хранили продукты впрок — муку, масло, часть зерна и т. д. Весной в этой комнате устанавливали также ткацкий станок, на котором изготовляли сукно. Поэтому комнату называли «кркадин кIвал» (ткацкая комната).

Обычно в этой же комнате стояли большие емкости для хранения зерна: бочкообразной формы из плетенки, обмазанной глиной,— «катI», в виде ящиков, сделанных из глины, смешанной с навозом,— «канду», в виде огромных деревянных ларей — «амбар» и др. В ткацкой комнате стояли также большие глиняные кувшины — «печер», «целер», где хранили сыр, масло, творог и т. д. Лезгинские «кркад кIвал» играли почти ту же роль, что и аварские «цагъуры» [40].

В этой же, а также в проходной комнате наблюдались большие медные кастрюли разных форм. Наиболее вместительные из них предназначались для приготовления пищи в праздничные дни. Тут же стояли большие медные подносы — «дуван сини», куда клали национальную халву во время свадеб.

Кувшины для воды — «кварар» помещали обычно в коридоре. Они бывали и глиняные, но большей частью медные. С ними по воду ходили только женщины и девушки.

В ткацкой комнате также стояли медные кувшинчики, предназначен-

ные для дойки коров, с двумя ручками, глиняные кувшины разных форм и т. д. Из деревянной посуды в обиходе обычно употребляли столики для раскатывания теста на четырех ножках — «двердаягъ», круглые дощечки для раскатывания теста — «фирчин», глубокие большие блюда — «хвах» для замешивания теста, ступки для толчения чеснока, каталки, ложки, тарелки. Каждая из этих вещей занимала свое определенное место.

Следуст отметить, что у лезгин было не принято иметь отдельные, летнюю и зимнюю, комнаты для семьи. Не было у них в зимней комнате и никакого возвышения. Зимой и летом пищу готовят в проходной, а летом еще и в крытом дворе. Как известно, возвышение в зимней комнате устраивалось из-за отсутствия достаточного количества дров. У лезгин даже в тех районах, где почти не было леса, возвышения в зимних комнатах все равно не делались.

Общие выводы, вытекающие из изложенных в данной главе материалов, характеризующих лезгинское жилище XIX — начала XX в., могут быть, на наш взгляд, сведены к следующим основным положениям.

Условия сельскохозяйственного и земледельческого труда на территории Лезгинистана способствовали тому, что в жилищно-хозяйственном комплексе построек здесь издавна выделялись три вида помещений: жилье — кIвал, хлев для скота — цур и сарай для сена — муьхц. При этом наиболее характерна для лезгин была такая организация жилищно-хозяйственного комплекса, когда жилье и хлев для скота объединялись в одноэтажном или двухэтажном доме, а сарай для сена сооружался рядом или неподалеку от него.

Исследования, осуществленные нами в различных районах, дают возможность утверждать, что в XIX — начале XX в. на территории расселения лезгин бытовало два типа жилых построек: одноэтажный, состоящий из трех основных элементов (жилых комнат, хлева и внутреннего крытого двора), и двухэтажный, у которого крытый двор и хлев составляли нижний этаж, а жилые помещения — верхний.

Эти два типа жилища прошли свою эволюцию и соответственно принимали разнообразные формы, начиная от домов для больших патриархальных семей (с отверстиями в потолке и открытыми дверьми) и кончая современными многокомнатными домами.

Эти два основных типа жилища с их разновидностями распространены в той или иной степени на всей территории лезгин. Различия же между домами в отдельных районах заключаются в своеобразии конструктивных и декоративных приемов, зависящих в основном от характера местных материалов и от некоторых местных особенностей быта населения.

Комплекс хозяйственных построек у лезгин состоит из хлева для скота, крытого двора для хранения сельскохозяйственных орудий, дров и сарая для сена. При одноэтажном типе домов хозяйственные постройки, кроме сарая для сена, находятся под одной крышей с домом. При наличии в доме двух этажей первый этаж состоит из нескольких помещений для скота и крытого двора.

Основным строительным материалом в нижних предгорных и в равнинных районах служил саман; строительный камень почти не употреблялся. Дерево применялось редко, лишь в конструкциях перекрытий, а также выполняло декоративные функции. В горных селениях основным строительным материалом также являлся саман, но применялся и камень.

Внутренняя обстановка лезгинских жилых домов была весьма примитивна. Существенный элемент в композиции интерьера старых домов составлял камин, стены прорезывались нишами для постельных принадлежностей, в них устраивали полки для посуды и т. п. Особое внимание лезгины, как и все дагестанские народы, уделяли убранству кунацкой.

[1] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 76.
[2] Лезгины называют айванами различные архитектурные детали типа галерей: внутренние проходы, террасы, лоджии, балконы.
[3] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с. 36, 37.
[4] *Хан-Магомедов С. О.* Народное жилище Южного Дагестана.— СЭ, 1951, № 1, с. 168.
[5] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.
[6] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.
[7] Полевой материал 1957 г.— АА, тетр. № 1.
[8] Полевой материал 1970 г.— АА, тетр. № 2.
[9] *Гене Ф. Г.* Сведения о горном Дагестане 1835/1836 гг.— ИГЭД, с. 346; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб, 1871, с. 535; *Байер Ф.* О древних сооружениях на Кавказе.— ССК, т. 1, 1871, с. 308; *Пантюхов И.* Современные лезгины.— Кавказ, 1901, № 233; *Васильев А. Г.* Кази-Кумухцы (этнографические очерки).— ЭО; 1899, № 13, с. 69; *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан.— Военный сборник, 1862, № 1, с. 130.
[10] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 172.
[11] *Исламмагомедов А.* Поселения и жилища.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 187.
[12] Народы Передней Азии. М., 1957, с. 338.
[13] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 64.
[14] *Пастухов А.* Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шах-Даг.— Землеведение, кн. II. М., 1894, с. 43.
[15] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 69.
[16] У лезгин принято было мерить количество лепешек «скатертами лепешек», один скатерт считался за шесть лепешек.
[17] Полевой материал 1957 г.— АА. тетр. № 1.
[18] *Шихсаидов А.* Материалы по истории лезгин.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 89.
[19] Там же.
[20] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 2.
[21] *Пржецлавский П.* Нравы и обычаи в Дагестане.— Военный сборник, 1860, № 4, с. 227.
[22] Полевой материал 1957 года.— АА, тетр. № 1.
[23] *Любимова Г. И., Хан-Магомедов С. О.* Народная архитектура Южного Дагестана (табасаранская архитектура). М., 1956, с. 24.
[24] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 104—108.
[25] *Шихсаидов А.* Материалы по истории лезгин.— Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. I, д. 50, л. 91, 92.
[26] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 69.
[27] *Козубский Е. И.* Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, с. 161.

[28] *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции.— СМАЭ, 1958, т. 18, с. 325.
[29] *Шихсаидов А. Р.* Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв.— УЗ ИИЯЛ, 1959, т. VI, с. 138.
[30] *Шихсаидов А. Р.* Арабские строительные надписи в Дагестане (XI—XVII вв.).— УЗ ИИЯЛ, 1964, т. 13. Серия историческая, с. 123, 124.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.
[32] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 175.
[33] *Вучетич Н.* Четыре месяца в Дагестане.— Кавказ, 1864, № 76.
[34] *Кузнецов Н. И.* В дебрях Дагестана.— Изв. РГО, СПб., 1913, т. X, с. 80.
[35] Лезгинские женщины прежде никогда своих мужей не называли собственным именем, а обращались к ним со словами: «Яда!», «Я кас?», «Хванаха!», «Я итим!», «Чи кІвалей-вайди!» («кас» — человек, «хванаха» — кунак, «итим» — мужчина, «чи кІвалей-вайди» — «тот, который находится дома»), и т. д.
[36] *Лилов А.* Очерк быта кавказских горцев.— СМОМПК.Тифлис, 1892, вып. XIV, с. 24, 25,
[37] *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество, с. 79.
[38] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 134, 135.
[39] *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 182, 183.
[40] Материальная культура аварцев, с. 151.

Глава пятая

Национальная одежда лезгин

Материал для изготовления одежды.
Мужская, женская и детская одежда.
Украшения. Обрядовая одежда

Народная одежда принадлежит к числу тех элементов культуры, в которых наиболее ярко находит отражение национальная самобытность народа, его культурные традиции, художественные вкусы и т. п.

На основе зафиксированных племенных, возрастных и других различий в костюме, головных уборах и украшениях можно выявить особенности социального и семейно-бытового уклада. Изучение ритуальной одежды и различных обрядов, связанных с ношением определенных форм костюма, позволяет проследить верования народа. На основе изучения традиционных форм национальной одежды и нашедших в ней отражение особенностей и влияний, связанных с историческим процессом формирования изучаемого народа и его культуры, можно также выявить и некоторые закономерности, относящиеся к области этногенеза и этнической истории.

Описывая и анализируя данный раздел материальной культуры лезгин, мы, по мере возможности, постараемся проследить влияние вышеуказанных факторов на формирование тех или иных черт национального костюма этого народа.

Автор ставит своей задачей исследовать национальную одежду лезгин в динамике, выделить ее основные типы, районы их распространения, причины региональных различий в костюме, обуви, головных уборах и украшениях.

Материал для изготовления одежды

Материалом для изготовления одежды служили и сукна домашнего производства, и привозные фабричные ткани. Вплоть до второй половины XIX в. преобладали изделия натурального производства: самодельные сукна, овчина и кожа. Овчина шла на шитье шуб и папах, из шерсти вырабатывались сукна, изготовлялись обувь, носки и др.

Одежда, сшитая из такого материала, была вполне приспособлена к местным природным условиям. Шубы горцев, с которыми они не расставались ни дома, ни под открытым небом, зимой хорошо защищали от холода обувь и вязаные шерстяные носки были удобны для хождения по гористой и каменистой местности.

Наряду с тканями домашнего производства лезгины употребляли для шитья одежды также привозные и фабричные ткани. На рынки селений Ахты, Касумкент и др. доставлялись сукна из других районов Дагестана особенно из Акуша. Акушинские сукна под названием «лезгинских сукон» в то время славились по всему Кавказу. До распространения фабричных тканей из акушинского сукна шили праздничную одежду (в основном мужские черкески и бешметы).

Большим спросом среди лезгин пользовались также сукна, производимые кубинскими лезгинами и известные под названием «шалей». «Кубинские женщины,— писал С. Броневский,— упражняются в тканье холста из узких сукон, почитаемых в горах самыми лучшими» [1].

Со второй половины XIX в. ассортимент материалов, употреблявшихся для изготовления тех или иных элементов лезгинской национальной одежды, значительно расширяется. С углублением экономических связей с Россией и ближневосточными странами приток на лезгинские рынки тканей русского, ближневосточного и европейского производства (бархат, золотопарчовые ткани, ситец, сатин) заметно увеличился.

Однако привозные ткани были дороги и доступны далеко не каждому, поэтому они шли на изготовление праздничной одежды, а повседневную крестьяне по-прежнему шили в основном из дешевого ситца, бязи и домотканых сукон.

К тому же следует отметить, что к концу XIX — началу XX в. привозные ткани на территории расселения лезгин были распространены далеко не одинаково. В горных районах, например, процесс вытеснения тканей местного производства продолжался вплоть до начала XX в. Фабричные ткани проникали сюда реже, чем в равнинные районы, поэтому здесь почти до самой революции в основном шили одежду из тканей местного изготовления.

В проникновении фабричных тканей в среду лезгин большую роль сыграли города Дербент, Нуха и Куба. По данным С. Броневского, в Дербенте было 30 шелковых и 113 хлопчатобумажных фабрик. Эти предприятия, разумеется, не были фабриками в полном смысле этого слова, а являлись, по-существу, домашними мастерскими.

Тем не менее эти цифры свидетельствуют о высоком развитии в Дербенте ткацкого ремесла. Крупным торговым и промышленным центром, в котором встречались и вели торговлю жители Азербайджана, Грузии и Дагестана, был и город Нуха. Как свидетельствует полевой материал, собранный в селениях Ахты, Хазри, Касумкент и других местах, из Нухи лезгины привозили шелковые платки и разнообразные персидские и турецкие ткани самых разных цветов: крашеную бязь, ластик, тафту, «перенгдин чит» (стамбульский ситец). Ценили лезгины и «магьут» (толстое

сукно), производившееся в Нухе. С. Броневский также упоминает об изготовлении в Нухе толстых сукон, называвшихся «магьут». Из этого материала шили лучшие в Дагестане черкески — «магьут чухва» (черкеска из сукна лучшего качества). Название «магьут чухва» часто упоминается в народных сказаниях и песнях лезгин.

Большой славой пользовались среди лезгин ткани русского производства, которые они называли «николайдин хара» (парча Николая), «николайдин магьут» («николаевское сукно»), русский бархат «махмур». Из них шили праздничные женские платья и мужские черкески.

Крупным центром, откуда проникали к лезгинам ткани фабричного производства, был также г. Баку. Сюда шли ткани из Астрахани, Кизляра, Саратова, а также из Персии и Турции. Как отмечал С. Броневский, «в Баку из Астрахани привозят красильные материалы, шелковые, бумажные, холщевые товары, сукна. Астраханские товары развозят в Нуху, Баку, Карабах, Тифлис, Гилян и Мазандаран»[2].

Аналогичные сведения сообщает и Н. Зубов: «Кизлярские армяне торгуют с Персией, Дербентом и кавказскими народами, продавая им: бархат, парчу, карамазин, различные позументы в малом количестве, а большей частью холст, выбойки, ленты, тесьму, зеркальца, ножницы, иглы, булавки»[3].

Все эти товары через Дербент, Нуху и Кубу проникали к лезгинам. С конца XIX в. увеличивается приток дешевых хлопчатобумажных тканей типа «ластик» и «чит», которые были доступны бедным слоям лезгинского населения. Однотонные темные хлопчатобумажные ткани шли на изготовление верхней одежды, более яркие разноцветные ситцы пользовались большой популярностью среди молодых женщин и девушек; пожилые предпочитали набивные, однотонные рисунки.

Из привозных шелковых тканей шили свадебную и праздничную женскую одежду.

Таким образом, несмотря на то, что привозные фабричные ткани в конце XIX — начале XX в. пользовались широким спросом у населения горных районов, с ними успешно конкурировали сукна-шали местного производства, наводнявшие рынки Кюринского и Самурского округов.

У лезгинского народа сохранилось немало воспоминаний о том времени, когда властвовали кюринские и кубинские ханы и беки.

Правители, их приближенные и жены носили тогда одежду, очень отличавшуюся от одежды простого народа. Жены ханов — «хандин бикеяр» ходили в белых, желтых и красных дорогих парчовых платьях с золотыми украшениями. По рассказам стариков селения Курах (бывшая резиденция ханов), правители не разрешали простым людям появляться им на глаза в белых папахах. Когда хан выходил со своими женами на прогулку, его «чауши» (слуги) ходили по улицам и кричали: «Эй! Люди! Не выходите из дома, не попадайтесь на глаза хана в белых папахах! Не появляйтесь в белых платьях! Берегите свои головы!!!»[4]

Поэтому у лезгин существовала поговорка, что, когда хан со своей свитой находится на прогулке, «нельзя даже кур выпускать из сараев».

Определенные черты и детали традиционного костюма лезгин отражают их древние культурные взаимосвязи с тюркоязычными и ираноязычными соседями, о чем нам подробнее еще придется говорить. Здесь отметим лишь, что элементы азербайджанской и персидской одежды проникали к лезгинам через города Дербент, Кубу, Ширван, Шемаху и др. Как отмечал С. Броневский, «в Дербенте, Кубе и Шемахе... примечаются смешение нравов, обычаев и одежды наподобие персидских, каковые введены были владельцами их большей частью родом из персиян» [5].

С конца XIX и начала XX в. в одежде лезгин уже явственно прослеживается русское влияние. Среди них получают широкое распространение платки, пальто и другие элементы русской национальной одежды, которые лезгины заимствовали у русских вместе с названиями (шиблетар, калушар, палту, пенжек, жакет и т. д.). Особенно изменилась традиционная одежда лезгин в советское время. В быт всех групп населения прочно вошла одежда фабричного производства, практически исчезли различия в одежде между городскими и сельскими жителями.

В XIX – начале XX в. для измерения тканей у лезгин существовало несколько мер: «хандли юкI» (ханский аршин, равнялся 22,5 вершкам), «юкI» (аршин, равнялся 20 вершкам), «чIиб» — пядь (составляла 1,5 вершка). Широко был распространен и способ измерения тканей от кончика носа до кончика пальцев. При этом руку протягивали в сторону до отказа (такая мера равнялась примерно семи вершкам).

Во внутренней торговле при продаже сукон местного производства в народе обычно пользовались расчетами в вершках. При продаже тканей фабричного производства пользовались русским аршином, ибо местные купцы покупали у русских в тех же мерах. Но те же фабричные ткани, купленные в магазинах в русских аршинах, портные принимали только в ханских аршинах.

Портные имелись не во всех лезгинских селениях, особенно специалисты по шитью мужской одежды. Чтобы сшить нарядную черкеску, заказчики нередко отправлялись за несколько километров в соседние селения. Славились портные таких селений, как Ахты, Кара-Кюре, Филя, Гил, Хазри, Касумкент. Они всегда были перегружены работой, и выполнения заказа приходилось ждать месяцами. Портнихи бывали почти в каждом селении, но ремесло их не носило еще столь ярко выраженный профессиональный характер, как работа портных-мужчин. Женщины-портнихи шили одежду обычно лишь в свободное от полевых работ время (зимой, весной). Им часто платили за работу продуктами, в то время как мужские портные занимались своим делом круглый год, имели постоянные доходы и получали за свой труд только деньгами. Шить портным отдавали лишь состоятельные лица, в бедняцких семьях одежду шили сами. Вообще почти каждая хозяйка умела ткать, вязать, шить и пр. В крайнем случае она обращалась за помощью к опытным женщинам села, которые кроили, давали полезные советы.

Швейные машины стали появляться у лезгин лишь во второй половине XIX в. в селениях Ахты, Кара-Кюре, Курах, Касумкент, Хазри,

Гиль. Старожилы селения Хазри рассказывают, что к ним первая швейная машина попала более 90 лет тому назад. Привез ее из Баку некий купец Шамсудин.

К концу XIX в. швейные машины были уже почти во всех лезгинских селениях. К этому времени вошли в обиход и фабричные ножницы (прежде пользовались грубыми ножницами местного производства, которые делали кузнецы).

Предметы украшения для традиционного костюма (пряжки, пояса, кинжалы и пр.) делали в основном лезгинские мастера. Пользовались большим спросом изделия ювелиров северных и южных соседей. Особенно ценились украшения кубачинских и лакских мастеров, но они были достоянием лишь состоятельных людей.

Мужская одежда и украшения

Традиционная мужская одежда народов Дагестана имеет много общих элементов. Сходство проявляется прежде всего в покроях верхних и нижних рубах и штанов, а также черкесок, бешметов, папах, обуви, в характере и приемах ношения таких украшений, как газыри, серебряные пояса, кинжалы и т. д. Многие из этих элементов костюма совпадают не только по покрою и по форме (за исключением отдельных деталей), но и по одинаковому названию.

Основная причина единства кавказского мужского костюма объясняется исторически сложившимися длительными взаимосвязями народов этого региона. Мужчины отправлялись в дальние странствования, паломничества, на военную службу, на отхожие промыслы, на работу по найму, на зимние пастбища и т. д. Гончарами, ювелирами, шорниками, лудильщиками, купцами, которым часто приходилось бывать в среде других народов, разъезжать для сбыта своего товара или для приобретения чужого, или с целью заработка, тоже были мужчины. Не следует забывать, что именно мужчины пользовались всеми правами и привелегиями эпохи патриархально-феодального времени, где царили обычаи и традиции отцовского единовластия, и потому могли больше, чем женщины, приобщаться к культуре соседних народов, смело заимствовать многие ее элементы, в том числе и одежду.

Женщина никогда не могла одеваться, как она желала. Она должна была соблюдать все мелочи традиционного туалета, причем отступление от них каралось самым суровым образом.

Этими обстоятельствами и объясняется, по нашему мнению, консервативность традиционной женской одежды кавказских народов, и в то же время большая свобода в развитии мужской одежды.

В то же время мужская одежда лезгин, несомненно, имеет свои специфические особенности, локальные варианты, традиционные и национальные нюансы как в покрое, так и в способе ношения. Эти общие и локальные особенности мы и постараемся проследить.

В XIX в. мужской традиционный костюм у лезгин состоял из нижней рубахи, штанов (нижних и верхних), бешмета, черкески, шубы, бурки, папахи и разнообразной обуви.

Нательная одежда мужчин состояла из туникообразной рубахи — «перем» и нижних штанов — «кьелечI вахчаг». В прошлом столетии нательную одежду шили из грубых местных тканей, а с конца XIX в. — из полотна, бязи и других фабричных материалов. На рубаху расходовали 3—4 м, на штаны — 2,5—4 м ткани. Покрой рубахи мало чем отличался от покроя туникообразных рубах, встречающихся и у других народов Дагестана. К цельному полотнищу 2—2,5 м, сложенному вдвое, по бокам пришивали клинья — «кЪвалан чукIвар». Рукава делали обычно длинные, прямые, иногда на манжетах. Воротник был стоячий с прямым боковым разрезом спереди. К грудному разрезу пришивали планочку с узорной строчкой. Такую же узорную строчку делали на манжетах рукавов. Застегивались они на пуговицах. Рубаху носили навыпуск или заправляли в штаны. В покрое мужских рубах возрастных различий не наблюдалось.

Нижние штаны — «кьелечI вахчаг» были широкие, немного сужавшиеся книзу. Между штанинами вставляли треугольные клинья — «чукIвар». С конца XIX в. на штанах в основном для молодежи стали делать застежки на крючках или пуговицах. Эту моду называли русской — «у рус фасон».

Покрой верхних штанов — «шалвар» ничем не отличался от кьелечI вахчаг, но шили их из плотных домотканных сукон и фабричных добротных тканей темных однотонных цветов.

В 20-х годах XX в. главным образом среди интеллигенции распространились брюки «галифе», которые впоследствии, вплоть до 50-х годов стали носить почти все мужчины. Они были заимствованы лезгинами в начале 1900-х годов у русских кавалеристов [6].

Поверх рубахи «перем» надевали бешмет — «валчагъ», в ряде лезгинских селений на территории Азербайджана (Кымиль, Куснет, Гиль и др.) его называли также по-тюркски «архалуком» [7]. Лезгинский валчаг имел много общего с аварским «гужгатом», кумыкским «капталом» и бешметами других народов Кавказа. Различия наблюдались лишь в некоторых деталях покроя и украшениях.

Эту одежду носили мужчины всех возрастов: мальчики, начиная с 10—12 лет, юноши, люди среднего и пожилого возраста. По рассказам старожилов, в XIX в. валчаг шили цельнокроенный (как спереди, так и сзади), немного приталенный спереди, с прямым до низа разрезом. Позже его стали шить частично отрезным в талии, со вставленными по бокам и посередине расширяющимися книзу клиньями. Они образовывали фалды — «хулар». Таким образом, подол получался из 7—9 клиньев. Длина валчага достигала 90—100 см. На прорези, в которые вставляли клинья, ставили планочки шириной 3 см. Общая длина подола бешмета достигала 276 и более сантиметров. Рукава делали длинные (62 см) и узкие (22 см), карманы прорезные, воротник стоячий (шириной 4 см). Валчаг шили на подкладке; для пожилых делали простеганным на вате (или шерсти). В этом случае валчаг шился по образцу XIX в.: цельнокроен-

ным как спереди, так и сзади и слегка приталенным, с прямым вырезом спереди.

Летние валчаги шили без подкладки, из светлых тканей.

Застегивался валчаг от воротника до талии на мелкие пуговицы, сделанные из самодельного шнура. Позднее валчаги стали застегивать на металлические крючки, которые покупали в Дербенте и Кубе у горских евреев. На груди валчагов по обеим сторонам пришивали карманчики, которые всячески украшали тесьмой, позументом, разноцветными самодельными шнурками и пр.

В 20-х годах наряду с валчагами (бешметами) среди молодежи и мужчин среднего возраста широкое распространение получили кавказские рубахи. Они были прямого покроя, длинные, с широкими рукавами и высоким стоячим воротником, который обшивался тонким шнурком; из него же делались пуговки и петли (позднее стали пришивать готовые пуговицы). Кавказские рубахи широко бытовали в это время и у других народов Дагестана. У лезгин они сохранялись вплоть до 40-х годов.

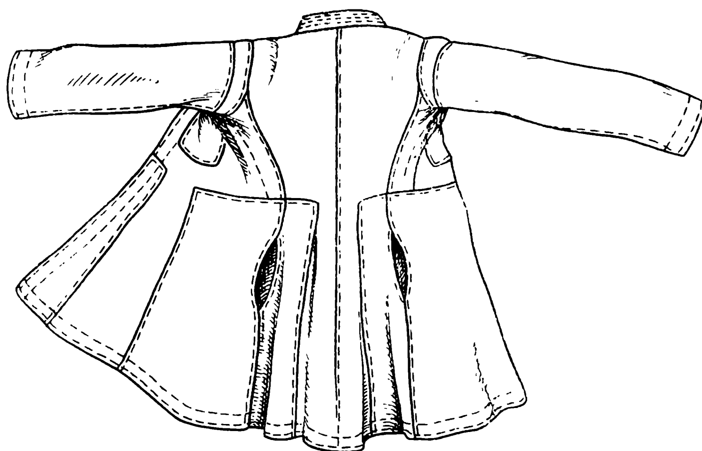
Черкеску — «чухва» носили поверх бешмета. Ее шили из сукон местного производства — черного, коричневого и серого цвета. Очень ценились у лезгин черкески, сшитые из акушинского сукна. Нарядные черкески делали также из добротных фабричных сукон, особенно из гвардейского сукна, называемого «магьут». Любимые цвета «магьут» были черный, темно-синий, коричневый.

Перед черкески изготовляли из двух прямых цельных полотнищ шириной 30 см. Спереди по бокам оставляли прорези длиной по 8 см, куда вставляли клинья, расширяющиеся книзу (40 см). Таким образом, спереди образовывалось четыре клина — два неотрезных и два вставных. Сзади талия, отрезная (реже неотрезная) из шести клиньев, в двух местах которых между швами оставлялись прорези, украшенные узорным швом. Черкеску шили с длинными широкими рукавами (из-под них выглядывала нарядная подкладка) и вырезом на груди, чтобы был виден валчаг. Верхнюю часть черкески до талии делали на крючках, а нижнюю от талии до подола, называемого «этег», обшивали по краям изнутри шнурком — «решме». По обеим сторонам груди пришивались карманы с газырями — «везнеяр» (6—8 штук).

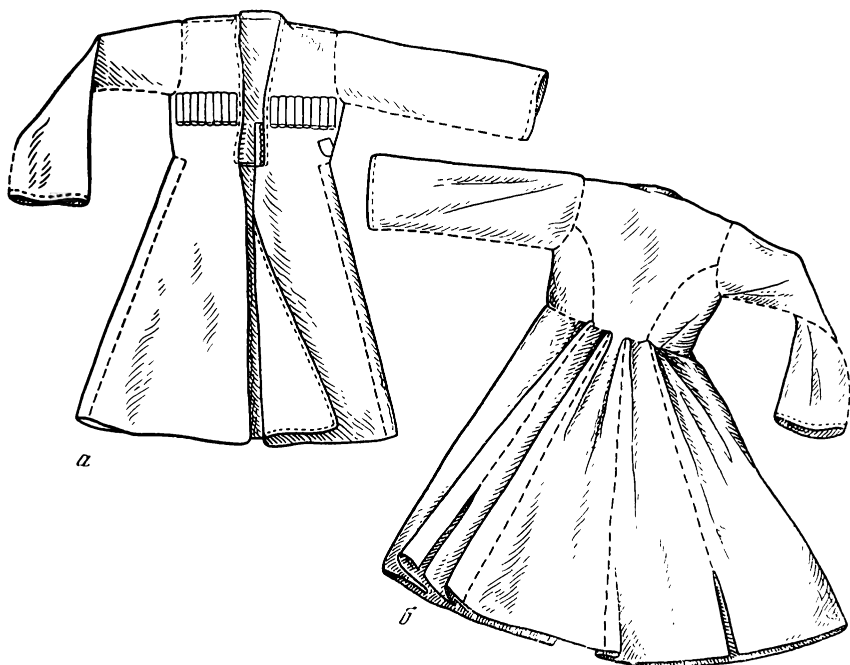
Еще в начале XIX в. газыри в лезгинских черкесках бывали без головок, как у аварцев. Их роль выполняли обыкновенные патроны с определенным количеством пороха, в которые втыкались тряпки или деревянные пробочки, обшивавшиеся тканью. Лишь с середины XIX в. появляются газыри с серебряными головками, изготовленными ювелирами.

Нарядность газырей всецело зависела от состоятельности хозяина. Богатые лезгины делали головки газырей из слоновой кости, серебра и т. д., менее состоятельные — обшивали нарядной тканью, у бедняков нагрудные карманы черкесок были вообще без газырей.

Для украшения передние борта и рукава черкески обшивались шнуром или позументом — «буфтой». Как и у всех народов Кавказа, черкеска не считалась повседневной одеждой, ее одевали лишь в торжественных



Мужской бешмет «валчагъ»



Черкеска «чухва», с. Зрых Ахтынского района: а — вид спереди; *б* — вид сзади

случаях: во время свадьбы, приема гостей, в пути, на состязаниях и т. п., а в обычной обстановке носили валчаг, легкую и удобную для работы и отдыха одежду.

Обязательной принадлежностью чухви был узкий пояс «гимишчIил» с накладными чеканными медными или серебряными пластинками (3 сзади и 6 спереди) и подвесками (четырьмя или шестью) — «мез». К такому поясу обязательно подвешивали кинжал — «хенжел» в серебряной или золотой оправе, а также шашку — «швешка».

Нарядность черкески и ценность ее украшений зависели от состоятельности хозяина. Лишь немногие могли позволить себе сшить добротную черкеску из дорогих тканей магьут, мандула и приобрести соответствующие украшения к ней. Богатые лезгины надевали поверх черкески узкие кубачинские серебряные или позолоченные пояса, а все остальные носили простые черкески с кинжалами местного изготовления, которые делали мастера селений Ахты, Икры, Койсцы, Кусун и др. Владельцы нарядных черкесок часто давали их напрокат за деньги своим односельчанам.

Обеспеченные юноши начинали носить черкеску обычно с 15—16-летнего возраста. В менее состоятельных семьях родители старались справить сыну черкеску хотя бы к свадьбе. Нередко отцу или кому-нибудь из взрослых членов семьи приходилось специально отправляться в Баку, чтобы на заработанные там деньги купить жениху черкеску, кинжал и пояс. Если же родители были настолько бедны, что не имели средств для шитья черкески, на время свадьбы ее брали напрокат. За право носить черкеску в течение трех свадебных дней жених был обязан платить ее владельцу 3 руб. (по ценам начала XX в.). Если у жениха не было денег, то хозяину черкески давали свадебный подарок, состоявший из «пурганда» (вареного ягненка), курицы, халвы, чуреков и прочих яств [8].

В холодное зимнее время мужчины надевали также овчинные шубы, которые встречались у лезгин в двух вариантах: «кавал» и «кIурт», или «барков». Кавал — длинная, почти до земли шуба, без всяких застежек, с большим откидным воротником типа шальки, с ложными рукавами, очень широкими в пройме, суживающимися и совершенно зашитыми на концах, надевалась внакидку. Рукава практического значения не имели. Когда шубу надевали, рукава болтались по бокам, лишь изредка в них засовывали локти.

Можно предполагать, что первоначально эти рукава не были столь длинными и служили обыкновенными рукавами шубы. Позднее с целью насколько возможно утеплить шубу и максимально приспособить ее к условиям ветренных холодных зим горцы удлинили рукава и сузили их книзу, а затем и вообще стали наглухо зашивать концы рукавов. Как говорят старожилы, прежде рукава использовали для хранения мелких предметов: мундштука, трубочки, ключей, складного ножа, «кисе» — мешочка для табака и т. п.

Шуба имела форму расклешенной накидки, длина подола равнялась 280—300 см. Для одной шубы требовалось 10—12 шкур длинношерстных

баранов лезгинской породы. Лучшие шкуры шли на воротник и переднюю часть шубы, короткошерстные — на рукава и спинку.

Незадолго до революции за шитье шубы-кавал скорнякам платили два пуда пшеницы или 3 руб., за шитье шубы кIурт — пуд пшеницы или полтора рубля [9].

Шуба-кавал в горных условиях не только служила хорошей защитой от холода. Одновременно она выполняла роль подушки, одеяла и матраца. Нередко в холодную погоду хозяйка, укладывая спать детей, закутывала их в кавал. Мужчины зимой также поверх одеяла обязательно укрывались на ночь еще и шубой. Особенно не могли обойтись без кавала мужчины преклонного возраста. Плотно закутавшись в шубу, они часами сидели на каменных скамейках квартальной площади — «кима», в ней же находились и до́ма, даже спали в ней или во всяком случае дополнительно укрывались. Словом, в горах такая шуба была важнейшим элементом одежды мужчин.

Этими же причинами объясняется широкое распространение шубы-кавал у других народов Дагестана. Фактически она является локальной горской одеждой Восточного Кавказа, ибо такие шубы, помимо Дагестана, распространены и в соседнем Азербайджане, правда, в основном среди лезгин, но встречаются у азербайджанцев, живущих по соседству с ними.

Шубы-накидки подобной формы встречались у всех горских народов Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев, табасаран, агулов, цахуров и др.) [10] с разницей лишь в некоторых деталях покроя.

Н. Дубровин писал об аварских шубах, что «многие большую часть года, не исключая и летних месяцев, носят овчинные шубы с откидными воротниками вроде длинного капюшона нашей шинели и с рукавами, доходящими до земли, но столь узкими, в особенности в концах, что в них могут войти только два — три пальца» [11].

Е. Шиллинг отмечает две оригинальные разновидности (накидка без рукавов и шуба с ложными длинными до земли рукавами) мужских шуб, которые встречались у даргинцев [12]. С. Ш. Гаджиева также пишет, что шуба с ложными рукавами «большое распространение имела в горной Даргинии, где зима более суровая и продолжительная» [13].

А. Булатова так описывает лакскую мужскую шубу: «Шуба — «бартук» длиною почти до пят с ложными рукавами, которые во многих случаях выполняли функцию карманов... шубы с пелериной «чахуда бартук»... заимствованы жителями у соседних аварцев. Обычная лакская шуба «бартук» была расклешенного книзу покроя и имела сравнительно небольшой шалевый воротник» [14].

Несмотря на то, что по покрою и по способу ношения шубы-накидки дагестанских народов имеют много общего, их названия в различных, даже соседних дагестанских языках, как правило, абсолютно несхожи (ср. лезгинское «кавал» аварское «тIимугъ», кумыкское «тон», даргинское «хIяка», лакское «бартук» и т. д.). Столь существенные различия в терминологии заставляют предполагать, что названный тип одежды у каждого из перечисленных народов возник самостоятельно. Причинность этого

Лезгин в национальной одежде. Начало XX в.

⇒

Лезгин в овчинной шубе «кавал», с. Койсун Магарамкентского района:

а — вид спереди; *б* — вид сзади

явления следует видеть в первую очередь в сходстве естественно-географических и климатических условий, в общности культурных традиций.

Вторая разновидность шубы, которая встречается у лезгин, это — кIурт. Она намного легче, чем кавал, и надевать ее можно в любых условиях (во время работы, в пути, в домашних условиях и т. д.). КIурт шьют из 5—7 бараньих шкур. Он цельнокроенный, лиф облегающий, немного расклешен в талии. Рукава длинные (62 см) и узкие (22 см). До пояса застегивается на пуговицах из овчинной кожи. Шов кIурта скорняки делали рельефный, используя для этого специальные кусачки.

Лезгинская пословица гласит: «Кто хочет сохранить себе долгую жизнь в горах, пусть не расстается с шубой и кислым молоком» («Дагъда кIурт, чандин дарман я, къатухни — руфунин»).

Поэтому у каждой лезгинской семьи, особенно в горных селениях, было по несколько штук кавалов и кIурт. Их носили и в морозную, и в дождливую погоду. Во время дождя кIурт надевали мехом наружу; овечьи шкуры

не очень прочны, они быстро лопаются и дырявятся. Иногда в целях придания прочности кIурт красили в коричневый или черный цвет.

Если кавал начинали носить с 15—16-летнего возраста, то кIурт входил в обиход мальчиков с раннего детства. В состоятельных семьях каждый ее член имел кIурт и почти ежегодно обновлял его, а кавалы (их в таких семьях бывало тоже по нескольку штук) находились в общем пользовании всех взрослых членов семьи. При этом младшие мужчины носили старые кавалы, в то время как старики, главы семей, накидывали на плечи шубы. В семьях бедняков даже кIурт, не говоря уже о кавале, находился в общем пользовании. Его носили 3—4 года, а кавал шили в 6—8 лет один раз.

Традиционным элементом зимней одежды у мужчин являлась также овчинная меховая безрукавка — «джандум», с прямым разрезом спереди, плотно облегающим лифом и застежкой на кожаных пуговицах. С начала XX в. лезгины стали шить стеганные на шерсти (иногда на вате) матер-

Современная мужская одежда:

а — чабаны в бурках и овчинных папахах, с. Джаба Ахтынского района;

чатые безрукавки из темных, плотных тканей фабричного производства. Для прочности овчинные безрукавки также обшивали сверху тканью.

Безрукавки в основном носили старики и дети. Юноши и мужчины среднего возраста, как правило, безрукавки не одевали.

Верхней одеждой мужчин, особенно чабанов, служили бурки — «япончи» также общекавказского типа. Сами лезгины бурок не изготовляли. Они пользовались в основном привозными акушинскими и особенно андийскими бурками. Конечно, приобретать бурки могли лишь состоятельные люди.

Пастухи и чабаны-бедняки довольствовались войлочными накидками — «лит», которые изготовлялись из цельноваленных кусков войлока конусообразной формы и застегивались у шеи. Этот оригинальный вид войлочной одежды встречался особенно часто у аварцев в Тляратинском районе и у бежтинцев.

В свое время его изучал Е. Л. Шиллинг, который отмечал, что «это необычайно примитивная по покрою, длинная, широкая, прямая куртка с прямым разрезом впереди из грубого белого или темно-коричневого войлока» [15]. Накидки-лит были также у табасаранцев, рутульцев, агулов и некоторых других народов Дагестана.

б — старики в традиционной одежде, с. Луткун Ахтынского района

Неотъемлемой принадлежностью традиционного костюма чабана и пастуха была кожаная или домотканная сумка — «чанта», перекидываемая через плечо. Туда чабан, отправляясь на пастбище, складывал еду, посуду и другие необходимые вещи.

Сумка-чанта наряду с войлочной накидкой нередко воспевается в народных песнях, где идет речь о молодом чабане и влюбленной в него девушке.

Заз кІан хьайи чубан ярдин	У моего возлюбленного чабана
Литни чанта багьа бур я...	Лит и чанта дорогие...
Заз кІан хьайид чубан хьана	Моим возлюбленным оказался чабан,
Чубан ярдиз чанта кІанда...	Ему необходимо сумку соткать...

Традиционным головным убором являлась овчинная папаха — «бармак». Для лезгин папаха была своеобразным символом мужества, достоинства и чести. Если мужчина в чем-либо проявлял слабость, ему говорили: «Не жить тебе больше под такой папахой» («Куьн гьан бармакдин кІяник кьий»). Считали также, что, если заменить папаху каким-либо другим головным убором, это будет равносильно переходу в другую веру. В таких случаях говорили: «Тот разве мужчина, кто папаху сменил на шапку!»

(«Ам итим яни бармак хутIунна шапка алукIай!»). Если в семье кто-либо совершал непристойный поступок (кражу, бесчестные действия т .п.), ее глава снимал с головы папаху, плевал туда, затем бросал на землю и с досадой говорил: «Куьне зи кьилел пармак тунач, куьне зун уьзуькъара авуна» («Вы не оставили на моей голове папаху, вы опозорили меня»), «Мад загай ин бармак алукI хъижедач, гила за фите алукIда» («Больше я недостоин папахи, теперь я платок одену»).

Папахи бывали самые разнообразные по форме (конусообразные, усеченно-конусообразные, цилиндрические) и материалу (сплошь меховые, с матерчатой макушкой и т. д.).

Выкройка любой из перечисленных форм состояла из двух частей: бортов — «бармакдин рав» и макушки — «бармакдин кIукI». Размеры бортов и макушки зависели от фасона папахи. Чем шире бывали борта, тем меньше делали макушку.

До середины XIX в. лезгины шили папахи целиком из овчины. Позднее стали шить папахи с суживающимися кверху бортами, а макушку с лицевой стороны делали из сукна.

Получили распространение у лезгин привозные каракулевые папахи — «бухара-бармак», но приобретать их могли лишь состоятельные люди, ибо стоимость такой папахи в дореволюционное время была 10—12 руб. или 10—12 пудов зерна [16]. Бывали случаи, когда горцы приобретали бухарские папахи и берегли как большую ценность, передавая от отца к сыну. Считалось, что такая папаха всегда может пригодиться на черный день. Среднеазиатский каракуль проникал к лезгинам через города Баку, Дербент, Куба.

Дорого ценились у лезгин также папахи из овчины молодого барашка.

Пастухи же предпочитали папахи с густой и длинной шерстью (из овец породы «гведек», «цирав»).

В XIX в. мужчины преклонного возраста, побывавшие в Мекке,— «гьаджи», навертывали на папаху чалму — «сирих» из белого материала шириной 30—40 см, длиной 130—150 см. Следует сказать, что сирих носили не все люди, побывавшие в Мекке, а лишь те, кто занимал какой-нибудь духовный пост,— муллы, кадии и их прислужники.

Летом во время полевых работ лезгины плоскостных районов (Магарамкентского, Касумкентского, Кусарского) носили войлочные шляпы местного производства с широкими полями. Они хорошо защищали голову от палящих лучей солнца.

Бытовали у лезгин и теплые овчинные тюбетейки — «кIукI» полусферической формы. Шились они из четырех клиньев, шерстью внутрь.

В XIX в. лезгинские всадники носили также башлыки, имевшие повсеместное распространение на Кавказе. Их шили из сукна черного, белого, коричневого цвета, тщательно украшали тесьмой, вышивками, самодельными шнурками и пр. Покрой башлыков весьма прост. Они состояли из двух полотнищ длиной около 1,5 м и шириной 35—40 см, пришитых друг к другу таким образом, что получался капюшон с макушкой. С двух сторон капюшона также пришивались два полотнища, которые обычно перекиды-

вали через плечи. Верхушка башлыка украшалась «курвачI» — кисточкой из шелковых ниток.

Белая папаха, белая черкеска и красный башлык были установившейся парадной формой лезгинских всадников.

Национальная обувь у лезгин также отличалась своеобразием как в отношении покроя, так и по материалу. Вязаная узорчатая обувь — «кемечар» изготовлялась из шерсти по типу традиционных носков, повседневная рабочая обувь — «шаламар» — из сыромяти. Из кожи делали башмаки — «башкмакьар», из сафьяна шили «мягьсерар» — легкие сапоги на мягкой подошве.

Вязаную обувь — «кемечар», «шаталар» главным образом носили лезгины из селений Хпеджс, Бурши Мака, Ашар, Кукваз, Шимихуьр, Усур Курахского района; Зрых, Кахул, Ялак, Хкем Ахтынского района. Она отличалась от шерстяных носков тем, что имела утолщенную подошву, прошитую плотными рядами нитей из козьей шерсти, и резко выраженный загнутый внутрь носок. Обувь эта была удобна для ходьбы по горам. Поскольку подошва имела неровную поверхность, она не скользила по камням, а загнутый вверх носок предохранял пальцы ног от ушиба. Поэтому и в настоящее время в горах такая обувь имеет некоторое распространение, ее носят не только мужчины, но и женщины.

Шерстяная обувь встречается в Дагестане также у агулов, рутульцев, цахуров и аварцев.

Обувь «шаламар» изготовлялась из кожи коров, быков, буйволов и ослов. Кожу предварительно разминали и затем выкраивали из нее подошву с острым носком, по бокам которой шилом протыкали множество отверстий. Через эти отверстия продевались тонкие веревочки из конопли, из них по краям подошвы вязали петли, через которые продергивали шерстяные шнурки. С помощью этих шнурков обувь прикреплялась к ноге. В качестве портянок мужчины носили шерстяные обмотки — «дулахар» длиной 100—120 см и шириной 35—40 см.

Поскольку обувь типа шаламар хорошо соответствовала условиям горной местности, разные формы ее были распространены у многих дагестанских народов («мачуял» — у аварцев, «чарыкьлер» — у кумыков). Их кроили в форме полуботинок с острым, немного загнутым носком и застежками на кожаных ремешках у щиколотки. Такая обувь не имела пришивной подошвы и шилась из цельного куска, при этом шов обязательно должен был находиться на носке или на заднике либо же на заднике и подошве.

Этот вид обуви у всех народов Дагестана имел мягкую подошву, поэтому она была удобна и для пешехода, и для наездника, и для чабана в условиях горной местности.

В нерабочее время лезгины обычно носили «чапатIар» — обувь типа башмаков, которую шили из козьей или телячьей кожи (позже, с 20-х годов XX в. стали делать даже из брезента) на толстой деревянной подошве и на высоком деревянном каблуке. К каблуку и носку подбивали подковы. ЧапатIар носили и мужчины, и женщины, и дети.

Обувь «шаламар»

Зимний тип мужских башмаков — «сармуз» был почти такого же покроя, как чапатIар, только с загнутым вверх носком и более толстой подошвой. Сармуз одевали в холодную, слякотную и морозную погоду вместе с шерстяными носками.

В XIX — начале XX в. состоятельные мужчины носили мягкие сапоги — «мягьсерар» (название «мягьси» образовано от арабского слова, означающего ритуальное омовение ног). Делали их из сафьяна на низком каблуке с тонкой подошвой и облегчающими голенищами. Мягкие сапоги были как местного, так и фабричного производства. В начале XX в., когда в горы стала проникать фабричная обувь, среди лезгин получили распространение кожаные парадные сапоги с длинными голенищами и твердыми подошвами — «тумаж чекмеяр» или «хурум чекмеяр». С этого же времени лезгины стали носить полуботинки, ботинки — «чекмеяр», галоши — «калушар» и другую фабричную обувь.

Прежде, когда юноши появлялись в этих ботинках на гулянии, девуш-

Мужские башмаки «чапатlар»:

а — вид спереди;
б — вид сбоку.
Ахтынский краеведческий музей

ки сочиняли про них сатирические песни такого содержания:

Кlвачал чекме, хурал дуьгме,	На ногах ботинки, на груди пуговица,
Я гада вун кесиб жеди!	Эй! Юноша, ты можешь обеднеть!
Аяр рушар ахтармишиз,	Глаза твои на красивых девушках,
Вал хиндеда несиб жеди!	А суждена тебе вдова!

Сапоги — «мягьсерар» и ботинки — «чекмеяр» шили местные сапожники — «чекмечияр». Мастера сапожного дела были далеко не во всех селениях. Они открывали свои мастерские в многолюдных селениях, преимущественно там, где находились базары (в Ахтах, Микрахе, Филя, Касумкенте, Хазри, Гил, Курахе и в других местах). Этот вид производства, как и другие, имел ремесленный характер. Многие из мастеров выполняли изделия на заказ, при этом материал они скупали у купцов-евреев, которые доставляли им готовое сырье из Дербента, Нухи, Баку и даже из Стамбула и Тевриза. Особенно славилась среди лезгин кожа «тумаж» (тевризская),

получавшаяся в результате тщательной обработки и окраски в разный цвет козьих шкур. Неслучайно в честь этой многокрасочной кожи новорожденным девочкам часто давали имя Тевриз.

Неотъемлемой деталью лезгинского национального костюма были однотонные и узорчатые шерстяные носки, которые носили со всеми видами обуви — сыромятной, башмаками и сапогами.

Молодежь и мужчины среднего возраста носили, как правило, цветные узорчатые носки, а старики — носки в полоску темных тонов или же носки белого и темного цвета. Лезгины считали, что старик с седой бородой и в белых шерстяных носках выглядит особенно благородно.

Мужские прически. В первой половине XIX в. юноши обычно наголо брили голову и только на макушке оставляли хохол — «какул». Мужчины старше 25 лет и старики брили голову полностью. Примерно с конца XIX в. хохол вышел из моды, и юноши стали оставлять волосы не на макушке, а надо лбом — «мекер», а иногда и на висках. Бороду юноши впервые брили в 16—17 лет, но обязательно оставляли усы. Мужчины начинали носить бороду с 35—40 лет, но бывали случаи, когда мужчина, оставшись старшим после смерти отца в семье, для солидности заводил бороду даже с 30 лет.

У лезгин существовал обычай, связанный с первой стрижкой бороды. После первого бритья отец дарил сыну нож или кинжал, сестра или мать — «кисе» (мешочек для табака), платочек и пр. Это означало, что юноша достиг совершеннолетия.

Крашение бороды и усов у лезгин не было принято. Только в селении Мискинджа Ахтынского района, как говорят старожилы, в прошлом все мужчины регулярно красили бороды и усы хной и басмой. Как мы думаем, это явление следует объяснить присутствием персидских элементов в культуре мискинджинцев. Согласно преданию, это селение образовалось из остатков войск, некогда оставленных в Дагестане персидским шахом Тахмаспом I из династии Сефевидов. Крашение бороды и усов, как известно, в прошлом широко практиковалось среди мусульман именно в Иране, поэтому не исключено, что данная легенда имеет под собой вполне реальную основу.

В завершение описания традиционного мужского костюма лезгин XIX — начала XX в. мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на определенные локальные особенности в покрое, отделке, материале, способах ношения и т. д., в ряде своих элементов он имел много общего с костюмом других народов Кавказа, и в первую очередь Дагестана.

Женская одежда и украшения

Традиционный костюм лезгинок отличался своеобразием в значительно большей степени, чем мужская одежда. В нем ярче выражались различия возрастного, социального и этнического характера. Если мужской национальный костюм был единым и для азербайджанских и для дагестанских

лезгин и имел немало общего с другими народами Кавказа, то костюм лезгинок отражал много локальных особенностей, выражавшихся в способах ношения, цветовой гамме, деталях покроя и т. д. Эти особенности были связаны с географической средой, спецификой хозяйства и быта, влиянием соседних народов, особенно азербайджанцев.

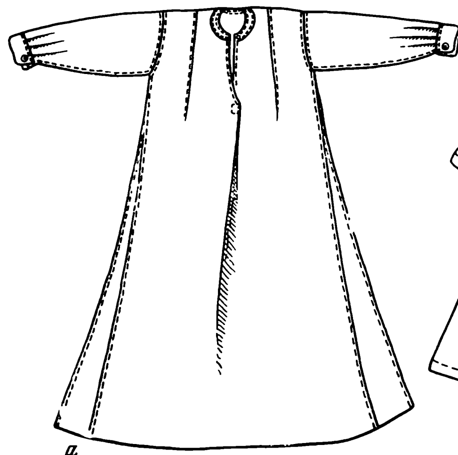
Основные элементы женского костюма XIX — начала XX в. составляли: рубахи, штаны, платья, валчаги, шубы, головные уборы, платки и обувь.

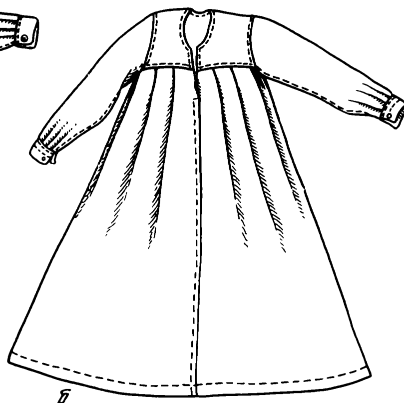
В XIX — начале XX в. все лезгинки носили туникообразную рубаху — «перем», которую шили из хлопчатобумажных (бязь, ситец, сатин) и шелковых тканей. Из бязи особенно ценили «серфинка», из ситца — «стамбулдин чит» — стамбульский ситец, которые считались прочными и не линяли. Особенно любили стамбульский ситец синего и желтого цвета с мелкими цветами. Рубахи в основном были цветные: у молодых женщин и девушек желтого, синего, красного цвета, у пожилых женщин и старух — темно-синего, коричневого, бордового. Для шитья нарядных рубах употребляли шелк — «дере».

Существовало несколько вариантов женских рубах. Пожилые женщины и старухи носили обычно длинную (120—130 см) туникообразную рубаху такого же покроя, как и мужская, с вертикальным разрезом на груди, небольшим стоячим воротником, застегивавшимся на пуговицу, и длинными рукавами на манжетах. У молодых женщин рукава были с узкими манжетами, у пожилых — с более свободными. Как рассказывают старожилы, при совершении «дастама» (омовения перед молитвой) старухи легко засучивали рукава до самого локтя. По бокам рубахи в направлении к подолу оставляли разрезы — «эчIер» в 25—30 см. Для прочности и лучшей сохранности верхнюю часть рубахи делали с внутренней подкладкой.

Описанный тип женской рубахи еще в XIX в. был преобладающим у лезгинок, что заставляет нас считать его более древним, чем остальные типы рубах.

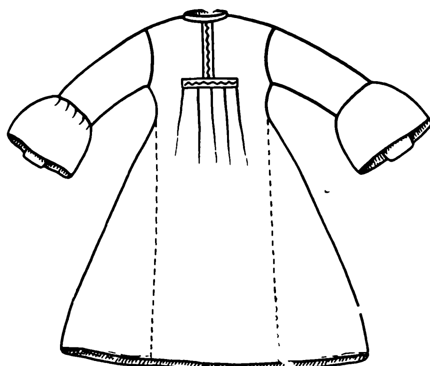
В конце XIX в. этот вариант женской рубахи был вытеснен другим, получившим особенно широкое распространение среди молодых женщин и девушек. Так же, как и описанный выше тип рубахи, он кроился из прямого полотнища (по ширине ткани) с боковыми клиньями и квадратными ластовицами, но у грудного разреза книзу делали кокетку, т. е. сборку длиной 20—22 см, на которую пришивали планку — «цIил» шириной 3—4 см. Рукава были длинные, на манжетах, а в нарядных рубахах девушек для украшения от локтя пришивали второй широкий рукав, называемый «гьеркьуь хел». Во время работы широкий рукав убирали, в остальное время опускали. Разрез ворота делали вертикальный по центру груди, с застежкой у шеи и со стоячим воротником. Для украшения ворот рубахи, планку на груди, манжеты рукавов изготовляли из материала другого цвета. К примеру, если рубаха была белая, то манжеты, ворот, планку на груди делали из черного или синего материала. Вдобавок рубаху украшали узорным швом в виде завитков и спиралей или позументом. Иногда к манжетам пришивали оборки — «руфутIар».



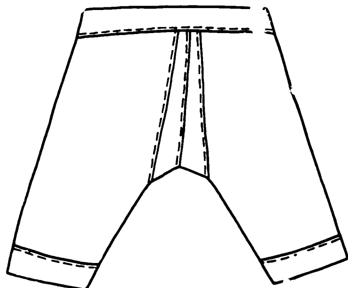


Женская рубаха «перем»:

а — с. Микрах Ахтынского района; *б* — с. Зиндан-муруг Кусарского района



Платье — рубаха «перем», с. Микрах Ахтынского района



Женские штаны «вахчаг», с. Судур Кусарского района

Описанные типы рубах женщины носили и в качестве платья, ибо они одновременно выполняли роль и верхнего и нижнего одеяния. Строгого разделения между рубахой и платьем у лезгин, как и у многих других народов Кавказа, провести нельзя. Поэтому и в кавказоведческую литературу этот вид женской одежды вошел под названием платья-рубахи.

О том, что рубаха-перем служила лезгинам верхней одеждой, свидетельствуют и данные устного народного творчества. Приведем несколько песенных строк:

Серфинкадин перем алаз	В рубахе из бязи «серфинка»
Гьикьван къведа вун зи вилик,	Сколько ты будешь мне на глаза попадаться.
Икьван кlени заз дахьайла	Если я на тебе не женюсь,
Ин дуьнядин чинпад кlеник.	Пусть этот мир перевернется.
Ченгидал (а) лай читдин перем	На распутнице ситцевая рубаха,
Алай пешер вичикай я	Листочки на ней того же цвета.
Дамахар мир ява ченги	Перед кем красуешься, непутевая?
Чи арада вун квекай я.	Какая польза тебе, что ты мешаешь нам?

Со второй половины XIX в. получил распространение еще один вариант рубахи, который, пожалуй, больше выполнял роль нательной одежды. Поскольку в это время появляется платье-булушка (о чем речь пойдет ниже), то преимущественно под ним и носили эту рубаху. Она была также туникообразного покроя, но намного короче, чем первые два варианта,— 60—70 см. Рукава — длинные, вшивные на манжетах, иногда без манжетов. Воротник — стоячий, вертикальный разрез проходил по центру груди с застежкой у шеи. У девушек и молодых женщин разрез украшался узорным швом или позументом.

Такие рубахи были распространены у курушских, фийских, ялакских женщин и лезгинок, живших на территории Азербайджана. Носили их преимущественно как бы в качестве кофты с юбкой «вахчаг».

Таким образом, в XIX— начале XX в. у лезгин существовало три варианта женских платьев-рубах, из которых первый, несомненно, являлся наиболее древним. Второй вариант, как мы уже отмечали, возник не ранее конца XIX в. и к началу XX в. уже стал преобладающим. Третий вариант, бытовавший со второй половины XIX в. вплоть до 30-х годов нашего столетия, можно отнести к разряду локальных, поскольку он был распространен преимущественно у лезгинок, живущих на территории Азербайджана, а в Дагестане только у курушских, фийских и ялакских женщин.

Под платье-рубаху женщины надевали узкие длинные штаны из домотканных сукон — вахчаг. В XVIII— начале XIX в. эти штаны шили без подкладки. Книзу штаны делали узкими (21 см), к бедрам — более широкие. Между штанинами вставляли ромбовидной формы ластовицу, у пояса, спереди и сзади вахчага, также вставляли клинья. Носили штаны на вздержке, которая держалась не на талии, а на бедрах.

Как и рубаха-перем, штаны считались и нижним бельем и верхней одеждой. Нижняя часть штанов — «вачагдин кикер» всегда была видна из-под рубахи и потому ее делали более нарядной: обшивали позументом, украшали узорным швом и т. п.

Позднее, со второй половины XIX в., с проникновением фабричных тканей, штаны стали шить из бязи, ситца, сатина, а нарядные — из шелка «дере», «хара» и т. п. Покрой их был традиционный, но теперь штаны обязательно шили (даже из местного домотканного сукна) с подкладкой из более дешевой ткани. Зимние штаны часто простегивали шерстью или ватой. В высокогорных животноводческих селениях (Куруш, Фий, Маза) в зимнее время иногда носили облегающие узкие штаны из овчины. Можно предполагать, что штаны являются древним элементом в традиционной одежде лезгин.

В XIX в. женщины Кубинского и Кюринского ханств носили штаны, которые именовались «вахчаг» или «тайбалах». Их шили из сатина, ситца и легких шелковых тканей. Особенно дорого обходились шелковые тайбалах, так как на них шло от 7 до 9 ханских аршин. Внешне такие штаны напоминали две широкие в складку штанины-юбки на вздержке с большим ромбом между ними. Большое внимание уделяли украшению низа штанин. Его обшивали галуном, дорогими тканями, шнурками и т. п. Нередко такие штаны шили и из одной штанины (по типу поясной юбки в складку), но количество ткани на них шло не меньше, чем на штаны из двух штанин. Штаны из одной штанины носили летом и весной, а поздней осенью и зимой — из двух штанин, которые в рабочей обстановке, чтобы они не мешали, подбирали в шерстяные чулки или обматывали обмотками — «дулахӑр». Состоятельные женщины имели по нескольку таких нарядных штанов и часто надевали их по 2—3 пары одновременно. Для жен бедняков они служили и нарядной, и повседневной одеждой.

По рассказам стариков селения Гиль Кусарского района, широкие штаны, которые шили из 12 ханских аршин, с виду имели форму широкой юбки в складку. Кстати, такие юбки, употреблявшиеся кубинскими женщинами с архалуком, назывались также вахчаг.

Женские штаны описанных типов особено широко бытовали в Лезгинистане в XIX в. Среди лезгин Азербайджана они сохранялись и дольше, а у некоторых женщин пожилого возраста были в обиходе еще в 20-х годах нашего столетия.

В селениях Куруш Ахтынского и Юхари-Тахирджал Кусарского районов женщины вовсе не носили юбок и ходили в узких штанах или же в широких штанах вахчаг. Образно выразился об одежде курушских женщин русский путешественник XIX в. А. Пастухов, который писал, что «женский костюм совершенно оригинальный и более похож на мужской. чем на женский наряд; главную особенность этого костюма составляют неимоверно широкие шаровары, забранные книзу, и узкие и короткие шерстяные чулки, обмотанные узкой тесемкой» [17].

Этот момент любопытно отметить потому, что он в определенной сте-

пени свидетельствует о достоверности предания жителей Юхари-Тахирджал о том, что они являются выходцами из селения Куруш Ахтынского района. Не исключено, что эти два селения действительно имеют генетическое родство (ибо из горных селений на территории Дагестана только курушцы носили подобные шаровары). Отмеченное сходство объясняется и тем, что курушцы жили по соседству с азербайджанцами, имели тесные связи с Нухой и Ширваном, куда они постоянно откочевывали на зиму со своими отарами, и заимствовали эту деталь костюма у них.

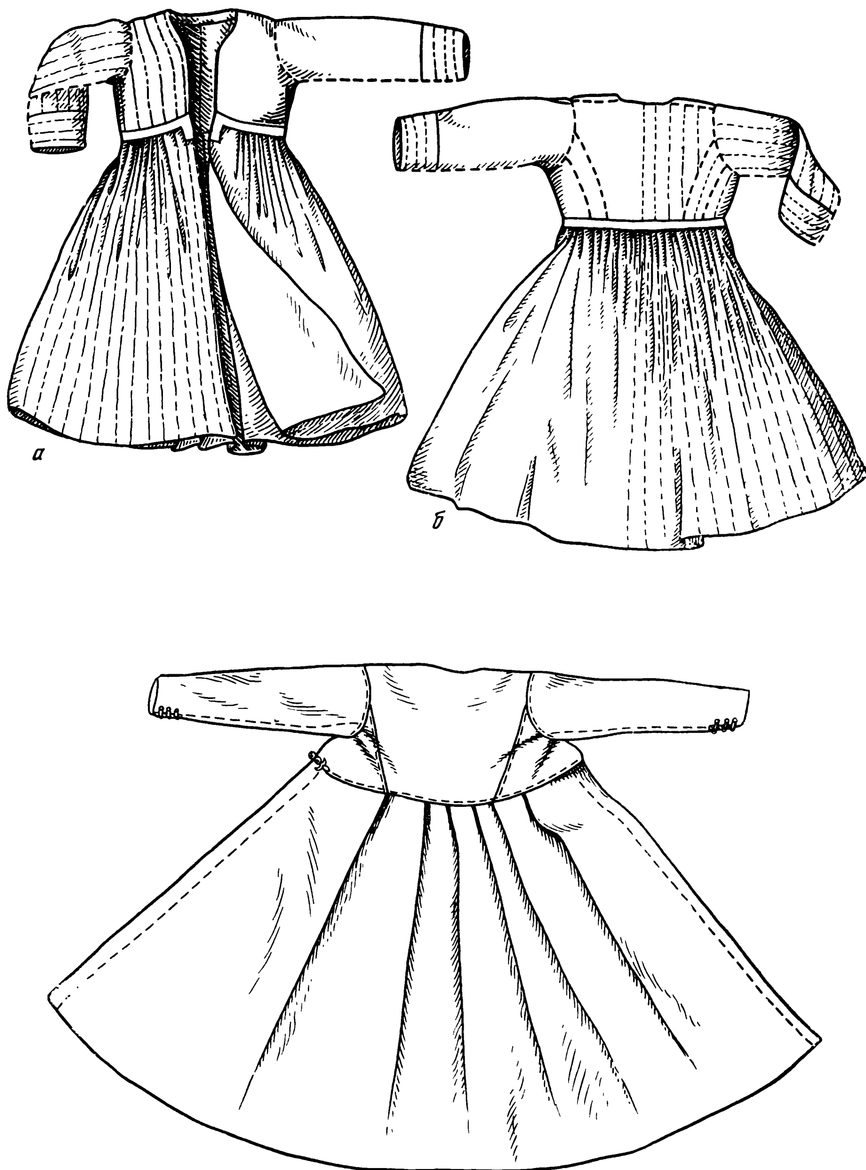
В связи с вышесказанным заслуживает быть отмеченным тот факт, что покрой лезгинских женских штанов находит широкие аналогии не только в Дагестане, но и у многих народов Кавказа и даже Передней Азии.

Из дагестанских народов в XIX в. женские штаны подобного типа известны у каякентских кумыков[18], а за пределами Дагестана также у абхазцев[19] и азербайджанцев. Относительно лезгин можно предполагать, что они заимствовали этот тип одежды у своих соседей азарбайджанцев, а те, в свою очередь, восприняли его от персов, ибо широкие женские штаны были распространены у многих переднеазиатских народов.

Так, например, в Афганистане женщины-хазарейки носили штаны, очень широкие на вздержке, имеющие вид сшитых между собой юбок[20]. В Иране принадлежностью костюма персидских женщин являлись широкие штаны-шаровары — «чахмур», которые стягивались тесьмой на поясе и образовывали густые сборки[21]. Широкие шаровары носили также и турчанки[22].

Изучение национальной одежды даже в отдельных ее деталях позволяет проследить, сколь глубокими оказываются порой культурные взаимоотношения и взаимовлияния у народов, живших по соседству друг с другом.

Верхней одеждой лезгинских женщин в XIX в. были «валчаг» (называемый тем же термином, что и мужской бешмет) и «булушка». Валчаг надевался обычно поверх рубашки-перем. Шили валчаг из сатина, бархата «махмур», тканей типа «дере», «хара» темного цвета. Обычно на валчаг шло 20—24 м ткани (10 — 12 на лицевую сторону и столько же на подкладку). Валчаг делали отрезным в талию длиной почти до пят (150 см), с длинными рукавами (55—60 см), доходящими до кистей рук. Для пожилых женщин рукава валчагов шили узкими (20—22 см). У молодых женщин и девушек рукава валчагов были узкими только до локтя, а далее чрезвычайно широкими (45—50 см). Встречались валчаги и с двойными рукавами (нижний узкий, а верхний широкий). Верхняя часть валчага плотно облегала фигуру, а нижняя (от пояса) была очень широкая и состояла из 10—12 полотнищ, пришитых к лифу складками и со свободно расходящимися бортами. Валчаг шили на подкладке и подбивали тонким слоем ваты. Его делали с прямым разрезом от шеи до подола, а на груди оставляли своеобразный вырез, из которого были видны нагрудные украшения. Застегивался валчаг у пояса на крючки (2—3 крючка) кустарного производства или на пуговицы. Под полы пришивали бейки



Женская распашная одежда «валчаг», сел. Мака Ахтынского района:
а — вид спереди, *б* — вид сзади

Женская распашная одежда «волчаг», сел. Зрых Ахтынского района

из другой ткани, чтобы при ходьбе они не отворачивались и не загибались. Края валчага (грудь, подол, пояс) обшивались позументом — «буфта» или же цветной тканью, украшались вышивкой. У более нарядных валчагов грудной вырез обшивался серебряными монетами; серебряные монеты с ушками пришивали и к нижнему шву рукавов (расстояние от подмышки до кисти). Пожилые женщины носили валчаги несколько измененного покроя. У таких валчагов не было выреза на груди; они наглухо застегивались от талии до шеи и не имели украшений.

С валчагом женщины обязательно носили серебряный пояс.

Длинные валчаги были распространены главным образом среди дагестанских лезгин (в Касумкентском, Курахском, Магарамкентском и Ахтынском районах). Азербайджанские лезгины Кусарского, Худатского и Кубинского районов наряду с длинными валчагами носили и короткие.

Такой валчаг по виду напоминал архалук и имел длину всего 25—30 см ниже талии. Его тоже шили в талию, с длинными узкими рукавами для женщин преклонного возраста и с расширяющимися от локтя рукавами для молодых женщин и девушек. Лиф кроили облегчающим, но от пояса валчаг был широким с расходящимися фалдами. На груди делали глубокий прямой вырез до пояса; такой же вырез шел от пояса до подола. Шили валчаг из 14—15 м ткани, на подкладке и обязательно подбивали тонким слоем ваты. Подол, рукава у кисти, грудной вырез обшивали позументом или же украшали прикладом из шелка разных расцветок. Лезгинские девушки обычно начинали носить валчаг с 12—13 лет, а девочки из богатых семей даже с 10 лет [23].

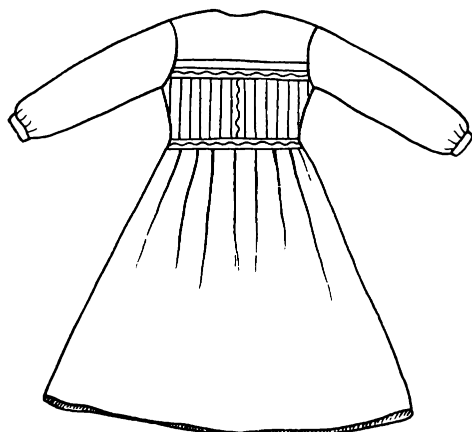
С коротким валчагом или же с рубахой туникообразного покроя носили широкую, собранную в талии, длинную до щиколотки юбку — «вахчаг». Шили ее из хлопчатобумажных или шелковых тканей (10—12 м) без подкладки, подол украшали позументом. Когда юбку носили с валчагом, обязательно надевали серебряный пояс и нагрудные украшения.

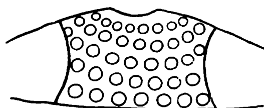
Сам факт, что юбку и широкие женские штаны лезгины называют одинаково — вахчаг, по-нашему мнению, свидетельствует о том, что некогда такие штаны повсеместно носили с коротким валчагом и только позднее, видимо, их стали надевать вместе с юбкой, как это делают и в настоящее время анатолийские крестьянки в деревнях, удаленных от городов [24]. К тому же ношение с архалыком широких юбок было весьма распространено в прошлом у азербайджанок [25].

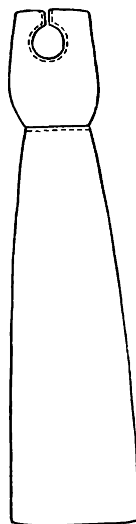
Таким образом, мы вновь вправе говорить о влиянии соседних народов, в данном случае азербайджанцев, на формирование национального костюма лезгин. Не исключено то, что азербайджанцы, в свою очередь, заимствовали этот элемент у турок.

Анализируя традиционный костюм азербайджанских лезгинок, можно хорошо проследить, как на стыке двух культур (азербайджанской и лезгинской) сложилась своеобразная, специфическая культура, которая имеет локальные особенности и в то же время черты заимствования.

Описанный комплекс женского костюма являлся преобладающим типом у всех групп дагестанских и азербайджанских лезгин не только в

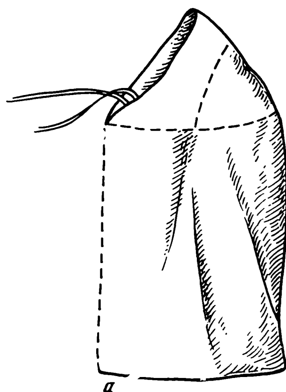


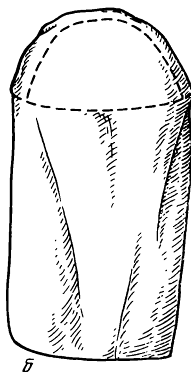




Отрезное платье «булушка» и нагрудник «бухма», сел. Дустаир Кусарского района

Женский нагрудник «хириган». сел. Кахул Ахтынского района





Женский головной убор «чихта», сел. Зрых Ахтынского района:

а — вид сбоку; б — вид сзади

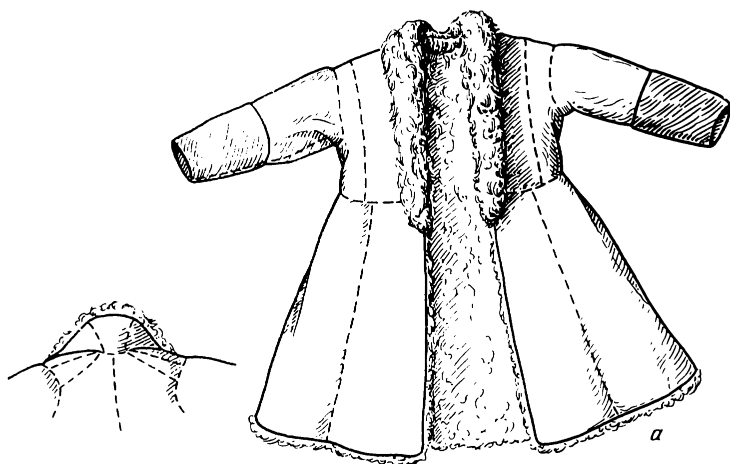
⇒

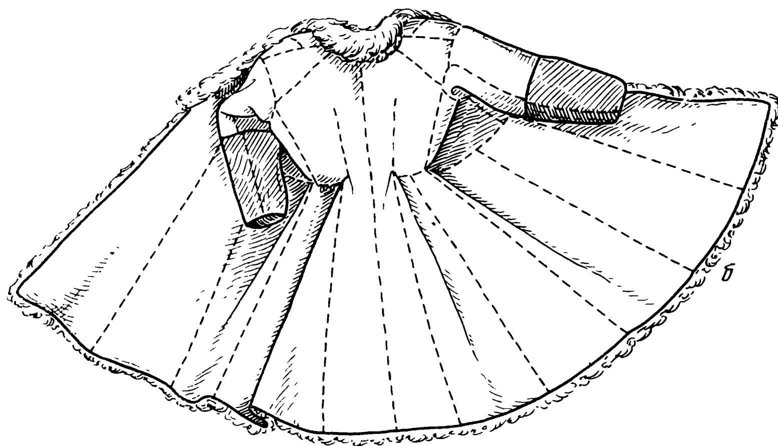
Женская распашная шуба «кІурт», сел. Зрых Ахтынского района

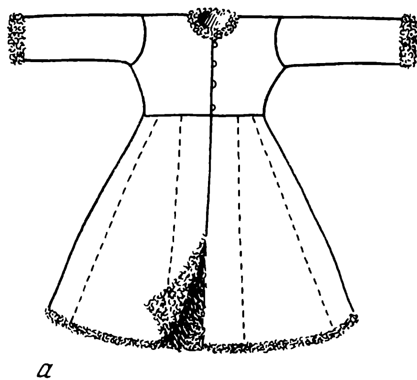
а — вид спереди, б — вид сзади

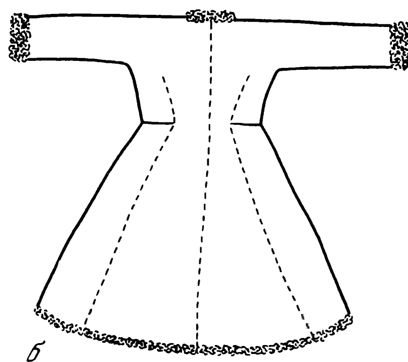
Женская шуба «кІурт», сел. Шили-хур

а — вид спереди, б — вид сзади


а


б


а


б

XIX — начале XX в., но, очевидно, и в значительно более раннее время.

Верхняя одежда типа валчаг зафиксирована у многих народов Северного Кавказа и Дагестана. Одежду, напоминающую по покрою лезгинский валчаг, носили кумыки — платье типа «къабалай», аварки — «хабалай», «телеги», «юкка», даргинки — «валжагъ», лакцы — «бузма» и т. д.[26]

Терминологическое несовпадение названий этого типа одежды у большинства дагестанских народов заставляет исключить возможность заимствований и предполагать локальный характер его возникновения у лезгин.

Наряду с описанным комплексом одежды приблизительно с конца XVIII в. лезгинки стали носить бытующее и по сей день платье — «булушка», надевавшееся поверх рубахи-перем. Булушка шили из 8—9 м ткани шириной 150 см, в талию, с длинными широкими рукавами на манжетах. Лиф делали прилегающий, отрезной. Перед лифа был заложен глубокими складками шириной 5—6 см, на спине имелся разрез до талии, который застегивался на пуговицах или крючках. Иногда разрез бывал сбоку лифа, от подмышки до талии. Для прочности лиф платья булушка делали на подкладке. Неглубокий вырез на груди платья обшивали планочкой. Манжеты рукавов, планочки на вороте и на поясе украшали позументом или материалом другого цвета. Юбка была очень широкая, собранная в складки.

Этот тип одежды в основном был распространен у девушек и молодых женщин. Как утверждают долгожители, пожилые редко носили платье-булушка. Для женщин пожилого возраста его шили с вырезом спереди лифа от шеи до пояса, юбку делали в сборку и не с такими глубокими складками, как для молодых. Кроме того, пожилые женщины всегда носили это платье темной цветовой гаммы, а молодые любили яркие цвета: красный, зеленый, желтый, голубой, оранжевый с цветочками.

Платье-булушка, почти такого же покроя, даже со схожим наименованием — «полуша», встречается у лакцев, аварцев, кумыков и чеченцев. В то же время у народов Закавказья, даже среди азербайджанских лезгин, оно встречается крайне редко и только у девушек. Видимо, ареал распространения этого типа платья в основном охватывает территорию Северо-Восточного Кавказа, так что можно предполагать, что к лезгинам оно проникло от северных соседей.

Во время работы сверху этого платья носили нагрудник — «хириган», который шили из 1,5—2 м ткани. Его делали отрезным в талии, от талии вниз в складку, к поясу пришивали планочку с тесемками, завязывающимися сзади. Хириган кроили и без лифа из прямого полотнища, собираемого у пояса в складку, к которому пришивали тесемки. Хириган с лифом преимущественно надевали с валчагом, а без лифа — с платьем-булушка.

Специальной теплой одежды, предназначенной для зимы, у лезгинок не было. В холодную погоду они одевали обычно короткий стеганый пиджак и короткую шубу. Короткий (немного ниже талии) пиджак — «лабада» шили из простых хлопчатобумажных и шелковых тканей (сатина,

бязи, бархата, вельвета и т. д.) темного цвета, облегающим по фигуре и немного приталенным у пояса, с длинными вшивными прямыми рукавами. Делали его на подкладке, которую подбивали шерстью или ватой и пристегивали. Для украшения пиджаков девушек к низу рукавов пришивали серебряные монеты с ушками.

С конца XIX в. лезгинские женщины поверх платья-булушка стали носить стеганые безрукавки — «жандум», которые шили из такого же материала, что и лабада. Для такой безрукавки требовалось около 2,5 м ткани. Ее делали чуть приталенной у пояса, с разрезом от шеи до подола, с застежками на крючках или пуговицах. Безрукавки также шили из овечьих шкур.

В холодную погоду женщины носили шубу — «кІурт», которую шили из 7—8 бараньих шкур. Женские шубы старались делать более нарядными, чем мужские. Воротник и строчку у полы шубы делали из красивого черного меха ягнят. Зажиточные люди шили кІурт целиком из шкурок шестимесячных ягнят. Шубы делали длиной до 140 см, в талию, с все более расширяющимися книзу полами и длинными узкими вшивными рукавами. КІурт, как и валчаг, застегивался на 2—3 крючках у пояса. Во время работы полы шубы подбирались и прикреплялись сзади к поясу. В старину богатые женщины обшлага на рукавах делали с шелковыми отворотами и покрывали их узорной вышивкой. В отличие от мужчин в большинстве лезгинских районов женщины в помещении шуб не носили, так как они стесняли движения во время работы. В высокогорных селениях Куруш-Ахтынского района ДАССР, Дустаир и Судур Кусарского района АзССР лезгинки носили шубы с глубоко разрезанными рукавами При работе разрезанные части заворачивались и прикреплялись к шубе выше локтя.

Шубы-накидки, широко распространенные у аварок, лачек и даргинок, лезгинские женщины, так же как рутулки, цахурки, табасаранки, не носили, из чего можно заключить, что этот тип одежды являлся локальной особенностью костюма, характерного только для территории нагорного Дагестана.

Особый интерес в традиционной одежде не только лезгин, но и всех народов Дагестана представляют женские головные уборы.

Наиболее характерным типом головных уборов дагестанских женщин, в том числе и лезгинок, является «чухта», чуткъу». Этот головной убор имеет широкое распространение не только в Дагестане, но и у народов пограничных с ним районов: чеченцев — на севере, азербайджанских лезгин, шагдагцев и закатальцев — на юге.

Почти полная идентичность названия «чухта» в языках дагестанских народов и их вышеперечисленных северных и южных соседей позволяет считать Восточный Кавказ, в том числе и Дагестан, родиной этого типа головного убора.

Указанная точка зрения прочно укрепилась в кавказоведческой литературе, и термин «дагестанская чухта» в настоящее время является общеупотребительным.

О древности бытования в Дагестане этого головного убора свидетельствуют археологические материалы. В Бежтинском могильнике, датируемом VIII–X вв. н. э., был обнаружен головной убор, очень схожий с современной аварской чухтой. По покрою он представлял собой колпак, скомбинированный из кожи и ткани, спускавшийся сзади на затылок. Колпак этот был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусинками (преимущественно сердоликовыми, шаровидными и пирамидальными), употреблявшимися в качестве подвесок[27].

Как и средневековая аварская чохтIа, и лезгинская чутку состояла из чепца для головы и мешочка для кос, пришитых друг к другу. Чепец натягивался на голову, полностью закрывая волосы, и плотно обвязывался вокруг головы. Он состоял из налобной планки (шириной 8—20 см и длиной 35—40 см) и макушки полуовальной формы, к которой пришивалась планка. Встречался и другой вид чутку (в бывшем Кюринском округе), когда налобная планка без макушки прикреплялась к мешочку для кос. К концам налобной планки пришивались две тесемки, с помощью которых чутку удерживалась на голове. Для более прочного закрепления дополнительно поверх чутку одевали «ченецIил», сшитый из той же материи, что и головной убор из веревочек в виде обруча. Он охватывал голову таким образом, что веревочки обматывались вокруг лица и затылка.

В XIX в. чутку шили длиною почти до пят, в конце XIX в. стали делать немного короче (ниже ягодиц), а в 20-х годах XX в., как и по сей день, уже носили немного ниже талии. Шили ее из любой неплотной ткани яркой расцветки (как однотонной, так и пестрой). Нарядные чутку шили из тонких шелковых тканей типа тафты и из парчовых — типа «хара». Большое внимание лезгинки уделяли украшению чутку, особенно налобной части, которую обшивали позументом, галунами, бисером, серебряными блестками, всевозможными украшениями типа «сармаяр», «курумар», «безекар» и т. п. Нижний край чухты отделывался кисточками, цветным материалом, узорным швом, галунами. Для укрепления чутку на голове и для украшения носили серебряный «кикер», который состоял из двух чеканных лепесткообразных пластинок с подвесками, соединенными пятью рядами цепочек. Аналогичное украшение на чухте носили арчинки, называлось оно «палта»[28].

В разных районах лезгинская чутку именовалась по-разному. В бывшем Самурском округе ее преимущественно называли «чуткъу», «шуткъу» «бирчек», «бурчекия», в Кюринском — «шутIкьу», «бирчек», «къур» и т. д.

Этот головной убор с некоторыми изменениями в названиях существовал почти у всех народов Дагестана. Аналогичный головной убор лакских женщин, по описанию А. Г. Васильева, называется «бек-баху» и делается из ситца, преимущественно такого, чтобы на темном фоне были крупные красные цветы. Он до половины закрывает лоб, спускается сзади в виде мешка на спину. В нем женщины прячут свои волосы, заплетенные в косы[29].

Головные уборы аварок, несмотря на все их разнообразие, в основе своей, как пишут З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг, также представляли собой чухту [30].

У горских евреев тот же тип женского головного убора назывался «чутку» и имел мешкообразную форму; по краям его украшали серебром и бисером [31].

У табасаранцев «национальным головным убором женщины являлась мешкообразного вида «чухта»,— отмечал М. М. Ихилов,—которая шилась из хорошей материи. Один конец чухты плотно облегал голову, совершенно закрывая волосы, другой свешивался на спину до талии» [32].

«Кумычки носили на голове повязку (чутку) в виде узкого, открытого сверху и снизу мешка длиной 100—120 см и шириной 40—45»,— пишет С. Ш. Гаджиева [33].

Обязательной принадлежностью лезгинского женского костюма как в прошлом, так и сейчас являются головные платки, одеваемые поверх чутку. Прежде женщина даже мужу не могла показываться в одном чутку без платка. В чутку можно было находиться только в женском обществе, дома и в поле, когда женщины работали отдельно от мужчин.

Азербайджанские женщины ходили в чадре. Более того, при встрече с мужчиной они отворачивались (как это было принято у многих восточных народов) и ждали пока он не пройдет. Но у кубинских лезгин такого обычая не было, хотя мужчина при встрече с женщиной тоже ни в коем случае не должен был с ней разговаривать.

Поэтому, как говорили старожилы многих сел Кусарского района, азербайджанки, которые жили по соседству с лезгинами, всегда завидовали их женщинам и предпочитали выходить замуж за лезгин [34].

Наряду с чутку лезгинские женщины носили различные головные платки. Наиболее древними из них, по рассказам наших информаторов, являлись «хара шал», «шаршав», напоминающие по покрою клетчатый плед. Такие платки изготовляли на ткацком станке из очень тонких шерстяных ниток бордового, синего, красного и желтого цвета (особенно любили клетку бордового и черного цвета). В XIX в. подобные платки размером 140×140 см, 150×150 см умела ткать любая женщина. В осенне-зимнее время замужние женщины ими обматывали и поясницу. Эта мода и в настоящее время сохраняется у пожилых женщин в среде азербайджанских лезгин, которые обязательно поверх юбки-вахчаг от пояса несколько раз плотно обматываются платком.

С проникновением к лезгинам фабричных хлопчатобумажных тканей у них получили распространение «фите» или «кӀеб» — треугольной формы платки размером 2,5—3 м.

В середине и особенно в конце XIX в. появляются также всевозможные шелковые, шерстяные, парчовые и газовые платки: шерстяной платок с шелковой бахромой — «сун шал»; шелковый (персидский) платок темно-красного цвета — «дуьгуьр»; тонкий шелковый платок с шелковой бахромой — «ипег шал»; тонкий генжинского производства платок без бахромы —«генже»; платок из плотной парчовой ткани с шелковой бах-

ромой — «хара шал»; тонкий шелковый (типа газового) персидский платок — «назнази», с бахромой и зелеными цветами на желтом фоне или желтыми и оранжевыми цветами на салатном фоне. Следует, однако, оговорить, что эти платки могли носить только состоятельные женщины. Бедная женщина, которая имела хотя бы один из таких платков, всю свою жизнь бережно хранила его, редко надевала и старалась передать по наследству дочери или невестке. Поэтому не случайно в лезгинском народном песенном фольклоре так часто поется о женских нарядных платках. Приведем некоторые из таких песен в нашем подстрочном переводе:

Кьилел алай лацу генжед	Голова покрыта белым генже.
Къирехдавай къветер вуч я	Взгляните на листочки по его краям.
Зун акурла ишезавай	При виде меня, который плачет,
КІени ярдин вилер вуч я.	Взгляните на глаза любимой.
Халад кьилел харадин шал	На голове у тети «харадин шал»,
Галай цІилер зардин бур я	Бахрома которого из золотистых ниток
Зи чандавай куьгьне дердер	Все мои прежние печали
Эвел кІан хьай ярдин бур я.	Сохранились от первой любви.
Назназидал кьвач эцигай	На назнази ногой наступивший
Энвербеген хел я зи яр	Энвербеку подобен [35] мой любимый,
Вуч хьанатІан зазни чидач	Сама не знаю тому причину,
Лап кІевелай хъел я зи яр.	В серьезной обиде мой любимый.

Все платки были четырехугольные, размером 1,5×1,5 или 1,7×1,7 м, так что при надевании их сначала складывали так, чтобы получился треугольник, после чего накидывали на голову, а кончик угла забрасывали на левое плечо (иногда и левый кончик закидывали на правое плечо). В жаркую погоду платок носили наподобие чалмы. В этом случае правым концом платка обвязывали голову, а левый конец прикрепляли к чалме сзади. Носили платок и так: из правого конца делали налобную повязку, а левый закидывали через правое плечо.

Каждая женщина выбирала себе платок с учетом возраста. Пожилые женщины носили платки одноцветные: темно-синие, коричневые, черные и т. п. Девушки и молодые женщины предпочитали платки ярких расцветок. Женщины средних лет и пожилые обязательно надевали платки так, чтобы часть лица и рот были прикрыты. Этот способ ношения у лезгин назывался «яшмагъ чІугуна» [36].

Для женщин было обязательным закрывание волос и отчасти лица. Длинные широкие покрои платьев и штанов были связаны с требованиями морали того времени.

Как и мужчины, лезгинские женщины носили вязаную узорчатую обувь — «кемечар» или «шаталар», башмаки — «башмакьар», которые зимой носили обычно вместе с узорчатыми шерстяными чулками — «куьлуьтар», и кожаные сапожки — «мягьсерар».

Женские узорчатые носки-куьлуьтар и узорчатая обувь — кемечар отличались от мужских только своей цветовой гаммой. Женские цветные

носки и узорчатую обувь вязали из шерстяных ниток ярких тонов, а мужские — из темных ниток.

Наиболее нарядной обувью считались кожаные башмаки без задников на высоком каблуке и узорчатые башмаки того же покроя. Особенно ценились башмаки из тебризской кожи красного, желтого и зеленого цвета. В бывшем Кюринском округе женщины любили башмаки из красного сафьяна, а в Ахтынском округе — из зеленого.

А. И. Фон-Плотто так описывал обувь закатальских лезгинок, которая ничем не отличалась от обуви лезгинок Дагестана: «Обувь у всех женщин в округе одинакова, пестрые шерстяные чулки и красные или какие-нибудь цветные башмаки без задников, с узкими закругленными назад носками и на высоких подборах, башмаки эти делаются так, что пятка не входит в них» [37].

Шили обувь в основном местные мастера, хотя встречались и покупные сапоги из Дербента, Нухи и Кубы, на кожаной подкладке из сафьяна нескольких расцветок. Привозные дорогие башмаки имели только состоятельные женщины. Бедные женщины обходились простыми башмаками с деревянной подошвой типа мужских чапатӀар, которые умел делать почти каждый хозяин. Башмаки — в качестве одной из основных разновидностей повседневной обуви — были распространены в XIX в. у всех народов Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Ирана, Турции. Можно предполагать, что этот тип обуви проник в Дагестан из Ирана и Турции, по-видимому, не ранее начала XIX в.

Во время полевых работ женщины, как и мужчины, носили сыромятную обувь типа шаламар или шаталар.

В конце XIX — начале XX в. некоторые лезгинские женщины стали носить ботинки — «чекмеяр» (на высоком каблуке, завязываемые на шнурках), галоши — «калушар» и различных фасонов башмаки фабричного производства. Однако в целом фабричная обувь в дореволюционное время не смогла вытеснить местную, так как далеко не все женщины имели возможность ее приобрести. Кроме того, природные особенности местного края способствовали сохранению традиционной, практичной, легкой, удобной и хорошо приспособленной к горным условиям обуви.

Женские прически и украшения. У лезгин красота женщин наряду с другими признаками (стройность, немного смугловатый цвет лица, черные глаза и брови и т. п.) определялась волосами. Поэтому лезгинки с малых лет уделяли волосам большое внимание, добиваясь, чтобы они были густые и красивые. В детстве, до 5—6 лет, девочке один-два раза обязательно брили голову, а затем отпускали косы. Девушки с густыми волосами заплетали четыре косы, обычно же носили две косы. Заплетать одну косу было не принято. Считалось, что если девушка будет ходить с одной косой, она останется одинокой.

В особенности такая прическа запрещалась женщинам, у которых имелись отец или братья. Поэтому, когда женщины бранились друг с другом, они нередко употребляли выражение: «Ви киф атӀуй» («Чтоб ты с одной косой осталась»). В буквальном смысле это означало: «Чтоб твой брат

Способы повязывания платка, сел. Койсун Магарамкентского района:
а — вид спереди, *б* — вид сбоку,

(или отец) умер». Поэтому у лезгин даже старые женщины, за исключением совсем дряхлых и больных, не обрезали волосы. Они делали это только в том случае, если у нее умирали все братья или же единственный брат.

Среди лезгинок практиковалось крашение волос хной или басмой. Кубинские лезгинки, помимо этого, окрашивали хной также руки и ноги. По собственному признанию лезгинок, они настолько привыкают к хне, что, когда долго не красят волосы, у них начинает болеть голова. Крашение же губ, ресниц, бровей и щек у лезгинок не практиковалось.

Как и многие другие восточные женщины, лезгинки очень любили украшения. Их носили и с повседневной, и с нарядной одеждой. Украшения были золотые, серебряные, металлические, костяные, янтарные. Изготовляли их местные мастера, но широко были распространены и привозные кубачинские, лакские, кубинские, нухинские и другие украшения. Одни из них предназначались для чутку (височные украшения), были также ушные, шейные, нагрудные, поясные украшения, украшения для рук, украшения-обереги и т. п.

в — вид сзади

О том, что женщины носили их издревле, свидетельствуют археологические находки эпохи раннего железа, обнаруженные на территории Лезгинистана. Так, по сообщению М. И. Пикуль, в Макинском могильнике, датируемом VI—V вв. до н. э., обнаружено множество сердоликовых бус шаровидной, цилиндрической и других форм с двусторонним сверлением и кратеровидной впадиной вокруг отверстия, глазчатые бусы, бусы из стеклянной паты биконических, чечевидных, бочонкообразных и колечковидных форм [38].

Височные украшения, кроме уже описанного выше серебряного кикера, включали специальные серебряные монеты, пришиваемые на лобной планочке чутку, цепочки, подвески, лепестки и т. д.

Ушные украшения лезгинки очень любили и выбирали их особенно тщательно. Они состояли прежде всего из серег — «сыргъаяр» (металлических, серебряных, золотых, комбинированных — серебро с костью и др.) самых разнообразных форм: в виде полумесяца, петушков, двухярусных шаровидных подвесок. Из шейных украшений предпочитали бусы (золотые, серебряные, янтарные, коралловые, стеклянные, металлические и т. п.). Кроме того, из серебряных монет делали ожерелья. Часто бусы носили вперемежку с монетами.

Нагрудными украшениями служили «бухма» и серебряные или матерчатые «гьейкалы». Украшение бухма шили из дорогой материи на подкладке длиной 40—45 см и шириной 30—35 см (покрой имел форму передней части лифа). На ней рядами нашивали сперва мелкие, затем все более крупные серебряные и золотые монеты, иногда посередине прикрепляли драгоценные камни, жемчужные бусы и т. п.

Другим нагрудным украшением лезгин являлась «гьейкал». Это украшение делали местные мастера из серебра с чернью (размером 15×15 см) и с серебряной цепочкой. В гьейкал вкладывались молитвы, написанные муллой. Это украшение изготовляли так же из кожи. К краям пришивали серебряные монеты с ушками в виде подвесок. К верхним двум углам пришивалась рукодельная тесьма. Тесьму надевали на шею так, чтобы гьейкал лежал на груди.

Разумеется, бухма с золотыми монетами и серебряными гъейкалами были достоянием только состоятельных женщин. Приведем одну лезгинскую народную песню, в которой рассказывается о тяжелой участи бедной девушки, выданной замуж не по любви за богатого, хотя она и носит на груди золотую бухму:

Бун айвандин кьилай кьилиз Къизил бухма хура (а) вай руш, Яр я лугьуз душман кьуна Чан аламаз сура (а) вай руш.	Ты расхаживаешь по галерее С золотой бухмой на груди, девушка, Ты женой у врага служишь, Живой похороненная девушка.

А вот еще одна народная песня, в которой бедная девушка так говорит о своем будущем:

Къизил бухма заг гакьадан Зи къелемаз мал авай туш [39].	Золотую бухму я не буду иметь, Мой милый не владеет богатством.

Богатые женщины носили нагрудные украшения тонкой ажурной работы (филигрань) типа медальона (ромбовидные, круглые, четырехугольные и т. д.) с подвесками на цепочках. Эти изделия, как правило, были покупные и выполнялись кубачинскими, лакскими и кубинскими мастерами.

Руки лезгинки украшали кольцами и браслетами. Кольца — «тупIалар» носили на всех пальцах, иногда даже по два кольца на одном пальце. Они бывали золотые с драгоценными камнями, серебряные с полудрагоценными или простыми камнями или же целиком из серебра с чернью и металлические.

Браслеты — «цамар» также были золотые, серебряные и металлические Одной из наиболее древних форм лезгины считают узкие змееобразные браслеты с несоединенными концами. Такие витые браслеты-змейки зафиксированы также у даргинцев и аварцев. Они близки к бронзовым браслетам эпохи раннего средневековья, обнаруженным на территории Аварии [40].

Встречались и широкие браслеты из отдельных пластинок, соединенных между собой, и с застежками у концов. Наряду с местными изделиями, особенно со второй половины XIX в., широкое распространение получили привозные браслеты из кораллов, янтаря или же филигранные из золота с драгоценными камнями. С начала XX в. в Дагестан стали проникать фабричные серьги и браслеты.

Лезгинки носили также и комбинированные украшения: кольцо с цепочкой и браслетом; кольцо с наперстком, соединенным с помощью цепочек.

Одежду лезгинские женщины украшали серебряными, костяными или деревянными пуговицами местного изготовления. На рукава валчага и лабада по нижнему шву пришивали царские монеты с ушками в виде подвесок. Обшлага рукавов украшались сармой. К валчагу пришивали также серебряные поясные пряжки-застежки. На платье-булушка с нагрудной стороны нашивали серебряные монеты, бляхи и т. п.

Женская вязаная обувь «шаталар», сел. Зрых Ахтынского района

Наконец, существовали украшения, которые являлись обязательной принадлежностью женского костюма, его составной деталью. Например, валчаг всегда носили с серебряным поясом. Серебряные пояса бывали самых различных форм: узкие, широкие, из отдельных, соединенных между собой пластинок, из серебра под чернь и серебра с позолотой, украшенной филигранью с драгоценными камнями. Большой популярностью пользовались и матерчатые пояса с нашивными серебряными пластинками, монетами разных величин и серебряными пряжками. Серебряные женские пояса, так же как и мужские, были широко распространены у всех кавказских народов. В XIX в. у лезгинок, помимо серебряных поясов работы местных мастеров из селений Кюснет, Ахты, Кака, Койсун, Хучхюр и др., большой популярностью пользовались привозные лакские, аварские, азербайджанские, кубачинские пояса. Особенно славились кубачинские изделия, за которые нередко платили цену, равную стоимости одной коровы или быка, а кубачинские позолоченные пояса, изготовленные техникой накладной филиграни и черни с драгоценными камнями, приобретали за сумму, которая равнялась цене двух быков или коров [41].

Женские серебряные пояса. Этнографический музей ДГУ

Причем если в ассортименте ушных и нагрудных женских украшений лезгины заметно уступали даргинцам и аварцам [42], то типы поясных украшений, как местные, так и привозные, были у них чрезвычайно многообразны. Как мы считаем, это связано с тем обстоятельством, что потребности лезгинских женщин в мелких ювелирных изделиях в XIX в. в основном удовлетворялись местными мастерами. Что же касается сложных, массивных украшений, то наряду с изделиями местного производства широко практиковалась покупка и завоз их из других районов Кавказа.

Определенное место среди лезгинских женских украшений занимали обереги, якобы охраняющие от дурного глаза. Некоторые из них, например описанные выше гейкалы, выполняли двоякую роль — оберега и нагрудного украшения. Самым распространенным видом талисмана у лезгин, как и у многих других мусульманских народов, являлись бумажки со стихами из корана, написанные муллой на арабском языке. Сложенные в виде треугольника, эти бумажки зашивались в сафьян и надевались на шею или пришивались к спинке валчага или к чутку. Черным агатовым бусам, которые лезгинки носили на шее, также приписывалась особая магическая сила. Их никогда не снимали, так как считалось, что они защищают от дурного глаза, злых духов.

Со второй половины XIX в. в селениях Ахты, Микрах, Кара-Кюре,

Серебряные серьги, сел. Койсун Магарамкентского района

Женская серебряная пряжка, с. Койсун Магарамкентского района

Касумкент, Гиль, Хазри и др. получила распространение вышивка золотыми нитками, гладью, бисером или простой узорной строчкой. У лезгин вышивальщицы имелись не во всех селениях, как у даргинцев, кумыков, аварцев, а лишь в некоторых.

Вышивали прежде всего нагрудный вырез валчага, обшлага рукавов праздничных платьев, борта черкески, макушки детских папах и т. д. Производилась вышивка шелковыми и шерстяными нитками местного производства, а также приобретенными у купцов — горских евреев — серебристыми и золотистыми нитками.

Наряду с вышивками лезгинки любили делать и тканую тесьму из золотистых и серебряных ниток типа «сарма», «буфта», которые изготовляли специальные мастерицы почти во всех лезгинских селениях. С конца XIX в. и в начале XX в. стали покупать и фабричную тесьму, доставлявшуюся купцами из городов Дербента, Нухи, Кубы и Баку.

Узорное ткачество также особенно широко расцвело во второй половине XIX в. Вытканный узор исполнялся на ткацком станке.

Тканый узор никогда не покрывал большую поверхность одежды. Этой особенностью тесьмы определялся характер орнамента, в котором преобладали геометрические фигуры. В то же время в изделиях ручной вышивки наряду с геометрическим нередко встречался и растительный орнамент.

Детская одежда

Одежда маленького ребенка до шестимесячного возраста состояла из рубашки, безрукавки, стеганого пиджака, тюбетейки, платочка и шерстяных носков. Нательную рубашку — перем шили из ситца, мягкого полотна, а позже из фланели. Она имела туникообразную форму с длинными вшивными рукавами (30 см). Разрез ворота делали вертикальным (25 см). Длина рубашки равнялась 45 см. Шили рубашку наружным швом. Подол, разрез ворота и рукава подшивали. Надевалась рубашка через голову. Поверх рубашки надевали безрукавку (стеганую или на подкладе) или короткий (длиной в 40 см) стеганый, с длинными рукавами пиджак. Ворот у пиджака делали горизонтальный, с боковым разрезом от плеча до подола. Застегивался ворот посредством крючков или пуговиц. В целях удобства и чтобы не продувало грудь ребенка, застежки делали сбоку. Для отделки рукавов, ворота и бокового выреза пиджака использовали материал другого цвета. На пиджак надевали нагрудник — «хириган» с завязками у шеи и у пояса. Хириган часто украшали узорным швом в виде лепестков или цветков. Иногда на спине у безрукавки или пиджака нашивали большой во всю спину цветок из разноцветных лоскутков — «мурцан цуьк» (цветок мурцан). Он состоял из 12 лепестков разных расцветок, каждая из которых соответствовала определенному месяцу года. Этот цветок служил не столько украшением, сколько выполнял определенную символическую роль. По представлениям лезгин, его нахождение на пиджаке или безрукавке в течение круглого года защищает ребенка от всяких бед. Как мы предполагаем, название цветка-мурцан, возможно, восходит от имени какого-то божества, в далеком прошлом существовавшего у лезгин, или же является отголоском некогда распространенного у них солярного культа.

Когда ребенку исполнялось 5—6 месяцев, ему шили штаны-вахчаг на подкладке или же стеганые. Между штанинами ромбовидной ластовицы не вставлялось, и они не зашивались. Штанины соединялись между собой только с помощью вздержки, протягиваемой через пояс. Держались штаны на перекинутых через плечи ремешках. Благодаря подобному покрою дети могли выполнять свои естественные потребности, не снимая штанов, так как развязывать шнурки они еще не умели. Такие открытые штаны дети носили до 4—5 лет.

Когда же на ребенка надевали в первый раз «взрослые», без выреза, штаны, родители хвалили его и шутя говорили мальчику, что он теперь настоящий мужчина, кормилец («Итим я гьа кIан квай вахчаг алай!»), девочке — что ее можно уже выдавать замуж и т. д.

К одному году ребенку, также независимо от пола, шили валчаг, правда, немного иного покроя, чем для взрослых. Его кроили из разноцветных кусков материи, которые пришивали друг к другу, а спинку делали из лоскутков разных расцветок, в виде цветка — мурцан цуьк. Шили валчаг длинным, почти до пят, с длинными же и широкими рукавами. Выше талии его кроили по фигуре, а ниже — расклешивали. Ворот делали горизонтальным в разрезе с дополнительным вырезом до конца одного плеча. Как и

пиджак для младенцев, такой валчаг шили с боковым вырезом от плеча до самого подола. Застегивался валчаг крючками или пуговицами.

Валчаг такого покроя дети носили от одного года до трех лет. Затем девочкам шили платье-булушка такого же покроя, как и взрослым, а мальчикам рубашки и закрытые штаны.

Булушка для девочек украшалась позументом, галунами, бисером (особенно манжеты рукавов, ворот, грудь, пояс, подол и т. д.). У подола булушка делали в два-три ряда поперечные складки или же к подолу пришивали ленты из цветного материала.

Девочки поверх булушка носили фартук — хириган, пришивной, у талии собранный в складку. Завязывался он с помощью тесемок сзади у талии.

С трех-четырехлетнего возраста детям шили шубы — курт, почти такого же покроя, что и у взрослых, но украшению и отделке их уделялось гораздо больше внимания. Валчаги взрослого покроя девушки начинали носить лишь в 13—14 лет, а черкески юноши — с 14—15 лет. С этого возраста они должны были соблюдать общий для всех лезгин порядок ношения одежды.

Головным убором для детей служила тюбетейка — «тесек» полусферической формы, которая кроилась из четырех или шести сшитых вместе треугольных кусков материи. Иногда в целях украшения эти куски подбирали из мягкой ткани разного цвета. Такие тюбетейки всегда шили на подкладке. Украшали тюбетейки также узорным швом в виде зигзагов и спиралей и искусственными цветочками из разноцветной материи.

Детям до 8—10 месяцев поверх тюбетейки одевали небольшие платочки (60×60 см), сшитые из мягкой ткани. Концы платка проходили через подбородок и завязывались на затылке. Когда мальчику исполнялся год, то в теплую погоду ему на голову надевали тюбетейку с пришитыми к ней широкими полями из материи — «руфутlар» для защиты от солнца. Головным убором девочек в возрасте старше одного года служили небольшие платки — «фите», сшитые из тонкой материи (размером 80×80 см).

Для грудных детей шили также шапочки в форме капюшона на подкладке. Их делали из шелковой или хлопчатобумажной ткани и по краям пришивали оборочки (шириной в 50 см). Для украшения на эти шапочки нашивали искусственные цветы из разноцветных лоскутков.

Мальчики полутора-двух лет носили папахи такого же покроя, что и у взрослых. Детям шили папахи из шкур молодых ягнят, черного или серого цвета с завитком. В богатых семьях дети носили папахи из каракуля. Детские папахи кроились следующим образом: околыш и подкладка делались из меха, а донышко из материи и украшалось тесьмой в форме креста, мелкими бусами, амулетами и пр.

Девочки с четырех-пятилетнего возраста уже носили чутку и поверх нее платок.

Обувью детям до 15 лет служили шерстяные чулки — кулитар. Как только ребенок начинал ходить, к чулкам, чтобы они быстро не снашивались, в качестве подошвы пришивали сыромятную кожу. В сырую погоду

дети, начиная с трех-четырехлетнего возраста, уже носили башмаки-чапатар на толстой деревянной подошве (такие же, как у взрослых). Чарыки-шаламар дети надевали с шести-семилетнего возраста.

В XIX — начале XX в. детская одежда у лезгин, как по своим основным компонентам, так и по покрою, отличалась от одежды взрослых. Ее специфические особенности половозрастного характера проявлялись также в цветовой гамме и способах ношения.

Значительное внимание лезгины, как и другие народы Дагестана, уделяли украшениям и оберегам, пришиваемым к детской одежде. Кроме особых вышивок, галунов, позументов, использовавшихся для украшения, большое место занимали обереги: всевозможные бусы, бисер, монеты, ракушки, косточки, камешки и пр. Все эти предметы пришивали в основном к верхней одежде на плечах и на груди. Прежде у лезгин было принято, что, когда молодая мать с ребенком заходила в дом к своей матери или к другим родственникам, обязательно к одежде ребенка прикрепляли какое-нибудь украшение или безделушку. Иной раз, особенно ребенку-первенцу, нелегко было носить на своем пиджаке тяжесть этих украшений (среди них были камни с отверстиями, тяжелые серебряные монеты с ушками, большие бусины, когти птицы).

Большинство украшений, пришиваемых к одежде ребенка (когти птицы, зубы диких животных, черные бусы с белыми крапинками, круглые камни с отверстиями и пр.), обладали, согласно поверью, магической силой. Они считались оберегами, которые защищали детей от болезней, сглаза, невзгод, преждевременной смерти.

Оберегами для детей служили также широко распространенные у всех народов Дагестана кожаные металлические футлярчики — «сапабы» с «заклинаниями», написанными муллами и дибирами на арабском языке. У лезгин к углам сапаба прикрепляли бутончики из цветных шелковых ниток и пришивали их на груди или же на плече верхней одежды ребенка.

Большинство из оберегов, применявшихся в качестве украшений детской одежды и одновременно носителей магической силы, защищавших ребенка, по своему происхождению восходят несомненно к домусульманским культам. Например, изготовленные кузнецами металлические монеты в форме полумесяца, по всей видимости, восходят к культу железа, который некогда существовал почти у всех народов Кавказа. Сапабы с заклинаниями на арабском языке — это уже позднее явление, в котором отразилось влияние ислама.

Мы считаем, что широкое распространение оберегов у всех народов Дагестана (аварцев, лакцев, даргинцев, табасаранцев, рутульцев, агульцев, цахур и др.) связано также и с крайне высокой детской смертностью. В условиях полного отсутствия медицинской помощи амулеты и талисманы рассматривались как единственные средства, сохранявшие жизнь и здоровье детей. Поэтому-то они и составляли неотъемлемую принадлежность детского костюма.

Обрядовая одежда

Свадебная одежда. Одежда жениха состояла из рубашки, брюк, бешмета и черкески. Для их шитья выбирали лучшие добротные ткани местного производства или привозные. Бешмет и черкеску шили или темно-синего или белого цвета из домотканого или фабричного сукна. Черкеска должна была плотно облегать фигуру. Рукава ее, прямые и широкие, спускались ниже кистей. Газыри делались серебряными, по 8—10 штук с каждой стороны. Черкеска — чухва перетягивалась узким поясом с чеканными серебряными с позолотой пластинками и подвесками. Обувью жениху служили легкие сапоги — мягьсерар. Головным убором являлась каракулевая или овчинная папаха. Весь комплекс свадебного костюма должен был подчеркнуть стройность (широкие плечи, тонкую талию, осанку), подтянутость, ловкость и силу.

Разумеется, пышность свадебного наряда всецело зависела от состоятельности жениха. Описанный свадебный костюм мог иметь далеко не всякий лезгин. Поэтому женихи, не имевшие собственного наряда, брали его напрокат.

Дружки жениха также одевались в белые папахи и черкески. Каких-либо специальных элементов одежды, присущих только костюму жениха, как «веренсервен» и «дарай бухьи» [43] у аварцев, у лезгин не было.

Традиционный костюм невесты у дагестанских лезгин состоял из нескольких рубах, сшитых из ситца, сатина, атласа, шелка — «дере» и валчага из парчовой ткани — «хара». Свадебный валчаг был длинный, почти до пят, с длинными двойными рукавами. Особенно украшали верхний рукав, а также грудной вырез. Их обшивали тесьмой, сарма, галунами, позументом и т. п. Со свадебным валчагом обязательно носили самый нарядный серебряный пояс, а у богатых невест пояса были даже в золотой оправе со вставленными драгоценными камнями.

В свадебный наряд лезгинки, помимо пояса, входили и другие украшения: серьги, бусы, браслеты, кольца, наперстки, нагрудное украшение — бухма и т. п. На ноги одевали цветные кожаные башмаки или мягьсерар. Головной убор невесты состоял из шелковой чутку, отделанной позументом, галунами и буфтой, поверх которой надевали несколько головных платков: шелковый платок с бахромой — ипег шал, такой же платок, но без бахромы — генже и платок с бахромой из узорчатой парчовой ткани — хора шал. Сперва поверх чутку повязывали генже, затем хора шал и, наконец, ипег шал. После этого голову невесты окутывали персидским шелковым платком — дуьгуь-ром, красного или темно-красного цвета.

Свадебный наряд невесты у азербайджанских лезгин включал две-три рубахи, широкие штаны — вахчаг, короткий валчаг, серебряный пояс и другие украшения. Обувью ей служили кожаные башмаки — башмакзар, головной убор состоял из чутку, хора шал, генже и темно-красного дуьгуьр.

Окутывание головы и лица невесты платком является одним из наиболее распространенных элементов свадебного обряда народов Кавказа. Как

уверяют старики-лезгины, аварцы, табасаранцы и др., таким образом невесту оберегали от «гибельных» влияний: сглаза, порчи, злых духов и т. п. Одновременно дуьгуьр скрывал невесту от нескромных взоров присутствовавших, а его огненно-красный цвет был символом домашнего очага и невинности девушки.

У народов, которые не знали обычая прикрывать лицо невесты платком, для этой цели использовались специальные украшения. Например, у аварцев одним из обязательных элементов свадебного наряда невесты было особое украшение из серебра с чернью, орнаментированное в национальном стиле маргъал [44], которое почти целиком закрывало ее лицо. Считалось, что это украшение одновременно защищает невесту от «дурного глаза».

Свадебный наряд невесты, как и наряд жениха, отличался от каждодневного не столько определенными элементами покроя, сколько своей броскостью и богатством украшений. Пышность, нарядность, количество и характер украшений зависели, конечно, прежде всего от достатка.

К женитьбе сына родители готовились задолго. Иногда старшие члены семьи пять или шесть раз подряд ездили на заработки, чтобы купить свадебную одежду для невесты.

У лезгинского поэта XIX в. Етима Эмина есть стихотворение под названием «Къавумдиз» («Сторонникам жениха»), где рассказывается, какой свадебный наряд должен покупать жених своей невесте. Приведем несколько строк:

Ният уна вун базардиз фейила
хьсан затӀ хьуй а къиметар гайила,
Вири тамам мӥхьи либас гъайила.
Тевкиз тумаж мягъсерар кемиз дахьуй
Им фана дунья я эхир рекьидай
дуьнядин мал са затӀя хьи чикӀидай.
Тевриз тумаж мягьсерарив туькӀуьдай
Къацу саргъид башмакьар кемиз дахьуй
За ваз лагьай тегьердин зар зиба гъваш.
Яру шаршав, михьи дуьгуьр, диба гъваш
Лазим затӀ я, мина зунжур къуба гъваш.
Мегьридин регъ гьам рикӀелай физ дахьуй.
Яру къазаб перемдиз я ярашух
Дере мад гъваш гьират келегъа яйлух
Гьажилибас дередикай архалук
Къирдин жуна гъафил яз амукьиз дахьуй [45].

Когда с целью ты идешь на базар,
Купи вещи, которые бы имели цену,
Пусть весь наряд будет шелковым,
И еще, чтобы не забыли сапожки из кожи тебризской.
Этот мир, где людям суждено умереть,

Богатству тоже приходит конец.
Подходящие к сапожкам тебризским
Не забудьте и зеленых башмаков.
Все, что наказано вам,— привезите,
Еще красный шелковый платок — дуьгуър — привезите,
Нужная вещь — наперсток с цепочкой — привезите,
Не забудьте и костяной гребень.
К красной холщовой рубахе
Лучше подходит дере и еще платок генже,
Также из наилучшего дере архалук.
Пусть еще там же будет и кружевной платок.

Приведенные строки Етима Эмина наглядно показывают, сколь требовательно относились родственники невесты к ее свадебной одежде. Наряду невесты уделяли несравненно больше внимания, чем наряду жениха. Если жених мог в целях экономии взять свадебный костюм напрокат, то невесте этого делать не полагалось. Жених обязан был купить ей свадебный наряд, иначе подвергалась оскорблению его мужская честь. Поэтому неимущим лезгинам приходилось копить средства, необходимые для свадьбы в течение нескольких лет. И все же бывало так, что жених не мог купить весь комплекс свадебного костюма (например, серебряный пояс, башмаки, платок — дуьгуьр и т. п.). В этом случае ему приходилось занимать его на время свадьбы.

Процесс одевания невесты в отличие от одевания жениха у лезгин сопровождался некоторыми обрядами. Вначале наряд невесты одевала одна из близких ее подруг. Она танцевала в свадебном костюме, а в это время совершался обряд прощания невесты с родительским домом.

Лезгины считали, что с выходом замуж девушка не только покидает родную семью, но и утрачивает связь с культом родительского очага, поскольку переходит под защиту духов-покровителей дома мужа. Этот переход женщины из одной семьи в другую, от покровительства одних домашних божеств к другим и выражался в прощании невесты с очагом родительского дома и поклонении домашнему очагу мужа. Сначала невеста целовала очаг, а затем ее близкие родственники поочередно давали свой «рухсат» — разрешение на одевание свадебного наряда и оставление родительского дома. При этом произносились многочисленные речи, суть которых сводилась к тому, что и в новом доме родственники никому не позволят обижать молодую и всегда готовы защищать и отстаивать ее интересы.

После этого подруги приступали к одеванию невесты. Во время одевания свадебного наряда невеста горько плакала, а подружки ее и присутствующие при этом девушки пели песню следующего содержания:

Яруш вун тухузава!	Эй, девушка, тебя увозят!
Ли-ла-Ли-ла-ли	По тебе подруги горюют.
Вахъ юлдашар кузава	Помогите, девушку увозят!

Гьарай руш тухузава	Наши сердца разрываются,
На чи рикI атIузава,	Враги девушку увозят.
Чархи камун явшанар	Наступит время, парень придет
Руш тухузвай душманар	В украшенную комнату твою.
Гада хуьквер гьал жеда	Во дворе солнце печет,
Гуьжре хьтин кIвал жеда,	На глазах невесты слезы текут,
Къавал чими рагъ ала	Не плачь, не плачь, джейрану подобная девушка!
Рушван вилел нагъв ала	Всех девушек ждет подобная кара, дорогая ханум!
Шемир-Шемир ччан таза	
жейран ханум!	
Вирида кьилел къвер	
къза я чан ханум!	

Музыканты во дворе при этом пели грустную мелодию, под звуки которой плакала не только невеста, но и многие из присутствующих.

Прощание невесты с родительским очагом, смысловое значение речей близких родственников и песен подруг — иными словами, весь комплекс обрядности, связанный с одеванием невесты, несомненно, является отголоском далекой старины, пережитком той эпохи первобытнообщинного строя, когда матрилокальная форма брака и поселения супругов у лезгин сменилась патрилокальной.

Траурная одежда. Как и у многих других восточных народов, у лезгин существовала и особая похоронная одежда. Покойника облачали в специальную рубаху, называемую «эхиратдин перем» (рубаха для загробного мира). Она была из прямого белого полотнища длиной 4 м. Полотнище складывали вдвое, а затем посередине делали вырез для головы. Рубаху эту не шили, ибо дотрагиваться иголкой до одежды покойника прежде считали большим грехом.

По представлениям лезгин, на том свете покойник будет призван к ангелу — Азраилу, перед которым он должен предстать именно в этой рубахе, а не в голом виде. Поэтому рубаху делали длиной до пят. Кроме того, покойнику шили чулки — «магьсерар» из того же белого полотна. Прежде, как уверяют старожилы, ноги покойника просто обматывали кусками белой материи, позднее стали кроить подошву и переднюю часть наподобие носка и шить чулки.

Эти два предмета были обязательным элементом похоронной одежды и для мужчин, и для женщин. Женщине-покойнице, кроме того, на голову надевали платок из белого полотна, который завязывали наподобие чалмы. Поверх платка повязывали узкую ленту из зеленого материала. Этот цвет, по представлению лезгин, означал символ рая, утопающего в зелени и цветах. Поэтому состоятельные люди и все остальные элементы похоронной одежды (рубаху, чулки и т. д.) делали из зеленого шелка — «дере».

Кроме рубахи, чулок и платка, для покойника из обыкновенных кусков белой ткани изготовляли вахчаг, кушак и валчаг. После этого тело умершего окутывали в саван из белого полотна — «кафан». На каждый саван

требовалось около 6 м ткани. Если материал был широкий, то для кафана хватало одного полотнища, если узкий — два полотнища пришивали друг к другу. Иногда на покойника надевали четыре-пять кафанов. При этом последний кафан у пояса, ног и головы обязательно завязывали лентами из зеленого материала. Для умерших девушки или юноши из состоятельных семей кафан делали целиком из шелковой зеленой ткани.

В народных лезгинских песнях встречаются строки следующего содержания:

Къацу деред кафанда тур	Окутайте меня в саван из зеленого дере,
къуьнераллаз твах жегьилер!	Несите мой гроб на руках, молодые люди!
Зи дуьнядихъ вил галама	Я хочу еще видеть белый свет.
Сура пенжер тур кIени яр!	Оставляй окно в моей могиле, любимый!

Когда умирали дети, им также шили эхираждин перем, носки и другие предметы, закутывали тело в саван из двух-трех метров белого полотна.

Прежде чем одеть умершего, его тело обмывали. При этом человек, совершавший обряд обмывания, получал лучшую одежду, которую покойный носил при жизни.

Во время похорон и женщины, и мужчины одевались во все черное, в особенности это касалось головных уборов.

Когда умирал молодой человек, имевший невесту или молодую жену, то его близкие родственницы снимали головные уборы, распускали волосы и выходили на площадь — «рат». Все женщины становились в два ряда. В самой середине круга находились жена или невеста, сестры, мать; второй круг образовывали родные, а третий — остальные женщины. Все они прыгали, кружились, били себя в грудь, царапали лицо и рвали волосы на голове. При этом произносились такие слова причитания:

Эхир замандин югъ я гьа!	Сегодня день потопа!
Шай — шагьи — шагьидин югъ я гьа!	Сегодня день смерти шаха!
Къе шагь квахьайдан югь я гьа!	Сегодня день того, кто потерял шаха!
Къелем квахьайдан югь я гьа!	Сегодня день того, кто потерял возлюбленного!
Керем квахьайдан югь я гьа! и т. д.	Сегодня день той, кто потеряла молодого мужа!

Если умерший имел любимого коня, то его иногда также помещали в середину круга плачущих женщин.

Молодая жена или невеста, сестра и мать покойного по выходе из круга, окровавленные и измученные, демонстративно обрезали себе косы в знак глубокого траура.

Во время похорон все присутствующие женщины были одеты во все черное. Близкие родственники специально всю одежду окрашивали в черный цвет. Новую траурную одежду лезгины не шили, ибо считали, что само приобретение новой одежды несовместимо с трауром.

Молодая жена, невеста, сестра или мать умершего молодого человека в течение 1—3 лет, в зависимости от степени родства и возраста умершего, не снимали траурную одежду: носили черный платок, закрывали часть

лица яшмагом и не поднимали голову. Мужчины особой траурной одежды не носили, а одевали то, в чем ходили обычно.

Траурный период для женщин был более длительным и тяжелым, чем для мужчин. Траур мужчины, у которого умерла жена, сестра, мать, брат или сын, ограничивался тем, что он в течение 40 дней одевался скромно и не брился.

Этот обычай имел распространение у многих народов Дагестана, но у лезгин он появился сравнительно недавно, с 30-х годов нашего столетия под влиянием соседей. Прежде соблюдавшие траур мужчины не брились одну — три недели. После этого срока отец, сын, брат или другой близкий родственник покойного собирал родню в своем доме, угощал обедом, сообщал, что с завтрашнего дня все они могут бриться и благодарил за сочувствие и траур, который они держали все это время. На следующий день сам опекун покойного брился, а его примеру следовали все остальные.

День, когда женщины снимали с себя траурные одежды, также сопровождался определенным обрядом. Когда со дня смерти исполнялось один, два или три года, близкие родственники умершего, которые держали траур, в сопровождении других женщин, старух и детей с угощениями (18—20 лепешек, национальная халва, пряности) шли к нему на могилу. Вначале оплакивали умершего, а затем, как бы попросив у него извинения в том, что они снимают траур, раздавали присутствующим угощения и возвращались домой. После этого, через три — пять дней женщины имели право снимать траурную одежду.

Приведенные выше материалы, как нам кажется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что именно одежда, пожалуй, наиболее ярко характеризует национальную специфику народа, его культурные традиции, художественные вкусы и т. п. В особенности отдельных элементов лезгинского костюма и его региональных вариантов можно усмотреть отражение самых разнообразных факторов: природно-географических, хозяйственных, локально- и инокультурных, социальных, идеологических и т. д.

В одежде лезгин (особенно южных районов) в конце XVIII—XIX в. прослеживается немало черт, присущих национальному костюму азербайджанцев, турок и иранцев. С конца XIX в., с распространением на Кавказе русской культуры, лезгинский костюм, особенно мужской, обогащается целым рядом элементов русской городской одежды.

[1] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1823, с. 327.

[2] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, с. 402, 403.

[3] *Зубов Н.* Картина кавказского края. СПб., 1834, с. 76.

[4] Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.

[5] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, с. 442.

[6] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 224; *Агаширинова С. С.* Национальная одежда

аварцев в XIX — начале XX в.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 218.

7 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 224.

8 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.

9 Полевой материал 1953 г.— АА, тетр. № 2.

10 См.: Материальная культура аварцев, с. 222; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 207; *Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1971, с. 113; *Ихилов М. М.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967, с. 159.

11 *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1871, с. 547.

12 *Шиллинг Е.* Кубачинцы и их культура. М.— Л., 1949, с. 56.

13 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 207.

14 *Булатова А.* Лакцы, с. 114.

15 *Шиллинг Е.* Народы андо-цезской группы.— РФ ИИЯЛ, д. 1, ф. 5, оп. 1, д. 37, л. 30.

16 Полевой материал 1960 г.— АА, тетр. № 2.

17 *Пастухов А. В.* Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шах-Дага.— ЭКОРГО, Тифлис, 1894, кн. 16, с. 43.

18 *Гаджиева С. Ш.* Каякентские кумыки.— КЭС, 1958, т. II, с. 44; *Она же.* Кумыки, с. 233.

19 *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956, с. 9.

20 Народы Передней Азии.— В кн.: Народы мира. М., 1957, с. 118.

21 Там же, с. 198.

22 Там же, с. 349.

23 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1.

24 Народы Передней Азии, с. 349.

25 *Измайлова А. А.* О народной одежде населения юго-восточных районов Азербайджана.— Изв. АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук, Баку, 1964, № 4; *Трофимова А. Г.* О работе Азербайджанского отряда. Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972, с. 107.

26 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 234; *Агаширинова С. С.* Одежда.— В кн.: Материальная культура аварцев, с. 235; *Гаджиева С. Ш., Османов М. С., Пашаева Г. А.* Материальная культура даргинцев, с. 223; *Булатова А.* Лакцы, с. 120.

27 *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 113.

28 Материальная культура аварцев, с. 251.

29 *Васильев А. Г.* Казикумухцы. Этнографические очерки.— ЭО, 1899, № 3, с. 70—71.

30 *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Женская народная одежда аварцев.— КСИЭ, 1953, в. 18, с. 19.

31 *Ихилов М. М.* Горские евреи.— Народы Дагестана, с. 231.

32 *Ихилов М. М.* Табасаранцы.— Народы Дагестана, с. 182.

33 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 236.

34 Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 1.

35 Прежде на подол платка назнази могли наступить только сыновья беков, ибо только их жены могли иметь такой платок.

36 «Яшмагъ» (*лезг.*) — «в летах», «в годах».

37 *Фон-Плотто А. И.* Природа и люди Закатальского округа.— ССКГ, 1870, вып. IV, с. 28.

38 *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 97.

39 Полевой материал 1959 г.— АА, тетр. № 1. (Подстрочный перевод мой.— *С. А.*).

40 *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники Аварии.— МАД, 1961, т. II, с. 241.

41 Полевой материал 1955 г.— АА, тетр. № 1.

42 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. с. 241, 242; Материальная культура аварцев, с. 253, 254.

43 Материальная культура аварцев, с. 256, 257.

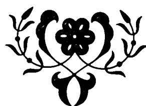
44 Материальная культура аварцев, с. 258.

45 *Эмин Е.* Избранные стихи. Махачкала, 1954, с. 31. На лезг. яз.

Глава шестая

Пища

Основные продукты питания
и способы приготовления национальных блюд.
Заготовка продуктов.
Обрядовая и ритуальная пища



Основные продукты питания и способы приготовления национальных блюд

Основные разновидности традиционной пищи лезгин были такими же, как и у других народов Кавказа, что объясняется, по нашему мнению, с одной стороны, их общей хозяйственной направленностью, с другой — сходными приемами наиболее распространенного приготовления блюд национальной кухни. В то же время, несмотря на влияние соседей, и в первую очередь азербайджанцев, пища лезгин имела свои особенности.

Поскольку основными отраслями хозяйства лезгин издавна были животноводство и земледелие, то и их пищевой рацион в основном составляли продукты этих отраслей. В определенные сезоны он пополнялся также продуктами собирательского промысла, главным образом разнообразными съедобными растениями и дикорастущими травами.

Значительное место в ежедневном пищевом рационе лезгин занимали изделия из муки. Повсеместно употреблялся в пищу пшеничный или ячменный хлеб, в низменных районах иногда также кукурузный хлеб. В меньшей степени, особенно в высокогорных районах, употребляли хлеб из просяной муки.

Зерно лезгины хранили в специальных зернохранилищах («амбар», «канду», «кlатl»), которые описаны выше. Прежде чем молоть зерно, его сушили, очищали в солнечные дни на крышах домов или во дворе на специальных паласах «рухвар». Затем зерно мололи на мельницах. Для приготовления крупы из пшеницы, ее немного поджаривали и прокручивали на ручных мельницах.

Большое место в рационе блюд, особенно у азербайджанских лезгин, занимал рис. Он употреблялся в качестве гарнира к мясным блюдам, а также для приготовления плова разных видов.

Огородных культур, за исключением картофеля, который стали выращивать с конца XIX в., лезгины не знали. В горных районах их с успехом заменяли дикорастущие съедобные травы, которые шли в пищу в свежем (весной и летом) и в сушеном (осенью и зимой) виде.

Важное место в повседневном питании лезгин занимали изделия из мяса. Свежее мясо чаще всего употребляли в пищу летом и осенью, сушеное — зимой и весной. В горных районах в пищевом рационе преобладало мясо животных, в равнинных — птица.

Лезгины, как и другие народы Дагестана, предпочитали мясо домашних животных, в особенности баранину и говядину. Свинину, как и все народы, исповедовавшие ислам, лезгины не ели. Сравнительно редко употреблялось в пищу и конское мясо. Это объясняется тем, что лошади в горах и в равнинных местностях очень ценились как тягловая сила, поэтому специально для питания их убивали лишь в исключительных случаях.

Лезгины употребляли в пищу мясо не только домашних животных и птиц, но и диких — козла («дагъдин цӏегь»), тура («тур»), быка («дагъдин яц»), зайца («къуьр»), оленя («аслан»), куропаток («къвед»), уток («уьрдег»), гусей («къаз»).

Как утверждает К. Н. Золотов, в древности, в III—I тысячелетиях до н. э. в пищу шли все виды животных [1]. В дальнейшем, с падением значения охоты и возрастанием роли домашних животных в хозяйстве, количество дичи, употребляемой в пищу, намного уменьшилось.

Лезгины как и многие исламские народы не употребляли в пищу голубиного мяса. Голубей вообще запрещалось убивать, за исключением лишь тех случаев, когда это необходимо было для врачевания. Лезгины считали, что голова или какая-либо иная часть тела человека «вылечится» от болей, если положить на это место только что убитого голубя.

По преданию, лезгины в лечебных целях применяли также шкуру лисицы или ежа, однако убивать их запрета не было.

В лечебных целях шкуру лисицы использовали также аварцы [2], а мясо голубей даргинцы [3] и некоторые фамилии у абхазцев [4]. В целом же комплекс поверий, связанных с запретами убивать и употреблять в пищу определенные виды животных и птиц, несомненно восходит по своей природе к древнейшим тотемическим воззрениям.

Рыбу, хотя большая р. Самур и многие мелкие реки протекали через их территорию, лезгины не ловили. Однако привозную вяленую рыбу с рыбных промыслов употребляли в пищу охотно, предварительно обжаривая на огне.

Лезгинистан, как и весь Кавказ, издревле является областью, где было широко развито молочное животноводство. Молочные продукты были излюбленной пищей и употреблялись лезгинами в большом количестве. Их получали из молока коров, овец (преимущественно в горных районах) и коз (в предгорных и равнинных районах). Больше всего употребляли как в горах, так и на равнине коровье молоко, а молоко овец и коз шло в основном на изготовление сыра. Коров и буйволов доили два раза в день женщины, а овец и коз — один раз в день мужчины.

Доение овец у горцев Дагестана мужчинами М. А. Агларов связывает с оседлым типом хозяйства, для которого были характерны периодические перекочевки с отарами на летние пастбища небольшого количества мужчин-чабанов. В то же время он отмечает, что у народов с кочевым типом хозяйства овец доят женщины [5]. Это замечание вполне приемлемо и по отношению к лезгинам; они в исследуемое нами время жили в основном оседлым бытом с сезонными перекочевками на летние пастбища.

Коровье и буйволиное молоко употреблялось лезгинами в свежем виде в основном весной, летом и частично осенью. Из молока приготовляли масло, творог, сыр, которые заготавливали впрок для зимнего периода.

Как уже было отмечено выше, в рационе питания лезгин значительное место занимала растительная пища. Особенно широко использовали дикорастущие травы в сыром, вареном и поджаренном виде. Весной и ранней осенью зелень шла в пищу в качестве начинки к пирогам-афарар и хинкалям-пичӏекар, а также для разнообразных салатов.

В пищевом рационе населения предгорных районов, где было развито садоводство, употреблялись в пищу разнообразные плоды и ягоды (виноград, груша, айва, яблоки, абрикосы, вишня, черешня, персики, орехи и т. п.) как в свежем, так и в сушеном виде. Из айвы, вишни, кизила и пр. делали различные варенья. Из сока зрелого винограда и тута азербайджанские лезгины и лезгины плоскостных районов Дагестана готовили особый фруктовый мед — «душаб». Возможно, что это лакомство вместе с названием было заимствовано лезгинами у азербайджанцев.

Все лезгины, как горные, так и жившие на равнине, из кизила, терна, диких лесных шишек (в горных районах), алычи, сливы, садового терна (в равнинных районах) готовили специальную пастилу — «цуру» (ее называли также кислым лавашем, поскольку она имела форму тонкого круглого лаваша). Употребляли цуру в качестве приправы к хинкалам, особенно зимой. Способ приготовления ее был очень прост. Фрукты очищали от косточек, мяли их руками пока не получалась густая масса, потом варили часа три-четыре, затем полученную уже более твердую массу раскладывали на чистые доски в виде круглых тонких лавашей и сушили на солнце пять—семь дней.

У лезгин, как и у многих восточных народов, в частности у их соседей — азербайджанцев, было очень распространено чаепитие. Пили чай круглый год и в жаркую, и в холодную погоду. Когда к лезгинам приходили гости, им прежде всего подавали чай, а потом уже подносили остальные угощения. Считалось, что один-два стакана чая перед обедом вызывают аппетит и способствуют лучшему усвоению пищи. Прежде также было широко распространено изготовление сладкого напитка — шербета. Его делали из сахара и меда. В обыкновенную сырую воду клали мед, затем добавляли сахар и пили.

В обычные дни еда у лезгин была скудной и однообразной: хлеб, сыр, творог, молоко, разные сушеные продукты; летом преобладала растительная пища.

За приготовлением пирогов «афарар», сел. Мака Ахтынского района

Ели три раза в день: утром, в полдень и вечером. Утром — «уькуьняхъ» ели хлеб и сыр, пили молоко или чай, в полдень — «нисиникъ» — хлеб, сыр, кислое молоко или айран-тугъ. Основной обед устраивали вечером, часов в 6—7. К этому времени обязательно готовили горячее блюдо. Если не было мяса, готовили разные супы (мучные, крупяные и т. п.).

Один-два раза в неделю, а также в праздничные дни и в случае прихода гостей готовили мясные блюда.

Как было принято у лезгин, пищу готовили и ели в хозяйственной комнате — «хзандин кӀвал» (в точном переводе означает «семейная комната»). На полу, поверх паласа расстилали скатерть, посередине клали хлеб и общее блюдо — «сини» с обедом. Дети и младшие члены семьи ели вместе. Для главы семьи обязательно подавали отдельную тарелку. Причем из этого блюда остальные члены семьи есть не имели права. В случае отсутствия главы семьи его блюдо оставалось пустым. Бывали случаи, когда и старшая женщина в семье также имела отдельное блюдо.

Глава семьи занимал почетное место у очага, и никто из членов семьи не имел права там сидеть.

По случаю прихода гостя мужчины обедали отдельно в специальной комнате, а женщины позже в хозяйственной комнате.

В результате разделения труда в семье с давних времен у лезгин, как и у других народов Кавказа, кухня полностью находилась в ведении женщин. Лишь в полевых условиях (на летних пастбищах — эйлагах), где мужчины бывали одни, без женщин, еду готовили мужчины, подобное наблюдалось на свадьбах, похоронах. В остальное время приготовлением пищи всегда занимались женщины. Из справедливости стоит заметить, что лезгинки издавна славились умением готовить вкусную пищу.

При приготовлении пищи женщины по традиции строго соблюдали ряд определенных правил: прежде всего, чтобы руки были чистыми, ногти подстрижены, рукава платья подобраны и крепко закреплены, чтобы не спускались; волосы на голове спрятаны под платок. Посуда также всегда содержалась в чистоте, продукты для обеда всегда обязательно были свежими и чистыми. Считалось большим позором для хозяйки, если в пище обнаруживалась посторонняя вещь (сор, волос, соломинка и т. п.). Поэтому хозяйка сама старалась строго и со всей тщательностью соблюдать перечисленные правила.

Когда выбирали невесту для сына, то обычно у соседей или знакомых спрашивали, чисто ли готовит ее мать. Понятно поэтому, что женщины-хозяйки старались создать дочерям репутацию хороших кулинарок.

У лезгин существовали и существуют разные способы выпечки хлеба и приготовления других видов пищи. Все блюда лезгины готовили на очагах, которыми служили описанные выше садж, хар и тIанур.

На садже обычно выпекали хлеб круглой формы из пресного теста. Пекли на садже и пироги — афарар с начинкой из зелени, свежей тыквы, мяса и пр. Особенным мастерством по выпечке хлеба на садже отличались лезгинки Кусарского, Худатского и Магарамкентского районов. Отметим в этой связи, что подобный способ выпечки хлеба у других народов Дагестана почти не встречается. В то же время на садже пекут хлеб азербайджанцы, живущие по соседству с лезгинами.

В харе пекут хлеб из пресного и дрожжевого теста, а в тIануре только из дрожжевого теста. Кускам теста при помощи скалки придают круглую или овальную форму и на их поверхности наносят различные виды рисунков: спирали, прямые линии, отпечатки пальцев, ромбические клетки и т. п. Затем поверхность теста смазывают яйцом или кислым молоком (иногда и тем и другим), посыпают маком или тмином. Если хлеб недостаточно хорошо подрумянился, его на крючке опускают на самое дно тIанура и некоторое время держат над жаром. Хлеб считается полностью готовым примерно через 15 минут. За один прием в тIануре выпекают 15—18 хлебов.

После выпечки хлеб хранят в деревянном корыте, завернутым в скатерть.

Хлеб, испеченный в харе, получается тоньше и больше по величине, чем тIанурный хлеб — «тIанурдин фу», отличается толщиной и пышностью. Кроме хлеба, в тIануре пекут свадебные сладкие пышечки — «шуь-

реяр», а в харе — пироги: «цикӀенар», «кумбаяр» с начинкой из мяса, тыквы, творога и всевозможной зелени.

Наличие в ежедневном рационе лезгин обязательных мучных блюд, несомненно, свидетельствует о древней земледельческой направленности их хозяйства. Любопытно отметить в этой связи, что само понятие еда в смысле завтрака, обеда и ужина в лезгинском языке означает «кушать хлеб». Когда лезгины приглашают к столу гостя, они говорят «ша фу неъ», что в точном переводе означает «заходите, кушайте хлеб».

Подобное явление отмечено и у других народов Дагестана. М. А. Агларов пишет, например, что «у аварцев понятие «еда» включает только мучную пищу, а мясомолочная пища имеет свое особое собирательное название («данде жо»), которое переводится как «что с чем едят». Другими словами, пища как таковая — это хлеб, хинкал, каши или просто вареные зерна — «мугь», а мясомолочные продукты являются чем-то дополнительным вроде приправы» [6]. В рикванинском диалекте андийского языка название еды «мугьу». Это же слово и в аварском — «мугь» и в андийском — «мугьу» языках означает «зерно» [7]. У даргинцев, как отмечает М. О. Османов, земледельческая пища настолько преобладает в ежедневном рационе, что выражение «кушать» вообще и «кушать хлеб» являются синонимами, а сам хлеб известен под множеством названий — «кьацӀ», «цӀулхӀе», «диква», «мучари» и др. [8]

О земледельческой направленности хозяйства свидетельствуют также наличие у лезгин полуалкогольного напитка «тӀачӀ», изготовляемого из пшеницы, а также употребление в пищу прожаренного в колосьях или просто поджаренного в харе зерна.

Из мучных блюд прежде всего отметим толокно — «сав», которое готовят из жареного зерна, перемолотого на ручной мельнице. Полученную таким образом муку замачивают в воде, в кислом молоке или в обычном молоке с добавлением масла и едят. Это блюдо под названием «тӀех» встречается и у других народов Дагестана. Происхождение толокна у народов Дагестана М. Агларов относит к эпохе энеолита [9], т. е. ко времени широкого распространения зернотерок на территории Дагестана, исходя из чего есть основание считать описанное выше блюдо достаточно архаичным [10].

Другим столь же древним блюдом у лезгин, видимо, является «хешил» — каша, изготовляемая из пшеничной муки. Это блюдо имело прежде всего ритуальное значение, так как его готовили в основном для рожениц. Небезынтересно также отметить, что именно хешил наиболее часто упоминается в фольклоре и сказаниях лезгин. В 1956 г. 97-летний старик Агабалаев из бывшего селения Филя Докузпаринского района [11] рассказал нам по этому поводу следующую историю. «Во времена моего прадеда дома были не такие, как сейчас. Дом имел низкую дверь, а окон вообще не было. Окно заменяло небольшое отверстие на крыше, которое на ночь прикрывали плоским камнем. В тот памятный вечер забыли прикрыть его. И так как вечер был полнолунный, чирах не зажгли, и яркий свет падал через отверстие в потолке. Бабка пригото-

Медные светильники «чирах». Этнографический музей ДГУ

вила полный казан хешила и сказала невестке: «Принеси «дуван сини» (большое медное блюдо), подай нам «хешил». Сняла казан, положила кашу на «медное блюдо». Но, оказывается, она в темноте за медное блюдо приняла свет, который падал на пол из отверстия в потолке. С тех пор наш род так и прозвали «хешил чилелай тIуьрбур», т. е. «хешил с пола кушавшие» [12].

Варили хешил следующим образом. Сначала воду кипятили, затем снимали кастрюлю, отливали немного воды, в кастрюлю клали муку и мешали каталкой до тех пор, пока не образовывалась густая кашица. После этого доливали кастрюлю кипяченой водой и ставили на огонь варить. По прошествии часа содержимое вновь мешали, после чего снимали кастрюлю с огня и клали готовую кашу на медное блюдо так, чтобы посредине было углубление, куда затем наливали масло, мед, а позднее стали сыпать сахарный песок.

У аварцев подобное блюдо готовили муталимы в мечетях «хIаччанпуртIи», и оно также считалось ритуальным и древним [13]. Даргинцы из солода делали кашу «къакъ ижанти» [14], напоминавшую лезгинский хешил и являвшуюся, судя по рассказам, одним из старинных традиционных блюд. В прошлом лезгины варили также овсяную кашу. Овес очищали от кожуры, на воде готовили кашу и ели с добавлением масла или молока. В настоящее время это блюдо приобрело чисто ритуальный характер. Его готовят только в высокогорных селениях главным образом по случаю свадьбы или на поминках. Излюбленной кашей лезгин являлась также рисовая, которую делали на воде или на молоке.

Самым излюбленным и распространенным блюдом не только дагестанских, но и других кавказских, а также восточных народов является хинкал — «хинкӀал». Хинкал бывает самых разнообразных видов, причем если другие народы Дагестана готовят это блюдо из разных сортов муки: пшеничной, просяной, ячменной, кукурузной и т. п., то лезгины (и азербайджанские, и дагестанские) для хинкала используют только пшеничную муку.

У всех народов Дагестана хингӀал не является повседневной едой. Его готовят, чередуя с другими блюдами.

Хинкал с мясом готовят следующим образом. Сначала отдельно варят мясо. Параллельно круто замешивают тесто из пшеничной муки. Тесто режут небольшими кусками «кӀвалакӀар», раскатывают тонкую лепешку, разрезают ее на четырехугольные куски приблизительно 4×4 см и кладут в мясной бульон. Бульон с кусками теста варят минут 6—8 и затем процеживают через дуршлаг и раскладывают хинкали по тарелкам. Сверху хинкали заправляют подливкой из чеснока и кислого молока или сметаны. Мясо кладут на отдельную тарелку, бульон подают в самом конце обеда.

Хинкал без мяса готовили аналогичным образом, только не на мясном бульоне. Подавали его вместе с яичницей, которую жарили отдельно и клали поверх хинкала. Дополнительно подавали бульон с чесноком.

Хинкал без мяса делали и другого вида — его называли «хурма-хинкӀал», т. е. хинкал, по виду напоминающий финики. Поэтому точный перевод названия этого блюда означает «хинкал финиковый». Для изготовления этого вида хинкала требовалось крутое тесто, которое пластали небольшими кусками, раскатывали в форме длинной змейки и нарезали маленькими кусочками. Каждый тонкий кусочек слегка сдавливали пальцами, благодаря чему он принимал вид косточки финика. Потом хинкал варили, процеживали, заливали подливой и подавали к столу.

Следующий вид хинкала — «дуьшпаре» (так называли его лезгины Докузпаринского и Кусарского районов), или «пичӀекар» (так назывался он в остальных районах). Этот хинкал из мяса, творога, вишни, свежей зелени и т. п. по форме напоминал сибирские пельмени. Начинку готовили отдельно с добавлением всевозможных пряностей (перец, лук, кинза, укроп), клали внутрь пельменей, которые делали полукруглой или треугольной формы, и скрепляли их края защипкой. Сначала ели пичӀекар, потом пили бульон. Дуьшпаре с начинкой из яйца, распространенный у кумыков и даргинцев, лезгины не делали.

Среди других разновидностей мучных блюд лезгинской национальной кухни следует назвать разнообразные пироги с начинкой из мяса, творога, зелени, тыквы и пр. Это прежде всего слоеный пирог — цикӀен, кумба, гуьбе, и т. п., в котором тонкие слои теста чередуются со слоями начинки. Пекут такие пироги в харе, иногда в тӀануре (на дне тӀанура после выпечки хлеба). Другой вид пирогов — «афарар» делали преимуществен-

*Медный котел «гетle» для доения молока
Ахтынский краеведческий музей*

Медный котел «къачгъан»

но весной, летом и осенью. Тесто тонко раскатывали и начиняли зеленью, тыквой или творогом и пекли на садже или в харе. Такие пироги известны и у других народов Дагестана.

Во время свадеб и в иных торжественных случаях лезгины готовили из муки также разнообразные сладкие пироги.

Второе место в рационе традиционных лезгинских блюд занимало молоко и молочные продукты. Лезгинам, как и многим другим народам Дагестана, было известно несколько способов переработки молока. Парно́е молоко кипятят, остужают до комнатной температуры, после чего заквашивают и выдерживают в прохладном месте в течение суток и более. Полученное таким образом кислое молоко — «къатух» употребляют в качестве приправы к хинкалу, а также для сбивания масла.

Для всех лезгинских семей къатух является наиболее распространенным, повседневным продуктом. Его употребляют в каждой семье, имеющей в хозяйстве корову, буйвола или козу.

Из молока лезгины получают также и сливки — «къаймак». Къаймак собирают после отстаивания молока. Летом молоко в больших деревянных корытах «хвах» и в глиняных сосудах выдерживают в прохладной комнате три-четыре дня. За это время три-четыре раза с молока снимают сливки, из которых затем в специальных глиняных кувшинах — «квар», «квех» сбивают масло. Почти в каждом лезгинском доме утром можно видеть женщину, сидящую на полу над таким кувшином-маслобойкой за

изготовлением масла. В квар сбивают масло не только из сливок, но и из кислого молока — къатух. Иногда из сливок къатуха вместе с добавлением такого же количества воды сбивают сливочное масло.

Жидкость «тугъ», оставшуюся после снятия масла, употребляют как прохладительный напиток, так как летом он хорошо утоляет жажду. Из него изготовляют творог — «шур», разогревая этот напиток на небольшом огне до состояния свертывания. Часть свежего творога шла на начинку к пирогам, остальную часть солили, заготавливая впрок на зиму.

Молоко, оставшееся после снятия сливок, шло на изготовление сыра. На сыр перерабатывали также овечье и козье молоко. Овечий сыр «ниси», «нусу» большей частью делался непосредственно на летних пастбищах. Его изготовляют так. Сразу же после дойки овечье молоко заквашивают сычужной закваской — «нисид мая» и накрывают кувшин. Примерно через полтора или два часа молоко свертывается и образуется «сюзме». Свернувшееся молоко наливают в мешочек-«торба», специально приспособленный к тому, чтобы стекала сыворотка. Мешочек кладут в крапиву, сверху накрывают тяжелым камнем, чтобы сыворотка окончательно стекла и сыр затвердел. Через некоторое время готовый сыр вынимают из торбы, режут кусками, солят и кладут в полученную сыворотку — «чӀвегъ». Хранят ниси в больших глиняных кувшинах или специально приготовленных из козьей шкуры бурдюках.

Глиняный кувшин — «квар» для сбивания масла

При необходимости аналогичным способом приготовляют сыр из козьего и обезжиренного коровьего молока. Сычужная закваска — нисидмая получается из желудка животного, особенно ягненка. Новорожденного ягненка режут, вынимают желудок, заливают водой, добавляя соль, и ставят в теплое место. Через несколько дней закваска бывает готова.

Остальные народы Дагестана сыр получают почти таким же способом, однако в способах его хранения наблюдаются некоторые особенности. Например, лезгины сыр никогда не сушат, как это принято у аварцев, даргинцев и других народностей нагорного Дагестана.

Из молока лезгины делали и специальные блюда, и прежде всего «кинирин хапӀа» — молочный суп с лапшой. Из пшеничного теста раскатывали твердую тонкую лепешку и резали ее на лапшу.

Из кислого молока — тугь особенно летом делали кислый суп — «дагъугъа». В тугъ добавляли пшеничную крупу «чӀахар» или рис; немного муки, одно яйцо и зелень — «чӀуьдруьяр» (зелень типа мяты). После чего все это ставили на огонь и мешали до кипения, чтобы кислое молоко не свернулось. Затем блюдо остужали и ели в холодном виде. Аналогичное блюдо и под тем же названием широко распространено у азербайджанцев, из чего можно заключить, что лезгины заимствовали его у своих южных соседей. Подобная версия тем более представляется правомерной, поскольку это блюдо не встречается более ни у одного из народов нагорного Дагестана.

Третье место в традиционной пище лезгин занимают мясные блюда. Мясные блюда, в отличие от мучных и молочных, не входят в ежедневный рацион. Как наиболее дорогой продукт, мясо употреблялось не чаще одного или двух раз в неделю. Мясные продукты преобладали в пищевом рационе лезгинских семей главным образом летом и осенью, когда специально резали баранов, крупный рогатый скот и готовили мясо впрок. Зимой же лезгины пользовались исключительно сушеным мясом.

Самым древним способом приготовления мяса, несомненно, является жаренье. Жаренье на вертеле целыми тушами у лезгин не практикова-

лось, но другой вид жаренья туши, которую прямо в шкуре помещали в раскаленную яму и сверху засыпали землей, применялся чабанами на эйлагах. Туши ягнят чабаны также варили, используя для этой цели большие медные котлы.

Из жарений на вертеле, как и у многих восточных народов, было широко распространено изготовление шашлыков.

Излюбленными блюдами у лезгин, как и у всех кавказских народов, является также плов с мясом и долма.

Плов лезгины готовят нескольких видов. Один из них — «Къуру аш», что в переводе означает «сухой плов». Существует несколько способов его приготовления. В кастрюле в кипящей воде варят рис, процеживают воду через «суьзек» — дуршлаг, на дно кастрюли кладут взболтанные яйца с творогом и изюмом или сушеными фруктами, а затем засыпают рис и все тушат на слабом огне в течение 1—1,5 часа. Это один способ приготовления. В другом случае плов готовится так. К сваренному и процеженному рису готовится иная приправа, сделанная из бараньего фарша или мяса. В фарш добавляют несколько яиц, лук, перец, кислую пастилу — «цуру», кинзу и кишмиш. Все это перемешивают и кладут на дно кастрюли, а затем засыпают процеженный рис и также тушат на слабом огне. Часто вместо мяса употребляют курицу, вовнутрь которой закладывают все описанные выше пряности. Иногда мясо или курицу жарят отдельно и подают с пловом. Однако предпочитают все же варить мясо одновременно с рисом, благодаря чему плов становится ароматнее и вкуснее.

Наиболее древним видом плова у лезгин, видимо, является «плов чабана» — «чубандин аш». Для его изготовления режут небольшими кусками жирную баранину, кладут в нее все пряности, а сверху хорошо промытый сырой рис и заливают водой так, чтобы она только покрыла рис. Затем закрывают казан крышкой и заклеивают тестом, чтобы пар не выходил. Затем ставят на слабый огонь на 2—3 часа.

Иногда готовят плов из пшеничной крупы с мясом или курицей, при этом особенно предпочитают ржаную крупу. Такой вид плова особенно распространен в предгорных и равнинных районах.

Другим излюбленным мясным блюдом является «долма», которая широко известна почти всем дагестанским и кавказским народам. Ее готовят из мясного фарша с рисом, луком, перцем и душистыми травами, заправленного в листья капусты или молодые виноградные листья, заливают небольшим количеством воды и варят около часа.

Распространены у лезгин также блюда из рубленого мяса: многочисленные разновидности кебабов.

Традиционным блюдом у лезгин является «дулдурма». Его готовят обычно сразу же после того, как зарежут барана. Вначале горячей водой и ножом очищают желудок барана, затем мелко рубят почки, печень, сердце, легкие, добавляют пряности и рис, все это перемешивают, кладут внутрь желудка и отверстие в нем зашивают. Заливают мясо водой и варят 2—3 часа. На стол мясо и бульон подаются отдельно. Как нам

кажется, это блюдо заимствовано лезгинами у азербайджанцев, о чем свидетельствует само название, так как тюркское слово «долдур» означает «наполненный». В то же время есть основание думать, что долдур в качестве кушанья было известно кочевым скотоводческим народам, в частности предкам современных азербайджанцев — огузам. На это указывает тот факт, что туркмены, предками которых также являются огузы, тоже готовят указанное блюдо.

В лезгинской кухне широко представлены и всевозможные супы: мясные, молочные, постные и др. Эти супы имеют самые различные наименования, причем нередко один и тот же вид в одном и том же районе называется по-разному. Во все эти супы, кроме молочного, кладут в большом количестве лук, перец, кинзу, кислую пастилу — цуру, сушеную курагу и т. п. При приготовлении мясных супов также употребляют всевозможные крупы и бобовые растения. Не менее распространены супы из птиц, в основном из домашних: кур (в горных районах), индюков, уток, гусей (в равнинных районах).

К числу кушаний, в одинаковой степени распространенных и у азербайджанских и дагестанских лезгин, относится «чигъиртма», приготовленная из курицы. Курицу варят, отделяют от костей, разрезают на мелкие куски, добавляют лук, перец, иногда кислый лимон, лаваш и зелень. В летнее время добавляют нередко свежую зеленую фасоль. В самом конце, когда блюдо почти готово, в него кладут взбитые яйца. Это кушанье широко распространено и у азербайджанцев под тем же названием, и поэтому вполне возможно, что некогда оно было заимствовано у них лезгинами.

Изложенные выше материалы показывают, что основные продукты и способы приготовления пищи у лезгин и других народов Дагестана имеют много общего. Из кавказских народов лезгинская кухня ближе всего стоит к азербайджанской и включает немало заимствованных у нее блюд.

Наконец, анализ лезгинской национальной пищи, со своей стороны, свидетельствует о древнем земледельческом, а также и скотоводческом уклоне традиционной экономики этого народа.

Заготовка продуктов

Люди с древнейших времен делают определенные запасы продуктов. Заготовка продуктов впрок у лезгин тоже древняя традиция, о чем свидетельствуют как многочисленные находки крупных сосудов для хранения зерна, так и наличие у них специальных хозяйственных построек, а также особой утвари и посуды, предназначенных для этой цели. Каждая семья непременно имела специальное помещение для хранения зерна или же погреб — «фурар». Во всех лезгинских домах обязательно находились особые сосуды для хранения зерна («канду», «кӀат» и т. п.), сыра, мяса, сыворотки, круп и т. д. Кроме того, в народном фольклоре бытует множество поговорок, пословиц, расхваливающих заботливых хозяев, запасающих продукты впрок, и осуждающих тех, кто безразлично относится к этому важному делу.

Формы из кизяка — «гьака», сел. Леджет Кусарского района

Каждая семья готовилась к зиме соответственно потребностям и числу своих членов. Прежде всего запасались зерном, мукой. Зерно, которое оставляли в запас, сушили, выбирали из него сор, очищали и хранили в амбарах, а часть очищенного зерна мололи на мельницах. Из зерен пшеницы лезгины готовили также специальную муку для «тIач». Получали ее следующим образом. Первоначально зернам давали возможность прорасти. Для этого пшеницу замачивали в горячей воде в специальном сосуде или мешке и сверху прикрывали «кавалами» (теплыми шубами) для сохранения теплоты. Через два-три дня зерно прорастало, после чего его сушили на солнце и мололи на мельнице. Для приготовления определенного количества тIач брали одну треть муки, разбавляли ее водой и размешивали до образования жидкой кашицы. Затем добавляли закваску, предварительно оставив около пол-литра той же кашицы в качестве закваски для следующего раза. Квасили тIач вечером, а утром его варили на медленном огне, постепенно помешивая. Готовый тIач разливали в тарелки, добавляли толокно и ели.

Это кушанье делали только зимой. Считалось, что тIач поднимает жизненный тонус, сохраняет температуру, повышает работоспособность человека и т. п. Зимой детей не выпускали на улицу до тех пор, пока они не съедят тIач. Полагали, что после этого они не простудятся.

Хотя тIач отдает немного хмелем, он не стал основой для приготовле-

ния алкогольных напитков, как, например, подобная же кашица «тIигъ» у аварцев, явившаяся предшественницей напитка «мед», широко распространенного особенно в Западном Дагестане [15].

Вообще следует сказать, что хмельные напитки у лезгин не имели сколько-нибудь значительного распространения. В то же время наличие этого блюда в системе их мучного рациона мы рассматриваем как еще одно немаловажное свидетельство древности земледельческого уклада хозяйства этого народа.

У лезгин издавна существует также старинная традиция заготовлять на весь зимний период вяленое мясо. Не только в XIX в., но и раньше степень состоятельности семьи определялась по числу туш (къахар), развешанных на галереях и во дворе дома. Богатые, состоятельные семьи заготовляли на зиму мясо 30—50 баранов, а бедняки довольствовались 1—2 тушами барана. Сушку мяса производили, не разрезая всей туши, но отделив кости позвонка и конечностей или же разрубив тушу вдоль позвонка, а затем и каждую половинку на две части. Мясо в бедренных частях разрезали и густо посыпали солью. Курдюк сушили отдельно или жарили, вытапливая жир. Приготовленную таким образом тушу солили, а через два-три дня вешали в тени в прохладном, проветриваемом месте до полного провяливания. Подобный способ заготовки мяса был известен повсеместно в Дагестане.

В то же время столь распространенное у многих народов этого региона изготовление колбасных изделий и заготовку их на зиму лезгины не практиковали. Это, возможно, объясняется тем, что, помимо сушки, лезгины, подобно азербайджанцам, издавна заготавливали на зиму жареное мясо — «бастурму». Для ее приготовления брали жирное мясо, нарезали его небольшими кусками, солили, мешали с мелко нарубленными душистыми травами, хорошенько прожаривали, затем складывали в большие глиняные кувшины, заливали сверху жиром и герметически их закупоривали. Хранили кувшины в холодном месте: в погребе или под навесом зарывали в землю. Зимой кувшины вытаскивали и употребляли мясо для приготовления различных блюд.

Такое мясо называли «бастурма», т. е. зарытое. Само тюркское происхождение этого слова, как и степень распространения указанного блюда преимущественно в пограничных с азербайджанцами районах, несомненно говорит о заимствовании лезгинами подобного способа заготовки мяса у своих южных соседей.

Лезгины заготовляли впрок и молочные продукты, и в первую очередь сыр, хранившийся в бурдюках, а также обезжиренный творог, получаемый из айрана (тугъа), который подсаливали и заготовляли в кувшинах на зиму. Запасали на зимнее время и топленое масло.

В горных районах создавали запасы из диких трав. Их хранили обычно в сушеном состоянии, а отдельные виды мололи на ручных мельницах. Заготавливали и сушили дикий лук — «серкер», тмин — «эферар», дикий перец — «истивут», душистую траву — «къанжукь», конский щавель — «лурсар» и др. Некоторые из этих трав считались целебными, ими запаса-

лись в лечебных целях. В горных районах сушили дикие ягоды и дикие фрукты, а в предгорных и равнинных селениях большое внимание уделялось заготовке впрок садовых плодов. Некоторые виды фруктов, например яблоки, груши, айву, хранили в погребах в свежем виде, а остальные сушили. Плоды предварительно разрезались на дольки, очищались и из них удалялись косточки. После этого их сушили на крышах под солнцем, а иногда прожаривали в печи — «хар». Из тута варили и готовили особый тип варенья — «дошаб» (в Касумкентском районе его называли термином «мед»). Из сливы, алычи, терна готовили кислую пастилу — цур, которая шла как приправа к отдельным блюдам.

Обрядовая и ритуальная пища

Обрядовая и ритуальная пища лезгин, в отличие от повседневной, всегда готовилась в очень большом количестве и включала значительное число блюд.

Прежде всего остановимся на блюдах, приготовляемых по случаю рождения ребенка. В день, когда рождался ребенок, в обязательном порядке готовили два ритуальных мучных блюда: мучную кашу — «хешил», о которой уже шла речь выше, и «исида». Оба блюда готовила повивальная бабка. Для того, чтобы сделать исиду, растапливали масло, смешивали его с пшеничной мукой до образования густой массы, затем эту массу жарили в течение часа, пока не появлялся специфический запах, и добавляли мед (позднее для этой цели стали добавлять сахар). Когда исида остывала, ею угощали всех собравшихся в доме по поводу рождения ребенка родственников и соседей. В свою очередь родственники, соседи, приходившие в дом роженицы, обязательно приносили с собой хешил и исиду.

Свадьба у лезгин также сопровождалась обильным ритуальным угощением. Поскольку это событие всегда обставлялось очень торжественно, для свадебного стола готовили особые, вкусные и изысканные блюда.

Начало свадебного пира было отмечено тем, что наряду с гостями в дом приходили музыканты. Когда музыканты приближались к дому, где происходила свадьба, какая-нибудь близкая родственница жениха подносила им большое плоское блюдо, на котором лежало угощение: три лаваша и исида и разные подарки [16].

Таким образом, начало свадьбы отмечалось обрядом, в котором роль главного угощения отводилась трем лепешкам и исиде.

Для свадебного стола готовили специальные блюда. На свадьбу резали 5—6 баранов и 1—2 быков или коров (в зависимости от состоятельности хозяев), после чего выбирали поваров, которыми обычно бывали мужчины. Почти в каждом лезгинском селении имелись мужчины-повара, готовившие пищу во время свадеб и поминок. Обычай, согласно которому поварами в таких случаях бывают мужчины, следует, видимо, трактовать как пережиток патриархальных порядков, когда женщины принимали ограниченное участие в общественной жизни.

Повар разделывал барана и сортировал мясо на две части: мякоть и кости. Из костей готовили традиционное блюдо «шурва». В большие медные казаны емкостью в 30—32 л закладывали мясо, заливали воду доверху и варили 3—4 часа. Затем добавляли острые приправы, позднее стали класть картофель и томаты.

Когда блюдо было готово, сперва вытаскивали вареное мясо и резали его на небольшие куски. Прежде, как рассказывают старики, на свадьбах каждому гостю сначала в небольших глиняных блюдах подавали шурва с лепешками, а потом уже предлагали по кусочку мяса.

Из мякоти на вертеле делали шашлыки «шшар», «шишер». Позже, с начала XX в., с широким проникновением в среду лезгин картофеля, возникло новое блюдо «сауз». Для его приготовления мясо разрезали на небольшие куски, клали на дно казана, сверху помещали очищенную от кожуры картошку, затем добавляли соль, перец и острые приправы, наливали немного воды, закрывали крышкой и замазывали ее тестом, чтобы пар не выходил. Варили сауз на слабом огне в течение 3—4 часов.

Сауз и шашлыки на свадьбе подавали более почетным гостям.

Вплоть до 40-х годов нашего века в высокогорных селениях Ахтынского района во время свадьбы и на поминках обязательно готовили овсяную кашу «цӀуькуьн аш». В последние годы ее заменил рисовый плов — «дуьгуьд аш».

Другим непременным свадебным кушаньем является исида. Кроме того, все приглашенные на лезгинскую свадьбу должны были принести с собой 1 киле [17] любого зерна или столько же муки.

Согласно обычаю, близкие родственники невесты также приносили в дом ее отца сваренную целиком тушу барана или ягненка, называемую «бирганд». Таких туш было обычно 2—3, и невеста забирала их с собой к дом жениха. В доме жениха все его родственники должны были получить небольшой кусочек этого бирганда, а если случайно кого-то забывали, то на родителей жениха очень обижались и напоминали им об этом не раз, так как попробовать кусочек бирганда считалось хорошим «богоугодным» делом.

Из ритуальной пищи, которую готовили во время свадьбы, назовем еще свадебный пирог — «кумба». Такие пироги пекли в селениях Маза, Зрых, Хлют, Кака и др. Его делали круглой формы, диаметром в 60—80 см, слоеный с начинкой. Начинкой в некоторых селениях служили сыр и зелень, в других — внутренности барана, в третьих — мясо. В качестве одного из элементов свадебного обряда этот пирог несут в дом невесты, над ее головой разрезают и дают по куску присутствующим. В лезгинских селениях на территории Азербайджана над головой невесты разрезают лепешку, намазанную медом [18].

Таким образом, в свадебной пище лезгин, с одной стороны, отразилась их хозяйственная направленность, с другой — некоторые особенности быта и идеологии.

Обрядовую пищу, связанную с поминками, называли «хейрат». Как мы уже указывали ранее, в той семье, где умер человек, сами хозяева ничего

Типы дуршлагов «суьзек»:

а — глиняный, сел. Мака Ахтынского района, *б* — медный дуршлаг и секач, сел. Леджет Кусарского района

не готовили. О пище не только для могильщиков, но и для членов семьи покойного заботились его близкие родственники по отцовской линии.

Они относили могильщикам на кладбище еду, состоящую из нескольких лепешек, исиды, сыра и воды, угощали у себя дома присутствовавших во время похорон родственников из других селений.

Через некоторое время после похорон семья покойного устраивала «хейрат». Резали нескольких баранов, быка или корову, готовили шурву и овсяную или ржаную кашу и пекли много хлеба. Угощали по очереди, сначала близких родственников, затем более дальних и под конец всех остальных односельчан. Кроме шурвы и каши, всем покидавшим поминки давали кусок мяса и пол-лепешки.

В отличие от свадебной еды в этом случае перед тем как начинать кушать читали молитву и поминали покойника. Полагалось есть очень быстро, чтобы не задерживать очередную партию участников поминок. После окончания еды опять читали молитву и добавляли следующие слова:

Кьейидаз регьмет хьуй, амайбуруз нуьсрет гуй, Мад ихьтин чIулав югъ тахкурай!	Пусть покойнику будет рай и блаженство, живым слава, честь и сила. Пусть это будет вашим последним черным днем!

Во время хейрата обязательно угощали едой больных, калек и увечных, которые не могли ходить. К таким людям угощение отвозили на дом.

Прежде у лезгин существовал и такой обычай. Семья покойного во время хейрата раздавала сырое мясо, при этом угощение разносили по домам. В этом случае резали быка или корову, если очень большое селение — то две коровы, затем поровну делили мясо на куски в размере не менее 500 г и раздавали. Подобный хейрат, как подтверждают старожилы, устраивали для того, чтобы о покойном поминало как можно больше людей, для чего старались угощать хейратом как можно большее число жителей селений. Кроме того, существовал и другой вид хейрата, который устраивали при жизни старые люди, не имеющие детей или близких родственников. Они сами разносили по домам сырое мясо.

Обычай устраивать хейрат после смерти человека был обязательным для родных. Если покойнику не делали хейрат, то его родных упрекали, стыдили, говоря: «Как можешь так смело говорить, когда ты до сих пор не мог снять земли от лица покойного» (т. е. не устроил в его память хейрат). Это было большим оскорблением, унижением чести главы семьи. Поэтому в дореволюционное время бедные семьи нередко после хейрата разорялись, нищенствовали, попадали в долговую кабалу и потом годами выплачивали долги собственным трудом.

У лезгин существовали также ритуальные блюда, которые готовили во время традиционных праздников сельскохозяйственного календаря. Когда наступало время, называемое «хиб» (с 21 февраля по 6 марта), отмечался праздник «хидир неби»[19]. Рано утром 21 февраля все кварталы села начи-

нали отмечать этот праздник. Доля каждой семьи составляла по 1—1,5 кг пшеницы и сушеные ноги барана. Затем в квартале выбирали подходящий по размерам крытый двор, устанавливали там большие медные кастрюли, куда загружали ноги барана и пшеницу, и варили вместе, иногда с добавлением гороха в течение 6—7 часов. К концу варки этого блюда — «гитl» каждая хозяйка приносила по небольшому глиняному кувшинчику — «цlиб» молока и выливала в гитl.

Еда получалась очень вкусной. Когда кушанье было полностью готово, одна из почитаемых женщин квартала раскладывала его по специальным глиняным тарелкам «хейре», а остальные женщины разносили по домам своего квартала.

В некоторых лезгинских селениях (особенно на территории расселения азербайджанских лезгин) праздник «хидир неби» отмечали несколько иначе. С утра начинали готовить гитl, а к концу дня все мужчины селения (или квартала) собирались в одну большую комнату, а женщины — в другую. Ели гитl с одного большого глиняного блюда, мужчины в своей комнате, женщины в своей. Детям также давали отдельное блюдо. Первыми начинали есть самый старший мужчина и самая старшая женщина, а затем и все остальные.

После этого общего праздника вплоть до 6 марта почти ежедневно во всех семьях готовили гитl. И каждая хозяйка старалась побольше угостить соседей и других гостей, говоря при этом: «Хидир небидин пай хьуй», т. е. «Это кушанье я даю, поминая хидир неби».

Мы очень подробно остановились в данной главе на описании хидир неби, поскольку фактически это единственный лезгинский праздник, во время которого готовились специальные блюда. Этот праздник, по-видимому, очень древнего происхождения и генетически, вероятно, связан с языческим культом огня. Хидир неби своего рода лезгинский Прометей, когда-то даровавший им огонь, поэтому он особенно почитаем.

Все остальные лезгинские праздники так или иначе связаны с исламом, и, хотя в эти дни обязательно устраиваются торжественные обеды, никаких специальных блюд не готовят.

Праздничный обед устраивали, например, во время новруз байрама, или, как его называли лезгины, «яран сувар» (22 марта). Этот праздник считался весенним и одновременно праздником нового года по мусульманскому календарю. В этот день во всех семьях готовились вкусные мясные блюда и пироги с начинкой из зелени «афарар». И, кроме того, надо было угощать соседей, детей, гостей, прохожих и т. п.

В месяце рамазан прежде строго соблюдался пост, при котором в течение дня запрещалось принимать пищу и пить любую жидкость, включая воду. Есть полагалось два раза в сутки: один раз рано утром до восхода солнца, другой — с наступлением сумерек. Хозяйки вставали утром рано, ставили самовар и готовили обязательно мясную или другую любую сытную пищу и ели досыта. В бедных семьях утром ели хлеб с сыром или творогом. Пост держали все — взрослые и даже дети начиная с 10—12-летнего возраста.

а

б

Медная утварь и посуда:
а — кувшины и миски,
б — медные колпаки,
в — медные кувшинчики
Ахтынский краеведческий музей

Через месяц после рамазана праздновали уразу-байрам (лезгины этот праздник называли «сив хуьн сувар».— *С. А.*). В каждой семье (в зависимости от ее состоятельности) резали барана, ягненка, кур, готовили плов, шурва, исиду, пекли хлеб в тIануре и т. д. Родственники целый день ходили друг к другу, угощались и поздравляли с праздником.

Через 70 дней после сив хуьн сувар устраивали однодневный праздник — «кьулбанд сувар». Этот праздник отмечали очень торжественно и обязательно резали барана, козла, ягненка, теленка, кур и т. п. Во время этого праздника вспоминали всех умерших родных, близких и, кроме того, считалось, что эти символические жертвоприношения будут способствовать выздоровлению всех заболевших.

Кости животных, которых резали, собирали и обязательно закапывали в землю, так как считалось, что эти животные являются священными и поэтому их кости нельзя бросать или давать собакам.

Для этого праздника готовилось несколько блюд: шурва, плов, голубцы, куриный суп.

В отличие от других праздников в день кьулбанд сувар строго соблюдались, если так можно выразиться, нормативы угощения. Каждая семья в обязательном порядке должна была угощать семерых соседей или же (особенно это было принято у азербайджанских лезгин) семь групп мужчин по 12—15 человек в каждой. Эти мужские группы формировались по квартальному принципу, т. е. мужчины одного квартала собирались в одну группу, а если он был очень большим и мужчин оказывалось свыше 20 человек, тогда они, в свою очередь, делились на две группы по возрастному принципу. В этом случае старики и мужчины средних лет и юноши составляли самостоятельные отдельные группы.

В течение дня — с полудня до позднего вечера — мужчины должны были обойти почти каждый дом селения. Они поздравляли с праздником хозяев, а затем их сажали за праздничный стол. Разумеется, «угощение» со стороны большинства гостей уже после двух-трех визитов носило больше символический характер.

Во время весеннего праздника выхода плуга, который широко практиковался у народов Дагестана, в том числе и лезгин, было принято на средства жителей села приобретать «агсакалы» — красного быка. Этого быка три раза обводили вокруг селения, потом резали, а мясо распределяли по числу хозяйств селения. Из этого мяса обязательно делали шурва, и все члены семьи должны были попробовать ее. Мясо красного быка считалось «священным», думали, что те семьи, которые съедят его, в будущем сезоне сельскохозяйственного года получат хороший урожай.

В некоторых селениях Ахтынского района (Хлют, Ялах, Калук, Зрых) мужчина, которому доверялось в день первой борозды держать «десте» (ручку опоры сохи), должен был вечером принести на общую площадь села полную чанту «калар» жареной пшеницы и раздать всем присутствующим. При этом каждый старался получить хоть немного зерна этой жареной пшеницы, чтобы «обеспечить» урожай в предстоящем сезоне.

Позднее, как утверждает наш информатор 86-летний Азизов Мирзамагомед из селения Зрых, в вечер первой борозды стали приносить на площадь большой обрядовый пирог «кумба» и раздавать по кусочку почетным людям мужского пола.

В Ахтынском районе праздничные блюда готовили также при встрече праздника цветов — «цуьквер сувар». Парни и девушки ели их дома и брали с собой в горы, где устраивали совместную трапезу.

Таким образом, ритуальная пища лезгин имеет свои, достаточно ярко выраженные национальные традиции и характерные особенности, отразившие специфику хозяйственного уклада и идеологии народа.

В целом же анализ национальной пищи дагестанских и азербайджанских лезгин убеждает нас в том, что как по комплексу употребляемых продуктов и способам их приготовления, так и по методам и приемам заготовки продуктов в основе своей она едина на всей их этнической территории. При этом, однако, нельзя не отметить, что пища кубинских лез-

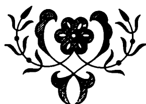
гин, сохраняя свои национальные особенности, более подвержена влиянию азербайджанской кухни, чем пища дагестанских лезгин.

Лезгинская народная кулинария имеет много общего не только с пищей народов Дагестана и Азербайджана. Такие блюда, как шашлык, халва, долма, плов, джигиртма и др., являются традиционными для многих кавказских народов, что свидетельствует об издавна существовавших широких культурно-экономических связях лезгин.

И в то же время пища лезгин XIX в. содержала много местных локальных особенностей, связанных, с одной стороны, с географическими условиями расселения, с другой — со спецификой хозяйственной направленности их экономики. Наряду с этим нельзя не отметить, что в пище, как и в других отраслях материальной культуры, отразилось социально-экономическое неравенство, которое существовало в отдельных слоях лезгинского общества дореволюционного времени.

[1] *Золотов К. Н.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности.— МАД, 1961, т. II, с. 240.
[2] *Агларов М. А.* Пища.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 273.
[3] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 267.
[4] *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 128.
[5] *Агларов М. А.* Пища, с. 269.
[6] *Агларов М. А.* Пища, с. 274.
[7] Там же.
[8] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 19.
[9] *Агларов М. А.* Пища, с. 276.
[10] *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1961, т. IX, с. 286.
[11] В настоящее время жители этого селения переселены на равнинные земли Магарамкентского района.
[12] Полевой материал 1956 г.— АА, тетр. № 2.
[13] *Агларов М. А.* Пища, с. 277.
[14] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев, с. 277.
[15] *Агларов М. А.* Пища, с. 278.
[16] *Агаширинова С. С.* Свадебные обряды лезгин XIX — начала XX в.— УЗ ИИЯЛ, 1964, т. XII, с. 149.
[17] Лезгинская мера, равная 3 кг.
[18] Полевой материал 1968 г.— АА, тетр. № 2.
[19] «Хидир-Неби» и «Хидир-Ильяс» в устном народном предании считаются двумя братьями, которые поделились с людьми огнем в холодное время года с 21 февраля по 6 марта.

Заключение



Многовековая история формирования и этнического развития лезгин, своеобразие естественно-географических условий их расселения, специфические черты социально-экономической структуры способствовали выработке яркой и самобытной национальной культуры. Сложение многих ее элементов происходило в процессе этнического взаимодействия и культурного взаимовлияния различных лезгинских групп Дагестана и Азербайджана. В то же время общие черты в хозяйстве, типах поселений и жилищах, одежде, пище и других чертах материальной культуры, объединяющие лезгин с другими кавказскими народами, отражают их древние культурные, а в ряде случаев и историко-генетические связи. Наконец, ряд элементов материальной культуры лезгин находит параллели в культуре соседних народов Дагестана и Закавказья.

В материальной культуре лезгин отразились древние традиции земледельческо-животноводческого хозяйства. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические данные, в частности особенности народного календаря, некоторые элементы домашнего производства и ремесел, материалы лингвистики и фольклора.

В XIX в. у лезгин существовало высокоразвитое ремесленное производство, связанное с обработкой дерева, глины, металла, кожи и шерсти. Особенно высокого развития достигло ковроделие. Благодаря большому мастерству, тонкому художественному вкусу ковровщиц, создававших оригинальные поэтические узоры, лезгинские ковры издавна славились за пределами Дагестана.

Природно-географические, социально-экономические, этнические и другие факторы наложили определенный отпечаток и на характер поселений, их типы, специфику планировки и т. д.

Как известно, поселения и жилища относятся к той области материальной культуры, которая не только переживает время своего возникновения, но прочно сохраняет следы прошлых общественно-экономических формаций. Так, например, возникновение наиболее раннего типа поселения —

хуьр было связано с распадом патриархально-родственных отношений в лезгинском обществе, на смену которым пришли территориальные принципы соседской общины. Более поздние типы отселков — казмаляры и кишлаки — образовывались на зимних и летних пастбищах в XVII—XVIII вв., как в результате распада пережиточно сохранявшихся больших патриархальных семей, так и в связи с развитием производительных сил и товарно-обменных отношений, а также по причине родовых междуусобиц, кровной вражды и т. д.

Приведенные данные по семейной общине, тухумам, сельским кварталам лезгин показывают, как происходил переход от родовых поселений к территориально-родственным, а позднее и к соседско-территориальным. Это со своей стороны позволяет проследить воздействие социально-экономической структуры общества на характер и типы поселений и жилищ, а также выявить обратный процесс — влияние специфики и планировки лезгинских жилищ на общественный быт народа.

Для лезгинского общества конца XIX — начала XX в. было характерно преобладание малых семей, наряду с которыми в ряде селений сохранялись и большие патриархальные семьи, включавшие в свой состав от 40—60 до 100 человек.

Разрастаясь, патриархальные семьи делились на дочерние большие семьи, которые, в свою очередь, с развитием производительных сил, товарно-денежных отношений и частной собственности распадались на так называемые неразделенные семьи. Такие семьи сохраняли многие черты своей предшественницы, как и прежние большие патриархальные семьи, продолжали жить по соседству, занимая отдельную часть селения или квартал. Члены этой родственной группы (которую М. О. Косвен назвал патронимией) в определенной мере сохраняли хозяйственное, общественное и идеологическое единство и имели общее наименование.

Патронимия была не только прямым пережитком патриархальной семейной общины древнего типа, но и последней формой родо-племенной организации у лезгин. В ней сочетались черты патриархально-родовой и более поздней соседской общины.

Вплоть до начала XX в. у лезгин еще сохранялись дома крайне архаичные по своему архитектурному облику, некоторые из них были возведены еще в XVIII в. Сохранение подобных построек позволяет нам проследить эволюцию жилища, его связь с историей семьи.

В XIX — начале XX в. на территории расселения лезгин бытовало два основных типа жилых построек: одноэтажный, состоящий из трех элементов — жилых комнат, хлева и внутреннего крытого двора, и двухэтажный, у которого хозяйственные помещения составляли нижний этаж, а жилые — верхний. Хозяйственные помещения включали хлев для скота, крытый двор для хранения сельскохозяйственных орудий, дров и пр. и сарай для сена.

Архитектурно-конструктивное развитие обоих типов жилищ прошло эволюцию от домов для больших патриархальных семей с общим жилым помещением к современным светлым многокомнатным домам.

Анализ народной одежды в динамике позволяет выделить ее основные типы, районы их распространения, причины региональных различий в костюме, обуви, головных уборах и украшениях, а также выявить те факторы (природно-географические условия, формы хозяйства, культурные связи, требования морали и идеологии и др.), которые оказали влияние на формирование определенных типов или отдельных деталей костюма. На основе исследования этнотерриториальных, возрастных и других различий в традиционной одежде в работе фиксируются особенности социального и семейно-бытового уклада лезгин XIX — начала XX в.

В традиционной одежде, особенно у азербайджанских лезгин, хорошо прослеживаются древние культурные взаимосвязи с соседними тюркоязычными и ирапоязычными народами. Это проявляется в том, что в лезгинском костюме имеются определенные элементы азербайджанской и персидской одежды, проникавшие к лезгинам через города Дербент, Кубу, Ширван, Шемаху и др. С конца XIX — начала XX в. одежда лезгин начинает испытывать русское влияние, о чем свидетельствует широкое распространение платков, пальто, обуви вместе с названиями («палту», «пенджек», «жикет», «шиблетар», «калушар» и т. д.).

Традиционная мужская одежда лезгин и других народов Дагестана и Кавказа в целом содержит много сходных элементов. Единство основных элементов кавказского мужского костюма в значительной степени объясняется исторически сложившимися длительными культурно-экономическими и политическими взаимосвязями народов этого региона, активным носителем и выразителем которых выступала прежде всего мужская часть населения. Именно мужчины отправлялись в дальние странствования, на отхожие промыслы, на зимние пастбища, на работу по найму и т. д.

Женский национальный костюм отличался своеобразием, в нем ярче выражались различия этнического, социального и возрастного характера. Женский костюм как дагестанских, так и азербайджанских лезгин имел локальные особенности (связанные с географической средой, спецификой хозяйства и быта, влиянием соседних народов), которые выражались в способах ношения одежды, цветовой гамме ее, деталях покроя и т. д.

Детская одежда по своим основным компонентам и покрою мало чем отличалась от одежды взрослых. Ее специфической особенностью являлись различные обереги, амулеты и талисманы, которые пришивались к платью с целью «сохранить» жизнь и здоровье детей.

Суммируя вышеизложенное, следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на исторически сложившуюся разобщенность (расселение как на территории Азербайджана, так и в Дагестане) и многолетнее влияние со стороны азербайджанцев, материальная культура азербайджанских лезгин сохранила самобытные национальные особенности, что позволяет говорить о культурном единстве всего лезгинского народа.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для бурного национального развития лезгин.

Национализация земли, ликвидация частной собственности на орудия и средства производства и другие грандиозные преобразования, осуществленные в результате Великого Октября, позволили лезгинскому народу встать на путь строительства новой жизни, обеспечили переход крестьянских масс от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному производству. Национализацией, как отмечал В. И. Ленин, был «создан земельный строй, *наиболее* гибкий в смысле перехода к социализму» [1].

В ноябре 1920 г. была провозглашена автономия Дагестана и в том же году на основе ленинского Декрета о земле, принятого 8 ноября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, ДагЦИКом принят декрет (положение) о социализации земли. Согласно этому декрету, трудовому крестьянству передавались все земли, принадлежавшие ханам и другим феодалам. Декрет предусматривал также изъятие в пользу трудящихся казенных и мечетских земель.

Одновременно были приняты меры по улучшению положения кустарей путем снабжения их сырьем и материалами, а также необходимым оборудованием (станками, инструментами и т. п.). Эти мероприятия способствовали возрождению и подъему кустарных промыслов во всех округах Дагестана. Уже к 1 сентября 1924 г. в республике насчитывалось 39 первичных кооперативных товариществ с 1547 членами, что позволило в том же месяце созвать в Махачкале совещание представителей кооперативных артелей и некооперированных кустарей, на котором был учрежден Дагестанский союз кустарно-промысловых кооперативов — «Дагкустпромсоюз» [2]. С тех пор число кооперированных кустарей и кооперативных артелей стало быстро возрастать.

В коренном преобразовании хозяйственной жизни и быта лезгин, как и всех народов Дагестана, большую роль сыграла земельная реформа, проект которой был разработан Наркомземом в 1927 г.

Необходимость земельной реформы вытекала в первую очередь из неравномерного распределения крестьянского населения на территории республики, что создавало огромное перенаселение в горах и нерациональное экстенсивное использование земель на равнине. Ликвидировать малоземелье в горах и дать простор для развития производительных сил сельского хозяйства возможно было лишь на основе осуществления комплекса мероприятий, связанных с переселением части горцев в равнинные районы. В газете «Красный Дагестан» за 18 июля 1927 г. писалось, что основной целью проводимой земельной реформы является фактическое обеспечение безземельных и малоземельных горцев землею путем отвода [3].

Весь план переселения был рассчитан на семь лет. При этом в первые три-четыре года следовало проделать необходимые предварительные работы по землеустройству и орошению. Поэтому в первые годы переселе-

ние должно было проходить относительно медленными темпами с постепенным возрастанием их к концу намеченного срока.

На проведение земельной реформы (не считая различных льгот по отпуску переселенцам леса, снабжению их сельскохозяйственными машинами и т. д.) первоначально предусматривалось израсходовать 21 млн. руб. [4] В таком объеме смета была утверждена Совнаркомом РСФСР, но после включения в нее расходов на постройку дорог и приобретение индивидуальных установок для переработки сельскохозяйственного сырья эта сумма была увеличена до 37 млн. руб. [5]

Для осуществления земельной реформы необходимо было, во-первых, обеспечить свободный запас земель; во-вторых, нужно было разработать перспективный план и согласовать его с общим планом развития народного хозяйства; в-третьих, провести землеустроительные работы до 1931 г. Особенное внимание при этом должно было быть уделено мелиорации (осушению болот, орошению засушливых земель, борьбе с речными разливами), что давало возможность резко поднять урожайность, уничтожить бич Дагестана — малярию и, наконец, обеспечить переход к коллективизации сельского хозяйства.

С марта 1929 г. земельная реформа стала называться земельно-водной реформой (ЗВР) в связи с включением в нее новых мероприятий. Наряду с переселением горцев на равнинные земли и передачей угодий зажиточных хозяйств малоземельным надо было помочь бедняцким массам освоить полученную землю и организовать сельскохозяйственное производство так, чтобы оно развивалось наиболее рентабельно.

В связи с этим Наркомзем республики счел необходимым пересмотреть и дополнить первоначально утвержденные мероприятия по проведению земельной реформы.

В основу нового экономического плана земельно-водной реформы было положено установление норм землепользования. Были намечены следующие конкретные мероприятия по ее осуществлению: 1) введение в сельскохозяйственный оборот новых земельных площадей за счет создания сети мелиоративных сооружений и восстановление старой оросительной системы; 2) оздоровление сельскохозяйственной местности путем орошения и регулирования разливов рек (Терека, Самура, Сулака и др.); 3) расширение землепользования за счет межсельского и внутрисельского землеустройства и перераспределения земли; 4) оказание материальной помощи переселенцам, особенно беднякам; 5) организация переработки на местах продуктов сельскохозяйственного производства; 6) развитие дорожного дела в горах и, наконец, 7) налаживание систематического обслуживания сельского населения агротехнической, ветеринарной и другими видами помощи, необходимой при проведении мероприятий.

Мероприятия, связанные с проведением земельно-водной реформы, широко обсуждались и были утверждены на VII Вседагестанском съезде Советов в апреле 1929 г.

Земельно-водная реформа стала насущным делом для всех народов Дагестана, ее осуществление было необходимо в целях завершения аграр-

ной революции, ликвидации остатков феодально-родовых отношений в землепользовании и сельском хозяйстве вообще; устранения кабальных отношений в области перегонного скотоводства, изъятия сохранившихся у кулацких хозяйств избыточных земель и остатков помещичьих землевладений; устранения перенаселенности гор, улучшения положения дагестанской бедноты и обеспечения прочности середняцкого хозяйства; содействия общему подъему и реконструкции дагестанского сельского хозяйства и обеспечения его развития на социалистических началах.

Проведение земельно-водной реформы в Дагестане проходило в чрезвычайно тяжелых условиях. Упорное сопротивление реформе оказывали кулаки и духовенство, которые стремились сохранить старые порядки, старый быт. «Они уничтожали различные межевые знаки, рубили вешки, вырывали столбы и раскрывали курганы»,— писала газета «Красный Дагестан» в сентябре 1929 г. [6]

Несмотря на эти трудности, все мероприятия, предусмотренные земельно-водной реформой, проводились успешно. Планировалось их закончить в течение четырех лет.

Сперва проводились съемочные работы. Из общей площади ДАССР в 5732 тыс. га до 1928 г. съемка была проведена на территории 2780 тыс. га. За первые два года реформы съемочными работами была охвачена территория в 3603 тыс. га, т. е. 62,8% всей площади ДАССР. В 1928—1929 гг. было землеустроено 1636,8 тыс. га, или 28,5% земель, предусмотренных по перспективному плану, в результате чего 13 687 горских хозяйств получили наделы на равнинной земле. К середине 1929 г. было осуществлено укрепление берегов на реках Терек и Сулак и начаты работы по осушению присулакских болот. Кроме того, было проведено обводнение первых 143 км Кара-Ногайской степи [7].

Одновременно шло и переселение горцев на равнину. Так, большая часть жителей селения Куруш (самое высокогорное селение в Европе, 2415 м над уровнем моря.— *С. А.*), условия жизни которых были очень трудными (суровый климат, постоянный недостаток хлеба, бездорожье), переселилась на территорию Хасавюртовского района, где образовалось селение Новый Куруш.

Жители многих селений Докузпаринского и Ахтинского районов были переселены в равнинные районы, расположенные на территории азербайджанских лезгин. Жители селения Лга-пиркент Хачмасского района, например, представляют собой переселенцев из Микраха Докузпаринского района.

Жители селений Храх и Югулар являются переселенцами из горных селений Ахтынского района.

В связи с переселением части горских семей из Дагестана в Азербайджан число лезгин, проживающих на территории этой республики, заметно увеличилось. По данным учета национального состава, уже в 1932 г. лезгинское население Азербайджана составляло 79 308 человек (по сравнению с 40 709 в 1926 г.), в том числе в сельской местности проживало 71 927 человек, в городах и поселках городского типа — 7381.

С 1930 г. активно развернулись работы по внутриселенному землеустройству.

Весь этот комплекс мероприятий, осуществлявшихся в первые годы реформы, имел большое значение для подъема сельского хозяйства народов Дагестана и перевода его на социалистический путь развития.

Дальнейшие работы в области земельно-водной реформы осуществлялись параллельно с коллективизацией сельского хозяйства и в основном были завершены в 1934—1935 гг.

Убедившись в преимуществе коллективного труда, в 1932—1933 гг. лезгинские крестьяне стали массами вступать в колхозы. Сплошная коллективизация в районах расселения лезгин, как и в республике в целом, была завершена к 1940 г.

На 1 июля 1940 г. в ДАССР насчитывалось 1093 сельскохозяйственных артели, объединявших 98,5% крестьянских хозяйств. В пользовании колхозов и совхозов ДАССР к этому времени находилось более 3 млн. га земли, 92,2% посевной площади, 45% крупного рогатого скота, 69,6% овец, 57,7% коз, 60,9% лошадей. Доля единоличного сектора составляла в 1940 г. по посевным площадям 0,03%, по скоту от 6,4 до 1,1% [8]. Ведущая роль в переводе единоличных крестьянских хозяйств на путь колхозов принадлежала совхозам и МТС, которые проделали огромную работу по переводу единоличных крестьянских хозяйств на рельсы социалистической экономики, подъему сельскохозяйственного производства. «Коренные перемены в жизни села нельзя измерить только статистическими показателями. Это — глубочайшие по своим масштабам и общественным последствиям социально-экономические преобразования»,— указывал в докладе на XXV съезде КПСС Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин [9].

Совхозы начали создаваться в Дагестане в 1922 г. Однако особенно бурный рост совхозов в Дагестане падает на период 1929—1930 гг.

На 1 января 1931 г. по Дагестану существовали следующие совхозы (в рамках ведомственной структуры тех лет): Овцеводтрест — 4 совхоза, Скотоводтрест — 3 совхоза, Новлубтрест — 4 совхоза, Новхлопком — 1 совхоз, Садвинтрест — 4 совхоза, Молочнопродуктрест — 1 совхоз, Коневодсовхозтрест — 1 совхоз, Дагконсервтрест — 4 совхоза.

Таким образом, всего в республике насчитывалось 22 совхоза, располагавших земельными угодьями площадью 636 045,74 га [10]. К 1933 г. число совхозов в Дагестане возросло до 30. Совхозы Дагестана стали крупнейшими поставщиками государству зерна, хлопка-сырца, мяса, молока, шерсти и других продуктов земледелия и скотоводства.

Большую роль в укреплении колхозного строя сыграли машинно-тракторные станции (МТС), строительство которых в Дагестане началось в 1930 г. За годы первой пятилетки на территории Дагестана было организовано 20 МТС и МСС (машинные станции сенокошения) с 610 тракторами [11].

В предвоенные годы в Дагестане были развернуты широкие оросительные работы, которые дали возможность превратить безводные степи в

цветущие сады и виноградные поля. Площадь под виноградом и садами в ДАССР к 1938 г. по сравнению с 1910 г. увеличилась в три раза [12].

Вместе с колхозным строем на поля лезгин, как и всего Дагестана, пришла новая современная агротехника. Совершенно не применявшиеся раньше зябь, пары, минеральные удобрения, сортовые семена, яровизация, подкормка растений, предпосевная культивизация и т. д. получили широкое применение в сельском хозяйстве лезгин.

Осуществление коллективизации явилось существенным толчком для дальнейшего развития народных кустарных промыслов. В конце 1930-х годов почти в каждом колхозе были организованы плотничьи и кузнечные мастерские по производству и починке сельскохозяйственных орудий. В мастерских изготовляли сани, арбы, молотильные доски, деревянные лопаты и другие орудия, необходимые для сельскохозяйственных нужд. В те же годы в колхозах, на территории которых имелись технические глины, были созданы гончарные мастерские.

Большое внимание было обращено на развитие ковровых артелей. Уже в 1920— начале 1930-х годов такие артели были организованы в Ахтах, Орта-Стале, Микрахе, Капире, Кусарах и других лезгинских селениях. С 1930-х годов в г. Дербенте начала работать шерстепрядильная фабрика «Дагюн» с красильным цехом. В том же году в Дербенте был открыт ковровый техникум, реорганизованный позднее в ковровую школу.

В Азербайджане начиная с 1927 г. мастерицы коврового дела также стали объединяться в артели и переходить на коллективное изготовление ковров. В 1928 г. при центре промкооперации Азербайджана «Азсэнаншурасы» был организован ковровый отдел, который пять лет спустя выделился в самостоятельное объединение — «Азхалче — союз» («Азхалчабирлиги»), а в 1937 г. он был реорганизован в союз ковроткацких артелей Азербайджана под названием «Азхалчаиттифак». В этот союз в настоящее время входит и Кусарская ковровая артель им. Кашена. «Азхалчаиттифак» в г. Баку имеет собственную красильную мастерскую.

Созидательный труд народов нашей страны был прерван войной, развязанной фашистской Германией. Народы Дагестана, как и все народы Советского Союза, не жалея сил, самоотверженно день и ночь трудились для победы над фашизмом, успешно выполняли все поставленные перед ними задачи.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны народное хозяйство Дагестана стало развиваться еще более быстрыми темпами, чем прежде. Расширялись посевные площади, увеличивалось поголовье общественного скота, выросла техническая оснащенность сельского хозяйства.

В настоящее время на полях колхозов и совхозов лезгинских районов Дагестана и Азербайджана работают разнообразные сельскохозяйственные машины, что способствует неуклонному увеличению посевных площадей, подъему урожайности и повышению производительности труда.

Быстрыми темпами развивается овощеводство. Так, в 1976 г. совхозами Кусарского района было заготовлено 19,7 тыс. т овощей, 19,4 тыс. т

фруктов, более тысячи тонн бахчевых культур. Все эти показатели значительно превышают плановые цифры [13].

Значительных успехов достигли колхозы и совхозы в области общественного животноводства и увеличения продуктивности скота. В Ахтынском районе, например, поголовье овец и коз за период с 1971 по 1976 г. увеличилось с 107 тыс. до 123,6 тыс., в Курахском районе за то же время оно возросло с 72,8 тыс. до 80,1 тыс. голов.

Широкое распространение получило тонкорунное и полутонкорунное овцеводство. Успешно практикуется отгонная форма выпаса скота наряду с его стационарным горным содержанием. Для общественного животноводства создана прочная кормовая база.

На высокогорных альпийских лугах и равнинных кутанах, где чабаны выпасают скот в летнее время, созданы все условия для их нормальной работы и отдыха. Туда регулярно доставляют свежие газеты, журналы, художественную литературу, новые кинофильмы, выезжают лекторы, профессиональные и самодеятельные артисты.

Существенно изменился и уход за скотом. Наиболее ответственными периодами в работе овцеводческих ферм сейчас, как и прежде, являются окот и стрижка. В эти месяцы в помощь чабанам обязательно выделяются специальные люди. В большинстве овцеводческих хозяйств многие операции, в том числе и стрижка, механизированы.

За последние годы у лезгин возродилась и такая доходная отрасль, как буйволоводство. Впервые разведение буйволов начал практиковать колхоз имени Калинина селения Орта-Стал Касумкентского района.

Из новых отраслей хозяйства, получивших распространение только в годы Советской власти, лезгинские совхозы и колхозы успешно развивают птицеводство и пчеловодство. Известное лезгинам с древних пор шелководство ныне развивается в значительных масштабах. Особенно славятся разведением шелкопряда Магарамкентский и Кусарский районы. В Магарамкентском районе число тутовых деревьев достигает 5 тыс. Ежегодно государству сдается 27—28 т шелковичных коконов. В Кусарском районе площадь, отведенная под плантацию шелкопрядов, составляет 121 га, а число тутовых высокоствольных деревьев превышает 4400.

Широкое развитие получили садоводство и виноградарство. Площади, занимаемые этими культурами, с каждым годом увеличиваются, особенно за счет вновь осваиваемых земель. В Сулейманстальском районе, например, площадь виноградных насаждений в колхозах и совхозах, по данным, относящимся к 1975 г., составляла 2408 га, в Магарамкентском районе — 2082 га. Площадь плодово-ягодных насаждений в хозяйствах Сулейманстальского района в том же году составляла около 4 тыс. га, а валовый сбор фруктов составил 54,4 тыс. центнеров.

Личное приусадебное хозяйство имеет теперь для семей колхозников и рабочих совхозов лишь вспомогательное значение. На приусадебных участках выращивают в основном огородные культуры (огурцы, помидоры, картофель) и фруктовые деревья. Их продукция является определенным дополнительным подспорьем в семейном бюджете, но основные

свои доходы подавляющее большинство лезгинских колхозников и рабочих совхозов получают от участия в общественном производстве.

За годы Советской власти значительные преобразования произошли и в местной кустарной промышленности лезгин. Древние народные традиции лезгинского коврового искусства получили дальнейшее развитие и совершенствование в условиях социалистического труда. Крупные ковровые артели созданы ныне в селениях Ахты, Микрах, Кабир, Испик, Орта-Стал, Кусары и др. Все они располагаются в просторных светлых помещениях, снабженных новыми усовершенствованными станками. В Дербенте работает специализированная, оборудованная по последнему слову техники красильная фабрика, которая обеспечивает готовым сырьем ковровую фабрику им. XXIII партсъезда и все ковровые артели Дагестана. Там же находится и ковровая база Дагхудожпромсоюза.

Народные традиции лезгинских ковровщиц обогатились рядом орнаментальных мотивов и тем. Новым, прежде не известным видом коврового искусства является портрет. Лезгинские ковровщицы с большой любовью и талантом выполняют портреты писателей, поэтов, художников, космонавтов и других выдающихся людей нашей страны.

Лезгинские ворсовые ковры и сумахи не раз демонстрировались на международных выставках в Париже, Брюсселе и других местах и были удостоены золотых медалей.

Неузнаваемо изменился и облик лезгинских селений, особенно их планировка. Во многих селениях появились новые кварталы, где сосредоточены административные и культурно-бытовые учреждения. Если прежде жители аула в основном собирались на площадях или возле мечетей, то теперь самым многолюдным местом является та часть аула, где расположены правление колхоза, сельсовет и дом культуры.

Характерным примером в этом отношении служит селение Капир Курахского района. В центре новой части селения находятся средняя школа, правление колхоза, больница, радиоузел, клуб — просторные светлые здания с обширными приусадебными участками, засаженными плодовыми деревьями. В селении имеется электростанция, снабжающая своей энергией дома колхозников и здания административно-хозяйственного и культурно-бытового комплекса, построены два водозаборных сооружения, сооружены новые склады, коровники, телятники и т. п.

Такими благоустроенными стали почти все лезгинские селения. Благодаря интенсивному дорожному строительству появились благоустроенные дороги, связывающие лезгинские селения с районными центрами городами. Во многие селения из Махачкалы и Дербента ежедневно отправляются маршрутные автобусы.

Хотя современное лезгинское жилище продолжает сохранять и развивать лучшие национальные традиции архитектурного искусства народов Кавказа, оно испытало и несомненное влияние современной русской советской архитектуры. Нынче колхозники по большей части строят себе дома на городской лад, отвечающие их новым, все возрастающим запросам. Широкое распространение получили дома с балконами на каменных

кронштейнах в центре второго этажа (особенно в Кусарском районе). Земляные полы заменяются деревянными, повсеместно вошли в обиход большие окна со стеклами. Если в старых домах окна были 20 × 40 см, то в современных домах окна большие, обычного городского типа. Одним из существенных изменений, происшедших в строительной технике и материалах, является широкое использование железа и черепицы для крыши.

Современные лезгинские дома по сравнению с домами старого типа имеют много преимуществ и с точки зрения внутренней планировки. Они состоят из нескольких комнат: спальни, кунацкой, детской, а также кухни, кладовой и пр.

Большие изменения произошли и в убранстве жилых помещений. По традиции одной из лучших комнат остается кунацкая. Она по-прежнему отличается лучшим убранством, в котором немаловажную роль играют ковры и сумахи, украшающие стены и пол.

В настоящее время уже не встречаются дома, где бы не было кровати, стола, стульев. Стол и кровать обычно устанавливают у стены. Хотя постель убирают по-городскому, сохраняются и национальные традиции: на кровать обязательно кладут несколько матрацев и шерстяные, и стеганые одеяла. Сверху постель покрывают простыней с кружевами или тюлевыми покрывалами, а подушки — накидками из того же материала.

Обычным элементом внутреннего интерьера современного лезгинского дома стали стенные шкафы, шифоньеры, буфеты, швейные машины и специальные гарнитуры. Поскольку в настоящее время почти все лезгинские селения электрифицированы, многие колхозники приобретают радиоприемники, проигрыватели, холодильники, стиральные машины, пылесосы и др. В то же время традиционные хозяйственные постройки постепенно сходят на нет. Крытый двор сейчас уже стал своего рода анахронизмом. Многие семьи не строят и специальных сараев для сена, а сараи для скота делают однокамерными и ограниченными по площади. У одноэтажных домов хлев обычно строят рядом с жилым комплексом, но состоит он, как правило, из одного помещения. В современных двухэтажных домах в большинстве случаев помещения и первого, и второго этажа предназначены для жилья, а хлев строят отдельно.

Таким образом, рост благосостояния лезгинских колхозников и рабочих совхозов, появление у них потребности в расширении жилого фонда в конечном итоге привели к использованию первого этажа в качестве жилых комнат.

В свою очередь это обстоятельство послужило толчком к строительству отдельных хозяйственных построек, возводимых в зависимости от материальных условий и потребностей каждого домохозяина.

Большие перемены произошли и в традиционной одежде лезгин.

С первых же лет Советской власти в связи с развитием сельской кооперации и улучшением снабжения горцев промышленными товарами постепенно исчезла надобность в производстве самодельных домотканых материалов. В конце 1930-х годов под влиянием городской моды и одежды военного образца у лезгин, как и у других народов Кавказа, сложился новый

тип мужского костюма, состоявший из брюк-галифе, кавказской рубахи, узких кожаных сапог фабричного производства с длинными голенищами, папахи или крупной каракулевой шапки.

В 1940-х годах, особенно после Великой Отечественной войны, мужской костюм пополнился новыми элементами военной формы. Постепенно галифе заменили брюки навыпуск, а кавказскую рубаху — обыкновенная рубашка, носившаяся первоначально с кителем, а затем с фуфайкой (которая, кстати, прочно вошла в комплекс мужского костюма и оказалась очень удобной, практичной в горных условиях Дагестана). Фуфайка, заменившая полностью валчаги и курты, и по сей день является неотъемлемой частью верхней рабочей и повседневной одежды.

Прочно вошли в обиход и фабричные кирзовые сапоги, которые также оказались весьма удобным видом обуви в условиях горной и особенно равнинной части Дагестана, где меньше камня и почва более глинистая.

В дальнейшем, в 1950-х годах у лезгин сложилась новая своеобразная форма костюма, которая состояла в основном из элементов одежды городского типа: мужской рубахи (нижней и верхней), брюк навыпуск и пиджака (или костюма), фуфайки и пальто. Обувью служат туфли, ботинки, кирзовые сапоги и галоши; головными уборами — папахи (местного изготовления), шапки-ушанки, кепки, фуражки, шляпы.

Таким образом, современная одежда лезгинских мужчин целиком состоит из предметов фабричного производства.

Представители местной интеллигенции, молодежь преимущественно одевают рубашки, костюмы, туфли, шапки-ушанки (зимой), кепки, фуражки, шляпы (летом). Верхней одеждой служат пальто и плащи.

Колхозники, рабочие совхозов носят чаще всего рубахи в сочетании с брюками навыпуск, пиджаки или фуфайки, пальто и плащи. Брюки заправляют в кирзовые сапоги или шерстяные чулки, которые носят обычно с туфлями, ботинками или галошами. На голову надевают папахи, шапки-ушанки, фуражки, иногда шляпы.

Таким образом, в современной мужской одежде лезгин явственно выделяются два комплекса: костюм сельской интеллигенции и молодежи и костюм рабочего типа, используемый во время производственной деятельности.

Из традиционных элементов мужского костюма бытуют овчинные и каракулевые папахи, овчинные шубы, накидки, бурки, а в горных районах — сыромятная обувь — шаламар. Хотя мужчины совершенно перестали носить короткие шубы кӀурт, длинные шубы «кавал», накидываемые на плечи, с ложными рукавами бытуют весьма широко.

В то же время почти совершенно исчезли из повседневного обихода жителей селений бурки. Сейчас бурками и войлочными накидками пользуются в основном чабаны, пастухи, зоотехники, ветеринарные врачи, заведующие фермами, которым по роду своих занятий приходится в любую погоду бывать на пастбищах, подолгу находиться вне помещения.

Овчинные папахи, которые сохранились, также надевают лишь в холодную погоду, а не в любое время года, как было прежде.

Что касается обуви, то из повседневной носки совершенно исчезли башмаки на толстой деревянной подошве. В то же время национальные узорчатые и простые шерстяные носки в горных районах бытуют, как и прежде. В селениях Ахтынского и Курахского районов и в некоторых горных селениях Магарамкентского и Касумкентского районов иногда даже летом на улицах можно видеть мужчин в узорчатых носках и галошах.

Следует также отметить, что различные элементы традиционного мужского костюма в большей степени сохраняют люди преклонного возраста.

Молодежь носит одежду только городского покроя. Сейчас многие юноши имеют по нескольку костюмов, брюк, рубашек и т. п. Именно представители молодежи первыми в селениях воспринимают городскую моду и следят за ее изменениями.

За годы Советской власти неузнаваемо изменился и традиционный костюм лезгинок, хотя он в своем развитии куда более консервативен, нежели мужской национальный костюм.

Появление отдельных новых элементов в традиционном женском костюме можно было наблюдать уже в конце 1920-х годов, причем немаловажную роль в этом процессе сыграли осуществлявшиеся в этот период партийными организациями и правительством республики мероприятия по перестройке хозяйства, быта и культуры горских народов. Наряду со строительством школ и интернатов, созданием ликбезов принимались меры по вовлечению женщин-горянок в учебу, организовывались культсанпоходы, создавались комиссии по улучшению быта горянок (такая комиссия была образована 18 июля 1926 г. при ЦИКе ДАССР[14].— *С. А.*). Одновременно по всей республике были развернуты широкие кампании, проходившие под лозунгом: «Долой чухту!», «Пальто горянке!» и т. д.

Эти мероприятия явились своего рода толчком для замены непрактичных, тяжелых форм традиционной одежды более удобными и легкими формами, а также способствовали проникновению в горные районы женской одежды городского покроя.

В 1930-е годы девушки и молодые женщины совершенно прекращают носить национальные валчаги, в результате чего они становятся элементом одежды женщин пожилого возраста. В то же время изменяется покрой женской нижней рубашки. Теперь ее шьют с плечевым швом и без подмышечной ластовицы. Поверх такой рубашки одевали платье-булушка, а затем национальный пиджак лабада. Широкие штаны — вахчаг также почти выходят из употребления и лишь изредка встречаются на пожилых женщинах. Обувь в основном остается традиционной, хотя постепенно входят в быт и изделия фабричного производства. В то же время праздничная обувь типа башмаков исчезает совершенно.

На территории азербайджанских лезгин в 1930-е годы также складывается своеобразный комплекс женского костюма, сочетающий элементы традиционной и городской одежды. Он состоял из нижней рубахи — перем с плечевым швом и без ластовиц, широкой в складку юбки с рантом у по-

яса, а также кофты. В холодную погоду одевали стеганые ватные пиджаки или безрукавки. Этот костюм обязательно сочетался с национальными ткаными платками типа пледа, которыми оборачивали фигуру ниже пояса и затем завязывали сзади у талии. Обувь осталась прежней, хотя уже входят в обиход изделия фабричного производства. Что касается головных уборов, то следует заметить, что чутку в этой области расселения лезгин остается еще преобладающим типом, а косынки встречались лишь единично у женщин активисток и среди учащихся.

Таким образом, в 1930-е годы на территории расселения лезгин складываются два типа женского костюма, в первом из которых преобладают элементы традиционного характера, а второй несет на себе отчетливо выраженные черты влияния городской моды.

Коренные перемены в традиционной национальной женской одежде происходят со второй половины 1940-х годов и в последующие годы. Причем особенно следует подчеркнуть, что переход к новым формам одежды охватил все возрасты — от маленьких девочек до пожилых женщин. Прежде всего исчезли женские шубы, кIрты, широкие штаны и пр. Изредка сохраняются лишь валчаги и то исключительно у пожилых женщин. Что касается нарядных молодежных валчагов, то они в 1950-х годах были исключительной редкостью и являлись семейными реликвиями. Сейчас же их можно видеть только в музеях и на старинных фотографиях.

В настоящее время лишь изредка и то только у пожилых женщин можно встретить рубашку-перем, платье-булушка, женские узкие штаны — вахчаг, головной убор — чутку, стеганые пиджаки типа лабада и т. п.

Современный костюм девушек и молодых женщин ничем не отличается от одежды городского типа. Если в 1930-х и в начале 1940-х годов девушек осуждали за то, что они появлялись в обществе и в иных местах в узких платьях с короткими рукавами, в платье с открытой шеей, в настоящее время даже в высокогорных селениях такого отношения со стороны старшего поколения к одежде молодежи почти не наблюдается.

Девушки и молодые женщины одеваются по моде в готовые платья фабричного производства, покупаемые ими в местных магазинах, районных универмагах и в городах. Охотно носят лезгинки также фабричные квадратные платки, шарфы и косынки. Следует отметить, что из традиционного комплекса женского костюма наиболее прочно сохраняются платки: шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные. Особенным успехом у девушек пользуются тонкие шелковые платки генже кировабадского производства и белые крепдешиновые платки с шелковыми кистями.

В 1950—1960-е годы большие изменения претерпела женская обувь. Совершенно исчезли башмаки традиционных видов, чарыки из сыромятной кожи, которые сейчас перестали носить даже во время полевых работ. Все женщины носят теперь фабричную обувь: ботинки, туфли, босоножки, галоши, боты, теплые ботинки, чувяки и т. д. Однако женщины, как и прежде, очень любят зимой надевать вязаные шерстяные узорчатые носки — кулитар. Под названием «ахтынские носки», они пользуются большим спросом и у других народов Дагестана.

В этой связи мы считаем необходимым сказать, что такие традиционные элементы одежды, как ахтынские носки, губденские чувяки и кумыкские тюлевые платки, в настоящее время пользуются популярностью почти у всех народов Дагестана.

Верхней одеждой лезгинкам служат теплые пиджаки, фуфайки, пальто, безрукавки, шерстяные кофты и свитера, фабричные клетчатые шали-пледы и т. п. Сейчас лезгинская женщина располагает несколькими комплектами летней, зимней и выходной одежды и несколькими парами обуви.

Ношение традиционных украшений у лезгинок вышло из моды почти с 1930-х годов, а в настоящее время такие украшения, как серебряные женские пояса, нагрудники типа бухма, всевозможные подвески для чутку, стали большой редкостью. Их не только не надевают, но даже мало у кого они сохраняются в семейных сундуках. Теперь молодые женщины и девушки предпочитают носить различные украшения современной работы: кольца, серьги, браслеты, часы, бусы, цепочки, брошки и т. п.

В наши дни заметно изменилась и детская одежда. Сейчас лезгинки для своих детей в основном приобретают покупную одежду в магазинах или же шьют ее сами из хлопчатобумажных тканей, придерживаясь моды. Грудных детей одевают в готовое платье, ползунки, распашонки, чепчики и пр. Почти каждая хозяйка-лезгинка умеет шить на швейной машине, а также пользуется готовыми швейными изделиями для детей и подростков.

Свадебную одежду теперь шьют из лучших дорогих тканей — у частных портных или же специально приезжают в город и заказывают в ателье. На свадебный наряд идет белый крепдешин, трикотин, кримплен, капрон, нейлон или гладкая ткань с рисунком того же белого цвета и т. д. Современное свадебное платье в определенной степени сохраняет особенности традиционного покроя (обычно оно бывает длинное, широкое до пояса с прилегающим лифом, длинными рукавами и открытым воротом).

В целом же мы должны сделать вывод, что, хотя за годы Советской власти в одежде лезгинок произошли существенные изменения, тем не менее некоторые элементы национального женского костюма до сих пор сравнительно устойчиво сохраняются, в то время как традиционный мужской костюм практически исчез почти полностью. Подобная консервативность женской одежды, как мы полагаем, объясняется следующими причинами: во-первых, мужчины уже в дореволюционное время сравнительно тесно общались с городской культурой, поскольку они постоянно ездили на промыслы и на заработки в Баку, Тифлис, Дербент, Астрахань, Нуху, Кубу и другие города, в то время как женщины никуда не ездили и были прикованы к дому; во-вторых, раскрепощение женщины-горянки шло сравнительно медленно, отставая от общего процесса приобщения населения аула к городской культуре; в-третьих, это связано со спецификой их хозяйственной занятости и особенностями естественногеографической среды.

Несмотря на то что пища более консервативна, чем любая другая область материальной культуры, и она претерпела некоторые изменения. Хотя в основе своей лезгинская кухня сохранила традиционные блюда,

она в то же время значительно обогатилась за счет влияния соседних кавказских народов, а также русских. Если раньше лезгинская кулинария находилась под сильным воздействием азербайджанской, то сейчас в ней все большее место занимают блюда русской кухни. За последние годы особенно широкое распространение у лезгин получили такие блюда, как борщ, щи, котлеты, рагу, жареный картофель, разные пироги, домашние торты, а также различные варенья, соленья, кисели, компоты и т. д. Лезгины восприняли от русских и других народов различные виды консервирования продуктов и т. п.

Обеспеченная и зажиточная жизнь современных рабочих и колхозников значительно изменила и режим питания семьи. Если раньше лезгины не имели понятия о первых и вторых блюдах, то сейчас это стало обычным явлением. Такие блюда, как шашлык, долма, плов и пр., которые прежде считались праздничными, теперь входят в меню ежедневного обеда.

Ритуальная пища азербайджанских и дагестанских лезгин в основном сохраняет свое назначение. Во время рождения ребенка, свадьбы и похорон продолжают готовить специальные блюда.

Несомненные успехи, достигнутые лезгинским народом за годы социалистического строительства в подъеме экономики родного края, реконструкции быта и подъеме культуры, стали возможны в результате огромной политической и хозяйственной помощи, постоянно оказываемой ему Коммунистической партией и Советским правительством. Трудовые победы лезгинских земледельцев, животноводов, садоводов были бы невозможны без социалистической индустриализации страны и победы социалистического строя в деревне.

Сегодня работники промышленности и труженики сельского хозяйства Лезгинистана, представители национальной интеллигенции вместе со всеми народами нашей страны самоотверженно трудятся над разрешением величественных задач, поставленных XXV съездом КПСС по выполнению пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 326.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, д. 96, л. 31.
[3] Красный Дагестан, 1927, 18 апреля.
[4] Красный Дагестан, 1928, 11 июля.
[5] Красный Дагестан, 1929, 14 апреля.
[6] Красный Дагестан, 1929, 16 сентября.
[7] Красный Дагестан, 1929, 29 июля. (Краткая сводка о земельно-водной реформе).
[8] Дагестанская правда, 1940, 1 ноября.
[9] *Косыгин А. Н.* Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы.— В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 116—117.
[10] Красный Дагестан, 1932, 21 января.
[11] Дагестанская правда, 1933, 12 марта.
[12] Дагестанская правда, 1939, 1 января.
[13] Здесь и далее цифровой материал приводится по данным сельских Советов и текущих архивов райисполкомов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР.
[14] ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 3, д. 2, л. 39.

Литература

Маркс К. Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
Маркс К. Капитал, т. 3.— Там же, т. 25, ч. I—II.
Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество».— Архив Маркса и Энгельса, т. IX.
Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8.
Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. Предисловие. М., 1953.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.
Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. О пролетарской культуре.— Полн. собр. соч., т. 31.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970.
Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.
Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. Доклад Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев.— Кавказ, 1857, № 50—51.
Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX века.— УЗ ИИЯЛ, 1958, вып. 4.
Агаширинова С. С. Поселения лезгин.— УЗ ИИЯЛ, 1959, вып. 6.
Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин XIX — начала XX века.— УЗ ИИЯЛ, 1964, т. XII.
Агаширинова С. С. Патронимия у лезгин.— УЗ ИИЯЛ, 1965, т. XIV.
Агаширинова С. С. Национальная одежда лезгин в XIX — начале XX века (РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 122).
Агаширинова С. С. Глава. Одежда.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
Агаширинова С. С. Этнография Дагестана за годы Советской власти.— В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений ДГУ, вып. 2. Махачкала, 1970.
Агаширинова С. С. Глава. Домашние производства и ремесла.— В кн.: Материальная культура аварцев.
Агаширинова С. С. Происхождение свадебных обрядов народов Дагестана.— В кн.:

Заочная консультация по естественнонаучным и научно-атеистическим вопросам. Махачкала, 1959.
Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана.— СЭ, 1966, № 4.
Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX — начала XX в.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971.
Агларов М. А. Пища.— В кн.: Материальная культура аварцев.
Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX — начале XX в.— Уз ИИЯЛ. Серия общественных наук, 1966, т. XVI.
Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.).— УЗ ИИЯЛ, 1964, т. XIII.
Акулов И. Кюринский округ.— Красный Дагестан, 1922, № 77; 1927, № 51.
Алкадари Г. Э. Асари-Дагестан. Махачкала. 1929.
Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии РГО. Изв. РГО, 1884, т. XX, вып. 4.
Анучин Д. Н. Сообщение о поездке в Дагестан. Древности.— Труды Моск. археологического об-ва, 1883, т. IX, вып. 2, 3.
Артамонов М. И. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане (РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 33).
Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.
Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
Атаев Д. М. Средневековые памятники Центральной Аварии (РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 74).
Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX —первая половина XX в.). Махачкала, 1967.
Ахвердов А. И. Описание Дагестана.— ИГЭД. М., 1958.
Бабаев Д. Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области.— СМОМПК, 1893, вып. XVII.
Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе.— ССК, 1871, т. 1.
Бакиханов А. Происхождение племен, населявших нынешние закавказские провинции.— Кавказ, 1848, № 1.
Бакиханов А. Гюлистан-Ирам.— ТООБИА, 1926, вып. 4.
Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. М.—Л., 1935.
Бакланов Н. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.
Бакрадзе Д. З. Заметки о Закатальском округе.— ЗКОРГО, 1890, XIV, 1.
Баладзори. Книга Завоевания стран. Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927.
Баркуев К., Ахмедов М. К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей.— УЗ ИИЯЛ, 1963, т. XI.
Башкиров А. С. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. М., 1926, вып. 1, М.
Башкиров А. С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 1928, вып. 4.
Башкиров А. С. Петрографика Аварии.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 1931, вып. 5.
Башкиров А. С. Резьба по камню и дереву в Дагестане.— В кн.: Художественная культура Советского Востока. М.—Л., 1931.
Башкиров А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.
Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш.— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 1928, вып. 2.
Бдоян Б. А. Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян.— СЭ, 1952, № 1.
Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. ч. 1—2. Казань. 1850.
Берже А. П. Прикаспийский край.— КК на 1857 г., Тифлис, 1856.
Берже А. П. Горные племена Кавказа. Живописная Россия, т. IX. СПб.— М., 1883.
Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе.— КК на 1858 г. 1857.

Беркман С. С. Состояние сельского хозяйства Дагестана в конце XIX — начале XX века. РФ ИИЯЛ, Даг. фил. АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 13.
Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II. М., 1823.
Булатова А. Лакцы. Махачкала, 1971.
Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796.— ИГЭД, 1958, М.
Васильев А. Г. Покорение Кавказа.— Русский вестник, 1890, т. 27, № 11.
Васильев А. Г. Кази-Кумухцы (этнографические очерки).— ЭО, 1899, № 3.
Вейденбаум Е. Г. Очерк этнографии Кавказского края.— Весь Кавказ, Тифлис, 1903, № 1.
Витов М. В. О классификации поселений.— СЭ, 1953, № 3.
Вишин Р. Производство ковров на Кавказе и в Закаспийском краю.— ЖР, 1903, 113.
Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа XIX—XX вв. М., 1971.
Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану.— ССКГ, 1868, вып. I; 1870, вып. III.
Воронов Н. В. Состав населения Дагестанской области.— ССКГ, 1875, вып. VIII.
Всесоюзная перепись населения, т. V. М., 1928.
Вучетич Н. Четыре месяца в Дагестане.— Кавказ, 1864, № 72, 75, 76, 77.
Габиев С. И. Лакцы, их прошлое и быт.— СМОМПК, 1906, т. XXXVI.
Габиев Д.-М. С. Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам).— УЗ ИИЯЛ, 1958, вып. 4.
Габиев Д.-М. С. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.).— КЭС, 1969, вып. IV.
Гаджиева С. Ш. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков.— КСИЭ, 1952, вып. XIV.
Гаджиева С. Ш. Народное жилище каякентских кумыков.— СЭ, 1953, № 1.
Гаджиева С. Ш. Национальная одежда каякентских кумыков.— КСИЭ, 1953, вып. XIX.
Гаджиева С. Ш. Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти.— СЭ, 1973, № 6.
Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976.
Гаджиева С. Ш. Каякентские кумыки.— КЭС, 1958, вып. II.
Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960.
Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.
Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.) М., 1964.
Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
Гаджиев М. Г., Котович В. Г. Древнейшие земледельцы и скотоводы.— История Дагестана, т. 1. М., 1967.
Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1892 г.— СМОМПК, 1902, вып. 31.
Ган К. Ф. Путешествие по высочайшим местностям Дагестанской области летом 1902 года.— Изв. КОРГО, 1903, XVI, № 4; Кавказ, 1903, № 83—84.
Гакстгаузен Н. Закавказский край. СПб., 1857.
Гасанов-Алкадарский А. И. Горцы Северного Кавказа и Дагестана в отношении переписей населения 1897 и 1926 годов (рукопись). Махачкала, 1935, 1937.
Гейбуллаев Г. А. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в.— В кн.: АЭС, 1966.
Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1835—1836 гг.— ИГЭД.
Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.— ИГЭД.
Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и их состоянии в 1728 году. «Сочинения

и переводы к пользе и увеселению служащие», июль — октябрь, 1760.— В кн.: Историко-географические заметки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1860.

Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан.— Военный сборник, 1882, № 1.

Голубятников Б. Д. Строительные материалы Дагестанской АССР.— В кн.: Природные ресурсы Дагестанской АССР, т. 1. М.—Л., 1935.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане.— В кн.: АЭС, 1965, вып. II.

Гуль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.

Дагестанская область в 1861 г. (обзор).— КК на 1893 г., Тифлис, 1892.

Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1890.

Данилин А. Г., Каруновская Л. Э. Отчет экспедиции в Андийский округ. Очерк современного положения дидоев в этнографическом отношении (1926 г.) (РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 51).

Данилевский П. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Дебу И. Л. О кавказской линии и присоединенной к ней черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о соседствующих горских народах, собранные с 1816 по 1827 г. СПб., 1829.

Деген-Кавалевский Б. Е. Сванское селение как исторический источник.— СЭ, 1936, № 4—5.

Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе, 1839 г.— ИГЭД.

Дирр А. М. Очерки из этнографии Дагестана. Кубачи. Тифлис, 1903.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен.— СМОМПК, 1909, вып. 40.

Добрынин В. Ф. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926.

Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари.— ЖМНП, т. 43, СПб., 1844.

Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1976 г.— ИГЭД.

Дубравин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, 2, 3. СПб..1871.

Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам.— ИГЭД.

Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.

Загурский Л. П. Поездки Г. Беккера по Южному Дагестану.— ССКГ, 1876, вып. IX.

Загурский Л. П. Этнологическая классификация кавказских народов.— КК на 1888 г., Тифлис, 1887.

Записки А. П. Еромолова, ч. II. М., 1868.

Запись студента ЛГУ Буткевича Бронислава. Об участии в дагестанской этнографической экспедиции летом 1924 г. (РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 49).

Засс. Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. СПб., 1805.

Зейдлиц Н. Списки населенных мест Российской империи, т. VI. Бакинская губерния. Тифлис, 1870.

Зелинский С. Урочище Кусары.— Кавказ, 1870, № 34.

Зелинский С. Свадьба у лезгин и обычай имаджи. Кавказ, 1877, № 245, 247.

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане.— Красный архив, 1936, № 6.

Зиссерман А. З. Буба (лезгинская быль).— Кавказ, 1846, № 44.

Зиссерман А. З. 10 лет на Кавказе.— Современник. СПб., 1854, т. 47, 48.

Зиссерман А. З. 25 лет на Кавказе (1842—1867). СПб., 1879, 2 ч.

Золотов К. Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным).— МАД, II, 1961.

Зонн С. В. Опыт естественноисторического районирования Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.—Л., 1946.

Зубов П. П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях, ч. I—IV. СПб., 1834—1835.

Исаков М. М. Археологические памятники Дагестана.— МАД, 1959, вып. 1.
Исламмагомедов А. И. Глава. Поселения. Жилища.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958.
История Дагестана, т. 1. М., 1967.
История Егише Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1853.
Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России.— СМОМПК, 1897, вып. 22.
Измайлова А. А. О народной одежде населения юго-восточных районов Азербайджана.— Изв. АН АзССР. Серия общественных наук. Баку, 1964.
Ихилов М. М. Большая семья и патронимия у горских евреев.— СЭ, 1950, № 1.
Ихилов М. М. Кубинские лезгины.— УЗ ИИЯЛ, 1957, вып. 2.
Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
КЭС, 1955, вып. I; 1958, вып. II; 1963, вып. III; 1969, вып. IV; 1972, вып. V.
Калинин А. В дебрях Кавказа (по Дагестану). М., 1917.
Калоев Б. А. Из истории земельных отношений у агулов в XIX — начале XX в.— КСИЭ, 1954, вып. IX.
Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов.— КСИЭ, 1955, вып. XXIII.
Калоев Б. А. Агулы. Историко-этнографический очерк.— КЭС, 1962, вып. III.
Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Тверской области, ч. I — II. Тифлис, 1888.
Карапетян Э. Т. Армянская семейная община. Ереван, 1958.
Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане.— СМОМПК, 1902, XXXI; 1903, XXXII; 1908, XXXVIII.
Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.
Кобычев В. П. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в.— СЭ, 1957, № 3.
Кобычев В. П. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в.— КЭС, 1962, вып. III.
Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана.— Юридический вестник, 1883, № 2.
Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.
Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. I — II. М., 1890.
Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана 1831 г.— ИГЭД.
Козубский С. И. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.
Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним.— ССКГ, 1868, вып. 1.
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, 1955, вып. I; 1958, вып. II; 1962, вып. III.
Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Предварительное сообщение о раскопках 1958 г.— МАД, 1961, вып. II.
Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, 1959, вып. I.
Котович В. Г. Палеолитические и неолитические местонахождения Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 85.
Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1961, т. IX.
Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826.— ИГЭД.
Кубинский уезд. Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1912 год. Тифлис, 1913.
Кузнецов Н. И. В дебрях Дагестана. Путешествие в Дагестан в 1911 г.— Изв. РГО, 1913, 49, вып. 1—3.

Кулиев М. М. О пережитках взаимопомощи в ковроткачестве в дореволюционном Азербайджане.— Изв. АН АзССР, 1968, № 3.
Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
Курдов К. М. К антропологии лезгин, кюринцы.— Русский антропологический журнал, 1901, № 3—4.
Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. До 1835 г.— ИГЭД.
Курдов К. М. Высочайшие селения Кавказа. Иллюстрация к газете «Кавказ», 1905, № 1, с. 1—2.
Кусары, К., 1877, № 245, 247.
Кустарная промышленность на Кавказе, вып. 1—2. Кавказский кустарный комитет. Тифлис, 1902—3, т. 2.
Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ в II — I тысячелетиях до н. э.— КСИИМК ИИМК, 1946, вып. XIII.
Ксаварий Г. Описания Черкесии. 1724.— СМОМПК, 1893, вып. XVII.
Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане.— СЭ, 1951, № 2.
Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северного Кавказа до середины XVIII в. (Исторический очерк).— СЭ, 1951, № 4.
Лавров Л. И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1949 годов.— В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии, Л., 1953, т. XIV.
Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции.— В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии, т. XVII — XIX. М.— Л., 1957—1960.
Лавров Л. И. Лезгины.— Народы Дагестана. М., 1955.
Лавров Л. И. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг.— КСИЭ, 1953, вып. XIX.
Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем.— КЭС, 1962, вып. 3.
Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. ч. 1. М., 1966.
Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII — XX вв. ч. 2. М., 1968.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, 1890, т. 1; 1904, т. II; ВДИ, 1947, № 1—4.
Лезгины — горские племена. Спб. ведомости, 1830, №№ 42—44.
Лезгинский мятеж в Южном Дагестане. (Из заметок очевидца).— Русский вестник, 1880, т. 150, № 12.
Леонидзе, Султанов. Кюринские тексты.— СМОМПК, 1892, вып. XIV.
Лезгинец Ассан. Написано под его диктовку (с предисл. А. Б.), СПб, 1885.
Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, т. I—II. М., 1882—1883.
Лисицев Д. Рассказ пленного Тушинца.— Кавказ, 1846, № 35.
Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.— ИГЭД.
Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана.— КСИЭ, 1952, вып. XIX.
Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени.— ССКГ, 1870, вып. 3.
Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане.— Труды 2-й научной сессии Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1949.
Магомедов Р. М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии.— УЗ ДГУ, 1960, т. 6.
Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957.
Магомедов Р. М. Происхождение названия Лезгинистан.— Уз ИИЯЛ, 1961, т. IX.
Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.
Магомедов Р. М. Новое время и старые обычаи. Махачкала, 1966.
Магомедов Р. М., Дзагурова В. П. Народы советского Дагестана (их происхождение и расселение). Махачкала, 1966.
Магомедов Р. М., Дзагурова В. П. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969.
Магометов А. Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе. 1962.

Марграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
Марков Е. Л. Кавказ в его настоящем и прошлом.— Живописная Россия. СПб.— М., 1883, т. IX.
Марков Е. Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.— М., 1887.
Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в.— УЗ ИИЯЛ, 1957, вып. 3.
Масуди. Луга, золото и рудники драгоценных камней, пер. с арабского Н. Караулова.— СМОМПК, вып. 38, 1908.
Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
Мейланова У. А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана.— В кн.: Материалы по этнографии России, т. IV, вып. 1. Л., 1927.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.
Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа.— СЭ, 1947, № 4.
Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана.— КСИЭ, 1948, вып. 4.
Мовчан Г. Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища.— КЭС, 1972, вып. V.
Моисей Каганкатваци. История агван. СПб., 1861. Пер. с арм. К. Патканова.
Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934.
Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье в конце XIX в. М., 1958.
Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана.— МАД, 1959, т. I.
Мухамед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана.— ССКГ, 1871, т. V.
Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. 3-е изд. Тула, 1895.
Народы Дагестана. М., 1955.
Народы Кавказа. Этнографические очерки из серии «Народы мира», т. I. М., 1960; т. II, 1962.
Народы Передней Азии. Этнографические очерки из серии «Народы мира». М., 1957.
Нахшунов П. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
Никольская З. А. Свадебные и родильные обряды аварцев.— СЭ, 1946, № 2.
Никольская З. А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX в.— КСИЭ, 1949, вып. 8.
Никольская З. А. Этнографическое описание даргинского колхоза «Красный партизан».— СЭ, 1950, № 2.
Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горные пахотные орудия террасовых полей Дагестана.— СЭ, 1952, № 4.
Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев.— КСИЭ, 1953, вып. 18.
Нисченков А. Описание путешествия государя императора Александра II в Дагестан.— Всемирная иллюстрация, 1875, № 145, 228, 230.
Нисченков А. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871. О джарах и лезгинских племенах на Кавказе. СПб, 1858.
Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.
Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910.
Обзор Дагестанской области за 1911 год. Темир-Хан-Шура, 1912.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
Ольшевский М. Я. Воспоминания, Кавказ с 1841 по 1866 г., ч. 1. СПб., 1894.
Омаров А. Как живут лаки.— ССКГ, 1870, т. III — IV.
Османов Г. Г. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала. 1961.
Османов М. З. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв.— УЗ ИИЯЛ, 1961, т. IX.
Османов М. З. Поселения даргинцев в XIX—XX вв.— УЗ ИИЯЛ, 1962, т. X.
Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби» (РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 37).

Очерки истории Дагестана, т. I — II. Махачкала, 1957.
Панек Л. Б. Работы Южного отряда Дагестанской экспедиции.— КСИЭ, 1948, вып. IV.
Панек Л. Б. Жилище лезгин.— В кн.: Материалы по этнографии Грузии, т. IX. Тбилиси, 1957.
Панек Л. Б. Пища лезгин (РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 2, д. 2).
Пантюхов И. И. Современные лезгины.— Кавказ, 1901, № 195, 228, 233.
Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896.
Пасербский А. Ф. Закатальский округ.— Кавказ, 1864, № 48, 59, 61.
Пастухов А. В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шаг-даг.— Кавказ, 1893, № 72, 73; Землеведение. М., 1894, № 2.
Переписка А. П. Ермолова.— СМОМПК, 1926, т. 45.
Петухов П. С. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане).— Кавказ, 1867, № 7, 8, 12, 13, 15, 16.
Пикуль М. И. Хабадинский могильник.— МАД, 1961, т. II.
Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа.— Весь Кавказ. Баку, 1914, т. 1.
Пиралов А. С. Организация производства и вывоза ковров за границу.— Экономический вестник Закавказья. Тифлис, 1921, № 1.
Предания о некоторых местностях Дагестана.— СМОМПК, 1882, т. II.
Погорельский П. В. Сельское хозяйство горного Дагестана. М., 1940.
Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII — XVII вв. по Кавказу. Тифлис, 1835.
Потапов Л. П. Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР.— СЭ, 1963, № 2.
Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане.— Военный сборник, 1860, № 4.
Районы Азербайджана. Баку, 1934.
Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванетии.— КСИЭ, 1958, вып. XIX.
Робакидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта (материалы к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук). М., 1964.
Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа. (Материалы к IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973). М., 1973.
Ртищев Н. Ф. Сведения о Дагестане. 1813.— ИГЭД.
Саркисов А. В. К изучению народного жилища Азербайджана.— Доклады АН АзССР, Баку, 1949, т. 5, № 5.
Сборник сведений о Кавказе, т. I — IX. Тифлис, 1871—1885.
Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края. Тифлис, 1899.
Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.
Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1912 год. Тифлис, 1913.
Сергеева Г. А. Брак и свадьба у народов Дагестана.— КСИЭ, 1959, вып. XXXII.
Сергеева Г. А. Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 г.— СЭ, 1960, № 5.
Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967.
Сергеева Г. А. Об одежде аварской группы народов Дагестана.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.
Сергеева Г. А. Материалы по одежде аварок Тляратинского района Дагестанской АССР.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972.
Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903.
Симонович Ф. Ф. Описания Табасарана. 1796 г.— ИГЭД, 1958.
Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796.— ИГЭД, 1958.
Страбон. География. В 17-ти кн. Пер. (с греч.), статья и коммент. Г. А. Стратановского. Под общ. ред. проф. О. О. Крюгер. [Л.] «Наука» (Ленинградское отделение), 1964.

Стебницкий И. И. Статистическая таблица Кавказского края на 1858—1860 гг.— ЗКОРГО, 1862, кн. V.
Студенецкая Е. Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в.— СЭ, 1950, № 2.
Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище.— СЭ, 1948, № 4.
Талибов Б. Б. Место хиналугского языка среди горских языков Дагестана.— УЗ ИИЯЛ, 1958, т. V.
Талибов Б. Б. О некоторых фонетических процессах лезгинского языка.— УЗ ИИЯЛ, 1962, т. XI.
Тарихи-Дербенд-Наме (Перевод под ред. А. М. Алиханова-Аварского). Тифлис, 1898.
Ташлицкая Э. Н. Дагестанские безворсовые ковры. Махачкала, 1967.
Торчинская Э. Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX — XX вв. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.
Трофимова А. Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем.— СЭ, 1961, № 1.
Трофимова А. Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана.— В кн.: АЭС, 1966.
Трофимова А. Г. Обзор коллекций одежды народов Азербайджана Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.
Трофимова А. Г. О работе азербайджанского отряда.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году.
Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб. 1884; т. II. М.— Л., 1941.
Тихонов Л. И. Описание Северного Дагестана. 1976.— ИГЭД.
Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.
Тревер К. В. Очерки по истории культуры кавказской Албании.— Исторические записки, 1937, т. 1, или М.— Л., 1959.
Триантафилов Г. Дагестанское пчеловодство.— Дагестанские областные ведомости, 1915, № 4.
Тройницкая В. История ковроткачества в Дагестане (РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 24).
Урочище Кусары. К., 1870, № 34.
Услар П. К. О распространении грамматики между горцами.— ССКГ, 1869, вып. III.
Услар П. К. Характеристические особенности кавказских языков. ССКГ, 1876, вып. IX.
Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1887—1896, т. 1—6.
Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе.— ССКГ, 1881, вып. X.
Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII — XIX вв. в новейших работах советских историков.— ВИ, 1958, № 5.
Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.
Фатуев Р. Кубачи.— Наши достижения, 1935, № 5—6.
Фатуев Р. Художественные ремесла аула Кубачи.— Революция и национальности, 1936, № 6.
Фибих Д. В. Страна гор. Очерки Дагестана. М.— Л., 1928.
Фон-Плотто А. Природа и люди Закатальского округа.— ССКГ, 1870, вып. IV.
Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана.— СЭ, 1951, № 1.
Хан-Магомедов С. О., Любимова Г. Н. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956.
Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.
Хан-Магомедов С. О. Архитектура цахуров.— В кн.: Архитектурное наследство, № 13. М., 1961.
Хан-Магомедов С. О. Жилище табасаран.— СЭ, 1951, № 4.
Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура в Дагестане.— Архитектура СССР, 1954, № 4.
Харадзе Р. Л. Проблема грузинской семейной общины в литературе XIX в.— СЭ, 1954, № 1.
Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1961.

Хашаев Х. О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954.
Хашаев Х. О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в.— УЗ ИИЯЛ, 1956, т. I.
Хашаев Х. О. Наука и культура Дагестана за 40 лет.— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII.
Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1960.
Чурсин Г. Ф. Этнография Кавказа. Современное состояние и задачи.— В кн.: Южный Восток, кн. XV. М., 1926.
Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов.— Изв. Института кавказоведения. Тифлис, 1927, т. VI.
Чурсин Г. Ф. Свадебные обычаи и обряды на Кавказе. К., 1901, № 97.
Чурсин Г. Ф. Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана. Тифлис, 1928.
Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.
Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.
Шиллинг Е. М. Дагестанские кустари. М., 1926.
Шиллинг Е. М. Ковроткачество Дагестана.— СЭ, 1936, № 4—5.
Шиллинг Е. М. Балхарские женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар. Пятигорск, 1936.
Шиллинг Е. М. Кубачи. Пятигорск, 1937.
Шиллинг Е. М. Орнаментальное искусство Дагестана. Альманах.— В кн.: Творчество народов СССР. М., 1937.
Шиллинг Е. М. Изобразительное искусство народов горного Дагестана.— В кн.: Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 9.
Шиллинг Е. М. Из истории одного земельного культа в Дагестане.— КСИЭ, 1946, вып. 1.
Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция. 1944 год.— КСИЭ, 1946, вып. 1.
Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция. 1945 г.— КСИЭ, 1947, вып. 2.
Шиллинг Е. М. Литейное производство Дагестана.— СЭ, 1947, № 1.
Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция. 1946 г.— КСИЭ, 1948, вып. 4.
Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.— Л., 1949.
Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв.— УЗ ИИЯЛ, 1959, т. VI.
Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи в Дагестане (XI — XVII вв.).— УЗ ИИЯЛ, 1964, т. XIII.
Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1932 г.— ИГЭД.
Эмин Е. Избранные стихи. Махачкала, 1954. На лезг. яз.
Ягодынский П. Н. Экономический быт государственных крестьян южной части Кубинского уезда.— В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. II, ч. 1. Тифлис, 1886.
Ямпольский З. И. Древняя Албания. III — I вв. до н. э. Баку, 1963.

Список сокращений

АА — Архив автора.
АЭС — Азербайджанский этнографический сборник. Баку.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения.
ЖР — Живописная Россия.
ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского Географического общества.
ИГЭД — История, .география и этнография Дагестана XIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958.
ЗКОРГО — Закавказское отделение Русского географического общества.
К — «Кавказ», газета.
КК — Кавказский календарь.
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Москва.
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
РГО — Русское географическое общество.
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СЭ — Советская этнография.
ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.
ЦГИА АзССР — Центральный государственный исторический архив Азербайджанской Советской Социалистической Республики.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
ТООБИА — Труды Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку.
УЗ ДГУ — Ученые записки Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. Махачкала.
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
ЭО — Этнографическое обозрение. Москва.

Оглавление

Глава пятая

Национальная одежда лезгин

Глава шестая

Пища

Сария Седреддиновна Агаширинова

Материальная культура лезгин
XIX — начало XX в.

Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы

Редакторы издательства Н. П. Бобрик, Г. В. Шелудько. Художник *Н. П. Фролов*
Художественный редактор *И. В. Разина.* Технические редакторы *Л. В. Каскова, Т. В. Полякова.* Корректоры *С. А. Андреева, Е. В. Шевченко.*

ИБ № 5327

Сдано в набор 26.04.78. Подписано к печати 28.09.78. Т-14922. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага люксоарт. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,13.
Уч.-изд. л. 24.0. Тираж 6600 экз. Тип. зак. 450. Цена 2 р. 70 к.
Издательство «Наука» 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

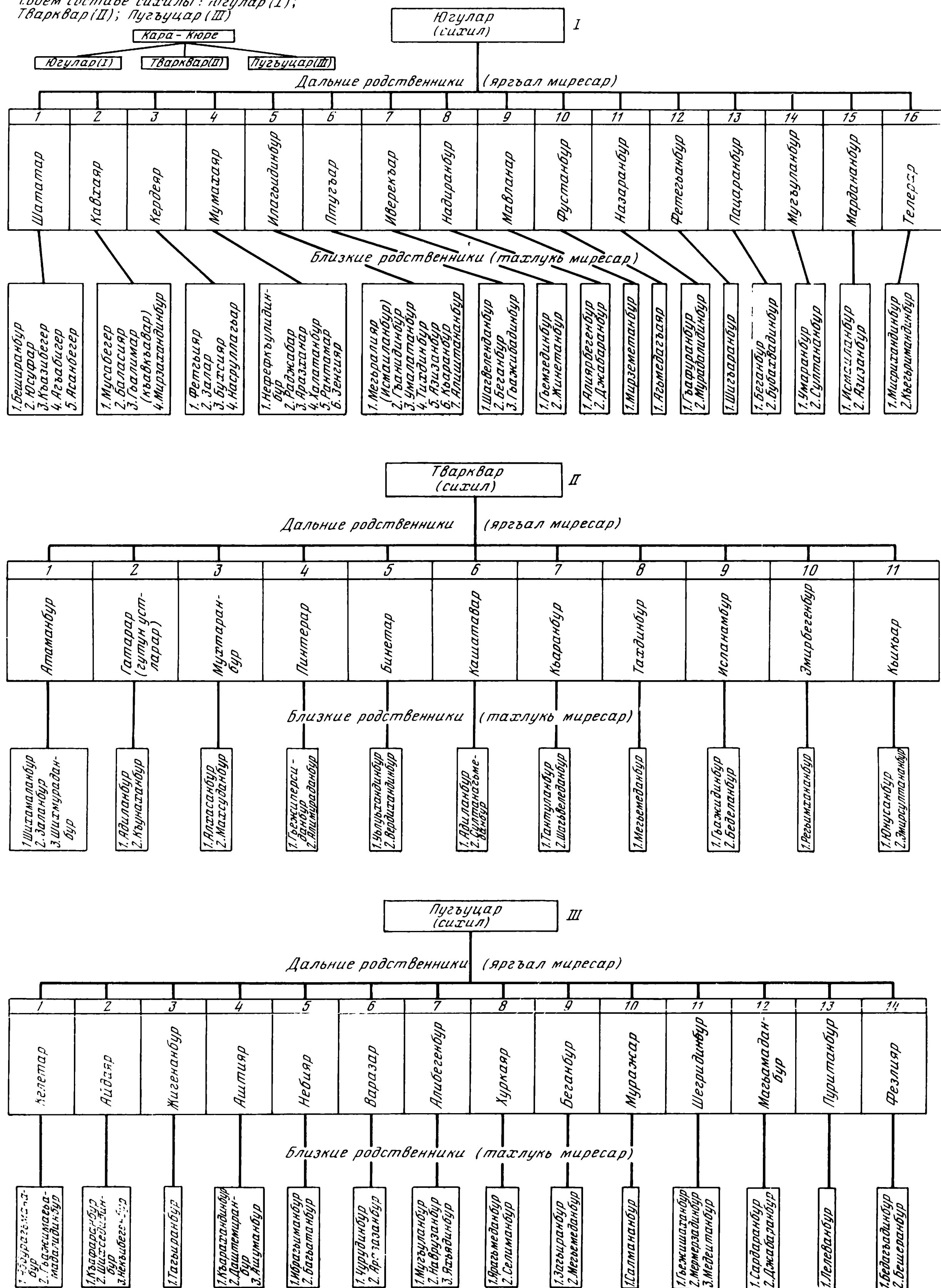
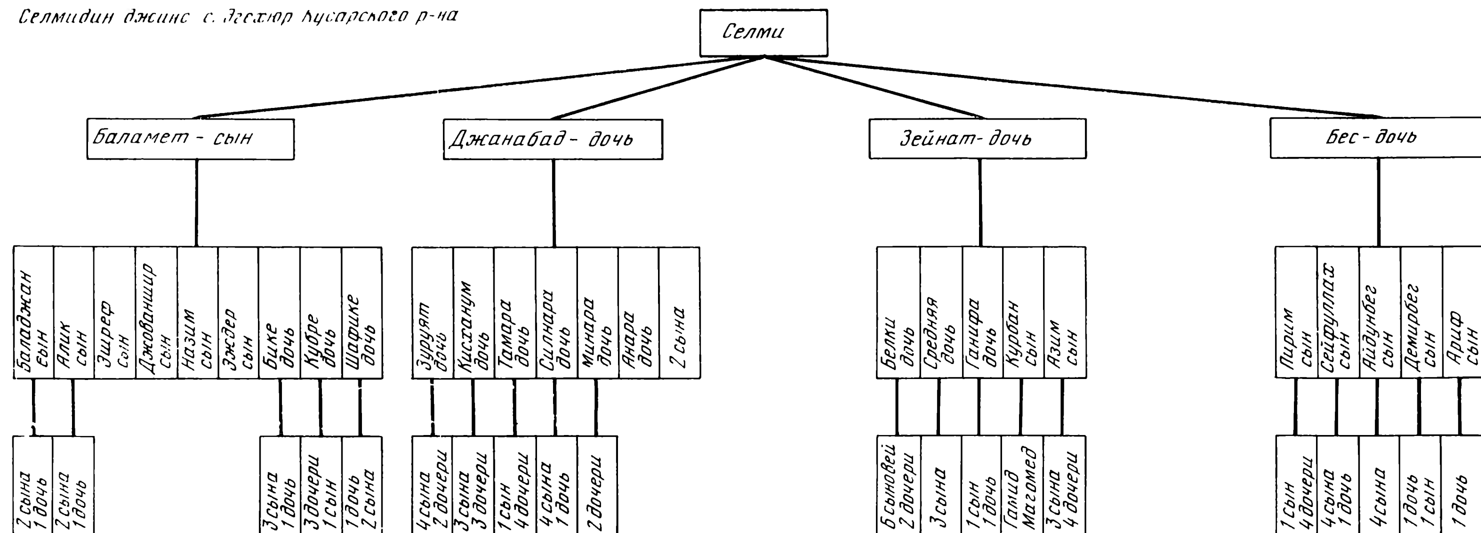


Схема рода Югулар



Экъреб – „фекьияр” с. Дустаир Кусарского р-на

Шихверди

Пирверди

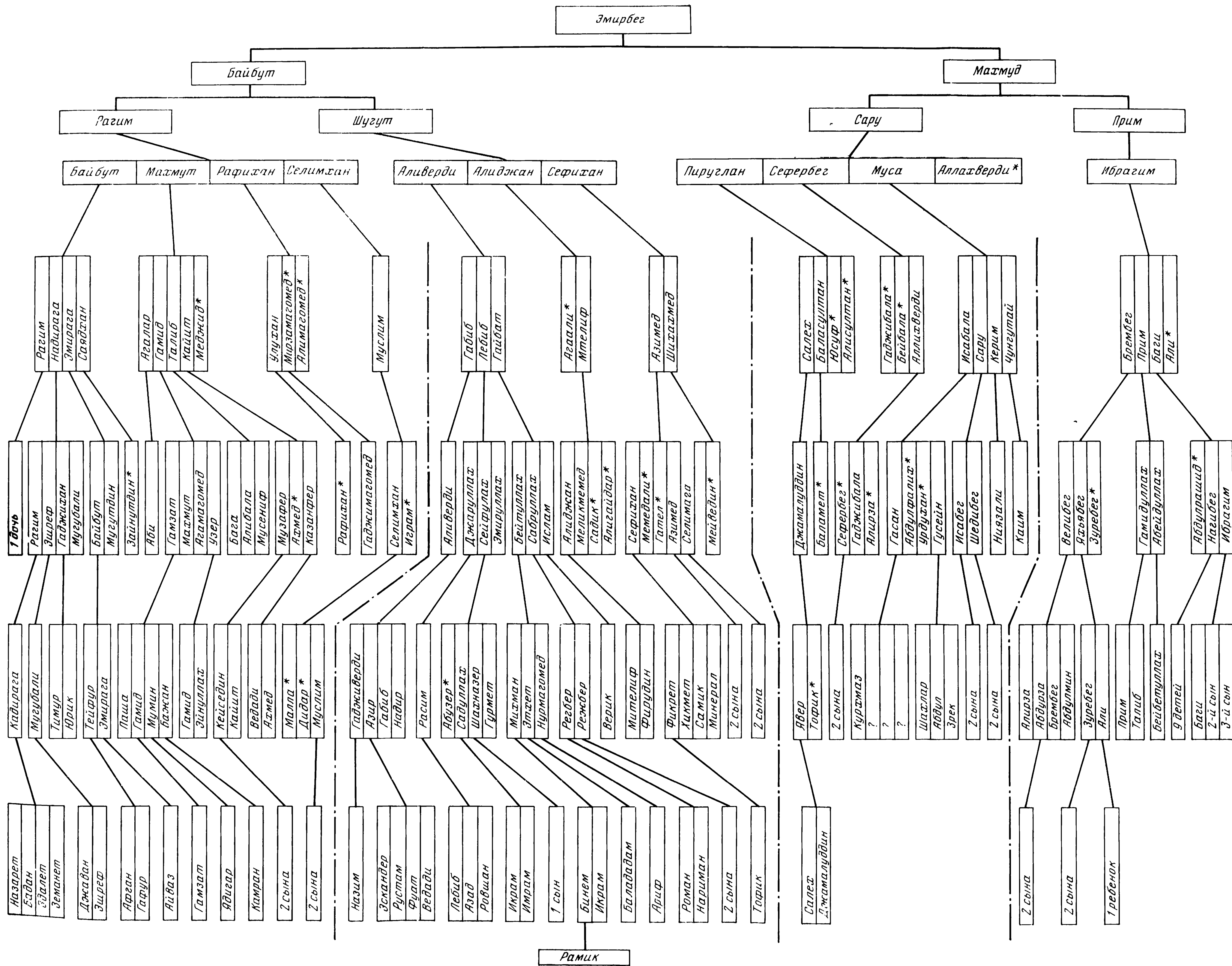
Фетхуллах | Насруллах

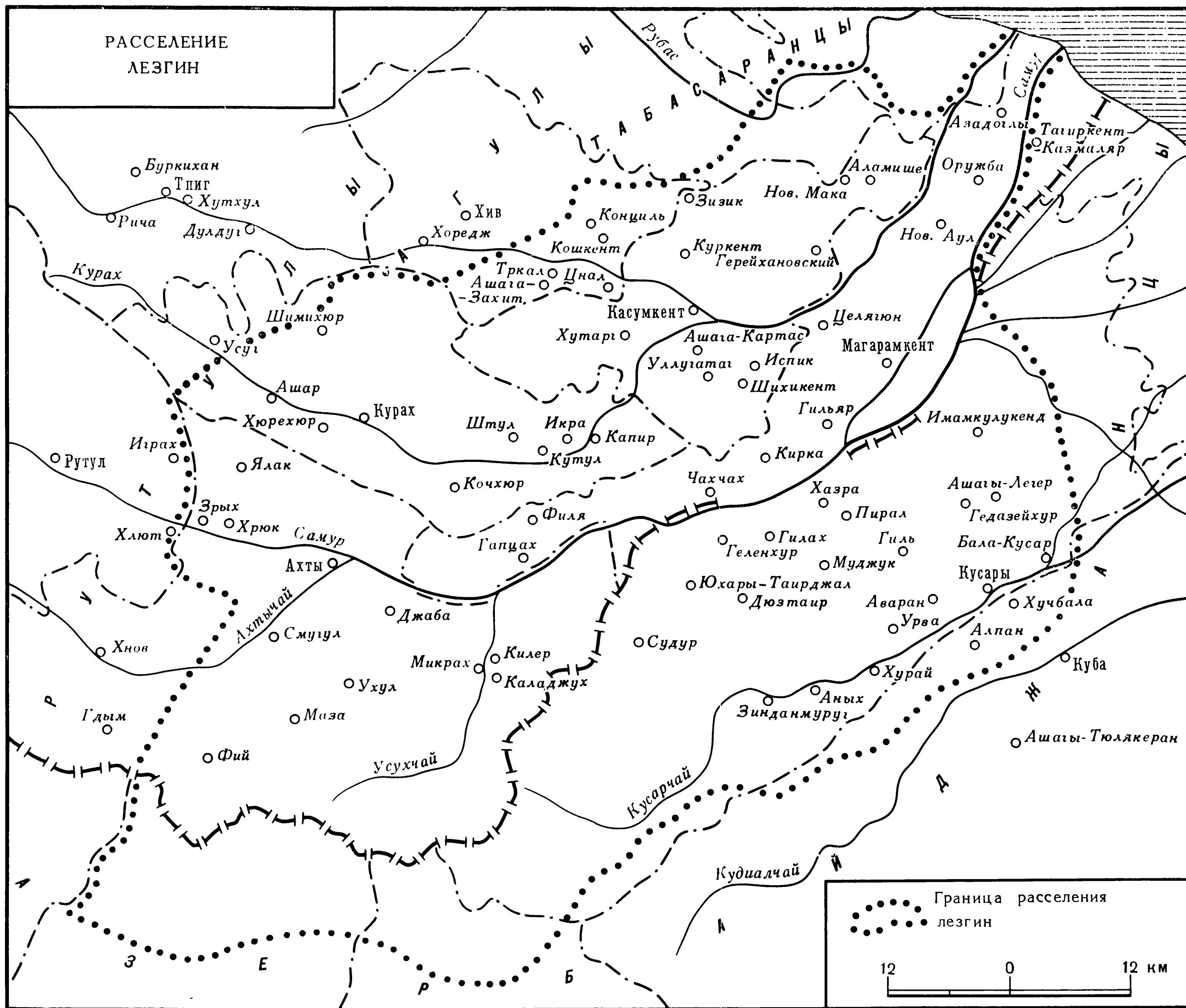
Фейзуллах | Эзет | Шереф* | Алиюллах* | Абдуллах* | Пирверди | Эмируллах | Абдулфатах

Фетхуллах | Алиюллах | Нияз | Шереф | Абдулрашид | Рахметуллах | Агабура | Абдуллах | Аазим | Декабрь* | Сервер | Эсгер* | Явер* | Давид

Фехредин | Фейзуллах | Алиюллах | Шереф | Мурад | Пирверди | Арзу | Радик | 2 сына | Камиль | Элхан | Вадим

Схема джинса Селми


Эмирбег
Байбут
Махмуд
Рагим
Шугут
Сару
Прим
Байбут
Махмут
Рафихан
Селимхан
Аливерди
Алиджан
Сефихан
Пируглан
Сефербег
Муса
Аллахверди*
Ибрагим
Рагим
Надирага
Эмирага
Саядхан
Агалар
Гамид
Талиб
Кайит
Меджид*
Улухан
Мирзамагомед*
Алимагомед*
Муслим
Габиб
Лебиб
Гайбат
Агалиц*
Мтелиф
Азимед
Шихахмед
Салех
Баласултан
Юсуф*
Алисултан*
Гаджибала*
Бейбала*
Аллахверди
Исабала
Сару
Керим
Чунгутай
Брембег
Прим
Багц
Али*
1 дочь
Рагим
Эшреф
Гаджихан
Мугубали
Байбут
Мугутдин
Зайнутдин*
Аби
Гамзат
Махмут
Агамагомед
Узер
Бага
Алибала
Мусениф
Музафер
Ахмед*
Казанфер
Рафихан*
Гаджимагомед
Селимхан
Ирам*
Аливерди
Джаруллах
Сейфуллах
Эмируллах
Бейтуллах
Сабруллах
Ислам
Алиджан
Меликмемед
Садик*
Алигайдар*
Сефихан
Мемедали*
Гател*
Азимед
Селимага
Мейведин*
Джамалуддин
Балабет*
Сефербег*
Гаджибала
Алирза*
Гасан
Абдулфалих*
Урдухан*
Гусейн
Исабег
Шедибег
Ниязали
Каим
Велибег
Яхьябег
Зуребег*
Гамидуллах
Абейдуллах
Абдулрашид*
Нагибег
Ибрагим
Кадирага
Мугубали
Тимур
Юрик
Тейфур
Эмирага
Паша
Гамид
Мумин
Бажан
Гамид
Зайнуллах
Кейседин
Кайит
Ведади
Ахмед
Малла*
Дидар*
Муслим
Гадживерди
Азир
Габиб
Надир
Расим
Абузер*
Садуллах
Шахназер
Гурмет
Михман
Этхем
Нурмагомед
Регбер
Режвер
Верик
Мителиф
Фирудин
Фикрет
Хикмет
Самик
Минерал
2 сына
2 сына
Явер
Тофик*
2 сына
Куржмаз
?
?
?
Шахлар
Абдул
Зрек
2 сына
2 сына
Алирза
Абдурза
Брембег
Абдулмин
Зуребег
Али
Прим
Талиб
Бейбетуллах
9 детей
Багц
2-й сын
3-й сын
Назарет
Едван
Эдалет
Земанет
Джаван
Эшреф
Афган
Гафур
Айваз
Гамзат
Ядигар
Камран
2 сына
2 сына
Назим
Эскандер
Рустам
Фуат
Ведади
Лебиб
Азад
Ровшан
Икрам
Имрам
1 сын
Бинем
Икрам
Балададам
Ариф
Роман
Нариман
2 сына
Тофик
Салех
Джамалуддин
2 сына
2 сына
1 ребенок
Рамик



Карта расселения лезгин